

Дин Кунц Ключи к полуночи

Аннотация

Эта история началась в Японии. Случайная встреча Джоанны Ранд, хозяйки ночного клуба из Киото, и частного детектива Алекса Хантера послужила началом удивительного расследования, сорвавшего покров тайны с широкомасштабной операции спецслужб, которая перевернула судьбы всего мира...

Дин Кунц Ключи к полуночи

Часть первая Джоанна

*"Какой-то звук,
То пугало
Само упало".
Босе, 1670-1714.*

Глава 1

В темноте Джоанна Ранд подошла к окну. Она простояла там довольно долго, обнаженная, вздрагивающая всем телом.

Ветер с дальних гор, холодно прижимаясь к стеклу, шумел в ветвях развесистой сосны.

В 4 часа утра город Киото тих даже здесь, в Гайоне – квартале развлечений с его ночными кафе и увеселительными заведениями. Невероятный город, подумала она, тысяча лет, а выглядит, как новенький. Киото, духовное сердце Японии, представлял собой очаровательную мешанину из неоновых огней и древних храмов, из пластмассовой дешевки и красивого, обработанного вручную камня, из худших образчиков кричащей современной

архитектуры, лепившихся рядом с дворцами и богато украшенными усыпальницами, которые веками выдерживали жаркое сырое лето и холодную сырую зиму. Это был крупный город, который путем какого-то таинственного сочетания традиций и массовой культуры, давал Джоанне обновленное чувство человеческой неизменности и освежал ее иногда нетвердую веру в важность индивидуального.

"Земля вращается на своих осях, обращается вокруг солнца; общество непрерывно изменяется; город растет; люди создают новые поколения; и я буду продолжать делать, как и они", – сказала она себе. Эти мысли всегда утешали ее, когда она была в темноте, одинокая, болезненно возбужденная сильным, но неопределенным страхом, который приходил к ней каждую ночь и не давал ей уснуть.

Немного успокоившись, но не желая вернуться в постель, Джоанна накинула красный шелковый халат и надела тапочки. Ее тонкие руки все еще подрагивали, но уже не бесконтрольно. Она ощущала себя оскверненной, использованной, отброшенной за ненужностью, как если бы существо из ее ночного кошмара каким-то образом воплотилось в физическую форму и раз за разом грубо насильовало ее, пока она спала.

Вспомнившаяся боль пульсировала так ясно, как будто это была настоящая рана во влажном сочленении ее бедер.

"Человек со стальными пальцами добирается до шприца для подкожных инъекций..."

Этот один-единственный образ было все, что осталось ей от ночного кошмара. Но он был настолько живой, что, пожелай, она могла бы вспомнить все до мельчайших подробностей: строение металлических пальцев, звук механизмов, работающих в них, и свет, исходящий из их кончиков.

Она включила лампу около кровати и внимательно осмотрела знакомую комнату. Ничто не нарушало порядка, и в воздухе был только ее собственный запах, но у нее возникло сомнение: действительно ли она была здесь всю ночь одна.

Она задрожала.

Глава 2

Джоанна спустилась по узкой лестнице в свою контору на первом этаже. Резким движением она включила свет и остановилась в дверях, внимательно изучая эту комнату, как только что проделала наверху. Мягкий свет медной лампы отбрасывал пурпурные тени на книжные полки, сделанную из ротанга мебель и рисунки на рисовой бумаге. Силуэты кружевных листьев пальм в кадках отражались на стене напротив нее. Все было в порядке.

Письменный стол был завален бумагами, которые надо было разобрать, но она не любила заниматься подобной работой. Ей захотелось выпить.

Наружная дверь конторы выходила на площадку перед коктейль-баром "Прогулка в лунном свете". В этом заведении было не совсем темно: две приглушенные лампы горели над голубоватыми зеркалами над стойкой бара, и жутко зеленые лампочки светили у каждого из четырех выходов. Она могла видеть табуреты у стойки также хорошо, как и основную комнату вдали, где шестьдесят столиков и две сотни стульев располагались перед маленькой приподнятой эстрадой. Ночной клуб был молчалив и пустынен.

Джоанна зашла за стойку и налила стакан хереса. Отпив маленький глоток, она вздохнула и заметила какое-то движение около открытой двери в конторку.

Марико Инамури, ее секретарша и помощница, жившая у нее, спустилась за ней вниз. На Марико был надет мешковатый коричневый купальный халат размера на два больше ее; ее черные волосы, обычно скромно заколотые парой булавок слоновой кости, рассыпались по плечам. Она подошла к бару и села на один из табуретов.

– Выпьешь? – спросила Джоанна.

Марико улыбнулась:

– Хорошо бы немного воды.

– Давай что-нибудь покрепче.

- Нет. Только воды.
- Хочешь подчеркнуть, что я напилась?
- Ты не пьяна.

– Благодарю за доверие, – сказала Джоанна. – Знаешь, кажется, теперь каждую ночь примерно в это время мне придется заканчивать здесь, в баре. И не за стаканом воды. – Она поставила на прилавок воду.

Марико взяла стакан и стала медленно поворачивать его в руках, но не пила. Джоанна с восхищением наблюдала за ней. Благодаря врожденной грации Марико умела превратить обычнейшее действие в таинство. Она была довольно хорошенькой, с большими черными глазами и тонкими чертами лица, возраста Джоанны – около тридцати лет. Казалось, она не подозревала о своей красоте, и ее скромность, возможно, была самой приятной чертой.

Она пришла работать в "Прогулку в лунном свете" через неделю после открытия: устроилась на эту работу не только из-за жалования, но и из-за возможности попрактиковать свой английский с Джоанной. Она дала понять, что намерена проработать в кафе год или два, а затем добиваться должности исполнительного секретаря в одной из больших американских компаний, имевших представительства в Токио.

Но прошло шесть лет. Токио ее больше не манил. По крайней мере, она была сравнительно довольна жизнью.

"Лунный свет", – подумала Джоанна, – тоже очаровал Марико. Что он – главный интерес в ее жизни, так же верно, как и то, что он – единственный интерес в моей".

Кроме того, между ними возникла внезапная сестринская привязанность и участие друг в друге. Друзей они заводили одинаково нелегко. Марико была сердечная и очаровательная, но на удивление робкая для женщины, работающей в ночном клубе в Гайоне. Ее имидж был некая спокойная, замкнутая, тихо говорящая, держащаяся в тени японская женщина другого века. Джоанна была противоположностью Марико в темпераменте, живая и открытая. Она легко сходилась почти с любым, но ей было трудно переступить ту черту близости, что превращала знакомого в друга. Потому что дружба давалась ей нелегко, она делала все, чтобы удержать Марико. Она возлагала на эту молодую женщину все возрастающую долю ответственности в управлении "Лунным светом", ежегодно увеличивала ей жалование, и Марико отплачивала за это упорным трудом. Не договариваясь, они решили, что расставание было бы как не желательным, так и не нужным для них.

"Но почему Марико? – Джоанна стала размышлять. – Из всех людей я могла бы выбрать самого лучшего друга, но почему ее? Ну... потому что я абсолютно уверена, что Марико никогда не будет назойливой и никогда не будет слишком сильно интересоваться мною".

Так думала Джоанна, восхищенно глядя на Марико. И не понимала себя. Что Марико могла выяснить? Что было такого, чтобы скрывать? У нее не было секретов. Держа стакан хереса в руке, она вышла из-за стойки и села на табурет.

- Тебе опять приснился тот кошмар? – спросила Марико.
- Всего лишь сон.
- Кошмар, – настаивала Марико, – тот самый, что приходил к тебе уже тысячу раз?
- Две тысячи... три. Я разбудила тебя?
- Было хуже, чем обычно.
- Нет, так же, как всегда.
- Ты думаешь, что я тебе поверю?
- Ну, хорошо, – сказала Джоанна. – Это было хуже, чем обычно. Извини, что разбудила тебя.
- Я беспокоюсь о тебе, – сказала Марико.
- Нет нужды беспокоиться. Я крепкая.
- Ты видела его опять... человека с металлическими пальцами?
- Я никогда не видела его лица, – устало сказала Джоанна. – Я вообще никогда ничего не видела, кроме его богомерзких пальцев – или, по крайней мере, это все, что я могу вспомнить из виденного. Мне кажется, что это больше, чем просто ночной кошмар, хотя он

никогда не остается со мной, когда я просыпаюсь. – Она вздрогнула и отпила немного хереса.

Марико тихонько дотронулась до плеча Джоанны:

– У меня есть дядя, он...

– ... гипнотизер.

– Психолог, – сказала Марико. – Врач. Он применяет гипноз...

– Ты уже тысячу раз это говорила, – ответила Джоанна. – И мне это не интересно.

– Он мог бы помочь тебе вспомнить весь сон, заглянуть в твоё прошлое и найти причину кошмара.

Джоанна задумчиво разглядывала свое отражение в голубоватом зеркале бара и, наконец, сказала:

– Знаешь, я не уверена, хочу ли я знать эту причину.

Глава 3

Алекс Хантер размышлял над тем, что, если бы его служащие в Штатах увидели обедающим в "Прогулке в лунном свете", они были бы крайне удивлены его поведению. Хантер был известен как требовательный начальник, предполагавший в своих служащих совершенство и быстро расстающийся с работниками, которые не соответствовали этому представлению; всегда честный, но не более того, он редко выражал свое мнение, но очень часто становился объектом меткой и резкой критики. В Чикаго он был известен как человек неразговорчивый, крайне неразговорчивый, один из тех, кто редко улыбается. Многие ему завидовали и уважали, но не любили. Его служащие и прочее окружение были бы сбиты с толку, если бы увидели его любезно болтающим с официантами, с улыбкой, не сходящей с лица.

Внешне он совсем не был похож на убийцу. На самом же деле ему дважды пришлось убить. Шесть пуль он всадил в грудь человека по имени Росс Баглио. В другом случае он вогнал в горло человека расщепленное метловище. Оба раза он сделал это исключительно в целях самообороны. Сейчас же Хантер выглядел как довольно преуспевающий бизнесмен на отдыхе, и никак иначе.

Это общество, эта непосредственная культура, так отличающаяся от американской, во многом способствовали его прекрасному расположению духа. Неизменно услужливые и вежливые японцы вызывали улыбку. Алекс был в этой стране всего десять дней, но уже не мог вспомнить другого такого периода в своей жизни, когда бы он чувствовал себя хотя бы вполчину, как сейчас, расслабленным и умиротворенным.

Конечно, пища тоже вносила свою лепту. "Прогулка в лунном свете" славилась своей великолепной кухней. Изысканный японский стол изменяется в зависимости от сезона более, чем какой-либо другой из известных Алексу, а шеф-повар знал свое дело в совершенстве. Было также важно, чтобы цвет каждого кушанья сочетался с предметами, окружающими его, поэтому все сервировалось на фарфоре, как цветом, так и рельефными узорами гармонирующем с пищей. Сегодня он наслаждался обедом, подходящим для прохладного вечера конца ноября. Перед ним поставили изысканный деревянный поднос, на котором стоял белоснежный ребристый горшочек китайского фарфора с толсто нарезанной дайконской редькой и красноватыми ломтиками осьминога, и, наконец, – кониаку – заливное из языка дьявола. Рифленый зеленый соусник содержал ароматную горячую горчицу, в которой нежно переплетались тонкие ароматы пряностей. Еще там было большое плоское блюдо серого цвета с двумя мисочками, красной и черной. В одной из них был суп акадами с плавающими в нем грибами, в другой же – рис. Продолговатое блюдо предлагало цельную морскую рыбину и три вида гарнира к ней с чашечкой отличнейшего дайкона, идущего в этот сезон. Это была идеальная для зимы еда: обильный стол, выдержанный в подходящих мрачноватых тонах.

Разделавшись с последним кусочком рыбы, Алекс Хантер отметил про себя, что не японское гостеприимство и не качество пищи так поднимали его настроение. Причиной его

благодущия было, прежде всего, страстное нетерпение, с которым он ожидал появления на маленькой сцене Джоанны Ранд.

Точно в восемь часов огни потускнели, занавес раздвинулся, и маленький оркестрик "Прогулки в лунном свете" начал играть нечто на тему "Нитки жемчуга". Конечно, это был не знаменитый оркестр, не Годмана, не Миллера, и даже не Дорси, но играли они на удивление хорошо для клубных музыкантов, которые родились, выросли и научились играть там, где никто и близко не слышал настоящего звучания этой музыки. В конце мелодии, когда слушатели взорвались аплодисментами, оркестранты перешли к свингу и на сцену вышла Джоанна Ранд.

Его сердце застучало быстрее, пульс участился и с силой стал отдаваться в висках.

"Как глубоко может захватить меня эта женщина?" – спрашивал он себя. Это был риторический вопрос, ответ на который ему уже был известен.

Стройная и грациозная, она была одной из желаннейших женщин, которых Алекс когда-либо видел. И хотя она обладала гибким, возбуждающим телом, ее лицо было намного более притягательным, нежели ноги, грудь и прочие женские прелести. Она не была классически красивой: ее нос был не тонкий и не достаточно прямой, скулы ее были не слишком высоки, а лоб не так широк, чтобы удовлетворить требованиям судий строгой красоты. Ее подбородок был женственным, но волевым; полные губы, голубые глаза более насыщенного цвета, чем у смазливеньких фотомоделей с журнальных обложек и рекламных роликов. Лицо Джоанны было современно безупречным, но несовременно бледным, обрамленное густыми золотистыми волосами. Казалось, она светилась здоровьем. Кожа в уголках глаз была слегка подернута морщинками, и на вид ей было лет тридцать, никак не шестнадцать. Но здесь-то и была изюминка: ее красота была не застывшей и бездушной, она во сто крат более привлекала и очаровывала своей опытностью и характером, оставившими след на ее лице.

Она находилась на сцене не столько для того, чтобы быть увиденной, сколько для того, чтобы быть услышанной. Ее голос был великолепен. Джоанна пела с трепетной чистотой, которая, казалось, пронзала душный воздух и звучала в нем самом. И хотя зал был полон, и каждый имел перед собой что-нибудь выпить, никто из посетителей не проронил ни слова, когда она выступала: аудитория была вежлива и внимательна, восхищена и зачарована.

Он встречал ее в другом месте и в другое время, но никак не мог вспомнить, где и когда. Ее лицо было захватывающе знакомым, особенно глаза. Хорошо, почти близко, зная ее, он чувствовал, что в действительности никогда прежде не был с ней знаком. Это было любопытно. Такую красивую женщину было бы трудно забыть.

Вот такими приятными раздумьями был охвачен Алекс Хантер. Пока ему не было скучно. Возбужденный, с затаенным дыханием, он смотрел и слушал. Он хотел ее.

Глава 4

Когда Джоанна Ранд допела свою последнюю песню и аплодисменты стихли, оркестр перешел к танцевальной программе. Пары теснились на небольшой площадке перед сценой. Снова завязался разговор, местами раздавались смех и музыкальное позвякивание посуды. Как и каждый вечер, Джоанна улучила момент с края сцены окинуть взглядом свои владения. В ней поднималось чувство гордости: она была хозяйкой чертовски уютного местечка.

Будучи певицей и владелицей ресторана, Джоанна Ранд была к тому же и превосходным дипломатом. По окончании своего первого часового выступления она не уходила за занавес и не ждала в уборной до десятичасового выхода. Вместо этого она спускалась со сцены в своем роскошном платье из плиссированного шелка и неторопливо расхаживала между столиками, награждаемая комплиментами, обмениваясь любезностями, отвечая на поклоны, останавливаясь, чтобы узнать, достаточно ли вкусен был обед, приветствуя новых посетителей и мило болтая с завсегдатаями. Джоанна знала, что хороший стол, романтическая атмосфера и качественная программа были достаточными условиями, чтобы ресторан приносил прибыль, но ей хотелось высшей степени успеха: было бы совсем

не лишним, если бы о нем в городе ходили легенды. Она знала, что людям лестно удостоиться персонального внимания хозяйки, и сорок минут перерыва между выходами, проведенные в зале каждый вечер, стоили тысяч долларов, вложенных в дело.

Она увидела привлекательного американца с аккуратно подстриженными усами, уже третий вечер приходившего сюда. В предыдущие два раза они едва ли обменялись десятком слов, но Джоанна почувствовала, что им суждено недолго оставаться чужими. На каждом представлении он садился за маленький столик около сцены и смотрел на нее с такой однозначной страстностью, что она избегала встречаться с ним взглядом из страха сбиться и забыть слова песни. После каждого представления, во время ее выходов к посетителям, она, и не глядя на него, знала, что он пристально наблюдает за каждым ее движением. Джоанна думала, что могла выдержать его взгляд, но чувствовала себя, как под микроскопом. Хотя это пристальное внимание бросало в дрожь, оно было в то же время и любопытно приятным, и она, более чем просто с удовольствием, увидела его снова.

Когда она подошла к его столику, он встал и улыбнулся, высокий, широкоплечий, но одетый с европейской элегантностью, несмотря на свой неуклюжий размер. На нем был надет темно-серый в синюю полоску костюм-тройка, гармонизировавший со сшитой на заказ рубашкой и жемчужно-серым галстуком.

– Когда вы исполняли "Эти глупости" или "Мы поменялись ролями", – произнес незнакомец, – я вспоминал Хелен Уард, когда она пела с Бенни Гудманом.

– Это было сорок лет назад, – ответила Джоанна. – А вы не на столько стары, чтобы помнить Хелен Уард.

– Допустим, я не был на ее концертах. Мне всего лишь сорок лет. Но у меня есть все ее записи, и, мне кажется, вы лучше, чем она.

– О, она была удивительна, – сказала Джоанна. – Вы мне слишком льстите.

– Я просто констатирую факт.

– Вы любите джаз?

– Главным образом свинг.

– Так нам нравится один и тот же уголок в стране под названием Джаз.

– Очевидно, – сказал Хантер, обводя взглядом толпу. – Это японцы. А мне говорили, что "Прогулка в лунном свете" ночной ресторан для переселенцев из Америки и разборчивых туристов. Но девяносто процентов ваших посетителей – японцы.

– Они относятся с большим уважением к музыке, родившейся в Америке, чем большинство самих американцев, – сказала Джоанна.

– Свинг – единственная музыка, которая меня когда-либо сколь-нибудь интересовала. – Он поколебался, а затем произнес:

– Позвольте заказать для вас коньяк, но поскольку это заведение принадлежит вам, не думаю, что было бы правильным отказаться.

– Кроме того, – сказала Джоанна, – я не позволила бы вам так поступить. Я закажу для вас коньяк.

Он выдвинул для нее стул, и она села.

К столику подошел официант и поклонился им обоим. / Джоанна сказала ему по-японски:

– Ямада-сан, принесите нам два бокала Реми Мартин.

Официант поспешил к стойке бара в дальней части зала.

Американец не сводил с Джоанны взгляда:

– Вы знаете, у вас действительно необычный голос. Лучше, чем у Марты Тилтон, Маргарет Маккрей, Бетти Ван...

– ... Эллы Фитцджеральд?

На мгновение задумавшись, он ответил:

– Ну, она не относится к тем, с кем вас стоило бы сравнивать.

– В самом деле?

– Я имел в виду, что ее стиль крайне отличается от вашего. Это все равно что

сравнивать яблоки и апельсины.

Джоанна рассмеялась его дипломатическому ходу:

– Итак, я не лучше, чем Элла Фитцджеральд. Хорошо. Я рада, что вы это сказали. А то я начала думать, что вы совсем нетребовательны.

– У меня очень высокие требования, – произнес он тихо, – и вы более чем соответствуете им.

Пристальный взгляд его черных глаз посылал непрерывную серию электрических разрядов, проходящих через нее. "Боже милостивый, – подумала Джоанна, – я отвечаю ему, как зеленая девчонка". Она не только чувствовала, как он раздевал ее глазами, – мужчины делали это каждый вечер, когда она выходила на сцену, – он раздевал ее дальше тела: он обнажал ее сущность, в одно мгновение узнав все, что у нее есть за душой, каждый изгиб ее плоти и мысли. Она никогда не встречала мужчину, который бы с такой страстью был сконцентрирован на женщине, как будто все другие люди на земле перестали для него существовать. Джоанна снова почувствовала то особенное сочетание неловкости и удовольствия находиться в центре его и только его внимания.

Когда принесли заказанный Реми Мартин, она использовала это как предлог, чтобы оторвать от него взгляд. Медленно потягивая коньяк, она закрыла глаза, чтобы переключиться. Окунувшись на время в темноту, она размышляла над тем, что когда он смотрел в ее глаза, то передавал ей частичку собственной страсти, ибо она совершенно перестала воспринимать шумный зал вокруг: звон стаканов, смех и оживленный разговор, даже музыку. Теперь все это возвратилось к ней после полосы темноты, внезапно обрушившись на нее.

Наконец, Джоанна открыла глаза и сказала:

– Мне неудобно, но я не знаю вашего имени.

– А вы уверены, что не знаете? – спросил он. – У меня такое чувство... что мы раньше встречались.

Она нахмурилась.

– Не припоминаю.

– Может быть, это потому, что мне очень хочется скорее познакомиться. Меня зовут Алекс Хантер.

– Из Соединенных Штатов.

– Из Чикаго, если уж быть совсем точным.

– Вы здесь работаете в какой-нибудь американской компании?

– Нет. У меня свое дело.

– В Японии?

– У меня отпуск на месяц. Я приземлился в Токио восемь дней назад.

– Как долго вы пробудете в Киото?

– Я планировал два дня, но нахожусь здесь уже дольше. Мне осталось три недели. Возможно, я проведу их в Киото и отменю всю программу моего отпуска.

– Да, – сказала Джоанна, – это интересный город, на мой вкус, лучший в Японии. Но страна в целом очаровывает, мистер Хантер.

– Зовите меня Алекс.

– И в других местах этих островов есть многое такое, что стоит увидеть, Алекс.

– Возможно, на будущий год я вернусь и побываю во всех этих местах. Но сейчас, мне кажется, что все, что я мог бы пожелать увидеть в Японии, находится прямо передо мною.

Она пристально посмотрела на него, храбро встретившись с этими темными глазами, не совсем уверенная, что думать о его подходе и стиле поведения. Не скрывая своих намерений, он держал себя, как самец, демонстрирующий свои цвета. Сколько себя помнила Джоанна, она всегда была сильной женщиной не только в бизнесе, но и в личной жизни. Одержимая самоуверенностью, она редко плакала и никогда не падала духом, не теряла самообладания. Что такое истерия, она знала лишь понаслышке. В отношениях с мужчинами она всегда была ведущей (и никогда ведомой). Она предпочитала сама выбирать, когда и как будет

развиваться ее дружба с мужчиной, и желала быть единственной, кто будет решать, когда эта дружба перерастет в нечто большее. У нее были свои представления о том, каков должен быть темп романа. Обычно ей не нравились неромантические, идущие напролом мужчины; но как бы то ни было, открытый, выдержанно агрессивный подход Алекса Хантера был непонятно привлекательным.

Не зная, как ответить мужчине, атаковавшему с такой быстротой и самоуверенностью, Джоанна притворилась, что не замечает, что она нравится ему значительно больше, чем просто случайная знакомая. Она окинула взглядом зал, как будто опираясь на своих официантов и посетителей, затем отпила глоток коньяка и сказала: "Вы хорошо говорите по-японски".

В ответ на ее комплимент он склонил голову и произнес: "Благодарю". Затем, немного помолчав, он добавил:

– Языки мое хобби. Так же как европейские машины и хорошие рестораны... Кстати, о ресторанах, вы знаете какой-нибудь по соседству, где можно было бы пообедать?

– В соседнем квартале есть такое местечко, – сказала Джоанна. – Миленький ресторанчик в глубине сада с фонтаном. Он называется Мицутани.

– Хорошо звучит. Пообедаем завтра в Мицутани?

Застигнутая этим вопросом врасплох, она была еще больше удивлена, услышав свой голос, произносящий без всяких колебаний: "Да. Было бы неплохо".

– В полдень? – спросил Алекс.

– Да, – она отпила еще глоток своего Реми Мартин, пытаясь удержать дрожь в руках. Джоанна поняла, благодаря интуиции или какому-то шестому чувству, что, что бы ни случилось между ней и этим мужчиной, хорошо это или плохо, будет в корне отличаться от всего того, что ей довелось пережить прежде.

Глава 5

"Человек со стальными пальцами добирается до шприца для подкожных инъекций..."

С минуту Джоанна Ранд, охваченная непроницаемой темнотой, сидела в постели, покрытая холодной липкой испариной, судорожно глотая воздух, прежде чем пришла в себя и включила лампу.

Она была одна.

Настойчиво побуждаемая каким-то глубоко сидящим страхом, что она могла не успеть что-то понять, она откинула одеяло и встала с кровати. Нетвердой походкой она вышла на середину комнаты и остановилась в знакомом, сотнями ночей испытанном, замешательстве.

Воздух был холодный и чужой. Сильно пахло несколькими антисептиками сразу, что было необычным для этой комнаты: нашатырным спиртом, лизолем, медицинским спиртом, хозяйственным мылом и формалином. Джоанна втянула воздух полной грудью, затем еще раз, пытаясь установить источник запаха, но острота аромата сразу поблекла.

Когда запах улетучился, она неохотно признала, как делала это и в других случаях, что зловония на самом деле не было. Это был всего лишь остаток сна, фрагмент ее фантазии или, что более точно, частичка памяти. И хотя она не помнила, чтобы когда-нибудь болела, Джоанна была почти уверена, что однажды побывала в больничной палате, насквозь пропитанной этим ненормальным запахом антисептиков. Чрезвычайно важным было то, что она почувствовала: в больнице с ней случилось нечто ужасное, нечто, что было причиной повторяющихся ночных кошмаров с нелепым, но ужасающим человеком со стальными пальцами.

На ватных ногах Джоанна проплелась в бело-зеленую ванную и налила стакан воды. Вернувшись в комнату, она села на краешек кровати, выпила воду, затем быстро нырнув под одеяло, выключила свет.

Снаружи в предутренней тишине закричала птица. Большая птица, пронзительный крик. Джоанна услышала хлопанье крыльев. Птица пролетела мимо окна, прошуршав

перьями по стеклу, и растворилась в ночи. Ее редкие крики становились все реже, реже, слабее, слабее.

Глава 6

Неожиданно Алекс вспомнил, где и когда он впервые увидел эту женщину. Джоанна Ранд было ее ненастоящее имя.

Во вторник утром Алекс проснулся в 6.30 в своем номере в отеле "Киото". Отдыхая или работая, он всегда рано вставал и поздно ложился, нуждаясь менее, чем в пяти часах отдыха, чтобы чувствовать себя освеженным и бодрым. Он был благодарен своему необычному обмену веществ, ибо знал, что в результате такой особенности организма имел большое преимущество в делах по сравнению с другими людьми, кто был рабом матраца в большей степени, чем он. Для Алекса, бывшего счастливым как в делах, так и по своей натуре, сон был особенно отвратительной формой рабства, коварной, приходящей каждую ночь временной смертью, которую надо было выдержать и которая никогда не приносила радости.

Время, проведенное во сне, было напрасно потерянным, выпавшим, украденным. Экономя три часа каждую ночь, за год он сберегал тысячу сто часов жизни; тысячу сто часов, в течение которых можно было читать книги, смотреть фильмы, заниматься любовью; это более сорока пяти дополнительных дней, когда можно наблюдать, изучать, учиться – и делать деньги. Время – деньги, возможно, это банальность, но также и истина. А деньги, в философии Алекса, были единственным верным способом добиться двух наиважнейших в жизни вещей: свободы и достоинства, которые значили для него в десять тысяч раз больше, чем любовь, секс, дружба, слава и религия, вместе взятые.

Он родился и вырос в бедной семье двух безнадежных алкоголиков, для которых слово "достоинство" было таким же пустым звуком, как и слово "ответственность". Будучи еще ребенком, он решил, что откроет секрет богатства. И он нашел его еще мальчиком: секрет богатства – время. Алекс усердно учился. За двадцать лет умелого обращения со временем его капитал вырос с пятисот долларов до более чем четырех миллионов. Он верил, что обычай поздно ложиться и рано вставать был главным фактором его феноменального успеха.

Обычно душ, бритье и одевание занимали у него первые двадцать минут после пробуждения, но в это утро он сделал исключение и позволил себе расслабляющую роскошь – почитать в постели. И именно там, с книгой в руках, он осознал, кто была Джоанна Ранд. Пока Алекс читал, его подсознание, не любившее тратить время зря, явно было занято тайной Джоанны, потому что, хотя он и не думал об этом специально, вдруг возникла связь между ней и лицом из его прошлого.

Со времен студенчества, когда ему нужно было найти решение по личному или деловому вопросу, Алекс разговаривал с собой. Теперь он отложил книгу и сказал: "Боже Всемогущий, это она. Обязана быть ею. Джоанна выглядит, как она, но лет на десять старше. И звучит, как она, лет десять спустя".

Он встал с постели, принял душ, побрился. Пристально разглядывая в зеркале ванной комнаты свои гладко выбритые щеки, Алекс рассуждал: "Спокойно, старик. Может быть, сходство не такое уж явное, как ты думаешь. С тех пор, как ты увидел фотографию Лизы Шелгрин, прошло десять долгих лет. Стоит сравнить фотографии: Джоанна Ранд может оказаться так же похожей на Лизу, как жираф на пони".

Он оделся и сел за стол в гостиную комнату номера, продолжая развивать мысль: "Кроме того, разве не известно, что у каждого человека в мире есть один или два не имеющих к нему никакого отношения двойника? Известно. Значит, сходство здесь может быть чисто случайным. Вполне. Над этим надо подумать".

Некоторое время Алекс задумчиво смотрел на телефон, а затем сказал: "М-да. Только все дело в том, что я никогда не верил в чистую случайность". Хантер организовал в Соединенных Штатах вторую по величине детективно-охранную фирму лишь благодаря тому, что не верил в случайное стечение обстоятельств, кропотливо отыскивая связь между

событиями, которые, казалось бы, были переплетены между собой чисто случайно. Наконец, он придвинул телефон, снял трубку и заказал через коммутатор отеля разговор со Штатами. Задержки, проблемы многоканальности, прерывание связи – через все это ему пришлось пройти не однажды, но все-таки ему удалось дозвониться до штаб-квартиры своей фирмы. В 8.30 утра в Киото – 4.30 пополудни в Чикаго. Он говорил с Тедом Блейкеншипом, шефом чикагской конторы: "Тед, я хочу, чтобы ты лично пошел в отдел нераскрытых дел и вытащил на свет все, что у нас есть на Лизу Шелгрин. Мне нужен этот материал в Киото, и как можно скорее. Обработай и отдай его кому-нибудь из наших младших сотрудников, у кого нет сейчас задания, и пошли его первым же подходящим рейсом в нужном направлении".

Блейкеншип, тщательно подбирая слова, медленно произнес:

- Алекс, означает ли это, что дело снова возвращается в работу?
- Не думаю.
- Может, тебе удалось найти ее столько времени спустя, как ты думаешь?
- Я честно не знаю, Тед. Скорее всего, что нет: я гонюсь за призраком, и ничего из этого не выйдет. Надеюсь, этот разговор останется между нами.
- Конечно.
- В отдел пойди сам. Не посылай секретаря. Я не хочу, чтобы поползли слухи.
- Понимаю.
- И сопровождающий, кому это поручишь, тоже не должен знать, что в бумагах.
- Не беспокойся. Но, Алекс... ведь, если ты нашел ее, это сенсация, а?
- И очень большая, – согласился Алекс. – Позвони мне, когда все сделаешь, и дай знать, когда можно ожидать посыльного.
- Договорились.

Алекс положил трубку и подошел к одному из окон гостиной. Он стоял, наблюдая за велосипедистами и мотоциклистами на многолюдной улице внизу. Каждый из них, казалось, знал цену времени: все спешили куда-то попасть. Он увидел, как один из велосипедистов, неверно оценив ситуацию, попытался проскочить между двумя машинами, когда для него не было достаточно пространства. Белая "тойота" задела велосипедиста. Человек и велосипед попали в жестокое, тормозящее, катящееся, подпрыгивающее сплетение ног и покореженных велосипедных колес, рук и велосипедных рулей. Завизжали тормоза, движение остановилось, люди бросились к сбитому человеку. Алекс, не будучи суеверным, ощутил незнакомое ему жуткое чувство, что ему в этот момент был послан омен – недобрый знак.

Глава 7

В полдень Алекс встретился с Джоанной, чтобы пообедать в Мицутани. Когда он снова увидел ее, то понял, что ее портрет, который он держал у себя в памяти, был настолько близок к оригиналу, насколько фотография Ниагарского водопада передает истинную красоту необузданно падающего потока. Она была много золотистее, живее, стройнее, ее глаза были синее, чем он помнил, хотя с тех пор, когда он видел ее в последний раз, прошла только одна ночь. На Джоанне был надет то скромно скрывающий ее формы, то провоцирующе облегающий терракотовый брючный костюм, дополненный ярким красным шарфиком и красным керамическим браслетом на левом запястье. Алекс взял ее руку и поцеловал, не потому, что он был приверженцем европейских манер, но потому, что это давало ему удобный предлог прикоснуться к ее коже.

Мицутани представлял из себя ресторан, разделенный перегородками из рисовой бумаги на много отдельных кабинетов, в каждом из которых стол сервировался строго в японском стиле. Потолок был невысокий: голова Алекса не доставала до него менее восемнадцати дюймов; пол был из отполированной до блеска сосны и такой светлый, что казался прозрачным и глубоким, как море. В вестибюле Алекс и Джоанна сменили свою уличную обувь на мягкие тапочки, и миловидная официантка провела их в кабинет, где они сели на пол, рядом друг с другом, на тонкие, но удобные подушечки, разложенные перед

низким столиком. Перед ними находилось окно площадью в шесть футов, за которым был виден сад, обнесенный стеной. В конце года в саду уже не было цветов, чтобы порадовать взор, но можно было полюбоваться ухоженными вечнозелеными деревьями нескольких видов и зеленым ковром мха, который еще не успел по-зимнему побуреть. В центре сада находилась каменная пирамида, из которой на высоту семи футов бил фонтан; сотнями маленьких ручейков вода сбегала в мелкий, покрытый рябью пруд. Алекс никогда не видел ресторана более совершенно подходящего для влюбленных, чем этот; это было местечко, в котором вполне можно было заложить первые камни в здание нового романа.

Алекс попытался поудобнее устроиться на подушке, ища положение, которое позволило бы разместить его длинные ноги под низким столиком, и дважды ненамеренно коснулся коленями ее ног. Смутившись от своей неловкости, он улыбнулся и сказал:

– Япония очаровательна, но я здесь не в своей тарелке. Когда я улетал из Чикаго, мой рост был шесть футов и два дюйма, но, клянусь, кажется, в самолете я подрос еще на два фута. Здесь все такое хрупкое. Я чувствую себя как неуклюжий, грубый, волосатый варвар.

– Напротив, – сказала Джоанна, – для ваших габаритов вы довольно грациозны, даже по японским меркам.

– Спасибо, но я знаю, что это не так.

– Вы хотите назвать меня лгуньей?

– Как?

– Лгуньей. – Она притворилась, что обиделась.

– Конечно, нет.

– Тогда что вы скажете обо мне?

– Это была только дань вежливости.

– Вы хотите сказать, что человек может лгать, чтобы быть вежливым?

– Я хочу сказать, что я медведь, гиппопотам, и я знаю это.

– Я бы не сказала, что вы грациозны, если бы так не думала. Я всегда говорю то, что думаю.

– Все так делают.

– Да? И вы тоже?

– Всегда.

– Вы как нельзя лучше подходите мне.

– Я запомню это.

– Я этого и хочу, – сказала Джоанна.

Ее голос дрогнул, ясные голубые глаза встретились с его глазами:

– Мне нравятся люди, которые говорят то, что думают, даже если они говорят мне вещи, которые я не хотела бы слышать. Поступая так с другими, я надеюсь, что и они ответят мне тем же, и к черту все эти политесы между друзьями. Если вы не уйдете, то увидите, что я говорю правду.

– Это приглашение? – спросил Алекс.

– К чему?

– Это приглашение остаться?

– А вам оно надо?

– Думаю, что нет. – Теперь в ее лице он видел даже больше характера, чем вначале. В первый раз он почувствовал немалую силу и самоуверенность, скрывавшиеся под ее нежной, женственной оболочкой. – Если вам надоест мое общество, вы заявите мне это со всей откровенностью, я правильно понял?

– Да. Знаете, что дает то, что ты честен с людьми. Прежде всего, это экономит всем так много времени и боли. А сейчас я назову вас самым неуклюжим медведем, если вы, наконец, не усядетесь, давайте же обедать!

Алекс удивленно прищурился, Джоанна скорчила гримаску, показав ему зубы, он улыбнулся, и они оба рассмеялись.

Они ели мицутаки – белое мясо цыпленка, тушенного в глиняном горшочке и

приправленного ароматными травами. Когда с цыпленком было покончено, они выпили отличный бульон. Все это сопровождалось несколькими чашечками горячего сакэ, который восхитителен в горячем виде и невкусен в холодном.

В течение всего обеда они оживленно беседовали. Алекс находил разговор с Джоанной приятным и ненапряженным, и действительно, им было настолько легко общаться друг с другом, что со стороны это выглядело, как будто долгие годы они были лучшими друзьями. Они говорили о музыке, японских обычаях и искусстве, о фильмах и книгах, рассказывали случаи из жизни. Алексу очень хотелось упомянуть имя Лизы Шелгрин. Как отреагирует Джоанна? Временами у него появлялась способность определять, виновен или нет подозреваемый по его реакции, по мимолетному выражению лица в момент, когда ему предъявляли обвинение, по оттенкам голоса и по еще более слабым изменениям, происходящим в глубине глаз. Однако, у Алекса не было желания затрагивать тему исчезновения этой Шелгрин, пока он не услышит собственную историю Джоанны: где она родилась и выросла, где она училась петь, почему она приехала в Японию и как она дошла до "Прогулки в лунном свете" в Киото. Биография Джоанны Ранд могла бы своим содержанием и правдоподобием убедить его, что она действительно была той, за кого себя выдавала, и что ее сходство с пропавшей женщиной по имени Лиза Шелгрин – только случайность. Тогда ему вообще не пришлось бы поднимать материалы этого дела. Таким образом, было важно, чтобы она большую часть обеда, ничего не подозревая, рассказывала о себе. Трудность была в том, что она не хотела это делать: не из зловредности, но из скромности. Обычно Алекс неохотно рассказывал о себе даже близким друзьям, но как ни странно, в ее компании эта сдержанность исчезла. В какой-то момент он почувствовал себя так, как будто разговаривал с собой. К концу обеда, пытаясь разговорить Джоанну о ее прошлом, он сам рассказал ей почти все о себе.

– А вы действительно частный детектив? – спросила она.

– Да.

– В это трудно поверить.

– Почему? А как я выгляжу – как хирург, делающий операции на мозге?

– Я хотела сказать, где ваше форменное пальто?

– В химчистке. Они пытаются вывести эти ужасные пятна крови.

– А вы носите оружейную перевязь?

– Она уже натерла мне плечо.

– А вы вообще-то носите оружие?

– В моей левой ноздре спрятан небольшой пистолет.

– Понятно. А если серьезно?

– Японское правительство проверяет американских туристов на предмет огнестрельного багажа. Как бы то ни было, пока я здесь, я не намерен участвовать в дуэлях.

Алексу нравилось даже то, как она смеялась: искренне и музыкально, без тени девчоночьего хихиканья. Джоанна сказала:

– Я ожидала, что частный детектив... ну, слегка потрепанный...

– Покорнейше благодарю.

– ... скрытный, всегда смотрящий через плечо сверлящим взглядом, вооруженный до зубов, чувствительный и в то же время хладнокровный, даже циничный, всех посылающий к черту.

– Сэм Спейд в исполнении Хэмфри Богарта.

– Точно.

– Моя работа во многом не соответствует этому представлению, – сказал Алекс. – Я сомневаюсь, что такое вообще может быть в жизни. Мы делаем в основном обычную работу, редко что-нибудь опасное. Расследовать убийства приходится гораздо реже, чем это внушают нам авторы детективов. По большей части мы занимаемся расследованиями, связанными с разводами, слежкой, собиранием материалов для адвокатов уголовных судов... Иногда мы занимаемся розыском пропавших лиц; часто работаем телохранителями у богатых и

знаменитых или просто нервных людей. Большая доля работы компании приходится на установку и обслуживание систем сигнализации и снабжение магазинов и офисов, одетыми в форму агентами безопасности. Боюсь, что у нас даже вполтину нет той романтики, что у Богарта.

– Ну, ... может быть. и так, – сказала Джоанна. – И все-таки это гораздо романтичнее, чем быть бухгалтером. – Она замолчала, чтобы насладиться нежным кусочком цыпленка. Она ела так изящно, как это делают японцы, но со здоровым, неотталкивающим и очень возбуждающим аппетитом. Алекс исподтишка наблюдал, как она расправляется с цыпленком и маленькими глоточками пьет свой сакэ. Перекачивание ее жевательных мышц, движение шейных мышц при проглатывании, утонченная линия ее губ, когда она потягивала горячий напиток, рождали в нем откровенное желание.

Джоанна поставила чашку с сакэ и спросила:

– А как вы пришли к столь необычной профессии?

– В детстве я решил, что, когда вырасту, то не буду жить на грани бедности, как мои родители. Я думал, что любой самый последний юрист на земле также богат, как индийский раджа. Так с помощью небольшой стипендии и упорной работы по ночам мне удалось окончить колледж и юридическую школу.

– Summa cum laude? – спросила она.

Вздвогнув, Алекс спросил:

– А вы откуда знаете?

Она улыбнулась.

– Догадалась.

– Вам надо быть частным детективом.

– Самантой Спейд. А что произошло после окончания учебы?

– Год я проработал в крупной чикагской фирме, специализировавшейся в корпоративном праве. Но, оказалось, такой образ жизни не очень-то мне подходит.

– Вы променяли перспективную карьеру адвоката на то, чтобы быть частным сыщиком? – спросила недоверчиво Джоанна.

– Она не была особо перспективной. Но одну вещь я выяснил точно: не все юристы богаты. Среднее жалование фактически составляет двадцать пять тысяч долларов в год и еще меньше, особенно у начинающего. Когда я был молодым, для меня это были большие деньги, но я быстро понял, что правительство будет отхватывать большой кусок в виде налогов. То, что мне удалось скопить, не оставляло надежды и на колесо от "роллс-ройса".

– А вы хотели жить, как те, что ездят на "роллс-ройсах"?

– А почему бы и нет? Противоположное я испытал еще ребенком. Зная, что бедность не облагораживает, я хотел все, что мог заработать своими руками. Через пару месяцев составления деловых писем мне стало ясно, что действительно огромные деньги шли только боссам крупных фирм. К тому времени, когда я смог бы добраться, работая таким образом, до этой верхушки, я был бы слишком стар, чтобы полной грудью насладиться заслуженным вознаграждением.

В двадцать пять лет Алекс Хантер решил, что работа частного детектива будет перспективной в следующие несколько десятилетий. Он оставил адвокатскую контору и устроился работать одним из пятидесяти сотрудников в агентстве Боннера, где намеревался изучить этот бизнес изнутри. Его зарплата была даже меньше, чем когда он был начинающим адвокатом, но он также получал и относительно существенную премию за каждое удачно проведенное расследование. Будучи честным, интеллигентным и умным, он справлялся с работой лучше, чем любой из его коллег. Алекс по-умному помещал свои капиталы и к тридцати годам смог взять в банке кредит, чтобы купить у Мартина Боннера его агентство. Под руководством Хантера компания разрослась, укрепились ее репутация и рентабельность. Ее экспансия распространялась на все сферы этого рода бизнеса, включая платежи, вклады и обслуживание систем сигнализации. В своей отрасли это была одна из крупнейших в мире корпораций, в которой работало более двух тысяч человек и которая

имела отделения в восьми крупных городах.

– Вы действительно миллионер? – спросила Джоанна.

– По крайней мере на бумаге.

– Я думала, что миллионеры путешествуют в сопровождении свиты.

– Только опасаящиеся путешествуют со свитой.

– Полагаю, у вас есть свой "роллс-ройс"?

– Даже два.

– Мне никогда не приходилось обедать с миллионером.

– А что, от этого у пищи вкус другой? – спросил Алекс, посмеиваясь.

– Мне неловко.

– Ради всего святого, почему?

– Все те деньги, – сказала она, – они... ну, я не знаю почему точно, но мне неловко.

– Джоанна, никто не относится к доллару с большим уважением, чем я. Но я также понимаю, что деньги ни подлые, ни благородные, это нейтральная субстанция и неизбежная часть любой цивилизации так же, как день и ночь есть естественное следствие вращения земли. Из нас двоих преклоняться надо перед вами. Вы одаренная и явно трудолюбивая певица. Кроме того, вы истинно чудесный ресторатор, а это не только бизнес, но и не в меньшей мере искусство. Я должен чувствовать себя неловко в присутствии столь многих талантов.

Некоторое время Джоанна молча смотрела на него. Алекс мог бы сказать, что она его осуждает. Затем она отложила свои палочки для еды и промокнула рот салфеткой.

– Господи, вы понимаете, чего вы здесь наговорили?

– Разумеется, понимаю, – сказал Алекс. – Разве я осмелился бы быть неискренним? Разве вы забыли вашу речь о том, чтобы быть до конца честными друг с другом?

Джоанна качнула головой, как будто была удивлена, и ее золотистые волосы нежно заискрились:

– Теперь я более чем когда-либо благоговею перед вами. Большинство мужчин, кто начинал с ничего и сколотил большое состояние, к сорока годам становятся невыносимыми себялюбцами.

Алекс не согласился.

– Это не совсем так. Что касается меня, здесь нет ничего особенного. Я знаю многих богатых людей, и большинство из них также скромны, как какой-нибудь конторский клерк или парень, работающий за триста долларов в неделю на детройтском конвейере. Мы смеемся и плачем, и кровь у нас того же цвета, что и у всех. А раз уж мы затронули скромность, сейчас вы ее увидите. Мы слишком много говорили обо мне. А какова история Джоанны Ранд? Как вы оказались в Японии? В "Прогулке в лунном свете"? Я хочу услышать все о вас.

– Это не так уж интересно, чтобы стоило послушать, – сказала Джоанна.

– Ерунда, не верю.

– Нет, я серьезно. Моя жизнь кажется очень скучной по сравнению с вашей.

Он поморщился.

– Скромность – очаровательная черта характера. Но чрезмерная скромность не украшает. Я рассказал вам о себе. Теперь ваша очередь. Честно так честно. Я обещаю вам быть очень внимательным слушателем.

– Давайте сначала попробуем десерт, – произнесла Джоанна.

Алекс не мог решить, скрывала ли она свое прошлое или действительно робела перед ним.

– Ладно, – сказал он, еще не подготовленный, чтобы предъявить обвинение. – Что вы будете?

– Что-нибудь легкое.

Их официантка, приятная круглолицая женщина предложила им фрукты, и они согласились, оставляя выбор за ней. Им подали апельсины с молотым миндалем и мякотью

кокоса.

Съев две апельсиновые дольки, Алекс спросил:

– Где в Штатах вы родились?

– Я родилась в Нью-Йорке, – ответила Джоанна.

– Одно из моих любимых мест, несмотря на грязь и преступность. Вам нравится Нью-Йорк?

– Я почти не помню его. Мой отец работал в одном из этих гидроголовых американских конгломератов. Когда мне было десять лет, он получил пост управляющего в одном из британских подразделений той компании. Я выросла в Лондоне и там поступила в университет.

– Что вы изучали?

– Сначала музыку, затем восточные языки. Я начала интересоваться Востоком: в то время я была страстно влюблена в одного японского студента, учившегося у нас по обмену. Мы с ним год снимали квартиру. Наша страсть расцвела и увяла, но мой интерес к Востоку остался.

– А когда вы приехали в Японию? – как бы случайно спросил Алекс, пытаясь не выглядеть как частный детектив, собирающий информацию по интересующему его делу.

– Почти десять лет назад, – ответила Джоанна.

"Совпадает с исчезновением Лизы Шелгрин", – подумал он, но ничего не сказал.

Джоанна с явным удовольствием взяла палочками для еды еще дольку апельсина. Маленький кусочек мякоти кокосового ореха прилип к уголку ее рта. Она слизнула его медленным движением языка. Наблюдая за ней, Алекс подумал, что она напоминает рыжевато-коричневую кошку, с вылизанной шерстью, полную энергии движения. Если бы она это услышала, то повернула бы голову с кошачьей грацией и посмотрела бы на него, как это делают кошки: сонливый взгляд сочетается с крайней настороженностью, любопытство смешивается с холодным безразличием, а гордая независимость еще больше пробуждает привязанность.

Джоанна продолжала:

– Мои родители погибли в автокатастрофе во время короткого отпуска в Брайтоне. У меня не было родственников в Штатах, не было и особенного желания возвращаться туда. Британия же казалась ужасно тоскливой, полной тяжелых, мрачных воспоминаний. Когда выплатили страховку отца и наследственные дела были улажены, я взяла деньги и приехала в Японию.

– Искать того студента, который учился у вас по обмену?

– Нет, дело было не в нем. Кроме того, он все еще учился в Лондоне. Я приехала, так как думала, что мне здесь будет хорошо. Так и случилось. Я провела несколько месяцев в качестве туриста, затем приняла гражданство, хотя могла этого и не делать, и случайно нашла работу певицы японской и американской поп-музыки в одном из ночных ресторанов Иокогамы. У меня всегда был хороший голос, но мне никогда не приходилось выступать на сцене. Вначале я была ужасна: этакий неуклюжий любитель, но я училась.

– Спорю, что каждый второй американец проходит через то, что вы назвали...

– "Иокогама-мама", – сказала она. – Боже, было время! – Джоанна кисло улыбнулась. – Тогда все думали, что они чертовски умны. "Иокогама-мама" никогда не была одной из моих любимых песен – особенно после того как я услышала тот бородатый анекдот в двух-или трехтысячный раз.

– А как вы попали в Киото?

– После Иокогамы я немного работала в Токио, то же самое, но лучше. В большом ресторане, который назывался "Онгаку, Онгаку".

– "Музыка, музыка", – перевел Алекс. – Я знаю это место: был там всего пять дней назад.

– В этом ресторане был хороший оркестр. Музыканты много работали – они играли все, что звучало, как поп-музыка; также и я пела все подряд. Хотели поймать удачу. Лучше риск,

чем прозябание, – это мой девиз. Некоторые из тех музыкантов были немного знакомы с джазом, и я учила их всему, что знала сама. Сначала администрация отнеслась к этому новшеству скептически, но посетителям нравилось. Японская аудитория обычно более сдержана, чем западная, но в "Онгаку" люди рвали на себе волосы от восторга, когда слушали нас.

Алекс отметил, что тот первый триумф был для Джоанны счастливым воспоминанием: слабо улыбаясь, она отрешенно смотрела в сад, забыв, где она находится, глаза ее блеснули, как будто сквозь время она ясно видела лица и события своего прошлого.

– Во время наших выступлений, – продолжала Джоанна, – обезумевшие слушатели дико и возбужденно скакали: свинг был для них новой музыкой... а может, и не новой, может, в нем было что-то такое, что они заново открывали для себя. Как бы то ни было, со мной заключили самый продолжительный контракт за всю историю ресторана. Более чем два года я была их главной приманкой. Если бы я захотела остаться, то все еще работала бы там, но в конце концов я поняла, что мне было бы лучше уйти, если я хочу работать на себя в своем собственном ресторане.

– "Онгаку, Онгаку" совсем не такой, как вы его описали, – сказал Алекс. – Ничего подобного даже близко. С вашим уходом он потерял очень многое. Сегодня там уже не скачут и даже не подергиваются. Не что иное, как шумно-пластмассовая ловушка для туристских кошельков. Американцы, кто не особо разбирается в свинге, идут туда, чтобы потешить свое национальное расистское самолюбие и посмотреть, что это за новшество: группа желтолицых играет музыку белых людей. А японцы, я думаю, идут потому, что они помнят, какой "Онгаку" бывал раньше. Джаз-банд там теперь посредственный, а вокалисту надо вообще запретить петь где бы то ни было, даже в собственной ванне.

Джоанна засмеялась и тряхнула головой, чтобы убрать с лица длинную прядь выбившихся волос. "Этот жест, – подумал Алекс, – превращал ее в школьницу, свежую, нежную, невинную, и ей нельзя было бы дать ни на один день больше, чем семнадцать. Однако, увидев как бы новую грань ее красоты, он понял, что ему было не до любования ею: в это краткое мгновение она стала похожа даже больше, чем всегда, на Лизу Шелгрин. Она была точной копией этой пропавшей женщины.

Алекс прочистил горло и спросил:

– А когда вы приехали в Киото?

– Я приехала в июле, во время отпуска более шести лет назад. Как раз был ежегодный Гайон Матсури.

– Матсури... фестиваль.

– Да. Это чрезвычайно хорошо организованный праздник города. Во время его проходят торжества, выставки, театрализованные представления. Веселья и дружелюбия более, чем достаточно. Старые дома, особенно в Мירוмах, открыты для публики. Там выставляются фамильные драгоценности и реликвии. Еще в городе проходит парад самых больших, какие только можно представить, лодок, все они пышно украшены, на некоторых из них на флейтах, гонгах и барабанах играют музыканты. Это впечатляет. Я осталась еще на неделю и влюбилась в Киото, даже когда круговерть фестиваля закончилась. Работая в Токио, я училась менеджменту, поэтому и решила львиную долю моих сбережений пустить на покупку здания. Так появился "Лунный свет". Я наняла самых лучших людей, кого смогла найти, и с тех пор как мы открылись, нам всегда сопутствует успех. Конечно, я ни в коем случае не миллионер. Вот вам, раз уж вы настояли, и история Джоанны Ранд – девушки-предпринимателя. Я вас предупреждала, что она будет скучна по сравнению с вашей. За весь рассказ ни одного таинственного убийства или "роллс-ройса".

– Однако, я еще не зеваю, – сказал Алекс.

– Только потому, что вы слишком вежливы.

– Только потому, что я слишком очарован.

– Помните о нашем договоре о честности.

– Я совершенно откровенен с вами. Я действительно очарован.

- Значит, вы не столь умны, как я предполагала, – сказала Джоанна.
- Хотелось бы услышать еще что-нибудь.
- Больше нечего.
- Ерунда. Жизнь нельзя пересказать за пять минут, а особенно вашу.
- О, да, – сказала она, – особенно мою. Всеми силами я пытаюсь сделать "Лунный свет"

похожим на ресторан Рика – "Кафе Америкэн" – в Касабланке. Извините, но опасных и романтических приключений, как у Богарта в кино, со мной не случается и никогда не случится. Я своего рода громоотвод для обыденных событий в жизни. Самый критический момент, который я могу вспомнить, это когда посудомойка сломалась, и два дня все пришлось делать вручную. Это не тот материал, из которого может получиться блестящий рассказ за обеденным столом, и поэтому я не собираюсь больше говорить о себе. Возможно, вам это и не скучно, а меня – так чертовски утомляет.

Алекс не был уверен, что все, что рассказала Джоанна Ранд, было правдой. Но ее история на него произвела благоприятное впечатление, как и то, в каком виде все это было подано. И хотя Джоанна не была очень-то расположена много рассказывать о себе, когда она начала, в ее голосе не было ни колебания, ни малейшего намека на дискомфорт, испытываемый человеком, говорящим не правду. Та часть ее истории, когда она была певицей в ночном ресторане в Йокогаме и Токио, была несомненно правдой. Если бы ей и надо было что-то придумать, чтобы покрыть последние десять лет, то она не стала бы брать факты, которые так легко проверить и опровергнуть, особенно человеку, который собаку съел на этом и имеет лицензию частного детектива, подкрепленную многомиллионным состоянием. Что касается Британии и погибших во время отпуска в Брайтоне ее родителей... ну, он не был уверен, что из этого следует. В качестве приема, обрубавшего все вопросы о ее жизни до Японии, это было эффектно, но уж слишком удачно. Кроме того, она рассказала пару незначительных фактов, встречающихся и в биографии Лизы Шелгрин. Все это показалось Алексу слишком большим случайным стечением обстоятельств.

Джоанна развернулась на подушечке и оказалась прямо лицом к лицу с ним. Ее колени прижались к его ногам, посылая сквозь него приятное ощущение близости.

- У вас есть какие-нибудь планы на остаток этого дня? – спросила она.
- Я оставил работу немногим более недели назад и уже бессовестно разленился. На остаток сегодняшнего дня я запланировал одну-единственную вещь – переварить обед.
- Если вы хотите посмотреть местные достопримечательности, я могла бы быть вашим гидом еще несколько часов.

Ее колени все еще были прижаты к его ногам, и чувство близости не проходило. Алекс почувствовал ее на первобытном, сексуальном уровне, как ни одну женщину за долгие годы.

Слегка прочистив горло, он произнес:

- Очень мило с вашей стороны предложить провести со мной время. Но я знаю, когда у тебя есть свой бизнес, всегда найдутся тысячи срочных дел. Я не хочу вам мешать в...

Джоанна прервала его взмахом руки.

- Марико все приготовит к открытию. Мне необязательно находиться там до половины шестого, может быть, шести часов.

– Марико? – спросил Алекс.

– Марико Инамури. Она мой лучший друг и заместитель в "Лунном свете". Она вам понравится. Марико – моя самая большая удача с тех пор, как я приехала в Японию. Она заслуживает доверия и проворна: работает, как дьявол.

Алекс несколько раз повторил про себя имя, пока не убедился, что запомнил его. Он намеревался долго и обстоятельно побеседовать с заместителем Джоанны по "Лунному свету". Марико, несомненно, знала о прошлом Джоанны больше, чем та пожелала открыть ему. Но он для этой Инамури чужой, и неизвестно, пожелает ли она удовлетворить его любопытство более, чем Джоанна. С другой стороны, если он будет достаточно обаятелен и любезен и сумеет затронуть тему, как бы вскользь и невзначай (Алекс называл это "ненавязчивым допросом"), Марико могла бы предоставить ему новую ценную информацию

о прошлом Джоанны Ранд.

Джоанна коснулась его руки, возвращаясь из раздумий:

– Что вы скажете?

– О чем? – спросил он.

– Быть мне гидом или нет?

С шутилой галантностью, но в какой-то мере и серьезно, Алекс произнес:

– Дорогая леди, я пойду за вами куда угодно.

Она усмехнулась.

– Даже в объятия смерти?

– Дорогая леди, не только в объятия смерти, но и дальше, если вы пожелаете.

Ее звучный смех наполнил маленькую комнату:

– Боюсь, ничего такого, от чего бы дрожь по коже, в Киото нет. Но вы так отлично спародировали Дугласа Фэрбанкса.....

На что с любезным поклоном Алекс ответил:

– Благодарю, Джоанна-сан.

Она вернула ему поклон.

Алекс предполагал во время обеда составить свое мнение о Джоанне, но обед закончился, а он так и не пришел ни к какому заключению.

Ее необычные синие глаза, казалось, стали еще синее. Он заглянул в них, ища ответа.

Джоанна Ранд или Лиза Шелгрин?

Он не мог решить, которая из них.

Глава 8

По просьбе Джоанны хозяйка "Мицутани" вызвала такси. Менее чем через пять минут черный с красными буквами автомобиль компании Сохо стоял у входа. Джоанне понравился шофер: никто лучше него не подошел бы для небольшой прогулки по городу. Это был сморщенный седоволосый старичок, приятная улыбка которого обнаруживала недостаток одного зуба. Почувствовав близкие отношения между ней и Алексом, он только однажды прервал их разговор: чтобы убедиться, не пропустили ли они какой-то особенный фрагмент пейзажа, используя зеркальце заднего вида, чтобы бросить на них одобрителный задорный взгляд.

Они путешествовали по древнему городу более часа, предоставив выбор маршрута водителю такси. По ходу Джоанна в занятой форме рассказывала Алексу о самых интересных домах, храмах, отелях, японской истории и архитектуре. По крайней мере, она думала, что он развлекается. Алекс улыбался, много смеялся, задавал вопросы о том, что видел. На Джоанну он смотрел нисколько не меньше, чем на город, и снова она почувствовала невероятную силу его личности, как бы исходящую из глаз.

Они остановились у светофора около Национального музея, когда Джоанна удивилась возникшему направлению разговора.

– Ваш акцент интригует меня, – произнес Алекс.

Она моргнула.

– Какой акцент?

– Ведь он у вас не нью-йоркский, правда?

– Я вообще не подозревала, что говорю с акцентом.

– Нет, он явно не нью-йоркский. Бостонский?

– Я никогда не была в Бостоне.

– Пожалуй, он и не бостонский. Его трудно уловить. Может быть, какой-то след оставил британский английский. Да, скорее всего.

– Надеюсь, нет, – сказала Джоанна. – Мне не нравятся американцы, выдумывающие какой-то британский акцент после всего лишь нескольких лет жизни в Британии. Он режет мне слух.

– Он не британский, – сказал Алекс. Думая над этой загадкой, он внимательно изучал Джоанну взглядом и, когда машина тронулась, произнес:

– Я знаю, какой он! Чикагский!

– Вы сами из Чикаго, а я говорю не так, как вы, – возразила Джоанна.

– Да? А я думал, как я, – сказал Алекс. – Ну, извините!

– Не за что. Кроме того, вы можете добавить Чикаго к списку мест, где я никогда не была.

– Вы, наверное, жили где-нибудь в Иллинойсе? – настаивал он.

На мгновение его улыбка показалась Джоанне натянутой.

– Нет, – сказала она, – я никогда не была в Иллинойсе.

Алекс пожал плечами, закончив разговор так же неожиданно, как и начал его:

– Ну, тогда я не прав. – Он указал на здание впереди слева от него:

– Это место выглядит довольно необычно, что это?

Джоанна продолжила обязанности гида, но ее не покидало неприятное чувство, что вопросы о ее акценте были заданы неспроста: цель разговора несомненно была, но ее никак не удавалось ухватить. Она почувствовала, как между ее лопатками пробежал холодок, похожий на эхо того холода, что она испытывала каждую ночь.

Глава 9

В замке Нийо они расплатились с такси и продолжили осмотр достопримечательностей пешком. Как только они вышли из такси, красно-черная машина с ревом влилась в уличное движение, а Джоанна и Алекс пошли за тремя другими туристами к огромным, обитым железом, Восточным воротам замка. Джоанна украдкой взглянула на Алекса и увидела, что он был восхищен:

– Вот так я себе и представлял замок! – Но затем он тряхнул головой, как будто проясняя мысли, и добавил:

– Хотя для Японии он выглядит слишком вычурно.

Джоанна облегченно вздохнула:

– Я так рада это услышать.

– Да что вы?

– Если бы вам понравился замок Нийо слишком сильно, то как бы вы смогли понравиться мне? Я люблю мужчин с хорошим вкусом.

– Вы хотите сказать, что я должен был найти его вычурным? – спросил Алекс.

– Большинство людей, если у них развито чувство прекрасного, находят его таким, если, конечно, они понимают японский стиль.

– Я подумал, что это местный ориентир.

– Да, исторически. Он привлекает туристов более, нежели самих японцев.

Они прошли через основные ворота, а затем через вторые – Карк-Мон, богато украшенные резьбой по дереву. За ними находились широкий двор и сад замка.

Пока они пересекали двор, Джоанна рассказывала:

– Большинство представителей западной цивилизации считают, что древний замок – это нечто массивное и чрезмерное. Обычно они разочаровываются, находя здесь небольшое количество таких огромных и внушительных памятников архитектуры, но им почти всегда нравится замок Нийо. Его пышность в стиле рококо – нечто, о чем они потом рассказывают. К сожалению, Нийо не совсем представляет фундаментальные качества японской жизни и философии.

Джоанна понимала, что она начала нервно бормотать, но ничего не могла поделать. Во время обеда, и особенно позже, в тесноте душного такси, она осознала мощное сексуальное напряжение, возникшее между ними, жаждущий утоления эротический голод. Она и хотела, и не хотела того, что могло бы утолить его... к тому же она испугалась собственно акта, к которому ее могли бы принудить. Вот уже шесть месяцев у нее не было любовника, и все это

время она жила в ожидании кого-нибудь очень похожего на этого привлекательного мужчину. Джоанна хотела, чтобы Алекс Хантер оказался в ее постели, хотела удовольствия, хотела давать и получать ту особенную нежность и животную близость, но не знала, сможет ли она полно насладиться всем этим, а затем избежать болезненного расставания. В основном она была цельной, основательной натурой, нелегко идущей на разрыв. Но с Алексом Джоанна чувствовала, что она будет ходить по краю пропасти. Ее последняя связь закончилась печально, и предпоследняя – тоже, также, несомненно, закончится и эта. Ее чувство носило характер сильной, необъяснимо разрушительной крайности, необходимости уничтожить все то хорошее, что возникало между ней и другим мужчиной, необходимости разбить все это вдребезги как раз в тот самый момент, когда все это хорошее переставало быть просто сексуальной игрой и становилось любовью. Всю свою жизнь Джоанна хотела стабильной связи, ища ее с тихим отчаянием. Ее темперамент не подходил для одинокой жизни; однако, несмотря на это, она отказалась от предложения выйти замуж, хотя и питала глубокую симпатию к этому человеку. Джоанна бежала от желанной близости, когда та была в пределах досягаемости, и всегда по причинам, которых она не могла понять. Каждый раз, когда она почти решалась принять предложение, у нее возникало беспокойство, что ее предполагаемый жених проявит больше любопытства, когда станет мужем, чем когда будет просто ее любовником. Джоанна беспокоилась, что он слишком глубоко исследует ее прошлое и узнает правду. Правду. Беспокойство раздувалось в страх, и этот страх быстро становился истощающим, невыносимым, всепоглощающим. Но почему? Черт возьми, почему? В ней не было ничего такого, чтобы скрывать. В этом она была уверена. Джоанна не лгала, когда говорила Алексу, что в ее биографии однозначно не хватает важных событий и тайн. Тем не менее она знала, что если у нее будут отношения с ним и если он хочет большего, чем случайной связи, то она будет отвергать его и отдаляться с такой быстротой и внезапностью, что это его ошеломит. А когда он уйдет и она останется одна, она будет раздавлена этой потерей и возненавидит себя, хотя никогда прежде этого и не испытывала. Страх был нелогичным, но она не могла преодолеть его. Вот по этой-то причине, идя рядом с Алексом через двор замка Нийо, Джоанна говорила без умолку, затянuto, наполняя тишину тривиальной болтовней, которая не оставляла места ничему личному.

– Представители западной цивилизации, – менторским тоном рассказывала Джоанна, – больны действием и беспокойством с момента, когда они просыпаются, и до момента, когда они засыпают. Они бесконечно жалуются на ужасные стрессы, которые корежат их жизни, но в действительности это питательная почва для них. Они рождены для спешки, движения, потрясений. Здесь же жизнь совершенно противоположна: спокойная и размеренная. Ключевыми словами японской философии жизни, по крайней мере, для большей части ее философской истории, являются слова "безмятежность" и "простота".

Алекс победно улыбнулся и произнес:

– Не обижайтесь, ...но судя по вашему сверхвозбужденному состоянию, в котором вы находитесь с тех пор, как мы вышли из ресторана, вы все еще более дитя Запада, нежели Японии.

Смутившись, Джоанна ответила:

– Извините. Это оттого, что я люблю Киото и Японию настолько, что начинаю говорить без остановки, как ненормальная, когда показываю кому-нибудь достопримечательности. Мне бы очень хотелось, чтобы вам здесь тоже понравилось.

Они остановились у главного входа одного из пяти сообщающихся зданий замка. Алекс сказал:

– Джоанна, вас что-то беспокоит?

– Меня? Нет, ничего. – Ей стало неуютно от его пронизательности, и опять появилось чувство, что она ничего не могла скрыть от этого человека. Он обладал сверхъестественной способностью читать ее самые сокровенные мысли.

– Это точно, что вы можете провести сегодняшний день со мной? – заботливо спросил Алекс. – Как я уже сказал, если бизнес зовет, мы можем выбрать другое время.

– Нет, нет, – сказала Джоанна. У нее не хватило сил прямо взглянуть в его пронизывающие черные глаза. – Я всего лишь пытаюсь сделать все, что в моих силах, чтобы быть хорошим гидом.

Алекс посмотрел на нее, задумчиво подергивая себя за аккуратно подстриженный ус.

– Идемте, – оживленно сказала она, пытаясь скрыть чувство неловкости. – Нам еще так много надо посмотреть.

Когда они шли за группой туристов через богато разубранные залы, Джоанна рассказывала Алексу долгую и яркую историю этого замка. Замок Нийо был настоящим воплощением и вместилищем произведений искусства, хотя значительное количество их тяготело к вычурности. Первые здания были возведены в 1609 году. В то время они служили киотской резиденцией главному военачальнику из благородной семьи Токугава. Позже замок был значительно укрупнен за счет частей замка Фушими, разобранного Хидиоши. Ясно, что несмотря на ров, оружейные башенки и столь мощные железные ворота, Нийо строил человек, не сомневающийся в его безопасности, потому что с его низкими стенами и просторными садами этот замок никогда бы не выдержал натиска врага. И хотя замок Нийо не представлял сути японской истории и стиля, в то же время он был вполне удачным, намеренно пышным жилищем очень богатого и могущественного диктатора, требующего абсолютного повиновения и позволяющего себе жить так же хорошо, как и сам император.

В середине этой экскурсии, когда многие посетители ушли далеко вперед, а Джоанна объясняла значение и ценность особенно красивой и сложной фрески, Алекс сказал:

– Извините, что прерываю, Джоанна. Замок Нийо чудесен. Но вы производите на меня большее впечатление, чем он.

– Я? С чего бы? – спросила Джоанна, смутившись.

– Ну, если бы вы приехали в Чикаго, – ответил Алекс, – я не смог бы провести ничего подобного этой экскурсии.

– Не волнуйтесь. Я не собираюсь в Чикаго в ближайшем будущем.

Другие туристы скрылись из виду. Джоанна и Алекс остались одни. В просторном зале их голоса отдавали эхом.

Негромко, как в церкви, Алекс произнес:

– Я хочу сказать, что я ни черта не знаю об истории моего родного города. Я даже не мог бы рассказать вам, в каком году пожар спалил его дотла. И многим людям наплевать даже на их собственные корни. И вот вы – американка в чужой стране и в чужом городе, вы знаете все!

Джоанна согласно кивнула.

– Иногда меня это тоже забавляет, – сказала она тихо. – Я знаю Киото лучше, чем многие из тех, кто здесь родился. Японская история стала моим хобби, с тех пор как я уехала из Англии. Думаю, даже больше, чем хобби. Фактически ... временами мне кажется, что это мой пунктик.

Его глаза слегка сузились и, как ей показалось, загорелись профессиональным любопытством.

– Пунктик, – сказал Алекс, – довольно странно, вы не находите? – Он покрутил ус.

Джоанна еще больше почувствовала, что этот разговор имеет более глубокие причины, что этот человек, руководимый более чем дружеским интересом, ненавязчиво, но настойчиво, вел их беседу в нужном ему русле. Что он хотел от нее? Иногда он заставлял ее чувствовать себя так, будто она скрывает страшное преступление. Ей хотелось бы сменить тему разговора, но она не находила для этого благовидного предложения.

– В год я покупаю и читаю более сотни книг по японской истории, – сказала Джоанна. – Я посещаю лекции по истории, большую часть моих выходных провожу в древних гробницах и музеях. Это почти, как будто я...

– Как будто что вы? – подсказал ей Алекс.

"Боже, я, наверное, шизофреничка, – подумала Джоанна. – То я подумываю о любовной связи с ним, то в следующую же минуту становлюсь подозрительной и боюсь его. Это его

профессия тревожит меня. Частный детектив. Неприятные ассоциации. Возможно, многие люди чувствуют себя неловко и немного параноиками с ним, пока не узнают его получше".

– Джоанна?

Она снова посмотрела на фреску.

– Я думаю, это как будто... У меня навязчивая идея в плане японской истории, потому что у меня нет настоящих собственных корней. Родилась в Соединенных Штатах, выросла в Англии, родители умерли десять лет назад, Иокогама, Токио, Киото, никаких живых родственников...

Алекс перебил ее:

– Это правда?

– Что правда?

– Что у вас нет родственников?

– Никого в живых.

– Никаких там бабушек-дедушек или ...?

– Как я сказала.

– Ни даже каких-нибудь тети или дяди?

– Никого, – она повернулась к нему. О чем говорило его лицо – симпатия или расчет? Участие к ней или подозрение? "Снова я прохожу этот круг, – уныло подумала Джоанна. – Что со мной не так? Почему я так неловко чувствую себя с любым новым мужчиной, так беспокоюсь, что он будет слишком назойлив?" – Вот видите, я приехала в Японию, потому что мне некуда было больше поехать, не к кому было обратиться.

Алекс нахмурился:

– Это необычно. Почти всякий в вашем возрасте имеет, по крайней мере, хоть одного родственника где-нибудь... может быть, не кого вы знаете хорошо, но хоть кого-то.

Джоанна вздрогнула и сказала:

– Ну, если у меня в самом деле и есть кто из близких, то я не знаю о них.

Его ответ был быстрым.

– Я мог бы помочь вам разыскать их. В конце концов, расследование – это моя работа.

– Скорее всего, я не смогу оплатить ваши услуги.

– Цены довольно умеренные.

– А вы действительно купили "роллс-ройсы" на оплату за вашу работу?

– Для вас я сделаю работу за цену велосипеда.

– Спорю, это будет очень большой велосипед.

– Я буду работать за улыбку.

Джоанна улыбнулась.

– Это щедро с вашей стороны. Слишком щедро. Пожалуй, я не смогу этого принять.

– Я спишу эту работу в счет накладных расходов. Это сохранит компании налоговые доллары, поэтому в некотором смысле за работу заплатит правительство Соединенных Штатов.

Алекс весь горел желанием разобраться в ее прошлом, хотя Джоанна и не могла вообразить его причины. Она не была параноиком. Он оказывал давление на нее. Тем не менее, чувствуя, что он бы понял ее больше, чем кто-либо другой, Джоанна хотела поговорить с ним. Между ними складывались хорошие отношения.

– Нет, – решительно сказала она, – забудьте об этом. Даже если у меня и есть родственники где-нибудь, они мне чужие. Я для них ничего не значу. Вот почему для меня так важно с головой окунуться в историю Японии и Киото. Теперь это мой родной город. Это мое прошлое, и настоящее, и будущее. Меня здесь приняли. У меня нет корней, как у других людей: их выкопали и сожгли. Так, может быть, я смогу завязать для себя те глубокие культурные связи, чтобы стать основательницей нового родового дерева, которое будет расти здесь, и, возможно, эти новые корни будут также хороши, и сильны, и значительны, как те, что погибли. В действительности, у меня нет выбора. Мне необходимо чувствовать, что я принадлежу не к ветви удачливых эмигрантов, а являюсь частью этой милой страны.

Принадлежу... буду надежно и глубоко привязанной ко всему этому, как ниточка к ткани. Мне нужно отчаянно быть этой ниточкой, чтобы раствориться в Японии. Много дней ... ну, во мне была ужасная пустота. Не всегда. Только время от времени. Но когда она приходит, то захлестывает меня с головой. И я верю, ... я знаю, что, если полностью сольюсь с этим обществом, я не буду больше страдать от нее.

Говоря так, Джоанна могла позволить себе почувствовать ту приятно необычную близость с Алексом, будто они всю жизнь были любовниками и теперь блаженно отдыхают в постели. Она рассказывала ему вещи, которые никогда никому не говорила. Стены замка раздвинулись, очертания их стали расплывчатыми и даже менее реальными, чем суетливая проекция на экране. Несмотря на свое обычно сильное желание уединиться и свою слегка параноидальную реакцию на него, как на частного детектива, Джоанне нравилось быть с ним. У нее возникло желание обнять Алекса, но она понимала, что это преждевременно.

Алекс говорил так тихо, что она едва могла слышать, как он произнес:

– Пустота? Довольно странный выбор слова.

– Я думаю, что это то и есть.

– А что вы подразумеваете под этим словом?

Джоанна искала слова, которые могли бы передать ту пустоту, неприятное чувство отличия от всех других людей, как рак, разъедающее, ползущее по ней и все пожирающее отчуждение один или два раза каждый месяц, всегда, когда она, по крайней мере, ожидала его. Периодически она становилась жертвой жестокой, выводящей ее из строя тоски. Одиночество. Это был более подходящий термин для такого состояния. Иногда, без всяких видимых причин, Джоанна становилась уверенной, что она, отвратительно уникальная, отделена и живет в своем собственном измерении за пределами нормального течения человеческого существования. Одиночество. Депрессии, сопровождающие это необъяснимое настроение, были черными ямами, из которых она медленно выкарабкивалась с отчаянной решимостью.

Запинаясь, она сказала:

– Пустота, ...ну, это как будто я – никто.

– Вы хотите сказать, будто вас беспокоит, что вы немногого достигли?

– Нет, не то. Я чувствую, что я есть никто.

– Я все еще не понимаю.

– Ну, это как будто я – не Джоанна Ранд... никто вообще... как будто я – скорлупа ... шифр ... пустая ... не такая же, как все люди, ...и даже не человек. И когда ко мне это приходит, я спрашиваю, почему я живая ... для чего все это. Мои связи с этим миром становятся все тоньше...

– Вы хотите сказать, что у вас возникала мысль о самоубийстве? – обеспокоенно спросил Алекс.

– Нет, нет. Никогда. Я не могла.

– С облегчением слышу это.

Она кивнула.

– Я слишком упряма и несговорчива, чтобы принять легкий выход из чего-либо. Я просто попыталась выразить глубину этого настроения, черноту его. Теперь вы можете понять, почему мне необходимо пустить корни и установить долговременные связи здесь, в Киото.

На лице Алекса отразилось сострадание:

– Как вы можете жить с этой пустотой и все еще оставаться веселой и жизнерадостной?

– О, – быстро проговорила Джоанна, – я чувствую себя так не все время. Это состояние приходит ко мне только раз в определенный период – один раз каждую пару недель, и никогда дольше, чем на один день. Я отбиваюсь от него.

Он коснулся пальцами ее щеки: она была бледная и холодная.

Внезапно Джоанна осознала, как внимательно он на нее смотрел, и она увидела в его глазах след жалости, смешанной с сочувствием. Реальность замка Нийо и действительность

их ограниченной во времени связи нахлынули на нее. Она удивилась и даже задрожала, поняв, как много она сказала и как далеко сама открылась ему. Почему она отбросила свои доспехи уединенности перед этим мужчиной, а не перед кем-нибудь другим до него. Почему она пожелала открыться Алексу Хантеру до такого предела, как никогда не позволяла узнать себя Мариико Инамури? Она начала понимать, что ее голод по другу и любви много сильнее, чем она думала до этого момента.

Джоанна вспыхнула и сказала:

– Достаточно этого душевного стриптиза. Вы же не психоаналитик, правда?

– Ну, каждый частный детектив должен быть немного психоаналитиком ... как любой хороший бармен.

– К тому же, и я не пациент. Не знаю, что на меня нашло с этим безумием.

– Не беспокойтесь, мне интересно слушать.

– Мило с вашей стороны.

– Так и было задумано.

– Может быть, вам и интересно слушать, но мне не интересно говорить об этом, – сказала она.

– Почему?

– Это личное ...и глупо.

– Возможно, вам нужно выговориться.

– Возможно, – допустила она, – но это не похоже на меня – бормотать о себе совершенному незнакомцу.

– Эй, я не совершенный незнакомец.

– Ну, почти.

– О, понятно, – сказал Алекс, – ладно. Вы хотите сказать, что я совершенный, но не незнакомец.

Джоанна улыбнулась. Ей хотелось дотронуться до него, но она этого не сделала.

– Как бы то ни было, – сказала она, – мы находимся здесь, чтобы показать вам замок. Здесь есть тысячи вещей, которые стоит увидеть, и каждая из них гораздо интереснее, чем моя психика.

– Вы недооцениваете себя, – произнес Алекс.

Другая группа беспечных туристов достигла их уголка. Джоанна стояла к ним спиной. Она повернулась взглянуть на них, используя это как предлог, чтобы на несколько секунд избежать изучающего взгляда Алекса. Эти секунды были необходимы ей, чтобы вновь обрести уверенность в себе. Но от того, что она увидела, у нее перехватило дыхание.

Человек без правой руки.

На расстоянии двадцати футов.

Идущий в ее сторону.

Он был впереди подходящей группы, улыбающийся, отечески добродушный кореец со слегка морщинистым лицом и поддернутыми сединой волосами. Он был одет в отутюженные широкие брюки со стрелками, белую рубашку, синий галстук и голубой свитер, правый рукав которого был на несколько дюймов закатан вверх. Его рука была изуродована у запястья: там, где должна быть кисть, была только гладкая шишкообразная розоватая культи.

– С вами все в порядке? – спросил Алекс, очевидно ощутив внезапное напряжение, возникшее в ней.

Она потеряла дар речи.

Однорукий человек приближался.

Теперь их разделяли пятнадцать футов.

Джоанна почувствовала сильный запах антисептиков. Медицинский спирт. Лизоль. Резкий запах хозяйственного мыла.

"Это смешно, – сказала она себе, – ты не можешь чувствовать запах антисептиков. Здесь не может быть такого запаха. Все это бред. В замке Нийо тебе нечего бояться".

Лизоль.

Медицинский спирт.

"Бояться нечего. Этот однорукий кореец – посторонний человек, всего лишь щуплый старичок, который вряд ли способен нанести кому-либо вред. Возьми себя в руки. Ну же, ради Бога, взглянешь еще разок на него?"

– Джоанна? Что случилось? Что происходит? – спросил Алекс, касаясь ее плеча.

Казалось, кореец двигался медленно и методично с неумолимой однозначностью существа из ночного кошмара. Джоанна почувствовала себя загнанной в ловушку той же самой не поземному давящей тяжести, в том же самом потоке вязкого времени.

Ее язык как бы распух, горло пересохло, во рту появился противный металлический привкус и вкус крови, что было без сомнения тоже плодом воображения, таким же как и вонь антисептиков, но для нее это выглядело как реальность. В любой момент Джоанна могла начать непроизвольно задыхаться. Захлебываясь, она хватала ртом воздух.

Лизоль.

Медицинский спирт.

Она моргнула, и взмах ее ресниц, как по волшебству, еще больше изменил действительность: теперь розовая культя корейца оканчивалась механической рукой. Не веря, Джоанна услышала жужжание наблюдающей системы, заскользили смазанные поршни, включились механизмы и пальцы раскрылись из сжатого кулака.

Нет. Это тоже был бред.

Когда кореец был менее, чем в трех ярдах от нее, он поднял руку и сделал указующий жест кистью, которой не было. Разумом Джоанна понимала, что его интересовала только фреска, которую они с Алексом рассматривали, но на более примитивном, чувственно-эмоциональном уровне она отреагировала с уверенностью, что он указывал на нее, подбираясь к ней с несомненно недобрым намерением.

Из глубины ее души в памяти возник пугающий звук: скрежещущий, пронзительный, леденящий голос, полный отравы и ненависти. Голос был такой же знакомый, как боль и ужас. Она хотела закричать. Несмотря на то что человек в ночном кошмаре, безликий человек со стальными пальцами, никогда не говорил с нею во сне, она поняла, что это был его голос. Более того, внезапно она осознала, что хотя во сне и не слышала его говорящим, но точно слышала его наяву. Как-то... где-то... когда-то... Слова, которые вспомнились сейчас, не были вымышленными или взятыми из самых худших ее снов. Они всплыли из воспоминаний давно забытых времени и места, которые были такой же частью ее прошлого, как и вчера. Сдержанный голос говорил: "Еще стежок, милая деточка. Еще стежок". Звук становился громче: теперь голос громычал с чудовищной силой. Она одна могла слышать его, остальной мир был глух к звукам этого голоса. Слова взрывались внутри ее: "Еще стежок, еще стежок, еще стежок". Казалось, ее голова не выдержит и взорвется вместе с ними.

Кореец остановился в двух шагах от нее.

Лизоль.

Медицинский спирт.

"Еще стежок, милая деточка".

Джоанна побежала. Она закричала, как раненое животное, и бросилась прочь от изумленного корейца, натолкнулась на Алекса Хантера, совершенно не понимая, кто он, стрелой промчалась мимо него, ее каблуки шумно стучали по деревянному полу. Она спешила в следующий зал, желая закричать, но потерявшая дар речи; бежала, не оглядываясь, уверенная, что кореец гонится за ней; бежала мимо ослепительных произведений искусства мастера XVII века Кано Танью и его учеников; летела между поразительно красивыми деревянными скульптурами, знаменитыми своей тонкой работой; и все это время она судорожно глотала воздух, который, как густая пыль, забивал ее легкие. Она бежала мимо покрытых богатой резьбой окон, мимо инкрустированных раздвижных дверей, под позолоченными потолками ее шаги отдавались гулким эхом; бежала мимо удивленных служителей, которые окликали ее, и, наконец, вбежала через выход в холодный ноябрьский воздух. Она начала пересекать двор замка, как вдруг услышала знакомый голос, зовущий ее

по имени. Ошеломленная, Джоанна остановилась посреди сада замка Нийо и дрожала, дрожала, дрожала.

Глава 10

Алекс отвел Джоанну к садовой скамейке и сам сел около нее. Ее глаза были открыты неестественно широко, а лицо было бледным и заострившимся. Он держал ее руку; пальцы были такими холодными и белыми, как мел, что, казалось, в них совсем не было ни крови, ни жизни. Но Джоанна не была расслабленной или оцепеневшей. Она так сильно сжала его руку, что ногти впились ему в кожу. Тем не менее он ничего не сказал на это из страха, что она убежит. Что бы с ней не произошло, сейчас она нуждалась в человеческом сочувствии, и Алексу хотелось успокоить ее.

– Может вас отвезти в больницу?

– Нет. Все прошло. Мне уже хорошо.

– Скажите мне, что вы хотите?

– Только еще немножко посидеть здесь.

Близко склонясь, некоторое время он внимательно смотрел на нее и решил, что она говорит правду: она чувствовала себя лучше. Она выглядела больной, но ее щеки постепенно приобретали свой естественный цвет.

– Джоанна, что произошло?

Ее нижняя губа дрожала, как подвешенная капля воды, готовая сорваться, влекомая силой тяжести. Крупные слезы заблестели в уголках глаз.

– Э-эй. Ну вот, – нежно произнес Алекс.

– Алекс, извините меня.

– За что?

– Извините, что я выглядела такой дурой перед вами.

– Т-сс.

– Для меня было так важно... так важно, чтобы вы обо мне хорошо подумали, а теперь...

– Не говорите глупостей. Вы не дура. Ни в коем разе. Я знаю, кто вы: вы красивая, талантливая и очень интеллигентная женщина, самая загадочная женщина, которую я только встречал Бог знает за сколько лет. И если бы я думал о вас как-либо иначе, то я должен быть дураком.

Джоанна слушала с очевидной надеждой и сомнением, даже не пытаясь вытереть слезы. Алексу захотелось поцеловать ее красные, припухшие веки. Она сказала:

– Вы действительно думаете так, как говорите?

Алекс пальцем смахнул с ее лица одинокую слезинку.

– Должен ли я напомнить, что мы договорились быть предельно честными друг с другом. В конце концов, это была ваша идея. – Он вздохнул, притворяясь сердитым. – Разумеется, мне пришлось взвешивать каждое слово.

– Но я же убежала оттуда...

– Уверен, на то были причины.

– Я не так уверена, как вы, но я рада, что вы не считаете меня дурочкой. – Она вздохнула и свободной рукой вытерла глаза.

Алекс был тронут детской хрупкостью, которая лежала под маской самоуверенности, которую она надела с самого начала их знакомства.

Она ослабила держащую его руку, но лишь настолько, чтобы ногти не впивались в кожу до крови.

– Извините, я вела себя, как сумасшедшая.

– Не правда, – сказал Алекс терпеливо, – вы вели себя, как будто увидели самый большой ужас вашей жизни.

Джоанна удивилась:

– Откуда вы знаете?

– Я детектив.
– Все точно так и было. Я очень испугалась.
– Чего? – спросил Алекс.
– Корейца.
– Не понимаю.
– Человека с одной рукой.
– Он был кореец?
– Думаю, да.
– Вы его знаете?
– Никогда раньше не видела.
– Тогда почему? Он что-нибудь вам сказал?
– Нет, – ответила Джоанна, – то, что случилось, было... он напомнил мне нечто ужасное ... и я очень испугалась.

Ее рука снова сильно сжала его руку.
– Может вы поделитесь со мной?
Она рассказала ему о ночном кошмаре.
– Вы видите его каждую ночь? – спросил Алекс.
– Да, сколько себя помню.
– И когда вы были ребенком?
– Думаю... нет... тогда нет...
– А точно, как давно вы его видите?
– Семь... может быть, восемь или десять лет.
– Любопытная частота, – сказал Алекс. – Каждую ночь. Это же невыносимо должно истощить вас. Фактически, сам сон ничего особенного не представляет. Я видел и хуже.

– Я знаю, – сказала Джоанна, – все видели хуже. Когда я пытаюсь описать этот кошмар, он, конечно, не звучит так пугающе и ужасающе. Но ночью... Я чувствую, как будто умираю. Нет таких слов, которые могли бы передать весь ужас того, через что я прохожу и чего мне это стоит.

Алекс почувствовал ее напряжение, будто бы она заставляла себя забыть ночное испытание. Она закусил губу и некоторое время беззвучно смотрела на мрачные серо-черные облака, гонимые ветром с востока на запад через город. Когда она, наконец, снова посмотрела на Алекса, ее глаза горели.

– Годы назад, просыпаясь от кошмара, я обычно была так испугана, что у меня начиналась рвота. Я физически была больна от этого страха, до истерик. С тех пор я узнала, что люди действительно могут быть напуганы до смерти. Я была близка к этому, ближе, чем хотелось бы думать. Теперь я редко реагирую так сильно. Хотя все чаще не могу снова заснуть. По крайней мере, сразу. Механическая рука, игла... это все заставляет меня чувствовать... гнусно... больной душой.

Теперь Алекс держал ее руку в своих, наполняя теплом замерзшие пальцы.
– Вы кому-нибудь еще рассказывали об этом сне?
– Только Марико... и вот теперь вам.
– Я имею в виду доктора.
– Психиатра?
– Знаете, это могло бы помочь.
– Он попытался бы освободить меня от этого сна, ища причину его, – ответила напряженно Джоанна.
– И что же в этом плохого?
– Я не хочу знать эту причину.
– Если это поможет выздоровлению...
– Я не хочу знать.
– Ладно. Но почему нет?
– Это убьет меня.

- Как? – спросил Алекс.
- Я не могу объяснить... но я чувствую это.
- Это нелогично, Джоанна.

Она не ответила.

– Хорошо, – сказал Алекс. – Забудьте о психиатре. Что вы сами полагаете может быть причиной этого кошмара?

- Ни малейшего предположения.
- Вы, должно быть, многое передумали за эти годы, – сказал он.
- Да, немало, – уныло ответила Джоанна.
- И? Ни одной идеи?
- Алекс, я устала. И еще растеряна. Можно, мы больше не будем говорить об этом?
- Ладно.

Она по-птичьи склонила голову на бок:

- Вы действительно так легко отступитесь?
- Какое право я имею спрашивать?

Джоанна слабо улыбнулась. С тех пор как они присели на скамейку, это была ее первая улыбка и давалась она ей нелегко.

– Разве неумолимый и любопытный частный детектив не должен усилить напор в такой момент, как сейчас?

Несмотря на то, что вопрос Джоанны прозвучал с юмором, Алекс почувствовал страх, что подошел слишком близко к ее тайне. Он ответил:

– Здесь я не как частный детектив и не допрашиваю вас. Я всего лишь друг, который предоставит вам плечо, если захотите поплакаться на нем. – Говоря так, он почувствовал укол совести, потому что в действительности он вел расследование: он звонил в Чикаго и заказал дело Шелгрин.

– Может, пойдем на улицу и возьмем такси? – спросила Джоанна. – Сегодня я не обещаю вам больше достопримечательностей.

– Конечно.

Алекс встал, помог ей подняться. Она оперлась на его руку, когда они пересекали дворцовый сад по направлению к Кара-мон – украшенным внутренним воротам.

Над их головами, в угрюмом небе, пронзительно крича, кружились две большие птицы, опускаясь и снова взмывая ввысь.

Алекс, желающий продолжить разговор, но уступающий ее молчанию, был удивлен, когда она внезапно снова начала говорить о кошмаре. Очевидно, какая-то частичка ее души хотела, чтобы он настойчиво расспрашивал ее, это стало бы для нее предлогом рассказать ему больше.

– Очень долгое время, – рассказывала Джоанна на ходу, – я считала, что это был символический сон в лучших традициях Фрейда. Я думала, что механическая рука и шприц для подкожных инъекций были не тем, чем казались, а представляли другие явления. Я пришла к выводу, что этот кошмар был символическим отражением реального события, и это событие было настолько травматическим, что я не могла постигнуть его без иносказаний, даже во сне. Но... – Она запнулась, на нескольких последних словах ее голос задрожал и стал слабнуть.

– Продолжайте, – заботливо сказал Алекс.

– Несколько минут назад, в замке, когда я увидела однорукого человека... ну, который так испугал меня, я впервые осознала, что этот сон не символ, это память, которая приходит ко мне во сне, точный, полностью реалистический кусочек памяти.

Они миновали Кара-мон. Поблизости не было других туристов. Алекс остановил Джоанну между внутренними и внешними воротами замка. Даже прохладный бриз не освежил цвет ее щек: она была белолицая, как напудренная гейша.

– Так вы говорите, что где-то в вашем прошлом на самом деле был человек с механической рукой?

Джоанна кивнула.

– И для каких-то целей, которых вы не понимаете, он применял к вам шприц для подкожных инъекций?

– Да. Положительно так, – она тяжело вздохнула. – Когда я увидела того корейца, что-то оборвалось во мне. Я вспомнила голос того человека из сна. Он снова и снова говорил: "Еще стезок, еще стезок".

Предчувствие близкой развязки забило в груди Алекса.

– Но вы не знаете, кто он был?

– Или где, или когда, или почему, – с несчастным видом произнесла Джоанна. – Я страдаю амнезией. Но, клянусь Богом, это было. Я не сумасшедшая. Это было. И это... что-то было сделано со мной против моей воли... что-то я не... не могу вспомнить.

– Попробуйте.

Она говорила шепотом, как будто боялась, что существо из ночного кошмара могло услышать ее.

– Этот человек нанес мне вред... что-то сделал со мной, что было... это звучит мелодраматично, но я чувствую это... что-то такое же плохое, как смерть, может, в каком-то смысле, хуже, чем смерть.

Ее голос наэлектризовал Алекса; каждый шипящий согласный звук, как поток, врывался в маленький промежуток между двумя арками. На ее лице, хорошеньком, но потерянном, отразились следы ужаса, который он никак не мог понять до конца.

Джоанна затрепетала.

Алекс тоже.

С милой робостью она сделала шаг к нему. Инстинктивно Алекс раскрыл объятия, и она прижалась к нему. Он обнял ее.

– Это звучит странно, – сказала она, – я знаю, это звучит совершенно невозможно. Человек с механической рукой, как злодей из книжки комиксов. Но я клянусь, Алекс...

– Я верю вам, – сказал он.

Все еще в его объятиях Джоанна взглянула снизу вверх:

– Правда?

Внимательно глядя на нее, он произнес:

– Да, правда, мисс Шелгрин.

– Кто?

– Лиза Шелгрин.

В замешательстве она отступила от него на шаг.

Он подождал, наблюдая.

– Алекс, я не понимаю.

Он ничего не сказал.

– Кто Лиза Шелгрин?

– Полагаю, что вы честно не знаете.

– Вы собираетесь сказать мне?

– Вы – Лиза Шелгрин, – сказал Алекс.

Он хотел поймать мимолетное выражение, которое выдало бы ее, тот взгляд заговорщика, загнанного в угол, или, возможно, выражение вины, спрятанное в складочках уголков ее милого рта. Но даже, когда он искал эти знаки, он уже потерял свою убежденность, что найдет их. Джоанна совершенно сбивала его с толку. Если она и была потерявшейся Лизой Шелгрин – а теперь Алекс был уверен, что никем иным она и не могла быть – значит, вся память ее настоящей личности случайно или намеренно была стерта.

– Лиза Шелгрин, – сказала она изумленно, – я?

– Вы, – ответил Алекс, но на этот раз без обвинительного тона.

Она медленно покачала головой.

– Не понимаю.

– Я тоже, – сказал он.

– Это шутка?
– Это не шутка, Джоанна. Это долгая история. Слишком долгая для меня, чтобы рассказывать ее, стоя здесь на холоде.

Глава 11

На пути обратно в "Лунный свет" Джоанна забила в уголок заднего сиденья такси, в то время как Алекс рассказывал ей, кем, по его мнению, она была. Ее лицо оставалось бледным, темные глаза были насторожены. Нельзя было определить, как его слова воздействуют на нее.

На переднем сиденье рядом с шофером стоял транзисторный приемник, который и занимал его внимание. Водитель подпевал какому-то японскому шлягеру, который передавали по радио, достаточно громко, чтобы было слышно, но не так, чтобы беспокоить своих пассажиров. Он не умел говорить по-английски. Алекс убедился в этом прежде, чем приступить к истории, которую он должен был рассказать Джоанне.

– Не знаю, откуда начать, – сказал Алекс, – думаю, с самого начала. Нашим главным действующим лицом в этом странном повествовании будет Томас Морли Шелгрин. Он сенатор от штата Иллинойс уже почти четырнадцать лет. До этого он был два... нет, один срок в Палате Представителей. Это человек, придерживающийся умеренных взглядов, не консерватор, не либерал, хотя у него есть тенденция к либерализму в социальных вопросах и сдвиг вправо в области обороны и внешней политики. Около четырех лет назад он выступил одним из организаторов резолюции Кеннеди – Шелгрин, которая привела к большим перестановкам в Сенате. По моим сведениям, его неплохо принимают в Вашингтоне, в основном потому что он заработал себе репутацию надежного игрока законодательной команды. И хотя я никогда не был у него, я слышал, что он один из лучших устроителей приемов в столице, а это так же поддерживает его авторитет на высоком уровне. В Вашингтоне много бездельников, которых интересуют только вечеринки. Они ценят человека за то, что он знает, как устроить стол и налить виски. Очевидно, Том Шелгрин тоже удовлетворяет их складу. Должна же быть какая-нибудь причина, что они обеспечивают ему постоянно растущее число голосов. Уверен, что никогда не видел более тонкого политика, и искренне надеюсь, что никогда не увижу! Он знает, как обращаться с избирателями, как собрать их вместе, как будто они – животные; черных, белых и коричневых, католиков и протестантов, евреев и атеистов, молодых и старых, правых и левых, никто не спасется от него. Из пяти выборных компаний он проиграл только одну – самую первую. Шелгрин – очень импозантный мужчина: высокий, стройный, с хорошо поставленным голосом актера. Когда ему было чуть больше тридцати, его волосы слегка поседели, и фактически все его оппоненты приписывали его успех тому факту, что он действительно выглядит, как сенатор. Это звучит несколько цинично и, конечно, упрощенно, но, я полагаю, в этом есть и доля истины. – Он остановился и подождал ответа Джоанны.

Единственное, что она произнесла, было:

– Продолжайте.

– Вы все еще не можете определить ему место в вашей жизни?

– Я никогда не встречалась с ним.

– Я думаю, вы знаете его также хорошо или даже лучше, чем кто бы то ни было.

– Вы ошибаетесь.

Водитель такси попытался проскочить на меняющийся свет светофора, но потом решил не рисковать и нажал на тормоза. Когда машина остановилась, он взглянул на Алекса и, виновато улыбаясь, извинился.

Алекс опять повернулся к Джоанне:

– Возможно, я привел недостаточно деталей для того, чтобы освежить вашу память. Позвольте мне еще рассказать о Томасе Шелгрине.

– Смело продолжайте. Я хочу знать, к чему вы ведете, – сказала Джоанна. – Но я еще

раз повторяю, у меня нет никаких воспоминаний, связанных с этим человеком, чтобы освежать их.

– Когда Шелгрину было двенадцать или тринадцать лет, его отец умер. Его семья имела достаток ниже среднего уровня, а оставшись без кормильца, совсем впала в откровенную бедность. Тому Шелгрину с трудом удалось окончить колледж и получить степень управляющего производством. Вскоре по окончании, когда ему было около двадцати, он завербовался в армию, и в первых же рядах войск Объединенных Наций был заброшен в Корею. Это был август 1950-го. Где-то в сентябре, после захвата Иншона, он был схвачен корейскими коммунистами. Вы знаете что-нибудь о Корейской войне?

– Только то, что она была.

– Одним из самых любопытных и волнующих аспектов было то, как вели себя американские военнопленные. Во время обеих мировых войн все наши солдаты, попавшие в плен, упорно продолжали вести борьбу. Их было трудно содержать в заключении: они устраивали заговоры, сопротивлялись, разрабатывали побег. В Корее все было по-другому. С помощью жестоких физических расправ и тонко разработанных идеологических методик, а может, свою роль сыграл и продолжительный психологический стресс, как бы то ни было, но коммунистам удалось сломить дух наших солдат. Немногие пытались бежать, а тех, кому действительно удалось спастись, можно пересчитать по пальцам. Шелгрин был одним из немногих, кто отказался от покорности и сотрудничества. Через семь или восемь месяцев после заключения ему удалось бежать из концентрационного лагеря и чудом добраться до войск ООН. Позже он написал, имевшую большой успех, книгу о своих военных приключениях. Весь этот жизненный опыт дал ему приличный политический капитал, очень пригодившийся несколькими годами позже. Шелгрин был героем войны во времена, когда это что-нибудь да значило, и он использовал это для завоевания каждого поистине бесценного голоса.

– Я никогда не слышала о нем, – сказала Джоанна.

Когда такси пробиралось по запруженной машинами улице Хорикава, Алекс сказал:

– Немного терпения. Эта история становится значительно более интересной и имеющей отношение к делу. Когда Шелгрин демобилизовался, он женился и стал отцом. Пока он был в плену, его мать умерла, и молодой Том получил небольшое наследство: что-то около 30 000 долларов, что по тем временам было более, чем скромно. Он сложил эти деньги вместе со своими сбережениями и тем, что удалось занять – его репутация героя войны помогала ему договариваться и с банкирами – и приобрел лицензию на торговлю "фольксвагенами", построил автосалон и огромный гараж. Через пару лет дело Тома расширилось, он стал продавать "рено", "триумфы" и "ягуары", затем также успешно стал заниматься и другими видами бизнеса, и к концу 50-х Шелгрин был богатейшим человеком. Он занимался благотворительностью и в своих кругах прослыл филантропом, и, наконец, в 1958-м году выдвинул свою кандидатуру в качестве конгрессмена. Как я уже сказал, в тот первый раз он проиграл, но в 60-м вернулся и победил. В 62-м он был перевыбран и в 64-м избран в Сенат, и с тех пор он на этом посту и поныне.

Джоанна прервала его:

– Повторите имя, которым вы назвали меня?

– Лиза Шелгрин.

– Да. И какое отношение она имеет ко всему этому?

– Она была единственным ребенком Томаса Шелгрина.

Джоанна широко открыла глаза и уставилась на него, будто ожидая, что он рассмеется, но он даже не улыбнулся, и она с чувством неловкости поерзала на сиденье. И снова Алекс не почувствовал лжи в ее ответе. Она была удивлена.

– Вы хотите сказать, что я дочь этого человека?

– Да. По крайней мере, я верю, что девять из десяти это так.

– Невозможно.

– Но откуда вы знаете...

- Я знаю, чья я дочь.
- Или вам кажется, что вы знаете.
- Моими родителями были Роберт и Элизабет Ранд.
- И они умерли в результате несчастного случая возле Брайтона.
- Да. Много лет тому назад.
- И у вас нет живых родственников.
- Вы что думаете, я говорю не правду?

Водитель уловил в ее голосе нотки враждебности. Он бросил на них взгляд в зеркальце заднего обзора, а затем стал смотреть прямо вперед, из вежливости напевая вместе с радио чуть громче, чтобы не подслушать, даже если он и не знал языка.

- Джоанна, вы воспринимаете все в штыки.
- С чего вы взяли?
- У вас нет причины сердиться на меня.
- А я и не сержусь, – резко произнесла Джоанна.
- По вашему тону этого не скажешь.

Она не ответила.

- И вы боитесь того, к чему я все это веду, – добавил Алекс.
- Это смешно. И вы не ответили на мой вопрос: вы думаете, что я говорю не правду?
- Нет, я не могу обвинить вас в этом. Я только...
- Тогда в чем вы обвиняете меня?
- Ни в чем, Джоанна, если вы...
- А я чувствую себя так, как будто вы обвиняете меня.
- Извините, я не хотел произвести на вас такое впечатление. Но вы реагируете так, как будто я сказал, что вы виноваты в каком-либо преступлении. Я совершенно в это не верю. На самом деле, я думаю, что другие люди повинны в преступных действиях по отношению к вам. По-моему, вы – жертва.

– Жертва чего?

– Я не знаю.

– Кого?

– Я не знаю.

– Господи, да что же это! – закричала Джоанна, выйдя из себя, и, кажется, при этом она поняла всю неловкость своего поведения. Через боковое окно автомобиля она стала смотреть на проходящие по улице Шийо машины и мотоциклы, а когда снова повернулась к Алексу, уже держала себя в руках:

– Это невозможно. Но как бы то ни было, вы меня заинтриговали. Я должна знать, как вы пришли к столь странному выводу.

Алекс продолжал как ни в чем не бывало:

– Однажды ночью в июле 1972 года, летом, когда Лиза Шелгрин окончила первый курс Джорджтаунского университета, она исчезла с виллы ее отца на Ямайке, где находилась на каникулах. Кто-то проник в ее спальню через незапертое окно. И хотя повсюду были видны следы борьбы и пятна крови на постельном белье и на подоконнике, никто в доме не слышал ее криков. Стало ясно, что ее похитили, но никакого требования выкупа не было. Полиция считала, что она была похищена и убита. Сексуальный маньяк, решили они. С другой стороны, они не смогли найти ее тело, поэтому и не могли утверждать, что она мертва. По крайней мере, не сразу до того, как они провели тщательнейшее расследование. Имея дело с сенатором США, власти Ямайки делали все возможное, чтобы найти девушку. Через три недели Шелгрин потерял всякое доверие к полиции острова. Будучи сам из окрестностей Чикаго и по рекомендации одного из его друзей, кто пользовался услугами моей компании, Шелгрин попросил меня вылететь на Ямайку на поиски Лизы. Мои люди работали по этому делу в течение десяти месяцев, пока Шелгрин не сдался. Мои самые лучшие восемь или девять человек отдавали все время и силы, как и местные полицейские, чтобы выяснить на месте все, что можно. Для сенатора это было недешево, но он не скупился. В этом ему надо

отдать должное. Он очень волновался о своей дочери. Но дело не продвигалось ни на йоту, задействуй мы хоть десять тысяч человек. Я имею в виду, что это дело было из нераскрываемых – идеальное преступление. Это было одно из двух крупных расследований, в которых мы потерпели полный провал, с тех пор как я взял дело в свои руки.

Такси повернуло за угол, "Лунный свет" находился за квартал впереди.

– Но почему вы думаете, что я – Лиза Шелгрин?

– У меня, по крайней мере, две дюжины причин на это. Например, вам столько же лет, что и ей, если бы она все еще была жива. Самое главное, вы – вылитая она, только десять лет спустя.

Насупившись, Джоанна произнесла:

– У вас есть ее фотография?

– Не со мной. Но я скоро получу ее.

Такси остановилось около тротуара перед "Прогулкой в лунном свете". Водитель выключил счетчик, открыл дверь и начал выходить.

– Когда у вас будет фотография, – сказала Джоанна, – мне бы очень хотелось увидеть ее. – Она протянула руку в почти царственном жесте, подразумевая, что Алекс возьмет ее. Когда он коснулся ее руки, Джоанна сказала:

– Благодарю за чудесный обед. Надеюсь, он вам понравился так же, как и мне, и извините за испорченную прогулку по городу.

Алекс понял, что она прощается с ним, и произнес:

– Может быть, выпьем и ...

– Не сейчас, Алекс, – внезапно она отдалилась, как будто хотела и могла дать ему не более, чем маленькую частичку своего внимания. – Я чувствую себя нехорошо.

Водитель открыл ее дверцу, и она начала выбираться из машины.

Алекс держал ее руку в своей до тех пор, пока она, остановившись, не оглянулась на него.

– Джоанна, нам надо много о чем поговорить.

– Нельзя ли сделать это в другой раз?

– А разве вам не интересно?

– Мне не настолько интересно, насколько я больна: подташнивает, голова болит... Должно быть, я что-то съела не то, а может, переволновалась.

– Хотите, пошлю за доктором?

– Нет, нет. Мне надо всего лишь прилечь.

– Когда мы сможем поговорить? – Он почувствовал, что их разделяет целый океан, чего не было всего минуту назад, и с каждой секундой этот океан становился все шире и глубже. – Сегодня? Между вашими выходами?

– Да, – сказала она рассеянно, – тогда и поговорим.

– Обещаете?

– Обещаю, – ответила она. – Ну, правда, Алекс, бедный шофер умрет от воспаления легких, если еще хоть чуть-чуть подержит дверцу. Сейчас, пожалуй, все пятнадцать градусов мороза.

Неохотно Алекс отпустил ее руку.

Когда Джоанна выходила из такси, порыв ледяного ветра ворвался внутрь и ударил Алекса в лицо.

Глава 12

Джоанна почувствовала опасность. Она вдруг поняла, что каждый ее шаг наблюдается и фиксируется.

Она заперла дверь в квартиру, прошла в спальню и также закрыла и эту дверь.

С минуту она стояла посреди комнаты, прислушиваясь, затем налила двойной коньяк из хрустального графина, быстро выпила, налила еще и поставила свой бокал на тумбочку.

В комнате было слишком жарко.

Душно. Как в тропиках.

У нее выступил пот.

Каждый глоток воздуха обжигал ей легкие.

Джоанна чуть приоткрыла окно, разделась, бросив одежду на пол, и обнаженная растянулась на шелковом покрывале. Она все еще чувствовала духоту. Ее пульс бился учащенно, кружилась голова. Появились легкие галлюцинации, ничего нового для нее: образы, которые стали частью других дней и ночей, когда у нее было подобное настроение, как сегодня. Казалось, потолок опускался между стенами, как в камере пыток в одном из старых фильмов о Тарзане. А матрац, который ей нравился за его жесткость, теперь размягчился от ее прикосновения, не в реальности, но в ее уме: он стал студенистый и обтекал ее, как живое амебовидное существо. Нет. Бред. Нечего бояться. Джоанна сжала зубы и попыталась внушить себе, что все эти ощущения ложны, но это было выше ее сил.

Она закрыла глаза и немедленно открыла их, напуганная краткой обманчивой темнотой.

Ей было знакомо это особое состояние ума, эти ощущения, этот неясный страх. Такое случалось с ней каждый раз, когда она позволяла дружбе развиваться в нечто большее, чем просто случайное знакомство, больше, чем обычное желание – в особенную близость любви. Она хотела Алекса Хантера, но она не любила его. Нет еще. Она знала его еще недостаточно долго, чтобы почувствовать что-то большее, чем сильную симпатию. Но признаки этого уже появлялись, это вот-вот должно было случиться. И теперь события, люди, предметы, сам воздух требовали смертного приговора, будучи в сговоре с неумолимой жизненной силой, которая избрала ее своей единственной целью и будет давить на нее до тех пор, пока она не сломается и не уничтожит свою любовь; здесь включилась чудовищная энергия, вырвавшийся страх, который по большей части времени тихо дремал внутри ее, а теперь превратился в физическую силу, изгоняющую от нее всякую надежду. Джоанна знала, как все закончится. Побуждаемая дикой эмоциональной клаустрофобией, она порвет все отношения с Алексом, потому что это единственный путь, несущий ей облегчение от этого ужасного чувства.

Она никогда не увидится с Алексом Хантером снова.

Конечно, он придет в "Лунный свет". Сегодня. Может быть, и в другие вечера. Он будет высиживать представления от начала до конца. Как бы то ни было, пока он не уедет из Киото, она не будет между выходами общаться с публикой.

Он будет звонить, а она вешать трубку.

Если он придет к ней в гости, она не пустит его.

Если он будет писать ей, она будет выбрасывать письма, не читая.

Джоанна могла быть жестокой. В этом она имела достаточно практики с другими мужчинами.

Решение изгнать Алекса Хантера из своей жизни оказало на редкость благоприятное воздействие на нее. С незаметным сначала и быстро разрастающимся затем облегчением, она почувствовала, как испаряется страх. В спальне стало значительно прохладнее. Влажный воздух стал менее гнетущим и более пригодным для дыхания. Потолок поднялся до своей прежней высоты, а матрац под ней снова стал жестким.

Глава 13

Отель "Киото" – самый крупный в городе гостиничный комплекс – в основном был выдержан в западном стиле. Телефоны в номере Алекса даже были снабжены автоответчиком, вспыхивающий индикатор которого настойчиво напоминал о сверхактивном американском образе жизни. Вернувшись с обеда с Джоанной Ранд, Алекс увидел мигающий красный огонек на телефоне в гостиной. Он сорвал трубку, включая автоответчик, уверенный, что это Джоанна позвонила ему, пока он добирался от "Лунного света" до отеля.

Но это была не Джоанна. Внизу его ждала транстихоокеанская каблограмма. По его

просьбе посыльный принес ее наверх. Алекс обменялся с ним вежливыми приветствиями и поклонами, взял телеграмму, дал чаевые и опять раскланялся. Оставшись один, он сел за письменный стол в гостиной и распечатал конверт.

КУРЬЕР ПРИБЫВАЕТ ВАШ ОТЕЛЬ ПОДДЕНЬ ПЯТНИЦУ ВАШЕМУ ВРЕМЕНИ ТЧК БЛЕЙКЕНШИП

Завтра к двенадцати часам у него будет дело Шелгрин, закрытое девять или более лет назад, а теперь определенно открывавшееся вновь. Кроме сотен донесений агентов и тщательно записанных расспросов досье содержало несколько отличных фотографий Лизы, сделанных за несколько дней до ее исчезновения. Возможно, они смогут вывести Джоанну из ее жуткой разьединенное(tm) с собой.

Алекс стал думать о ней, какой она была совсем недавно, когда выходила из такси, и почему она внезапно так охладела к нему. Она могла бы быть Лизой Шелгрин. Но если так, то она не знает этого. В этом он был уверен, как в своем собственном имени. Однако, она вела себя как женщина, у которой есть опасные тайны и прошлое, которое надо скрывать.

Он взглянул на часы – 4.30.

В 6.30 он отправится в свою ночную прогулку по шумному Гайонскому району в "Лунный свет" – поужинать и серьезно поговорить с Джоанной. Сейчас у него было немного времени неторопливо принять горячую ванну, так приятно контрастирующую с маленькими глоточками холодного пива.

Алекс пошел в узкую кладовую номера и достал из маленького дребезжащего холодильника ледяную бутылку пива "Асахи". На полпути в ванную, не доходя трех-четырех шагов, он остановился как вкопанный, почувствовав, что что-то было не так. Он огляделся вокруг, напряженный и недоумевающий. В его отсутствие горничная сложила в ровную стопку дешевые книги, журналы и газеты, которые до этого были свалены в кучу на туалетном столике, и перестелила постель. Шторы были открыты. Он оставил телевизор в футе от кровати, она же откатила его обратно в угол. Что еще? Он не заметил ничего необычного и тем более зловещего. Предчувствие, продолжавшее отдаваться в нем эхом, было скорее интуитивным. Это называют шестым чувством, нюхом на неприятности. Алекс испытывал такое ощущение и раньше и обычно не ошибался.

Он поставил "Асахи" на тумбочку и осторожно приблизился к ванной. Приложив левую руку к массивной незапертой двери, он прислушался и, ничего не услышав, рывком распахнул ее и быстро вступил внутрь. Искрящиеся лучи заходящего солнца лились в ванную комнату через покрытое морозными узорами окно под потолком. Ванная была наполнена мягким золотистым светом. Он был один.

В этот раз его шестое чувство подвело его. Ложная тревога. Алекс почувствовал себя немного глупо.

Он был взвинчен. И неудивительно. Несмотря на то, что обед с Джоанной был восхитителен, прочие события этого дня, как огромные жернова, грубо терзали его нервы: ее сумасшедшее бегство от корейца в замке Нийо; ее описание того часто повторяющегося кошмара; этот зловеще-могущественный человек с механической рукой, играющий главную роль в ее забытом прошлом; выбивающее из колеи открытие, что именно у этой красивой одаренной женщины есть психические проблемы, возможно, более серьезные, чем она сама предполагает, и наконец, но не самое последнее из всего, его крепнущее убеждение, что необъяснимое исчезновение Лизы Джин Шелгрин было событием многоплановым, с далеко идущими причинами и следствиями, уходящими гораздо глубже, чем все, что он когда-либо раскрывал. Он имел право быть взвинченным.

Алекс снял рубашку и бросил ее в корзину для грязного белья, принес журнал и бутылку пива, положил их на низкий столик, который придвинул вплотную к ванне, включил воду, сделав ее горячей по своему усмотрению.

Вернувшись в спальню, он подошел к встроенному гардеробу, чтобы выбрать костюм на вечер. Дверца была приоткрыта. Когда Алекс отодвинул ее полностью, какой-то человек прыгнул на него из глубины гардеробной ниши. "Вор", – подумал Алекс. Это был невысокий

коренастый мужчина. Мускулистый. Японец. И очень стремительный. Как только выбрался, он схватил, сколько смог, проволоочных плечиков для одежды и ударил ими Алекса в лицо.

В панике Алекс подумал: "Мои глаза".

Но вешалки, как бы ужасающе они не были, миновали его глаза и только поцарапали одну щеку, с грохотом посыпавшись вокруг него.

Рассчитывая на внезапность и замешательство, которое произведут вешалки, незнакомец тем временем попытался проскочить к двери спальни. Алекс схватил его за куртку и развернул к себе. Не удержавшись, они упали на край кровати, затем – на пол. Алекс был внизу. Первый удар пришелся ему по ребрам, затем второй – в то же место, и третий – в солнечное сплетение. Алексу было неудобно работать кулаками, но, в конце концов, ему удалось сбросить этого человека.

Незнакомец отлетел к тумбочке, опрокинув ее. Не переставая ругаться по-японски, он с трудом поднялся на ноги.

Ошеломленный только на мгновение, все еще на полу, Алекс вовремя повернулся, чтобы схватить коренастого человека за ногу. Он сильно дернул, и незнакомец свалился, с шумом ударившись о пол, но при этом он успел ударить и попал Алексу как раз в локтевой сгиб. Алекс взвыл. Острая боль разлилась от локтя к запястью и плечу, на глазах выступили слезы.

Секундой позже японец был на ногах. Путь был свободен. Он направился через гостиную к маленькой прихожей номера.

Собрав все силы, Алекс кинулся за ним. Его физическая подготовка детектива и бойцовская натура сделали невозможным остаться ждать, пока ему станет лучше. В гостиной, увидев, что он не может помешать своему незваному гостю выбраться в коридор и там бесследно исчезнуть, Алекс схватил с декоративной подставки вазу и со злостью и точностью бросил ее в обидчика. Стекло разлетелось, ударившись о затылок вора. Тот споткнулся и осел на колени. Алекс ринулся мимо него, чтобы перекрыть единственный выход.

Оба они дышали так, будто только что пробежали стайерскую дистанцию. С полминуты их тяжелое дыхание наполняло комнату ритмичным громом.

Помотав головой и стряхнув осколки с широких плеч, японец встал. Пристально посмотрев на Алекса, он двинулся к нему, чтобы освободить дорогу.

– Не пытайся быть героем, – сказал он на ломаном, но вполне понятном английском.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Алекс.

– Прочь с дороги.

– Я спрашиваю тебя, что ты делаешь в моей комнате.

Незнакомец не ответил.

– Вор? – спросил Алекс. – Нет, я не думаю, что это так. По-моему, ты больше, чем просто дешевый воришка.

– А мне плевать, что ты думаешь. – Он терял терпение. Теперь его голос напоминал звериный рык:

– Убирайся с дороги!

– Это связано с делом Шелгрин? Да?

– Убирайся ко всем чертям!

– Кто твой хозяин?

Незнакомец сжал свои ручищи в громадные кулаки и угрожающе продвинулся еще на один шаг.

Алекс отказался отойти в сторону.

Японец остановился и, помешкав с мгновение, вытащил из внутреннего кармана узкий нож с костяной рукояткой. Он нажал на кнопку на рукоятке и, быстрее, чем глаз мог увидеть, выскочило тонкое восьмидюймовое лезвие.

– Ну, а теперь ты уберешься?

Алекс облизнул губы. Во рту было сухо и стоял горький привкус. Пока он думал над

альтернативными вариантами, а ни один из них не был привлекательным, его внимание делилось между угрюмыми маленькими глазками незнакомца и острием лезвия.

Почувствовав страх и нерешительность, вор помахал ножом и захихикал.

– Нет, – сказал Алекс, – я не сдамся так легко.

Усмешка погасла, незнакомец нахмурился:

– Мне приказали...

– Кто?

Вопрос был проигнорирован.

– Тебе бы лучше понять, что ты для меня не угроза, а так, раздражение, и ничего больше.

– Посмотрим.

– Если мне понадобится, я сломаю тебя.

– Как куклу, я полагаю.

– Да. Как куклу.

Алекс улыбнулся, но улыбка его была неуверенной. На первый взгляд, этот человек с квадратной челюстью производил впечатление мягкотелого. Но при более тщательном рассмотрении Алекс понял, что под обманчивым слоем жира у него были железные мускулы. Так мог выглядеть начинающий сумист, до того как наберет нужную физическую массу.

– Мне не было приказано покончить с тобой, – сказал незнакомец, странно заменяя эвфемизмом слово "убить". – Фактически, мне предписано не трогать тебя, даже если ты всунешься в мою работу. Понятно?

– Да. А как ты нашел такую работу? Очевидно, не через объявления в "Таймс"?

Японец тупо заморгал:

– Чего?

– Это была шутка.

– Это не шуточное дело, мистер Хантер.

– Приношу свои извинения.

– Вам будет безопаснее отступить назад.

– Да, но тогда, как я смогу посмотреть себе в глаза утром?

– Я не хочу беспокоить моих хозяев, убив без разрешения.

– Это было бы ужасно, не так ли? – сказал Алекс, пытаясь выглядеть запуганным.

– Однако, если вы будете несговорчивым и у меня возникнет необходимость разрезать вас на куски...

– Я знаю, как ты уже сказал, тебя не интересует, что я думаю, а я думаю, что сейчас самое время отобрать эту штуковину, – сказал Алекс, указывая на нож.

Незнакомец приблизился к нему, подвижный как танцор, несмотря на свою комплекцию. Алекс перехватил запястье его руки, державшей нож, но с удивительной ловкостью фокусника, тот перекинул его из одной руки в другую и ударил. Холодное лезвие ровно и легко скользнуло по внутренней стороне левой руки Алекса, которая все еще неприятно ныла после полученного в спальне удара.

Человек отступил так же быстро, как и атаковал.

– Это всего лишь царапина, мистер Хантер.

Нож коснулся руки два раза. В этих местах было две раны: одна три дюйма длиной и другая – пять дюймов. Алекс уставился на них, как будто эти раны появились совершенно ниоткуда, чудом. Кровь обильно сочилась из неглубоких разрезов, стекала к кисти и капала с пальцев, но она не била струей: никакая крупная артерия или вена не были повреждены, и ее легко можно было остановить. Но что потрясло Алекса больше всего, это молниеносное движение ножа. Это случилось так быстро, что он все еще не начал чувствовать боль.

– Здесь не потребуется накладывать швы, – сказал незнакомец, – но если ты вынудишь меня применить нож еще раз, то я за себя не ручаюсь...

– Следующего раза не будет, – сказал Алекс. Ему трудно было признать поражение, но он не был дураком. – Ты превосходно владеешь ножом. Я ухожу с твоего пути.

– Мудро, – сказал человек, улыбаясь, как безобразный Будда. – Иди и сядь вон там, на тахту.

Алекс сделал, как ему было велено, бережно баюкая свою кровоточащую руку и лихорадочно обдумывая, что же такое выкинуть, чтобы победа оказалась на его стороне. Но, казалось, он ничего не мог поделать.

Взломщик оставался в прихожей, пока Алекс не сел, а затем вышел, прикрыв за собой дверь.

Оставшись один, Алекс сразу же спрыгнул с тахты и бросился к телефону, стоявшему на письменном столе. Он вытащил пластиковую карточку из-под основания телефона, там были записаны номера наиболее важных служб. Он набрал номер службы безопасности отеля. Однако, пока были гудки, он изменил свое решение и повесил трубку, когда в ней раздался чей-то голос.

По привычке, Алекс начал анализировать ситуацию, громко разговаривая сам с собой.

– Из службы безопасности позвонят в городскую полицию. А хочу ли я этого?

Он подошел к двери, запер ее и подпер тяжелым стулом с прямой спинкой.

– Это был не вор. Здесь не может быть и тени сомнения.

Алекс обнял себя раненой рукой так, что кровь стала впитываться в майку, вместо того чтобы капать на ковер.

– Он работает на того, кто знает, что Джоанна – это Лиза, и кого очень беспокоит, что я раскрою это.

Он вошел в ванную и закрыл краны – как раз вовремя – вода собиралась вот-вот политься через край. Алекс открыл пробку, чтобы спустить воду.

– Так что же он здесь делал? Обыскивал мои комнаты? Зачем? Может быть, ...да ...письмо или дневник ... может быть, записная книжка, ...ну, в общем что-то, где я мог бы изложить свои подозрения. Да, так оно и было.

Ножевые раны начали сильно жечь и пульсировать. Алекс обхватил себя еще сильнее, пытаясь прекратить или уменьшить кровотечение, оказывая прямое давление на порезы. Весь перед его майки был темно-красным.

Он присел на край ванны. Капельки пота выступили в уголках глаз, мешая ему смотреть. Хотелось пить. Вытерев лоб полотенцем, он взял бутылку "Асахи" и выпил ее на треть.

– Так кто же хозяин человека с ножом? У него, должно быть, чертовски хорошие связи, международные связи. Может быть, у него даже есть свой человек в моей чикагской конторе. Как насчет этого? А? А как иначе ему удалось так быстро выйти на меня после моего разговора с Блейкеншипом?

Алекс бросил взгляд в ванную и увидел, что она наполовину пустая. Он включил холодную воду.

– Конечно, – продолжил он свои рассуждения, – более вероятно, что мой телефон прослушивается. И, возможно, за мной следят с тех пор, как я прибыл в Киото.

Оживившись, Алекс переместил руку и теперь держал ее у груди. И хотя раны продолжали еще сильно кровоточить, он решил, что они не настолько серьезны, чтобы обращаться к доктору. У него не было ни малейшего желания объяснять кому-либо их происхождение, за исключением Джоанны. Жжение становилось сильнее, как будто теперь его жалили две дюжины ос. Он подставил руку под холодную воду. Облегчение последовало незамедлительно. Так он сидел, размышляя, минуту или две.

В первый раз, увидев Джоанну Ранд в "Прогулке в лунном свете", Алекс заподозрил, что она и была Лизой Шелгрин и что она сама десять лет назад подстроила свое похищение на Ямайке. Он не мог вообразить, почему она хотела так сделать, но годы работы частным детективом научили, что часто люди совершают странные решительные действия по каким-то, одним им понятным, причинам. Они сходят с рельсов в поисках свободы или саморазрушения, хотя чаще всего их поступки объясняются отчаянной жаждой перемены и им дела нет до того, ведет это к лучшему или худшему. Уже после короткого разговора с

Джоанной Алекс понял, что она не из таких людей. Нелепо было предполагать, что она могла бы разработать свое собственное похищение и ввести в заблуждение всех лучших сыщиков Алекса, особенно, если учесть, что в то время она была неопытной первокурсницей.

Он стал размышлять об амнезии, которая как объяснение была еще менее удовлетворительной, чем другие причины. Как человек, подверженный этому заболеванию, она могла бы забыть все детали большого отрезка своей жизни, но не стала бы придумывать и искренне верить в совершенно фальшивый набор воспоминаний, чтобы заполнить провал. А Джоанна, как раз, поступила так.

– О'кей, – громко сказал Алекс, – получается Джоанна обманывает неосознанно. Она не больна амнезией, по крайней мере, в ее классической форме. Итак, какие еще варианты остаются?

Алекс вытащил руку из-под холодной воды и увидел, что поток крови почти на треть ослаб. Он крепко завернул руку в мокрое полотенце. Наверняка, со временем кровь просочится наружу, но как временная повязка полотенце вполне подходило.

Он прошел в гостиную, позвонил портье в вестибюль отеля и заказал пузырек со спиртовым натиранием, йод, коробку марлевых салфеток, бинт и рулончик пластыря.

– Если посыльный будет достаточно проворен, его ожидают особенно щедрые чаевые, – сказал Алекс.

На это портье ответил:

– Если с вами произошел несчастный случай, у нас есть доктор, который...

– Только небольшой порез. Я не нуждаюсь в докторе. Все, что мне нужно, это то, что я заказал.

Ожидая свой заказ, Алекс привел себя в порядок. В ванной он снял окровавленную майку, тщательно вытер грудь и причесал волосы.

Хотя раны продолжали жечь, сильнейшая жалящая боль уже превратилась в колющую, но вполне терпимую. Рука была твердой, даже слишком, как будто под взглядом Медузы Горгоны плоть превратилась в камень.

В гостиной Алекс собрал самые большие куски разбитой вазы и выбросил их в корзину для бумаг. Он убрал от двери стул и поставил его на место.

Кровь начала проступать через полотенце, обернутое вокруг руки. Присев за письменный стол, он стал ждать посыльного, а комната медленно плыла вокруг него.

– Хорошо, – произнес Алекс, возобновляя диалог с собой, – если мы исключим ложную и настоящую амнезию, то остается только одно, ведь так? Промывание мозгов. Как бы безумно это не звучало.

Третье объяснение было простое и такое же невероятное, однако, Алекс верил в него. Люди, укравшие Лизу Джин Шелгрин, использовали современные средства промывания мозгов: наркотики, гипноз, перевоспитание на уровне подсознания и дюжину других методов психологической обработки. Они стерли ее память. Абсолютно дочиста. На самом деле Алекс не был уверен, что такое возможно, но он мог бы побиться об заклад, что это было так. За последние десять лет были получены действительно изумительные результаты в таких областях исследования, как психофармакология, биохимия, психохирургия, психология, которые прямо или косвенно внесли свой вклад в менее уважаемую, но не менее жарко обсуждаемую науку о контроле над человеческой психикой.

Алекс надеялся, что с Лизой было сделано что-нибудь менее ужасное. Если полное уничтожение памяти было в духе фашистских медиков, то похитители могли бы стереть только первоначальную личность, обитавшую в ее прелестном теле. Другими словами, вероятно, Лиза была похоронена в глубине Джоанны, отсутствующая, но не умершая. Если все это было правдой, Лизу можно было бы напрячь, воскресить и заставить вспомнить обстоятельства ее преждевременных похорон.

Другое дело, если похитители начинили ее памятью, полной ложных фактов. Они снабдили ее фальшивой личностью, а затем вернули на свободу, но уже в Японии.

– Но, ради всего святого, зачем? – вопрошал Алекс в пустой комнате.

Отдельные пылинки плавали в лучах бледного света, пронзающих замерзшее окно.

Алекс встал, нервно прошелся взад-вперед.

– И кто мог сделать такое с ней? – спросил он. – И почему они все еще ею интересуются? Какие ставки в этой игре? Насколько для них важно, чтобы настоящая личность, скрытая под личиной Джоанны Ранд, хранилась в секрете? Убьют ли они меня, если я докажу, кто она на самом деле? Убьют ли они ее, если ее убедит то, что я ей расскажу?

У него не было ответов на эти вопросы, но он знал, что неизбежно найдет их. Алекс не мог прекратить расследование этого дела, пока не будет знать о нем все. Его комнаты были обысканы, он был ранен ножом. Он должен был им за большее, чем просто небольшое унижение и боль.

Глава 14

На западе Киото постепенно, как тлеющие угольки, догорал последний свет дня. Под небом цвета глины город погружался в вечер.

На улицах Гайона было еще много людей. В барах, кафе, ресторанах, публичных домах начинался другой вечер – вечер бегства от реальности.

Отправляясь в "Прогулку в лунном свете", Алекс был безукоризненно одет. На нем были темно-серый костюм с подходящим жилетом, бледно-серая рубашка и зеленый галстук. На плечи было наброшено серое пальто. Он шел с видом туриста по вечерним улицам и, казалось, был восхищен виденным. На самом же деле, Алекс уделял мало внимания архитектурным замысловатостям и жизни вокруг. Его ум был занят тем, что обычно казалось ему ребячеством и теперь было нормальной реакцией на события двух последних часов: он пытался выяснить, есть ли за ним хвост. Каждый раз, поворачивая за угол или останавливаясь у перехода, он старался бросить незаметный взгляд назад, как будто желая еще раз посмотреть на какой-нибудь вид Гайона, и, таким образом, не выдавая себя, изучить народ, идущий за ним. Его внимание привлекли трое мужчин, идущих поодиночке и вроде бы наблюдающих за ним. Они останавливались вместе с ним квартал за кварталом. Первый из них был толстый человек с глубоко посаженными глазами, огромными челюстями и жидкой бородкой. Однако, его габариты делали его наименее вероятным из этих трех кандидатов: он был хорошо виден, а люди, работающие по этой части, почти всегда незаметны. Второй подозреваемый был сухощавый мужчина сорока лет, его лицо было узким, а кости выпирали. Третий был молодой человек не старше двадцати пяти лет, одетый в джинсы и желтую нейлоновую куртку. Когда он шел, то нервно попыхивал сигаретой. К тому времени, как Алекс добрался до "Прогулки в лунном свете", он еще не был уверен, который из мужчин следил за ним, если вообще это кто-то делал, но он запомнил каждую черточку их лиц, чтобы потом проверить.

На входной двери в кафе было приколото объявление на японском и английском языках:

ИЗ-ЗА БОЛЕЗНИ ДЖОАННЫ РАНД

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕГОДНЯ НЕ СОСТОИТСЯ.

ОРКЕСТР "ПРОГУЛКИ В ЛУННОМ СВЕТЕ"

ИГРАЕТ ТАНЦЕВАЛЬНУЮ МУЗЫКУ.

Алекс сдал пальто гардеробщице и вошел в бар. Ресторан приносил хороший доход, но сегодня там было только шесть посетителей. Он сел в стороне – у закругляющегося конца стойки бара – и заказал "Старый Сантори". Когда бармен принес виски, Алекс сказал:

– Надеюсь, мисс Ранд не очень серьезно больна.

– Не очень, – с тяжелым акцентом ответил бармен по-английски, – только горло.

– Не будете ли вы так любезны подняться наверх и сказать ей, что ее спрашивает Алекс Хантер.

– Она слишком больна, чтобы принимать, – сказал бармен, кивая и улыбаясь в ответ.

– Я ее друг.

– Она слишком больна.

- Ей надо поговорить со мной, – настаивал Алекс.
- Больное горло.
- Я слышал. Но...
- Ей нельзя много говорить.
- У нас свидание.
- Извините.

Некоторое время все продолжалось в таком же духе, пока, наконец, бармен не сдался. Он подошел к кассовому аппарату и набрал номер по телефону рядом с ним. Во время разговора с Джоанной он несколько раз как-то украдкой взглянул на Алекса. Повесив трубку, он медленно вернулся, избегая взгляда Алекса:

- Извините.
 - Что вы имеете в виду?
 - Она говорит, что не может увидеться с вами.
 - Вы должно быть ошиблись.
 - Нет.
 - Позвоните ей снова.
- Помявшись, бармен произнес:
- Она говорит, что не знает никого по имени Алекс Хантер.
 - Ну ничего себе!
- Бармен ничего не ответил.
- Мы с Джоанной сегодня обедали вместе.
- Бармен проигнорировал.
- Это было как раз сегодня в полдень! – сказал Алекс.
- Нарисованная улыбка. И:
- Еще раз извините.

Один из посетителей окликнул бармена на другой конец стойки, и тот поспешил от Алекса с явным облегчением.

С минуту или две Алекс пристально разглядывал собственное отражение в голубом зеркале бара, а затем сказал ему:

- Что за чертовщина здесь происходит?

Глава 15

Когда Алекс спросил Марико Инамури, бармен устроил ему еще большее испытание, чем когда он хотел видеть Джоанну, но, в конце концов, смягчился и позвонил. Минутой позже она вышла сзади слева от Алекса из двери с надписью "Частное".

Марико была возраста Джоанны и очень хорошенькая. Ее густые черные волосы были заколоты булавками слоновой кости.

Алекс встал и поклонился ей.

Марико ответила на поклон.

Они представились друг другу, и Марико села на высокий табурет рядом с ним.

Снова сев, Алекс сказал:

- Марико-сан, я слышал о вас много хорошего.
- Я могу вернуть вам комплимент точно в тех же выражениях. – Ее английский был безупречен. У Марико не было ни малейшей трудности с произношением звука "л", которому нет эквивалента в ее родном языке и который обычно является величайшей трудностью для японцев, изучающих английский язык. – Что случилось с вашей рукой? – спросила она, указывая на шелковую перевязь.

– О, ничего серьезного, – ответил Алекс, – порез. Разбил стекло. Как Джоанна?

– У нее болит горло.

Алекс отпил виски и сказал:

- Извините, если я начну действовать, как типичный американец. Я не хочу показаться

грубым и невоспитанным, но скажите, бальное горло – это правда.

– Вы говорите такие странные вещи.

– Это не ответ.

– Вы хотите сказать, что я лгунья?

– Нет. Я не хотел вас обидеть, Мариико-сан.

– Я не обиделась, Апекс-сан.

– Я только пытаюсь понять ситуацию.

– Я вам помогу, если смогу.

– Видите ли, я попросил бармена позвонить Джоанне и сказать ей, что я уже здесь. Нам с ней сегодня вечером надо поговорить о чем-то очень важном. Но она сказала бармену, что не знает никого по имени Алекс Хантер.

Мариико вздохнула.

– Она так хорошо отзывалась о вас. Она была восторжена, прямо как девочка. Я начала надеяться, что в этот раз все будет по-другому.

– Что с ней случилось?

Глаза Мариико затуманились, она отвела взгляд и стала задумчиво смотреть на полированную стойку перед ней. У японцев сильно развито чувство такта, сложная система социальных приличий и очень жесткий набор стандартов поведения в личных взаимоотношениях. Мариико не испытывала особенного желания говорить о своей подруге, потому что иначе она поступила бы вопреки этим стандартам.

Надеясь убедить ее, что он не чужой человек и не относится к тем людям, от которых ей надо было защищать Джоанну, Алекс сказал:

– Я уже знаю о том нехорошем сне, который приходит к ней каждую ночь.

Мариико была удивлена:

– Джоанна никогда и никому не рассказывала об этом, только мне.

– А теперь и мне.

Она взглянула на Алекса и в ее глазах было уже больше теплоты, чем еще минуту назад. Однако, как он смог заметить, она все еще боролась со своим кодексом чести и поведения. Поколебавшись для приличия, она подозвала бармена и заказала "Старый Сантори" со льдом.

Алекс почувствовал, что во многом Мариико была старомодной и консервативной женщиной. Он понял, что ей нелегко будет бороться с традиционным японским уважением к личной жизни других людей. В глубине души ему было приятно осознавать, что она, такая непохожая на многих ее современников, не была разъедена западной моралью и компьютерным веком. С ней надо было иметь терпение.

Когда принесли ее виски, Мариико медленно отпила, постукивая кусочками льда в стакане, и, наконец, сказала:

– Если Джоанна рассказала вам о кошмаре, значит, она рассказала вам так много о себе, как вряд ли кому рассказывала.

– Она скрытна?

– Нет, не то. Она всего лишь не любит много говорить о себе.

– Скромная?

– И это тоже, но это не все. Это как будто... как будто она боится говорить о себе слишком много.

Алекс внимательно посмотрел на Мариико.

– Боится? Что вы имеете в виду?

– Я не могу это объяснить. Но если я и знаю о ней что-то неизвестное вам, то это, вероятно, только то, что я заметила за шесть или семь лет работы у нее. Ничего особенно секретного.

Чувствуя, что Мариико сдастся, Алекс ждал: ей надо было дать немного времени – только чтобы решить, откуда начать рассказ.

Отпив еще глоток виски, она произнесла:

– То, как Джоанна вела себя с вами сегодня вечером... притворялась, что не знает вас...

ну, так она поступает уже не в первый раз.

Это, кажется, на нее не похоже. Она до кончиков пальцев милейший, добрейший человек, какого вы когда-либо встречали. Однако, как только у нее возникают очень близкие отношения с мужчиной, как только она начинает влюбляться в него – или он в нее – она убивает эти отношения. И в этом плане она никогда не бывает милой или нежной. В этом она всегда подлая. Как будто это не она, а совершенно другая женщина. Она обижает, мистер Хантер. Она разбивает сердца... в том числе и свое собственное.

– Я не понимаю, как это относится ко мне. В конце концов, я впервые увидел ее только четыре дня назад. У нас было всего лишь одно свидание – совершенно невинный обед.

Марико печально качнула головой.

– Она влюбилась в вас быстрее и, по-моему, намного серьезнее, чем когда бы то ни было в любого другого мужчину.

– Нет, насчет этого вы ошибаетесь.

– Как раз перед тем, как вы появились здесь, Джоанна была в ужасной депрессии, почти на грани самоубийства.

– Я этого не заметил.

– Видите ли, я хочу сказать, вы произвели на нее мгновенное впечатление. Джоанна всегда неделями или даже месяцами в плохом состоянии после того, как она порвет с кем-нибудь, кто ей был безразличен, а с недавних пор это плохое состояние стало еще хуже. Вы же накануне вечером оживили ее.

– Если она действительно не переносит одинокую жизнь, так зачем же постоянно разрушает эти отношения? – спросил Алекс.

– Она никогда и не стала бы. Это выглядит, как будто ее заставляют.

– Заставляют? Кто?

– Это как будто она... одержима. Как будто в глубине ее прячется какая-то вторая Джоанна, внутренний демон, который и понуждает ее жить одинокой и быть несчастной.

– Она пыталась обратиться к психотерапевту?

Марико отрицательно покачала головой:

– Мой дядя очень хороший психотерапевт. Я все время ей настоятельно советую сходить к нему по поводу этого и того ночного кошмара, но она отказывается. Я постоянно беспокоюсь о ней. У меня на редкость миролюбивый нрав. Но когда ее депрессии становятся глубже и сильнее, это становится заразительным. Если бы я не нужна была ей и не заботилась о ней, как о своей собственной сестре, я бы давным-давно ушла. Ей необходимо делить свою жизнь с друзьями и партнером, любовником. Но она отталкивает любого, в какой-то степени даже меня. Последнюю пару месяцев она была более подавленной и более подавляла, чем обычно. Фактически, она была настолько плоха, что я почти решилась выяснить, в чем дело, и тогда появились вы. Она не признается даже себе, что влюбилась в вас так внезапно и сильно, как будто это был единственный шанс победить тот внутренний голос и построить на этот раз нечто более прочное.

Алексу стало неуютно сидеть. Такой оборот разговора вызывал в нем чувство неловкости. Он поменял положение.

– Марико-сан, боюсь вы склонны видеть в наших отношениях больше, чем там есть на самом деле.

– Джоанна не отшельница. Ей надо, чтобы кто-то был рядом.

– Я вам верю, но она не любит меня. Любовь не может прийти так быстро.

– Разве вы не верите в любовь с первого взгляда?

– Это выдумка поэтов, – ответил Алекс.

– А я думаю, такое может быть.

– Да? С вами уже случилось?

– Нет, но я надеюсь, что обязательно будет.

– Желаю удачи. По-моему, я не верю и в любовь вообще, а уж тем более в любовь с первого взгляда.

Его заявление явно поразило ее.

– Если вы не верите в любовь, – сказала Марико, – тогда как же вы назовете, когда мужчина и женщина...

– Я называю это похоть...

– Нет, не то.

– ... и привязанность, взаимозависимость, а иногда – временное помешательство.

– И это все, что вам когда-либо приходилось чувствовать?

– Да, все, – сказал Алекс.

– Я не верю.

Он пожал плечами.

– Но это так.

– Любовь – единственное, от чего мы можем зависеть в этом мире.

– Любовь – это последнее, от чего стоит зависеть. Люди говорят, что любят, но все меняется. Единственные константы – это смерть и налоги.

– Но некоторые люди не работают, – сказала Марико, – следовательно, они не платят налоги. И есть много мудрых людей, которые верят в вечную жизнь.

Алекс открыл рот, чтобы возразить, но вместо этого усмехнулся:

– Догадываюсь, что вы прирожденный спорщик. Я лучше остановлюсь, пока недалеко зашел.

– Так как насчет Джоанны? – спросила Марико.

– А что насчет ее?

– Разве она вас совсем не интересует?

– Да, конечно, интересует.

– Но вы не верите в любовь.

– Джоанна мне очень нравится. Но что касается любви...

Марико взмахнула рукой, останавливая его.

– Подождите. Простите, Это грубо. Я ужасно невежлива. Вы не должны открывать мне так много себя. Я так дерзка. Пожалуйста, извините.

– Если бы я не хотел говорить, вы никакими мольбами не вытянули бы из меня ни единого слова, – произнес Алекс.

– Я только хотела, чтобы вы знали, что не думая о том, что вы можете чувствовать к ней, Джоанна любит вас. Вот почему она так безжалостно отвергла вас сейчас, – она боится, что это свершится. – Марико допила остатки виски и встала, чтобы уйти.

– Подождите, – сказал Алекс. – Мне надо увидеть ее.

Марико понимающе улыбнулась. Ему не хотелось рассказывать о Лизе Шелгрин, поэтому он предоставил ей думать все, что заблагорассудится.

– Это важно, – сказал он. | – Приходите завтра вечером, – сказала она. – Джоанна не может навсегда бросить работу.

– Не могли бы вы сейчас подняться наверх и постараться убедить ее встретиться со мной?

– О, что-то вы очень беспокоитесь о ней – для человека, не верящего в любовь.

– Марико-сан, так вы поговорите с ней?

– Это не поможет. Ей сейчас очень плохо. А когда она в таком настроении, она не будет слушать ни меня, ни кого другого. Еще день или два, пока депрессия не войдет в свои обычные рамки, она будет ненавидеть весь мир.

– Я завтра приду опять.

– Она будет отвратительна с вами.

– Я очарую ее, – вяло улыбнулся Алекс.

– О, и другие достойные мужчины сдавались.

– А я не буду.

Марико положила свою руку на его.

– Надеюсь, вы действительно не сдадитесь, – сказала она. – Если бы те другие

мужчины не сдались так легко, один из них, рано или поздно, мог бы пробиться к ней. Я все еще думаю, что у вас больше шансов, чем у кого бы то ни было. Вы и Джоанна во многом похожи. Вы оба приняли одиночество, как образ жизни. Долгое время вы отчаянно хотели любить кого-нибудь, но ни один из вас не сумел встретить такое чувство, чтобы оно захватило. Цените ее, Алекс-сан, она нужна вам вся, так же как и вы ей.

Марико ушла, исчезнув за дверью с надписью "Частное". Некоторое время после ее ухода Алекс сидел, задумчиво разглядывая себя в голубом зеркале бара.

Глава 16

Алекс был удивлен и встревожен своей собственной реакцией на поведение Джоанны. Ему было трудно поддерживать свойственное ему спокойствие, и в действительности он поддерживал его только внешне. Внутри его бушевал пожар. Ему хотелось наказать кого-нибудь. Довольно неразумно, но ему очень хотелось запустить своим стаканом с виски в голубое зеркало бара. Он сдержался, но только потому, что такой поступок был бы признанием влияния Джоанны на него. А это было то влияние, от которого, как он думал, был свободен навсегда. Сейчас ему было нелегко признать существование ответного чувства к ней и еще нежелания думать об этом чувстве серьезно.

После ухода Марико Алекс слегка поужинал и ушел еще до того, как оркестр закончил играть свое первое отделение. "Нитка жемчуга" провожала его до улицы.

Солнце покинуло Киото. Город включил свое холодное электрическое освещение. С наступлением темноты температура резко упала. В свете, льющемся из окон, открытых дверей, неоновых реклам и проходящих автомобилей, лениво кружились густые хлопья снега, но они таяли, касаясь мостовой, от ледяной корочки которой отражался свет.

Алекс немного постоял около "Лунного света", осмотрелся вокруг, словно решая, куда теперь идти, и заметил одного из тех троих мужчин, которых он заподозрил в слежке за ним. Сухопарый, среднего возраста японец с узким лицом и выпирающими скулами ждал всего лишь в тридцати ярдах отсюда под неоновой вывеской ночного кафе "Отдыхающий дракон".

Воротник его пальто был поднят, плечи сутулились под порывами зимнего ветра. И хотя он пытался смешаться с искателями развлечений, которых в то время было еще много на улицах Гайона, его хитрое и какое-то крадущееся поведение делало его заметным. Алекс окрестил его "Ловкачом". Неважно, как было его настоящее имя, это новое идеально подходило ему.

Улыбаясь и притворившись, что не замечает Ловкача, Алекс стал обдумывать, что делать дальше. Основных вариантов было два. Во-первых, он мог вполне без приключений дойти до отеля "Киото", вернуться в свой номер и лечь спать, все еще кипящий энергией, все еще запутанный в сетях несбывшихся планов и ничего не знающий о людях, стоящих за похищением Лизы Шелгрин. А во-вторых, он мог подуматься, заставить Ловкача заняться изнурительной охотой и, возможно, поменяться с ним ролями.

Его живой деятельный ум легко сделал свой выбор. Охота.

Беззаботно насвистывая, Алекс отправился пешком в глубь Гайонского квартала. Через пять минут, дважды свернув на другие улицы, он глянул назад и увидел Ловкача, следующего за ним в разумном отдалении.

Несмотря на начинающуюся метель, на улицах было почти также многолюдно, как и в предзакатные часы. Иногда кажется, что ночная жизнь Киото слишком интенсивна для Японии, — вероятно, потому что она сжата в меньшее количество часов, чем в Токио и большинстве западных городов. Ночные кафе открываются на исходе дня и обычно закрываются в 11.30. Полтора миллиона жителей Киото имеют провинциальную привычку ложиться спать до полуночи. По их режиму, половина ночи уже прошла, и те, кто еще не сделал свой выбор, где и чем заняться этой ночью, суежились в поисках решения.

Алекс был очарован Гайоном, представлявшим из себя сложный лабиринт улиц, аллей,

извилистых переулков и пешеходных дорожек, на которых вперемешку теснились кафе и бары, ремесленные лавочки и номера, спокойные постоялые дворы и рестораны, общественные бани и храмы, кинотеатры и старинные усыпальницы, закусочные и публичные дома и многое, многое другое. Улицы покрупнее были шумные, взбудораженные, сверкающие неоновым светом, который отражался и рассеивался на краях стекла, хрома и пластика. Здесь оптовое приятие наихудших элементов западной культуры ясно давало понять, что это место – исключение для врожденного чувства прекрасного для японцев. Однако, во многих аллеях и мощеных переулках процветал более привлекательный Гайон. Рядом с большими автомобильными магистралями существовали островки традиционной архитектуры. В них можно было найти здания, все еще служившие жилищем, так же как и особняки с измененными внутренностями, превращенные в дорогостоящие гостиницы, рестораны, бары, интимные кабаре. Все они обитали в выдержавших испытание временем зданиях из закаленного непогодой дерева и полированного камня с элементами бронзовой и железной работы.

Алекс шел этими боковыми улочками, обдумывая свои возможности поменяться ролями с Ловкачом.

Со своей стороны Ловкач тоже принял на себя маску туриста. Он сделал вид, что рассматривает витрины на расстоянии в полквартиры от Алекса, и удивительно точно повторял все его движения.

В конце концов, в поисках убежища от ветра Алекс вошел в какой-то бар и заказал сакэ. Как только он согрелся, ему пришла в голову мысль, от которой дрожь пробежала по спине: возможно, Ловкачу было дано разрешение убить, чего не было у взломщика. Может быть, я вожу его за нос, изобретаю способ одурачить его, ...а он, тем временем, ждет подходящего момента, чтобы убить меня.

Но как бы то ни было, теперь он не мог уйти в сторону, покинув Джоанну, даже если ставкой была его жизнь. Если люди, стоящие за Шелгрин – Ранд, почувствовали, что он уже знал слишком много, его единственной надеждой было узнать о них все до конца, а затем использовать эту информацию, либо чтобы сломить их, либо чтобы заключить с ними сделку. Кроме того, этим подонкам он был должен за то, что сделал с ним взломщик; он не сколотил бы большого состояния, если бы всем прощал.

Алекс выпил еще чашечку горячего сакэ.

Когда он вышел из бара, Ловкач, как тень среди теней, ждал его в двадцати ярдах.

На улицах стало еще меньше народу, чем до того, как он вошел в бар, но все-таки еще довольно много для Ловкача, чтобы рискнуть убить, если это было его целью. Японцы, в основном, не так безразлично относятся к преступлению, как большинство американцев. Они уважают традиции, стабильность, порядок и закон. Многие из них попытаются схватить человека, на людях совершающего убийство.

Алекс зашел в магазин, где продавались напитки, и купил бутылку "Авамори" – окинавского картофельного коньяка – нетерпкого и восхитительного на японский вкус и грубого и кислого по западным меркам. Но его не волновал букет этого напитка: в конце концов, он не собирался его пить.

Когда Алекс вышел из магазина, Ловкач стоял в полсотни футов севернее, у ювелирной витрины. Он не поднял глаза, но когда Алекс пошел в противоположную сторону, последовал за ним.

Надеясь найти место, где он смог бы остаться один на один с преследующим его человеком, на первом же перекрестке Алекс свернул в открытый только для пешеходов проулок.

Красота старинных зданий была немного подпорчена неоновыми вывесками: около дюжины из них светились в ночи. Все они были намного меньше, чем чудовищные вспыхивающие рекламные щиты повсюду в Гайоне. Хлопья снега кружились в тусклом свете старинных шарообразных уличных фонарей. Алекс прошел мимо погруженной в тусклый желтоватый свет усыпальницы, к которой прилепился бар, где любители упражнялись в

старинных среднеазиатских храмовых танцах под аккомпанемент бубна и какого-то жутковато звучащего струнного инструмента. В этом квартале тоже былолюдно, но не так, как в проулке, который он только что покинул, хотя и достаточно, чтобы помешать убийству.

С Ловкачом на хвосте Алекс попытался исследовать другие закоулки этого лабиринта улиц. Он удалился от коммерческих кварталов в сторону жилых. Ловкач, ставший значительно заметнее в редющей толпе, приотстал ярдов на тридцать. В конце концов, Алекс свернул в переулок, где были расположены домики на одну семью и квартиры в наем. Улица была пустынна и тиха. Она освещалась только светом фонарей, висящих над входными дверями домов. Абажуры фонарей, сделанные из сложенной в гармошку бумаги, покачивались на ветру, и мрачные тени демонически метались вдоль мокрой от снега мостовой. Алекс поспешил к следующему проходу между домами, всмотрелся в него и ухмыльнулся: он нашел в точности то, что искал.

Перед ним был мощеный кирпичом проходной двор шести футов шириной. Этот узкий проход образовывался задворками домов и освещался всего в трех местах: с концов и посередине, а пространства между этими светлыми пятнами были очень темны. Алексу удалось разглядеть группу пустых бочек и несколько велосипедов, прикованных цепями к железным штангам. С другой стороны выступали еще какие-то неопределенные силуэты, которые могли быть чем-то или ничем. Он был совершенно уверен, что ни один из этих таинственных силуэтов не был человеком, а это означало, что здесь он будет с Ловкачом один на один.

Хорошо.

Алекс свернул за угол и стащил наброшенное на плечи пальто. Перекинув его через правую руку и все еще сжимая бутылку "Авамори", он бросился бежать. Чтобы ему досталась легкая победа и смена ролей прошла успешно, Алексу надо было пробежать три четверти прохода, до того как Ловкач увидит его. Он поскользнулся на сыром кирпиче, но не упал. Алекс выбежал с освещенного пространства в темноту, его сердце сильно билось, пробежал под средней лампой, извергая при каждом выдохе клубы пара, и снова нырнул в темноту, прижимая свою поврежденную руку к груди, в то время как перевязь подергивалась в такт шагам. Достигнув третьего и последнего фонаря, отбрасывающего колышущийся круг на мостовую, он остановился и оглянулся.

Ловкача все еще не было видно.

Алекс бросил пальто в центр светового пятна.

Никаких признаков Ловкача.

Алекс поспешил назад по тому пути, где он только что прошел. Пройдя десять-пятнадцать шагов и выйдя из света, он превратился в один из многочисленных бесформенных силуэтов, еле видневшихся по сторонам прохода.

Он все еще был один.

Алекс быстро отступил за ряд из пяти огромных пустых бочек и присел на корточки. В промежутке между первой бочкой и стеной хорошо была видна та часть улицы, где вскоре должен был появиться сухопарый человек.

Шаги.

Их звук далеко разносился в холодном воздухе.

Алекс старался успокоить свое прерывистое дыхание.

Ловкач показался в дальнем конце прохода и резко остановился, удивленный исчезновением своей жертвы.

Несмотря на напряжение и мрачное предчувствие, до предела натянувшие его нервы, Алекс улыбнулся.

Почти минуту Ловкач стоял, не двигаясь и не произнося ни звука.

"Ну, давай же, ублюдок!"

Он медленно пошел к Алексу. Менее уверенный в себе, чем раньше, теперь он ступал легко, как кошка, почти не производя шума, который мог бы выдать его.

Алекс вынул левую руку из перевязи, надеясь, что ему не придется работать ей: его

беспокоило, что рана могла открыться. В его планы не входило бороться с этим человеком, но он хотел иметь обе руки свободными, на случай, если с легкой победой что-то не получится.

Дойдя до бочек по обеим сторонам прохода, Ловкач стал заглядывать за них.

Алекс не ожидал такого поворота событий. Если тот пройдет так по всей длине прохода, он обнаружит ловушку и сумеет избежать ее. У Алекса было только одно преимущество – внезапность, и вот, он с возрастающим беспокойством наблюдал, как у него крали это преимущество.

Ловкач почти припал к земле. Он сунул правую руку в карман и держал ее там.

"Ах, у тебя оружие?" – мысленно поинтересовался Алекс.

Преследователь миновал первое пятно света и вошел в темноту. От напряженного ожидания Алекс взмок, хотя ночь была холодной, а он снял пальто.

Ловкач уже добрался до среднего фонаря. Он продолжал методично осматривать каждый объект и отбрасываемую им тень, если в ней мог спрятаться человек.

Кухонные отбросы в бачках позади Алекса испускали тошнотворный запах испорченной рыбы и протухшего масла. Он почувствовал это зловоние сразу же, как спрятался, но со временем запах, казалось, стал еще сильнее и более отвратительным. Алекс представил, что мог пробовать на вкус эту вонючую рыбу. Тошнота подступила к горлу, ему захотелось откашляться и выплюнуть эту отвратительную субстанцию, захотелось встать и уйти отсюда, чтобы глотнуть свежего воздуха.

"И что тогда?" – спросил он себя. По всей вероятности, пуля в голову.

Ловкач почти вышел из пятна света посередине и уже хотел ступить в темный промежуток, как снова остановился как вкопанный.

"Он увидел пальто, – подумал Алекс. – Он знает, что оно было надето на меня. И что же он подумает? Будто я понял, что ему надо и начал волноваться, что он следует за мной; что я побежал от него; что пальто упало с плеч, а я был настолько напуган и не захотел терять время, чтобы остановиться и поднять его. Господи, пожалуйста, сделай, чтобы он подумал именно так".

Ловкач снова двинулся, но не медленно, как раньше, и без опаски. Уверенными шагами он направился прямо к третьему фонарю, прямо к брошенному пальто. Эхо его шагов далеко разлеталось между домами. И теперь он не осматривал пространство около пустых бочек так тщательно.

Алекс задержал дыхание.

Человек был в двадцати шагах от него.

Десять шагов.

Пять.

Как только он прошел мимо, так близко, что можно было коснуться его, Алекс поднялся в тени во весь рост.

Ловкач не заметил его. Теперь он был спиной к Алексу. Кроме того, его внимание было приковано к пальто.

Алекс выскользнул в проход и пошел за ним буквально на цыпочках, стараясь не шуметь и быстро сокращая расстояние между ними. Тот небольшой шум, что он производил, заглушался шагами его противника. На границе светового пятна у него был неприятный момент, когда он подумал, что выдаст себя тенью. Но тени падали назад.

Ловкач остановился в центре круга света, нагнулся и поднял пальто. Затем каким-то шестым чувством, вроде того что Алекс испытал сегодня в отеле, он понял, что не один. Он медленно начал поворачиваться.

Алекс со всей силой бросил бутылку "Авамори". Она попала в висок японцу. Бутылка взорвалась, стекло разлетелось во все стороны, и ночь наполнилась специфическим запахом сладкого картофельного коньяка.

Ловкач пошатнулся, выронил пальто, одну руку приложил к голове, а другой потянулся к Алексу, и вдруг упал, как будто его тело по какому-то волшебству перешло в жидкое состояние.

Алекс отпрыгнул на шаг назад: ему не хотелось быть схваченным за ногу и оказаться на земле.

Но опасность миновала. Ловкач был без сознания. На его волосах, лбу, щеках и подбородке блестела кровь.

Алекс осмотрелся. Он ожидал, что из домов выскочат люди и начнут стрелять в него. Звук бьющегося и падающего на кирпичную мостовую стекла прозвучал для него громоподобно. Он стоял, сжимая в правой руке горлышко бутылки, готовый убежать при первом же признаке погони, но некоторое время спустя он понял, что его никто не слышал.

Глава 17

Небольшая метель превратилась в снежную бурю. Плотная пелена белых хлопьев в вихре проносилась через проходной двор.

Человек, которого Алекс называл Ловкачом, был без сознания, но не очень серьезно ранен. Его сердцебиение было сильным, дыхание поверхностным, но ровным. Безобразный синяк отмечал то место, куда пришелся удар бутылки. Кровь из порезов на лице уже начала запекаться.

Алекс исследовал содержимое карманов японца. Он нашел монеты, пачку бумажных денег, книжечку картонных спичек, зеленую пластмассовую зубочистку, несколько бумажных носовых платков и расческу. Он не обнаружил ни бумажника, ни кредитных карточек, ни водительских прав и ничего другого, по чему можно бы было установить личность. Конечно, был и пистолет – сделанный в Японии семимиллиметровый автоматический, с искусно изготовленным глушителем. Ловкач носил его в правом наружном кармане. Этот правый карман был глубже, чем левый, что означало, что пистолет при себе был для Ловкача обычным делом и пользовался он им довольно регулярно. При нем был также найден запасной магазин на двадцать пуль.

Оттащив, Алекс прислонил его к стене одного из домов. Ловкач оставался неподвижным – его руки были опущены по бокам, ладони вывернуты вверх, а пальцы как-то скрючены, подбородок был опущен на грудь.

Алекс поднял испачканное пальто и набросил его на плечи, затем, с облегчением подумав, что заживающая рана не была потревожена, сунул левую руку обратно в перевязь.

Тонкое ледяное кружево снега покрывало волосы Ловкача. Эта снежная мантилья придавала ему вид пьяного весельчака, пытающегося рассмешить публику, надев кружевную салфеточку на голову.

Алекс наклонился и легонько, но настойчиво похлопал его по щекам.

Через некоторое время Ловкач зашевелился, открыл глаза, глуповато моргнул и посмотрел вокруг, а затем на Алекса. Сознание постепенно возвращалось к нему.

Алекс приставил пистолет к его сердцу. Удостоверившись, что Ловкач окончательно пришел в себя, он произнес:

– У меня есть к тебе несколько вопросов.

– Ты об этом очень пожалеешь, – получил он ответ по-японски. – Это я тебе обещаю.

Алекс продолжил разговор на том же языке.

– Зачем ты преследовал меня?

– Я не преследовал.

– Ты считаешь меня дураком?

– Да.

Японец замычал от боли, когда Алекс дважды ударил его рукояткой пистолета в солнечное сплетение.

– Ладно, – сказал Ловкач, – я хотел ограбить тебя.

– Это не та причина.

– Ты выглядишь, как богатый американец.

– Кто-то приказал тебе следить за мной.

- Ошибаешься.
- Кто твой хозяин?
- Я сам себе хозяин.
- Не ври мне.

Ловкач промолчал.

Из-за больной руки Алекс не мог вытряхнуть из него нужную информацию физически, но он был не прочь слегка помучить его психологически. Он приставил холодное дуло пистолета к левому глазу японца.

– Глазное яблоко похоже на студень, – сказал Алекс, – и мозги ненамного тверже его. Тебя найдут размазанным по этой стенке.

Ловкач, не мигая, пристально смотрел правым глазом. Он не выглядел запуганным.

– Хочешь уснуть навсегда? – спросил Алекс.

– Ты не убьешь меня.

– Не будь так уверен.

– Ты не убийца.

– Я убил двух человек.

– Да, – произнес Ловкач, – и в обоих случаях ты убивал в целях самозащиты.

– Это они тебе рассказали?

– Но ведь это так.

– Возможно, – сказал Алекс, – но ведь этот случай тоже можно отнести к самозащите.

– Только, если я попытаюсь отобрать оружие.

– Почему же ты не делаешь этого? – спросил Алекс.

– С меня довольно, – усмехнулся Ловкач. – Можете оставить пистолет себе, мистер Хантер.

Алекс продолжал держать дуло у глаза японца.

Какое-то время они оба молчали.

Ветер завывал в мусорных бачках, как будто это были органные трубы. От этой глухой неземной музыки ночь казалась в два раза холоднее, чем была на самом деле.

Наконец, Алекс вздохнул и выпрямился. Внимательно глядя сверху вниз на противника и все еще наводя пистолет, он произнес:

– Хотя ты не ответил ни на один из моих вопросов, пару вещей о тебе я все-таки выяснил.

Ловкач не шевельнулся.

– Ты, очевидно, хочешь, чтобы я спросил, а поскольку сила на твоей стороне, я сделаю это. Так что же ты выяснил обо мне? – нагло спросил он.

– Прежде всего, я выяснил, кем ты не являешься. Ты не обычный наемный убийца и не хулиган. Ты не вспотел.

– Да? – произнес он, явно развлекаясь. – А что обычный хулиган много потеет?

– Да, если кто-нибудь тычет ему в глаз пистолетом и угрожает размазать мозги по стенке. Обычно он не только потеет, но и теряет самообладание. Видишь ли и средний убийца, не имея уважения к человеческой жизни, предполагает, что ты будешь так же безжалостен, как и он. Он верит, что ты приведешь свои угрозы в исполнение, как и он бы сделал, и поэтому потеет. Я знаю это наверняка. Я имел дело с таким сортом людишек несколько раз.

Ловкач кивнул:

– Интересно.

– Существуют только две категории людей, у которых очень сильное, непоколебимое, как у тебя, самообладание, – сказал Алекс.

– Правые и справедливые?

Алекс пропустил это замечание мимо ушей.

– Первая категория – это маньяки-человеконенавистники, психопаты, не могущие связать причину и следствие, убийцы, часто не понимающие, что за преступление надо

расплачиваться.

– Отсюда следует, что я психопат?

– Нет, ты относишься ко второй категории – фанатик.

– Правоверный, – сказал Ловкач.

– Да.

– И в чем же я такой фанатичный?

– А это всегда проявляется в одном из двух, – ответил Алекс.

– В чем же?

– Либо в религии, либо в политике.

Пока они разговаривали, метель утихла, ветер дул не с такой силой, и теперь музыка, извлекаемая из мусорных бачков, была тихой и потусторонне баюкающей. Хмурясь, Ловкач произнес:

– А ты ничего, соображаешь. Но я пока не врубаюсь, к чему идет весь этот разговор.

Алекс помахал перед ним пистолетом.

– Я хочу, чтобы твои хозяева поняли, что им не удастся играть мной, как будто я – какой-то неопытный деревенский простак. Каждый раз, когда они беспокоят меня, неважно как, я буду узнавать о них что-нибудь новое. Это неизбежно. Они могут думать, что они вне подозрений, даже невидимые, но каждый этот чертов раз они будут обнаруживать свое присутствие, даже не подозревая этого. Я наблюдательный и проницательный. В конце концов, по крайней мере в финансовом плане, я – самый удачный из частных детективов в мире. И если они что-нибудь слышали обо мне, то знают, что я вышел из низов, а сейчас – по колено в деньгах. И если они что-то понимают в людях, они должны знать, что такие парни, как я, парни, помнящие голод... мы, как терьеры: мы вцепляемся в крысу и треплем, треплем, треплем ее. Мы никогда не позволим себе отойти от этой крысы, пока она не будет мертва, и неважно, сколько раз она укусит нас за нос. Рано или поздно, я сложу вместе все кусочки информации, которые они дадут мне, и узнаю, кто они, что они делают с Джоанной Ранд и почему.

– Если ты проживешь достаточно долго.

– О, я проживу, – сказал Алекс. – Ты знаешь, если дело касается самозащиты, у меня не возникнет никаких угрызений совести по поводу убийства. Поэтому ты должен передать им это послание. Скажи им, что если они вынудят меня выжать эту историю капля за каплей, я растрюблю ее по всему миру, как только раскручу. Я устрою очень публичное окончание делу Шелгрин. Но есть еще вариант: если они сохраняют мне время и силы, придут ко мне и объяснятся, то есть слабая надежда, что я сочту целесообразным и приемлемым держать рот закрытым. Так или иначе, я заполучу их тайну.

– Ты безумец, если думаешь, что они будут сидеть сложа руки и разговаривать разговоры с тобой, – произнес Ловкач, почти презрительно усмехаясь. – У тебя нет ни малейшего представления, на что делается ставка.

– Так же, как и у тебя, – сказал Алекс. – Не пытайся корчить из себя важную птицу. Они не много тебе рассказали. Ты – шестерка. Вот как раз и доставишь сообщение. Я жду их звонка в отель до завтрашнего полудня. И скажи им, что меня эта игра уже утомила. Мне не нравится, когда мои комнаты обыскиваются, перед моим носом размахивают ножом, за мной следят и втягивают меня в грязные мелкие дворовые потасовки. Для них будет лучше прекратить подобные штуки. Если они не захотят остановиться, то им лучше бы понять, что я ведь могу быть самым мстительным сукиным сыном.

– Я тоже, – сказал Ловкач.

– Я быстрее и находчивее тебя, приятель. И моли Бога, чтобы он дал тебе силы победить твою мстительность на это время.

Все еще держа оружие наготове, Алекс отошел назад. Когда между ними было около двадцати ярдов мостовой, он повернулся и пошел прочь. В конце проходного двора, перед тем как завернуть за угол, он оглянулся на Ловкача.

Тот все еще сидел, привалившись к стене. Он даже не пошевелился. Он не собирался

давать Алексу ни малейшего повода застрелить его.

Алекс поставил пистолет на предохранитель, засунул за ремень и застегнул поверх него пиджак.

Ловкач не встал.

Алекс завернул за угол и быстро пошел через дворы к центральным улицам Гайона. Было темно. Холодно. Ему не хотелось в эту ночь спать одному.

Глава 18

В темной комнате, на кровати, глядя на покрытый тенями потолок, Джоанна испугала себя, внезапно громко произнеся: "Алекс". Она произнесла это так неожиданно, невольно – как слабый крик о помощи. Почти как будто это слово исходило от кого-то другого. Но с ней никого не было, что, по существу, и было причиной ее призыва. Это имя еще пару минут отдавалось в воздухе, пока Джоанна размышляла о том, что оно для нее значит.

Она чувствовала себя жалкой. Ее заставили, как это было уже столько раз в прошлом, выбрать между мужчиной и ее абсурдной независимостью, доведенной до состояния навязчивой идеи. Однако в этот раз она знала, что тот или иной выбор все равно убьет ее. Она была на краю пропасти. Ее силы были истощены годами беспрекословного повиновения демону внутри нее, требующему этого неестественного одиночества. Она чувствовала себя слабой. Беспомощной. Если она продолжит отношения с Алексом Хантером, мир опять будет сжимать ее, как в тисках. Потолок, стены, пол, земля и небо будут давить ее в клаустрофобическом кошмаре, выжимая из нее сок разума и оставляя только сухие волокна безумия. Но если она не продолжит отношения с ним, ей придется признать и окончательно принять самую важную истину, касающуюся ее: она всегда будет одинока. Такой отказ и ужасное будущее, которое он обещал устроить, делали ее потенциальным клиентом психиатрической лечебницы. Так или иначе, но скоро она не сможет сопротивляться любой боли.

Как бы то ни было, теперь два часа ночи, и ей невыносимо дольше терпеть эти размышления о затруднительном положении, в которое она попала. Голова болела, глаза горели, в теле было ощущение, будто оно сделано из свинца. Она должна лечь и уснуть. Во сне она обретет несколько часов, свободных от стресса и беспокойства, пока снова не проснется от кошмара.

Джоанна заставила себя подняться и сесть на край кровати. Не включая свет, она открыла тумбочку и нашла пузырек со снотворным. Час назад она уже приняла его, но сна все еще не было ни в одном глазу. Возможно, еще одна таблетка не повредит.

Но затем она подумала: "Почему только одна? Почему не съесть сразу все, что здесь есть?"

Ее нервное истощение, ужас остаться одной и депрессия были настолько тяжелы, что она не отвергла эту идею немедленно, как сделала бы это еще вчера.

В темноте, как кающийся благоговейно перебирает четки, Джоанна считала таблетки.

Двадцать.

Вполне достаточно для долгого сна.

"О, нет. Нет, нет. Не называй это долгим сном, – печально сказала она себе. – Не надо иносказаний. Сохраняй самоуважение. Будь честна с собой, и ничего больше. Назови это так, как есть. Самоубийство. Это слово пугает тебя? Самоубийство. Самоубийство".

Это слово не испугало, не оскорбило и не смутило ее. Джоанна знала, что это ее решение было ни чем иным, как ужасной потерей воли. До сих пор она не осознавала, как постепенно сходили на нет решительность и личное честолюбие, которые всегда были источником ее гордости. Она попала в водоворот зла, того особого зла слабости и легкой капитуляции перед судьбой, зла, вырастающего из незаметно подкрадывающейся ненависти к себе. Увидев такое безобразие в себе, она должна была рассердиться, дать отпор, подбодрить себя, перечисляя свои хорошие качества и множество добрых дел, с

оптимистическим прогнозом всего того удивительного, что она могла бы сделать, какой могла бы быть и что могла бы иметь, останься жить. Даже если ее коварным врагом была она сама на грани самоубийства, она должна была отчаянно бороться за жизнь. Но она не делала этого. У нее совершенно не осталось на это сил. Она просто села на край кровати и считала снотворные таблетки.

Самоубийство.

Это слово казалось теперь музыкальным и наполненным обещания. Нет больше одиночества. Нет больше отказа от желания любить всей душой и телом. Нет больше чувства, что она не такая, как все, что отличается от всех людей. Нет больше сомнений. Нет больше никакой боли. Нет больше кошмаров, видений шприцев и хватающих механических рук. Нет больше.

По крайней мере, в этот момент Джоанне не надо было выбирать между Алексом Хантером и ее болезненной необходимостью уничтожить свою любовь, где бы и когда бы та не проявлялась. Теперь выбор был проще, но намного более глубокий: ей надо было решить – принять одну таблетку или все двадцать.

Джоанна держала их в ладонке, сложенной горсточкой.

Таблетки были гладкие и прохладные, как камешки на дне реки.

Глава 19

Алекс привык терять на сон как можно меньше времени. Но этой ночью он не мог позволить себе даже тех нескольких часов, что ему требовались. Его мозг интенсивно работал, и Алекс не собирался тормозить его.

Он взял бутылку пива из кладовой и устроился в кресле в гостиной. Единственным освещением в комнате было проникающее через высокие окна бледное, призрачное свечение предрассветного Киото.

Алекс анализировал сложившуюся ситуацию. Мысленно он ходил вокруг нее, как будто это была скульптура. Он поинтересовался, какой следующий шаг предпримут хозяева Ловкача. Возможно, они действительно позвонят и достаточно расскажут ему о деле Шелгрин, чтобы откупиться, как он и предложил их "мальчику на побегушках". С другой стороны, было мало вероятности, что они изменят свое поведение просто потому, что он сказал им так сделать. Они посчитают, что его нельзя купить ни информацией, ни деньгами, и будут не так уж и не правы. Как бы то ни было, телефон вполне мог зазвонить. Эта возможность не исключалась. Но более вероятно, что они выберут ужесточение мер противодействия. Зверски избить его. Вывести его из строя. Преподать ему хороший урок. Может быть, даже убить его. Опасность не особо производила на него впечатление. И другие люди пытались убить его и жили, правда недолго, в тех двух случаях, чтобы потом пожалеть об этом. Он пришел в свою профессию с талантом оставаться живым (одно из немногих преимуществ взросления в условиях бедности и домашнего хаоса, под тяжелой рукой родителей-алкоголиков, скорых на расправу, считающих плохое обращение с ребенком вполне приемлемой разрядкой напряжения) и годами исследовал, развивал и оттачивал этот талант.

Фактически не беспокойство и не страх удерживали Алекса от сна. В минуту откровения с собой ему пришлось признать, что единственной причиной его бессонницы была Джоанна Ранд. Стремительный поток образов проносился у него в мозгу: Джоанна в желтовато-коричневом брючном костюме, который был надет на ней к обеду в "Мицутани"; Джоанна на сцене в "Прогулке в лунном свете", плавнодвигающаяся, одетая в платье красного шелка; Джоанна смеющаяся; Джоанна, откидывающая голову и быстрым движением руки заправляющая волосы за уши. Ему хотелось гладить ее гибкое тело, ласкать ее, расчесывать пальцами ее золотистые волосы, изучить до последней родинки ее груди и живот, соски и бедра. Ему хотелось любить ее и чувствовать ее ответ. Уже лежа в постели и пытаясь заснуть, он не мог ни о чем другом думать, кроме как о том, что она будет напротив

него, над ним, под ним. Это возбуждало его, удивляло и смущало. "Как подросток, потерявший самообладание", – подумал он. Много воды утекло с тех пор, когда женщина вызывала в нем столь бурные фантазии.

Однако самым интересным и тревожным было то, что это желание не было ни единственным, ни самым сильным чувством, которое Джоанна разбудила в нем. По отношению к ней он чувствовал нежность, что было больше, чем просто симпатия. Она нравилась ему, и это было более сильное чувство, чем дружба.

Не любовь.

Он не верил в любовь.

Его родители доказали ему, что любовь – это слово без значения, это всего лишь притворство, эмоциональный наркотик, которым люди обманывают себя, ширма, за которой они прячут их истинные чувства. От случая к случаю и всегда с явной неискренностью его мать и отец говорили ему, что они любят Маленького Алекса. (Его отец был Большой Алекс, и часто Маленькому Алексу казалось, что мама по большей части жестоко обижала его, когда бывала сердита на Большого Алекса, да и Большой Алекс тоже скверно обращался с Маленьким). Иногда, когда на них находило настроение – обычно после того, как утреннее похмелье было побеждено, но до того, как дневная порция виски разбудит в них драконов – они обнимали Маленького Алекса, плакали и громко ругали себя за то, что они сделали: за очередной подбитый глаз, синяк, или порез, или ожог. Когда они чувствовали себя особенно виноватыми, то покупали для Маленького Алекса множество недорогих подарков: комиксы, дешевые игрушки, леденцы, мороженое, как будто закончилась какая-то война и требовалось возместить убытки. Но эта штука, которую они называли любовью, никогда не длилась долго. Через несколько часов она увядала, а через день или два исчезала совсем. Со временем Алекс стал бояться, когда его родители сюсюкали и пьяно демонстрировали свою "любовь", потому что, когда она шла на убыль, как это бывало всегда, злость, враждебность и жестокость казались еще хуже в сравнении с тем кратким перемирием. В своем лучшем проявлении любовь была как приправа, как перец или соль, которыми пользуются, чтобы сдобрить горький вкус одиночества, ненависти и боли.

Поэтому он не влюбился, не влюбится и просто не смог бы влюбиться в Джоанну Ранд. Он на самом деле что-то чувствовал к ней, что-то довольно сильное, но он не знал, как это назвать. Больше, чем желание или привязанность. Что-то новое. И странное.

Он выпил две бутылки пива и вернулся в постель. Ему никак было не улечься удобно. Он ложился на спину, на правый бок, на живот, по-всякому, как только позволяла его поврежденная левая рука. Но повреждение было ни при чем, при чем здесь была Джоанна. Наконец, он попытался отогнать ее живой образ, представляя усыпляющее колыхание моря, грациозно перекатывающиеся массы воды, бесконечные цепи волн, вздымающихся в ночи и разбивающихся о песчаный берег, пену, похожую на воздушную кружевную шаль, и через некоторое время он действительно уснул, но ему не удалось изгнать ее из своего воображения, потому что Джоанна появлялась, как русалка на гребнях волн, как много русалок, как сто миллионов Джоанн с гладкими рыбьими хвостами и плавниками. Все сто миллионов, ряд за рядом, направлялись к песчаному берегу, перекатываясь, вздымаясь и разбиваясь, перекатываясь, вздымаясь...

Раздался звонок.

Алекс сел в постели, как будто вытолкнутый пружиной. В темноте он пошарил в поисках отобранного у Ловкача пистолета и нашел его на тумбочке, где и оставлял. Он вылез из постели и некоторое время стоял, раскачиваясь, как на сильном ветру.

Постепенно он осознал, что это звонил телефон. Алекс положил оружие обратно, где оно и было, и присел на край кровати.

Светящийся циферблат ходиков показывал 4.30 утра. Он спал меньше часа.

Алекс снял трубку, ожидая услышать голос одного из хозяев Ловкача:

– Да?

– Это вы, Алекс-сан?

– Марико-сан? – удивленно спросил Алекс.
– Извините, что разбудила вас, – сказала она.
Он был смущен. Марико? В такой час?
– Ничего страшного, – ответил он.
– Джоанна попросила меня позвонить вам.
– Я слушаю.
– Вы можете приехать прямо сейчас?
Его сердце начало сильно биться.
– Куда? В "Лунный свет"?
– Да.
– Что случилось?
– Случилось большое несчастье, Алекс-сан.
– Большое несчастье... с Джоанной?
– Да.
Алекс задрожал. Ему вдруг стало дурно.
Марико говорила, как будто собиралась заплакать.
– Алекс-сан, она попыталась...
Ее голос изменил ей.
– Марико! Ради Бога, скажите мне!
Марико собралась с силами и выдохнула, как одно слово:
– Джоанна-попыталась-убить-себя.

Глава 20

Такси доставило Алекса в "Прогулку в лунном свете".
Все еще шел небольшой снежок, но улицы были покрыты им менее, чем на четверть дюйма.

Марико ждала его у входной двери.
– Где Джоанна? – спросил он, войдя внутрь.
– Наверху, Алекс-сан.
– Как она?
– Все будет в порядке.
– Вы уверены?
– С ней сейчас доктор.
– И он сказал, что с ней будет все нормально?
– Да.
– Он хороший доктор?
– Она обращается к нему уже не первый год.
– Специалист мог бы...
– Нет необходимости. Да и какой доктор специализируется в... подобной области.
– Я имею в виду, что могу позволить себе самого лучшего.
Марико улыбнулась.
– Очень мило. Но вы знаете, Джоанна не бедна. И я уверяю вас, Алекс-сан, что наш доктор Мифуни способен справиться сам.

Алекс прошел за Марико мимо голубого зеркала бара в элегантно обставленную контору и вверх по лестнице в квартиру Джоанны.

Мебель жилой комнаты была сделана из тростника, ротанга и прутьев. Помещение украшалось множеством растений в горшках и полудюжиной отличных японских акварелей.

– Она в спальне с доктором, – сказала Марико. – Подождем здесь.
Они сели на кушетку.
– Это был пистолет? – спросил Алекс.
– Пистолет?

– Что она использовала?
– А, снотворное.
– Кто обнаружил ее?
– Она нашла меня. У меня на этом этаже трехкомнатная квартира. В час я легла спать. И уже засыпала, когда услышала... Я услышала ее... я... – Ее голос сорвался, и она непроизвольно затряслась.

Алекс положил руку ей на плечо.

– Ну, теперь все в порядке, ведь так? – спросил он. – Вы сказали, что она выкарабкается.

Марико закусил губу и кивнула.

– Она вошла в мою комнату и разбудила меня. Она сказала: "Марико-сан, боюсь, я, как обычно, сильно свалила дурака".

– Господи.

– В бутылочке было двадцать таблеток, – рассказывала Марико. – Джоанна приняла четырнадцать прежде, чем поняла, что самоубийство – это не выход. Она попросила меня вызвать неотложку.

– Почему она не в больнице?

– Скорая помощь прибыла со всем необходимым, – сказала Марико. – Они заставили ее глотать трубку... Прочистили ей желудок прямо здесь. – Она закрыла глаза и поморщилась.

– Понимаю, – сказал Алекс, – это неприятно.

– Я не могла смотреть, но я держала ее за руку. К тому времени, как все закончилось, прибыл доктор Мифуни. Он поговорил с Джоанной и осмотрел ее, и решил, что в госпитализации не было необходимости.

Алекс взглянул на дверь спальни. Что там происходит? Возникли какие-нибудь осложнения?

Он снова посмотрел на Марико и сказал:

– Она впервые попыталась убить себя?

– Конечно!

– У некоторых людей это входит в привычку.

– Да что вы?

– Да.

– Ну, не у Джоанны.

– Вы думаете, она действительно хотела убить себя? – спросил Алекс.

– Сначала, да.

– А что заставило ее изменить решение?

– Она поняла, что оно не верное.

– Некоторые люди только симулируют самоубийство.

– Что вы говорите?

– Они хотят сочувствия и...

Марико прервала его. Ее голос был, как холодный пар, поднимающийся от сухого льда.

– Если вы думаете, что Джоанна дойдет до такого, то вы совсем не знаете ее. – Тело Марико было напряженным от гнева, ее маленькие ручки сжались в кулачки. Она возмущенно взглянула на Алекса.

Немного подумав, он сказал:

– Вы правы, Джоанна не эгоистка и не ограниченная натура.

Некоторое время Марико внимательно смотрела на него, пока не поняла, что он имел в виду, говоря так, затем ее напряженность немного ослабла.

– Но я также не думаю, что она принадлежит к типу людей, кто серьезно замышляет самоубийство, – сказал Алекс.

– Она была в глубокой депрессии перед тем, как встретила вас. После того, как она... отвергла вас... ей стало еще хуже. По крайней мере, на минуту она настолько ослабела, что была способна на самоубийство. Но она сильная. Даже сильнее, чем моя мама-сан, которая

по характеру железная леди. В последнюю минуту Джоанна нашла силы побороть депрессию.

Дверь спальни открылась, и доктор Мифуни вошел в гостиную.

Марико и Алекс встали.

Мифуни был невысокий мужчина с круглым лицом и густыми черными волосами. Встречая кого-нибудь незнакомого, японцы обычно улыбаются. Мифуни был хмур.

– Что-нибудь не так? – мысленно поинтересовался Алекс. Во рту вдруг стало сухо, как будто там припудрили.

Даже при этих менее чем благоприятных обстоятельствах Марико нашла время, чтобы по этикету представить мужчин друг другу, сказав о каждом несколько добрых слов. И вот теперь появилась любезная улыбка.

Алексу хотелось крикнуть им, чтобы они перестали, схватить доктора за грудки и трясти, трясти его, пока тот не расскажет им все о Джоанне. И в то же время его удивляло, почему он так глубоко и искренне беспокоился о женщине, с которой был знаком так недолго.

Он взял себя в руки и поклонился доктору.

Мифуни тоже поклонился:

– Сочту за честь познакомиться с вами, мистер Хантер.

– Джоанна чувствует себя лучше? – спросила Марико.

– Я дал лекарство, чтобы успокоить ее и помочь уснуть, – сказал Мифуни, – но есть еще немного времени, чтобы мистер Хантер мог поговорить с ней, до того как успокоительное подействует. – Он улыбнулся Алексу. – Она настаивает на встрече с вами.

Испуганный неразберихой чувств, нахлынувших на него, Алекс медленно пошел через гостиную, вошел в спальню и плотно закрыл за собой дверь.

Глава 21

Алекс ожидал увидеть Джоанну изможденной, осунувшейся, отмеченной суровым испытанием, но она была красива. Джоанна сидела в кровати, поддерживаемая подушками. На ней была одета синяя шелковая пижама, под которой вырисовывались ее полные груди. Ему были видны дразнящие очертания сосков, выделяющихся под тонкой материей. Хотя ее волосы были влажные и невьющиеся, все-таки они были достаточно мягкими, густыми и золотистыми, чтобы снова навести его на мысль расчесать их пальцами. Конечно, она была бледна. На висках голубели вены. Она казалась полупрозрачной. Огромные круги усталости очерчивали ее глаза, но они могли сойти за искусно наложенные тени грима. Только в ее аметистово-синих глазах было видно страдание, и, увидев эту боль, Алекс почувствовал слабость.

Джоанна похлопала по краю кровати, и он сел рядом с ней.

– Что случилось с вашей рукой? – спросила она.

– Порезался. Ничего серьезного.

– Вы обращались к доктору?

– Там даже не надо накладывать швы.

Они немного помолчали.

Наконец, Джоанна произнесла:

– Что вы должны думать обо мне?

– Я думаю, что вы выглядите очень милой.

– Я в беспорядке.

– Ну, если вы знаете такое средство, чтобы, приняв его, женщина могла выглядеть так же хорошо, как и вы, когда вы в беспорядке, то вы сделаете переворот в мире косметики и сколотите состояние в миллионы долларов.

– Мой Бог, – сказала Джоанна, – я думала, только Кэри Грант мог бы быть так очарователен. Не удивительно, если женщины бросаются вам на шею.

– А они это делают?
– А разве нет?
– Прямо на шею? В самом деле?
– Не скромничайте.
– Вы бросились мне на шею?
С удивляющей застенчивостью Джоанна произнесла:
– Вы заставляете меня краснеть, а я уже много лет не делала этого.
– Мне хотелось увидеть румянец на вашем лице.
– Послушайте, – сказала она, – доктор дал мне успокоительное, но перед тем, как я усну, мне надо сказать вам что-то важное.
– Я слушаю.
– Вы все еще думаете, что я не знаю, кто я?
– Если вы спрашиваете меня, верю ли я все еще, что вы – Лиза Шелгрин, то да.
– Как вы можете быть так уверены?
– Со времени нашего обеда произошли некоторые события.
– Какие события? – спросила она.
– За мной следили всюду, куда бы я ни шел.
– Кто?
– Этого так сразу не объяснишь.
– Я никуда не спешу.
– Ваши глаза закрываются.
Она сонно моргнула.
– Сегодня я достигла переломного момента... И чуть не наделала глупостей.
– Тише. Все позади.
– Я поняла, что должна была или умереть, или выяснить, почему так себя веду.
Он взял ее руку.
– Со мной что-то не так. Я чувствую себя всегда опустошенной и... отделенной. Много лет назад со мной случилось нечто, что сделало меня такой, какая я теперь. Не подумайте, что я извиняюсь, Алекс.
– Я понимаю, – произнес он, – Бог знает, что они с вами сделали.
– Я должна выяснить, что это было.
– Обязательно, – сказал он.
– Я должна узнать его имя.
– Чье имя?
– Человека с механической рукой.
– Мы найдем его.
– Он опасен.
– Я тоже.
Джоанна соскользнула вниз и легла на спину.
– Черт побери, мне так не хочется засыпать теперь.
Алекс взял одну из двух подушек из-под ее головы и вытащил покрывало.
Ее голос звучал все глуше.
– Там была комната... комната, пропахшая антисептиками... может быть, где-то в больнице.
– Мы найдем ее.
– Я хочу нанять вас, чтобы вы помогли мне.
– Меня уже наняли. Сенатор Шелгрин заплатил мне маленькое состояние, чтобы найти свою дочь. Теперь приближается время, когда я смогу отплатить ему делом.
– Вы вернетесь завтра?
– Да.
– Во сколько? – спросила она.
– Когда захотите.

- В час дня.
- Я буду здесь.
- А что если я к этому времени не проснусь?
- Я подожду.

Джоанна молчала так долго, что он подумал, что она уже уснула. Потом она произнесла:

- Я так испугалась.
- Теперь все в порядке.
- Я все еще напугана... но не так сильно, как раньше.
- Все будет отлично.
- Я рада, что вы здесь, Алекс.
- И я тоже.

Она повернулась на бок.

Она спала. Единственным звуком было слабое жужжание электрических часов. "Никто из нас не сказал слова "люблю", – подумал Алекс. Немного помедлив, он поцеловал ее в лоб и вышел из комнаты.

Глава 22

Марико сидела на тахте. Мифуни ушел.

- Успокоительное подействовало, – сказал Алекс.
- Доктор говорил, что она будет спать пять или шесть часов и проснется только к полудню.

– Вы останетесь здесь с ней?

– Конечно, – Марико встала. Она поправила воротник тяжелого, бесформенного коричневого халата, одетого на ней. – Хотите чаю?

– Было бы неплохо.

Пока они сидели за маленьким кухонным столиком и пили чай с миндальными вафлями, Алекс рассказал Марико Инамури все о деле Шелгрин, о взломщике, которого он обнаружил у себя в номере в отеле, и о человеке, которого встретил в Гайонском проходном дворе несколько часов назад.

– Невероятно, – сказала Марико. – Но почему? Почему они изменили имя девушки, личность... полностью заменили память... и доставили ее в Киото?

– Не могу представить, – сказал Алекс. – Но я это выясню. Смотрите же, Марико, я рассказал вам это, чтобы вы поняли, что Джоанной манипулируют очень опасные люди. Пока они мерзки только со мной, но когда выяснится, что Джоанна попросила меня о помощи, они станут еще омерзительнее. Сегодня, когда вы открывали мне дверь, вы не спросили, кто там. Теперь будьте впредь более осторожной.

– Но я ждала вас, – возразила Марико.

– Не важно. Теперь, если кто-нибудь позвонит в дверь, не открывайте, пока не узнаете, кто это. У вас есть оружие?

– Я уверена, они не причинят вреда Джоанне.

– Самое худшее, что мы можем сделать, это недооценить их.

– Мы не в силах защищать ее каждую минуту. Как быть, когда она будет выходить на сцену? Тогда она – идеальная мишень.

– Если я и должен что-то сказать об этом, то только то, что она не будет выступать, пока все не уладится.

– Несмотря на все то ужасное, что они сделали с ней, они не повредили ее физически.

– Если они узнают, что она расследует свое прошлое, и посчитают, что она сможет узнать о них достаточно, чтобы разоблачить, то они могут стать, мягко говоря, грубыми. Вы должны постоянно помнить, что мы не знаем, кто они и на что делают ставки.

Немного подумав, Марико произнесла:

– Не могу вообразить, что кто-нибудь может причинить вред Джоанне, но полагаю, вы знаете все человеческие типы, с которыми я незнакома.

– Точно. Они относятся к тому сорту, с которым вам никогда не захочется встретиться.

– Ладно. Я сделаю, как вы сказали, и буду осторожна.

– Хорошо.

Алекс допил свой чай, а Марико тем временем вызвала для него такси.

Внизу, у входной двери, когда Алекс уже вышел на улицу, Марико сказала:

– Алекс-сан, вы не пожалеете, что помогли ей.

– А я и не собирался жалеть.

– Вы найдете то, что искали в жизни.

Его брови взметнулись вверх.

– А я думал, что уже нашел.

– Нет. Вы нуждаетесь в Джоанне так же, как и она в вас.

– Вы мне уже говорили это, – сказал Алекс.

– Правда?

– Вы же сами знаете.

Она улыбнулась, поклонилась и полушутя-полусерьезно изрекла народную мудрость:

– Достойный детектив должен знать, что повторение правды не делает ее менее правдивой, а сопротивление правде – не более, чем временное безумие.

Марико закрыла дверь, и Алекс постоял около нее, пока не защелкнулся замок.

Такси ждало его.

Красная "Тойота" следовала за ним весь путь до отеля.

Глава 23

Усталость победила бессонницу. Алекс проспал четыре часа и встал в десять минут двенадцатого. Было утро пятницы.

Алекс побрился и быстро принял душ, решив при этом, что не стоит терять время на перевязку руки. Он хотел подготовиться к встрече курьера из Чикаго на случай, если тот прибудет несколько раньше.

Когда он направился в гардероб выбрать костюм, зазвонил телефон. Алекс сиял трубку в спальне.

– Алло?

– Мистер Хантер?

– Да.

– Мы встречались прошлой ночью.

– Доктор Мифуни?

– Кто?

– Кто это? – спросил Алекс.

– У вас мой пистолет.

Ловкач.

– Продолжай, – сказал Алекс.

– Мои хозяева поручили мне сказать, что они пришлют послание в течение часа.

– Ты хочешь сказать, что они согласны сотрудничать?

Ловкач отключился.

Алекс положил трубку.

– Какова цель этого звонка? – спросил он себя вслух. – Это обещание сотрудничества или угроза? – После короткого размышления, разложив в уме все по своим местам, он, наконец, произнес:

– Угроза.

Алекс быстро оделся. Он сунул пистолет под рубашку и застегнул ее. Если он наденет пиджак, то также застегнет и его. Оружие было слишком громоздким, чтобы носить его

заткнутым за пояс весь день, и хотя не так-то легко было держать его под рубашкой, по крайней мере, теперь он мог садиться и пистолет не тыкался ему в пах.

Он не знал ни одной страны, где можно было бы носить украденный пистолет, снабженный глушителем, без разрешения.

Алекс сделал свой выбор, быть ли ему живым преступником или добропорядочным, но мертвым гражданином.

Он ждал в гостиной.

В восемь минут первого раздался резкий стук в дверь. Алекс вышел в прихожую, вытащил из-под рубашки пистолет и спросил:

– Кто там?

– Посыльный, мистер Хантер.

В данных условиях эти три слова были ни чем иным, как правдой.

Не снимая цепочки, Алекс приоткрыл дверь. Цепочка была совершенно бесполезной: она не выдержала бы напора того, кто посильнее ударил бы в дверь. Но, возможно, она даст ему преимущество, ту секунду или две, которые сохранят ему жизнь.

Человек в коридоре был одним из двух посыльных, которые несли наверх багаж Алекса, когда он въезжал в гостиницу. Он был совершенно расстроен и очень нервничал.

– Извините, что я потревожил вас, мистер Хантер, но я должен спросить, знаете ли вы человека по имени Кеннеди.

Неожиданный вопрос на мгновение привел Алекса в замешательство. Он моргнул и произнес:

– Да, конечно. Он работает у меня.

– С ним произошел несчастный случай.

– Когда?

– Пятнадцать минут назад. Не более того, – ответил посыльный. – Машина. Прямо перед отелем.

Блейкеншип не упомянул в каблограмме имя курьера. Этим человеком был Кеннеди.

Посыльный сказал:

– Бригада скорой помощи хочет забрать мистера Кеннеди в больницу, но каждый раз, как только они приближаются к нему, он дерется, отталкивает их и кусается.

Алекс подумал, что он не правильно понял: они говорили по-японски, и посыльный говорил очень быстро.

– Вы сказали, он дерется и отталкивает их?

– Да, сэр. И кусается. Он никому не дает прикоснуться к нему и забрать его, пока не поговорит с вами. Полиция не хочет с ним связываться: они боятся усугубить его повреждения.

– Момент, и я иду с вами.

До этого Алекс держал пистолет так, чтобы посыльный его не видел. Теперь он закрыл дверь, спрятал пистолет под рубашку, застегнул и рубашку и пиджак, снял цепочку и снова открыл дверь.

Они побежали к лифту. Второй посыльный держал для них лифт на этаже.

Когда они ехали вниз, Алекс спросил:

– Вы видели, как это произошло?

– Да, – ответил первый посыльный. – Мистер Кеннеди вышел из такси, а красная "Тойота", резко свернув из потока машин, выехала на тротуар и ударила его.

– Водителя задержали?

– Он скрылся.

– Он не остановился?

– Нет, сэр.

– В каком состоянии мистер Кеннеди?

– У него нога, – сказал первый посыльный. Он старался избегать взгляда Алекса.

– Сломана? – спросил Алекс.

Первый посыльный не хотел говорить об этом.

– Там много крови, – сказал второй посыльный.

В вестибюле отеля почти никого не было. Все, кроме портье, были на месте происшествия, на улице.

Алекс проталкивался через толпу, пока не увидел Уэйна Кеннеди. Тот сидел на тротуаре, привалившись спиной к стене здания. С трех сторон от Уэйна было открытое пространство, как будто он был диким зверем, никого не подпускающим к себе. По бокам от него стояли два чемодана, оба они были запятнаны кровью и сильно помяты. Кеннеди держал руку на одном из них и при этом яростно кричал на санитаров скорой помощи, который осмелился приблизиться к нему на пять шагов, но не решался подойти ближе.

Кеннеди представлял собой впечатляющее зрелище. Это был привлекательный чернокожий мужчина лет тридцати с модной стрижкой и склонный носить такую же элегантную и почти такую же дорогую одежду, как та, что носил Алекс. Но не внешность Кеннеди, не его цвет кожи, не его шикарный гардероб удерживали медиков на расстоянии. Они оробели перед его величиной и разъяренностью, как сделал бы на их месте любой благоразумный человек. Кеннеди был ростом шесть футов четыре дюйма и весил, по крайней мере, двести сорок фунтов, этаким мускулистым силачом. Дико вращающий глазами, ругающийся срывающимся голосом, потрясающий огромным кулаком в сторону медиков, казалось, он был сделан из больших каменных глыб, два на четыре, железнодорожных шпал и шлагбаумов. Не как смертный человек. Настоящий Гигант.

Когда Алекс взглянул на повреждения Кеннеди, он был ошеломлен и вдвойне поражен его бравадой, наполненной криком и размахиванием кулаком. Нога была не только сломана, она была раздавлена. Осколок кости пронзал плоть и брюки, которые были насквозь пропитаны кровью.

Алекс протолкался через внутренний круг зевак и направился к Кеннеди.

Тот боковым зрением уловил это движение и повернулся к нему, ругаясь, но затем увидел, кто это был.

– Слава Богу, вы здесь, – сказал он.

Алекс опустился на колено около Уэйна.

Кеннеди откинулся назад, как будто кто-то обрезал веревочки, поддерживавшие его. Теперь он казался меньше; буйство, нечеловеческая сила, наполнявшие его, исчезли. Он покрылся потом и затрясся от озноба. Его лицо было искажено – графическая иллюстрация боли. Глаза были навыкате. Он был в предшоковом состоянии. Удивительно, как ему удалось собрать достаточно адреналина, чтобы всякого удерживать на расстоянии целых пятнадцать минут.

– Ты действительно отталкивал медиков, как они сказали?

– Ни один из этих сволочей не говорит по-английски! – произнес Кеннеди, как настоящий уроженец Чикаго, и наперекор ситуации продолжал дальше на беглом английском. – Вы не знаете, через что мне пришлось пройти... чтобы найти хоть кого-нибудь, кто бы говорил по-английски. Я не мог... позволить им увезти меня... пока я не доставлю вам досье. – Он указал на один из чемоданов.

– Господи, парень, досье не такое уж важное!

– Нет, оно должно быть таким, – произнес Кеннеди. – Кто-то пытался... убить меня из-за него. Это не... несчастный случай.

– Откуда ты это знаешь?

– Я видел того сукина сына, – поморщившись от боли, сказал Кеннеди. – Красная "Тойота". Я отошел... с его пути... но он повернул прямо на меня.

Алекс подал сигнал медикам, и они подбежали с носилками.

– Двое мужчин... в "Тойоте", – произнес Кеннеди.

– Береги силы, – сказал Алекс, – ты сможешь рассказать мне об этом и позже.

– Мне бы хотелось... рассказать сейчас. В голове все мешается... от боли. "Тойота" ударила меня... отбросила меня к стене... и прижала к ней... затем отъехала назад... Парень

рядом с водителем... вылез и схватил чемодан. Мы поиграли... кто кого перетянет... какое-то время. Л затем я укусил его за руку... Почтя оттяпал большой палец этому ублюдку. Он и отвязался.

Алекс понял, что послание от хозяев Ловкача прибыло.

Со значительным усилием санитары подняли Кеннеди на носилки.

Уэйн застонал, когда его поднимали. Слезы брызнули из глаз и потоками потекли по лицу.

Алекс подхватил чемодан, в котором было дело Шелгрин, и последовал за Кеннеди. Никто не препятствовал ему. В кузове скорой помощи он сел в ногах пациента на откидывающееся сиденье.

Захлопнули задние дверцы.

Один из медиков остался с Кеннеди и начал готовиться к внутривенному плазменному переливанию.

Скорая тронулась с места. Завыла сирена.

Не поднимая головы от носилок, Кеннеди произнес:

– Вы все еще здесь?

– Да, здесь, – ответил Алекс.

Голос Кеннеди исказился от боли, но не умолк.

– Вы думаете, что я дурак?

– Что ты имеешь в виду?

– Что ждал вас.

Алекс задумчиво смотрел на жутко раздробленную ногу, все еще завернутую, как в саван, в брючину.

– Уэйн, ради Бога, ты сидел там, истекая кровью...

– Если бы вы были... в моей шкуре... вы бы сделали то же самое...

– Никогда в жизни, мой друг.

– О, нет. Вы бы сделали. Я знаю вас, – настаивал Кеннеди. – Вы не любите терять.

Медик срезал пальто и рубашку с левой руки Уэйна. Он протер эбонитовую кожу смоченным в спирте тампоном, а затем быстро ввел в вену иглу.

Поврежденная нога Кеннеди дернулась. Он застонал, потом, прочистив горло, сказал:

– Мне надо что-то сказать... мистер Хантер... но, может быть, не стоит...

– Скажи, чтобы не подавиться этим, – сказал ему Алекс, – а затем, ко всем чертям, замолкни, если не хочешь заговорить себя до смерти.

Скорая завернула за угол так резко, что Алексу пришлось схватиться за поручень, чтобы не соскользнуть с сиденья.

– Вы и я... мы похожи во многом. Я хочу сказать... как вы начали с ничего... так и я. Я решил... сделать это... и я сделаю. Мы оба... одерживаем верх... а уличные подонки побиты.

Алекс подумал, что Кеннеди бредит, но все-таки ответил.

– Я все это знаю, Уэйн. Иначе, ты думаешь, почему я нанял тебя? Я знал, что ты парень того же сорта, что и я был, когда начинал.

Выдавливая слова сквозь стиснутые от боли зубы, Кеннеди произнес:

– Так мне хотелось бы предложить... когда вы вернетесь назад... в Штаты... вам надо будет решить... кого взять на место Боба Фелдмана... не забудьте обо мне.

Боб Фелдман был шефом оперативного отдела компании, и вот уже два месяца как он ушел в отставку.

– Я справлюсь, – продолжал Кеннеди. – Я подхожу... для этой работы... мистер Хантер.

Алекс рассмеялся и покачал головой:

– Я почти уверен, что ты проехал полмира и подстроил, чтобы тебя сбил этот проклятый автомобиль, только чтобы ты смог загнать меня в эту ловушку для заключения сделки.

– Я деловой человек, – сказал Кеннеди, – и мне не нравится... когда пропадает такой шанс.

- Я понял, – произнес Алекс, – и мне нравится это.
 - Вы будете иметь меня в виду?
 - Я сделаю даже больше. Я назначу тебя на эту должность.
- Кеннеди поднял голову.
- Вы хотите сказать?
 - Я уже сказал, разве нет?
 - Есть у тучки, – сказал Кеннеди, – светлая подкладка.

Глава 24

Когда Уэйна Кеннеди забрали в операционную, Алекс воспользовался больничным телефоном, чтобы позвонить Джоанне.

Трубку подняла Марико.

– Она все еще спит, Алекс-сан.

Он рассказал ей все, что произошло.

– Так я останусь здесь, пока Уэйна не привезут из операционной и доктора не смогут сказать мне, останется у него нога или нет. Я не смогу подойти к вам к часу, как обещал Джоанне.

– Конечно, не надо, – сказала Марико, – оставайтесь с вашим другом. Я все объясню Джоанне.

– Я не хочу, чтобы она подумала, что я пошел на попятную.

– Она все поймет.

– У Джоанны найдется свободная спальня? – спросил Алекс.

– Для мистера Кеннеди?

– Нет, – сказал Алекс, – он еще некоторое время пробудет здесь. Комната нужна для меня. Эти люди, против которых мы пошли, знают только один способ делать дела. Они жестокие. Они будут все чаще и чаще прибегать к насилию. И я не думаю, что вам или Джоанне следует быть одним, пока все не закончится. Кроме того, удобнее действовать из одного места. Это экономит время. Я бы выписался из отеля и переехал к вам, если это не повредит чьей-либо репутации.

– Я приготовлю свободную комнату, Алекс-сан.

– Вы уверены, что это будет удобно?

– Об этом не стоит и говорить.

– Тогда я буду у вас, как только смогу.

– Я буду держать дверь запертой.

– Марико, это настоящие мерзавцы.

– Хуже, – сказала она.

– Но им не удастся испугать меня.

– Хорошо, – сказала Марико.

– Мы не отступимся, пока не узнаем, что они сделали с Джоанной и зачем.

– Хорошо, – произнесла Марико.

– Мы прижмем к ногтю этих ублюдков.

– Отлично, – сказала Марико.

Его гнев, энергичность и решительность были теперь больше, чем когда бы то ни было за последние пять лет. До этого момента он не осознавал, что успех тушил в нем огонь горения. Его состояние, восемнадцатикомнатный дом, "роллс-ройсы" расслабили его. Но теперь он снова стал энергичным человеком.

Часть вторая Ключи

*"Висячий мост;
Ползучий плющ
Сплетает нашу жизнь".
Басс. 1644-1694*

Глава 25

В шесть часов главный хирург, доктор Ито, вышел в больничный холл, где ждал Алекс. Доктор был сухощавый, элегантный мужчина лет пятидесяти. После пятичасовой операции он выглядел усталым, но улыбался, потому что шея с хорошими новостями. Ампутация не понадобилась. Правда, Кеннеди еще не был полностью вне опасности. После такого обширного сдавливания мог возникнуть флебит – воспаление вены, и в будущем, возможно, надо будет провести еще операцию. Скорее всего, Кеннеди до конца жизни останется хромым, но, по крайней мере, будет передвигаться на двух своих собственных ногах.

Доктор Ито вышел из холла, когда прибыла Марико в сопровождении вооруженного, переодетого в штатское охранника. Алекс нанял его в частной фирме, чтобы установить около Кеннеди круглосуточный охранный пост. Возможно, в этом и не было необходимости, хозяева Ловкача уже сделали свой ход, но Алексу хотелось отблагодарить Кеннеди самой лучшей защитой. Марико прибыла в больницу принять дежурство от Алекса и отпустить его, чтобы он мог перевезти свои вещи из гостиницы в "Лунный свет". Когда Кеннеди придет в себя от наркоза, лучше, если он увидит рядом дружеское лицо, чем сиделок или охранника, и ему захочется, чтобы рядом был кто-то, бегло говорящий по-английски.

Джоанну не покинули одну в квартире над "Лунным светом". С ней остался доктор Мифуни.

Охранник стоял на часах в дверях холла.

Алекс отвел Марико в дальний конец помещения. Они сели на желтый из искусственной кожи диван и стали разговаривать шепотом.

– Полиция захочет поговорить с Уэйном, – сказал ей Алекс.

– Сегодня? В таком состоянии, как сейчас?

– Может быть, завтра, когда он придет в себя. Так, когда он проснется и вы удостоверитесь, что он понимает, о чем вы говорите, скажите ему, что я хочу, чтобы он сотрудничал с полицией...

– Конечно.

– ...но только до определенного предела.

Марико нахмурилась.

– Пусть он даст им описание машины и людей в ней, – сказал Алекс, – но он не должен говорить им о досье, которое вез мне из Чикаго. Пусть притворяется, что он всего лишь обычный турист. И у него нет ни малейшего представления, почему они пытались украсть его чемодан. В нем ничего не было, только белье и рубашки. Понятно?

Марико кивнула.

– Но не лучше ли рассказать полиции все, чтобы они работали на нас?

– Нет. Мы хотим надавить на тех людей, за которыми охотимся, но не слишком сильно. Лишь настолько, чтобы они занервничали. Нам надо довести их до крайности и держать в таком состоянии, пока они не сделают ошибку. Они склонны реагировать насилием, даже когда преимущество на их стороне. Но если они выяснят, что мы выложили всю историю полиции, и почувствуют себя загнанными в угол, они еще больше обозлятся. Позже, может быть, надо будет пойти в полицию или сказать, что пойдём туда, чтобы получить от этих людей то, что мы хотим. Но это время еще не пришло.

Традиционное японское воспитание Марико вселило в нее уважение к властям, которое стало такой же неотъемлемой частью ее, как деревья в лесу.

– Но у полиции есть возможности и власть...

Алекс перебил ее.

– Но есть и еще один аспект, который стоит принять во внимание. Превращение

Шелгрин в Ранд могло и не держаться в такой уж тайне. Действительно ли фальшивый паспорт Джоанны и звуковая идентификация настолько убедительны, что никто даже и не усомнился в них? А может быть, кто-нибудь заинтересовался этим хотя бы на минуту?

– Что вы имеете в виду?

– Полицейские, по крайней мере, несколько из них, могли быть в курсе всего этого. Может быть, они знают об этой истории даже больше нас. И если они в самом деле знают, тогда они не наши друзья и никогда ими не станут.

Марико была удивлена.

– Это... паранойя.

– Да, – сказал Алекс, – но это еще может быть и правдой.

– В Японии полиция...

– Будем рисковать жизнью Джоанны?

– Нет, – сказала Марико, – конечно, нет.

– Доверьтесь мне.

– Я так и сделаю.

Алекс встал и потянулся; после новости, что Уэйну не будут делать ампутацию, напряжение стало потихоньку вытекать из него. Теперь он расслабился.

– Я выхлопотал отдельную палату для Уэйна, – сказал он Марико. – Вам лучше пройти сейчас туда. С минуты на минуту они могут привезти его в эту палату.

– Безопасно ли для вас уходить отсюда одному? – спросила Марико.

Алекс поднял чемодан с досье.

– Никаких проблем, – сказал он. – Они думают, что испугали меня. Некоторое время они затаятся и будут только наблюдать.

Алекс оставил Марико с охранником.

Снаружи была холодная ночь, но снег прекратился. По небу быстро бежали облака, подсвеченные луной.

Алекс взял такси до отеля. Прибыв на место, он упаковал чемоданы и выписался из номера. Из госпиталя в отель, а затем из отеля в "Прогулку в лунном свете" за ним следовали двое мужчин в белом "Субару".

К 7.30 он разместил свои вещи в приготовленной для него комнате у Джоанны. Это была маленькая, но уютная комнатка с низким наклонным потолком и двумя мансардными окошками.

Незадолго до того как доктор Мифуни собрался уйти, Джоанна вышла в кухню посмотреть обед, который она готовила, и у врача появилась возможность отвести Алекса в сторону и поговорить с ним с глазу на глаз.

– Один или два раза ночью вам надо заглядывать к ней, чтобы убедиться, что она только спит.

– Вы думаете, что она попытается снова?

– Нет, нет, – сказал Мифуни, – то, что она сделала, – это крайность, а она не настолько импульсивная натура. Однако...

– Я присмотрю за ней, – сказал Алекс.

– Хорошо, – произнес Мифуни. – Я знаю ее с того момента, как только она переехала в Киото. Певица, выступающая почти каждый вечер, склонна время от времени иметь проблемы с горлом. Я лечил ее и отношусь к ней с большой симпатией. Она больше, чем пациент, она еще и друг. – Он вздохнул и покачал головой. – Она удивительно жизнерадостная женщина, правда? Происшествие прошлой ночи, по-моему, оставило только небольшие психологические шрамы. А физически она, кажется, совсем не пострадала. Она выглядит так, как будто ничего не произошло.

Джоанна вернулась с кухни, чтобы попрощаться с доктором, и она, в самом деле, выглядела прекрасно. Даже в выцветших джинсах и иссиня-черном свитере с закатанными до локтей рукавами она была прелестна. Для Алекса она выглядела так же элегантно, как если бы была одета в богатое вечернее платье. Ее взгляд был быстрым, умным и проницательным.

Черные круги под глазами исчезли. Она была свежей, трепещущей, от бледности и изможденности не осталось и следа. Она снова была золотой девочкой: красивой, самоуверенной, излучающей здоровье.

Внезапно, когда Джоанна и Мифуни раскланивались друг с другом в дверях квартиры, волна желания так сильно захлестнула Алекса, что привела его в совершенно необыкновенное состояние. Будто бы страсть к Джоанне была магическим кристаллом, он смог увидеть себя как никогда не видел раньше. Он почувствовал, что покинул себя, чтобы тщательно осмотреть не только свое тело, но и разобраться в себе. Как беспристрастный наблюдатель, он видел знакомого ему Алекса Хантера: хорошо сложенный, спокойный, самоуверенный, сделавший свой выбор и не делающий глупостей бизнесмен. Но он увидел и еще один аспект, который был раньше невидимым для него, – свою душу. Он увидел, что внутри холодного, обладающего аналитическим умом Алекса Хантера находилось неуверенное, одинокое, ищущее существо, задавленное эмоциональным голодом. Оно было таким же реальным и имеющим право на жизнь, как и большая часть внешнего Алекса. И когда Алекс пристально разглядывал эту вновь открытую для себя сущность, он понял, что смог увидеть ее только благодаря Джоанне. Первый раз в жизни он был почти ошеломлен желанием, которое нельзя было удовлетворить ни усердным трудом, ни интеллектуальной работой. Он был наполнен жадой чего-то более абстрактного и духовного, чем сравнительно безличные цели, какие представляли из себя деньги, успех, положение в обществе.

Джоанна. Он хотел Джоанну. Он хотел прикоснуться к ней. Он хотел взять ее на руки. Он хотел любить ее. Но ему требовалось много больше, чем просто физический контакт. Он искал в ней что-то такое, что и сам не мог еще до конца понять: какую-то умиротворенность, которую он не мог описать; удовлетворение, которое было ему незнакомо; чувства, которые он был не в состоянии объяснить; глубину происходящего, которую он чувствовал, но не мог выразить словами. Не существовало подходящих слов. Короче говоря, после жизни, проходившей под знаком непоколебимого отрицания существования любви, он хотел этой любви от Джоанны Ранд. Старые упреки и надежные моральные принципы нелегко было отодвинуть в сторону. Он не мог еще принять реальность любви, но какая-то часть его уже отчаянно хотела верить.

Это пугало его.

Глава 26

Джоанна хотела, чтобы обед был верхом совершенства. Она рассматривала его как контрольную работу, которую надо было выполнить, чтобы убедить Алекса, что она все еще дееспособная и держащая себя в руках женщина, какую он и видел на сцене в "Прогулке в лунном свете", а не трогательная жертва, какой она могла показаться ему прошлой ночью. Ей необходимо было полностью вернуть его расположение. Она очень рассчитывала на его доверие. Приготовив и сервировав отличный обед и будучи занятым собеседником, какой она и была за обедом в среду, Джоанна чувствовала, что смогла бы доказать, что происшествие прошлой ночи было не в ее характере, что это был промах, который следует забыть, безобразное исключение, которое никогда не случится снова.

Джоанна накрывала обедать на низком столике в ее столовой, оформленной в японском стиле. Она разложила синие подушечки для сидения и темно-красные салфетки. Шесть свежих белых гвоздик причудливо лежали на одном конце стола, а вокруг них было разбросано около дюжины отдельных лепестков.

Пища была обильной, но не тяжелой. Игагури: фаршированные каштанами креветки. Сумаши ван: прозрачный суп из сои и креветок. Татсута агэ: нарезанная ломтиками говядина с гарниром из красного перца и редиса. Юан цукэ: рыба-гриль в маринаде из сои и сакэ. Умани: цыпленок и овощи, тушенные на медленном огне в богато приправленном бульоне. И конечно, у них был вареный рис – самый распространенный продукт японского меню – и все

это запивалось чашечками горячего чая.

Обед удался на славу, и во время его Джоанна чувствовала себя как никогда хорошо. И что было любопытно, попытка самоубийства благотворно подействовала на нее, освободив от условностей и страхов, что сдерживали ее естественные вкусы в жизни. Достигнув дна, глубоко погрузившись в крайнее отчаяние, пережив, по крайней мере, несколько минут, в течение которых у нее не было причины, чтобы оставаться жить, Джоанна поняла, что теперь она сможет смело взглянуть в лицо всему, что бы ни случилось. Худшее было позади. Это избитая фраза, но это было также еще и правдой: дальше некуда было идти, кроме как вверх. Впервые она почувствовала, что одержала победу над паранойей и странными признаками клаустрофобии, которые в прошлом уничтожили так много возможностей счастья. Сразу, после того как они поели, Джоанне представился случай еще раз испытать свою заново обретенную силу. Она и Алекс прошли в гостиную, сели на диван и начали просматривать дело Шелгрин, занимавшее обе половинки большого чемодана. Оно, как сказал Алекс, содержало истинную историю первых двух десятилетий ее жизни. Досье состояло из толстых подшивок рапортов детективов, заключенных в серо-зеленые папки Боннер Секьюрити Корпорейшн – компании Алекса, сотен записей опросов потенциальных свидетелей, а также друзей и родственников Лизы Шелгрин, плюс копии бланков протоколов полиции Ямайки и другие официальные документы. В общем, где-то пять или шесть тысяч страниц, многие из которых пожелтели, некоторые из них были отпечатаны на ксероксе, а некоторые были исписанными страничками записных книжек. Вид всех этих свидетельств отрицательно повлиял на Джоанну, когда она поняла, что это могло означать. Первый раз за этот день она почувствовала опасность. Знакомая мелодия паранойи зазвучала как отдаленная, зловещая музыка в ее душе. И постепенно эта музыка становилась все громче.

Более всего, из того что было в чемодане, Джоанну тревожили фотографии. Вот Лиза Шелгрин в джинсах и футболке стоит перед открытым "Кадилаком", улыбающаяся и махающая рукой перед объективом. Вот Лиза Шелгрин в бикини позирует, поставив ногу на огромное пальмовое дерево. Вот она крупным планом – только ее лицо. Всего дюжина фотографий. Несколько таких, где Лиза позирует, но Джоанне ничего не говорят люди, случайно оказавшиеся рядом на снимках. Однако сама девушка – светловолосая, с хорошо сложенной гибкой фигурой – была так же хорошо знакома, как отражение в зеркале. Джоанна долго и с недоверием рассматривала лицо пропавшей женщины. Она задрожала, как будто в затылок ей ударило холодное дыхание, и, в конце концов, встала и достала несколько своих фотографий. Они были сделаны в первый год, когда она только приехала в Японию и работала в Июкогаме. Джоанна разложила их на чайном столике вместе с фотографиями из досье. Когда она изучала их сходство, в ней зашевелился бесформенный страх.

– Правда, замечательное сходство? – спросил Алекс.

– Абсолютное.

– Теперь вы понимаете, почему я был так уверен с того самого момента, как только увидел вас?

Симптомы клаустрофобии вырвались из глубин ее подсознания. Внезапно воздух стал слишком густым, чтобы им можно было дышать. Комната стала теплой. Горячей. Раскаленной добела. Казалось, стены стали пульсировать, как живые мембраны, а потолок стал опускаться вниз, неизбежно вниз, медленно вниз прямо на нее. Джоанна понимала, что все это было лишь в ее воображении, тем не менее она до ужаса испугалась, что будет раздавлена насмерть.

– Джоанна, что-то случилось?

Джоанну била крупная дрожь.

Где-то внутри ее раздался жуткий голос:

– Скажи этому ублюдку, чтобы сложил свои вонючие картинки и эти треклятые бумаги! Скажи ему, пусть выметается ко всем чертям отсюда! Скажи ему. Сделай это. Сейчас же! Он не должен узнать правду. Никому нельзя знать о тебе. Освободись от него. Быстро!

– Джоанна?

– Стены снова сдвигаются, – произнесла она шепотом, наполненным страхом.

– Стены? – Алекс в недоумении огляделся вокруг.

Для Джоанны комната теперь, казалось, стала в одну треть прежнего размера.

Воздух был горячим и сухим. Он обжигал ее легкие. Губы пересохли.

– И потолок, – сказала она, – движется вниз.

Джоанна покрылась потом. Таящая от жары. Как будто она была сделана из воска.

– Вы это правда видите? – спросил Алекс.

– Да.

Джоанна напряженно глядела на стены, желая, чтобы они опять вернулись на свое место. Она твердо решила, что на этот раз не допустит, чтобы страх погубил все то лучшее, что у нее есть. – У вас галлюцинации, – сказал Алекс.

– Я знаю, – торопясь, Джоанна рассказала ему о сильной клаустрофобии и паранойе, которые захватывали ее всякий раз, когда кто-нибудь начинал слишком сильно интересоваться ее прошлым или когда у нее возникало более или менее сильное чувство к мужчине.

– Мариико предупреждала меня, что вы можете быть резкой, даже жестокой. Но она не объяснила почему. Она не говорила, что вы страдаете.

– Она не знает о приступах клаустрофобии, – сказала Джоанна. – Я никогда и никому не говорила об этом и о паранойе тоже. Временами я думаю, что весь этот проклятый свет против меня, что все это хитро сделанная бутафория, грандиозный обман. И когда я начинаю так думать, мне хочется убежать и спрятаться, затеряться где-нибудь вдали от цивилизации, где никто не увидит меня, не найдет и не причинит мне вреда. – Она говорила быстро, частично оттого что боялась, что ей не хватит мужества рассказать ему все это, а частично потому, что надеялась, что разговор отвлечет ее от надвигающихся стен и потолка. – Я думаю, что никогда и никому не говорила об этом потому... ну, потому что всегда боялась – люди подумают, что я безумная. Но я не сумасшедшая. Если бы я действительно была такой, то не понимала бы, что временами я становлюсь параноиком. Если бы я была безумной, то воспринимала бы паранойю как совершенно нормальное душевное состояние. А разве я такая? Ведь нет же!

Галлюцинации не ослабли. Напротив, они стали еще хуже. Джоанна сидела, а потолок, казалось ей, был уже не далее, чем в десяти или двенадцати дюймах от ее головы. До стен было не более ярда в каждую сторону, и они медленно подкатывались ближе по хорошо смазанным рельсам. Внутри этого пространства атмосфера уплотнялась. Молекула спрессовывалась с молекулой, пока воздух не превратился в жидкость: сначала такую, как вода, а затем – как сироп. Когда она делала вдох, ее горло и легкие, казалось ей, заполняла эта жидкость. Джоанна всхлипнула. Она могла слышать это, но не могла контролировать себя.

Алекс наклонился к ней и взял ее руку.

– Джоанна, помните, все, что вы сейчас видите, не существует. Это галлюцинации. Вы можете прекратить их. Вы можете повернуть их вспять, если попытаетесь.

Воздух был таким густым, что Джоанна почувствовала приступ удушья. Она наклонилась вперед, начала кашлять и давиться.

Алекс попытался объяснить ей, что происходит, надеясь таким образом провести ее через весь этот кошмар и вывести из него в относительное спокойствие. Джоанна слушала, потому что это было то, чего она хотела, но ей трудно было делить свое внимание между ним и угрожающими стенами.

– Вас психологически обработали, – сказал Алекс. – Все воспоминания из вашего прошлого уничтожили, а память начинили совершенно ложными фактами. – Джоанна понимала, но не видела пути, как это понимание могло помешать потолку раздавить ее в лепешку. – После того, как они проделали это с вами, – продолжал Алекс, – они провели вам внушение гипнозом, которое до сих пор и искажало вашу жизнь. Одно из этих внушений воздействует на вас прямо сейчас. Да. Этим все и объясняется. Каждый раз, когда вы знакомитесь с кем-то, кто начинает интересоваться вашим прошлым и кто мог бы

разоблачить весь обман, вы страдаете от клаустрофобии и паранойи, потому что те люди, которые обрабатывали вас, внушили вам, что так будет. – По крайней мере для Джоанны, его голос звучал громкоподобно, и раскаты эха гулко разносились внутри уменьшившейся комнаты. – И каждый раз, когда вы отталкиваете человека, с которым сблизилась, клаустрофобия идет на убыль, снова потому что они сказали, что так будет. Это очень действенный метод, чтобы не допускать в вашу жизнь назойливо любопытных людей. Вы запрограммированы на одиночество, Джоанна. Запрограммированы. Понимаете?

Джоанна внимательно посмотрела на Алекса и поняла, что он ей не друг. Он был одним из них. Он был одним из тех людей, кто пытался ее убить. Ему нельзя было доверять. Он был презренный, гадкий...

"Нет, – в то же время думала она, – это паранойя. Алекс Хантер на моей стороне".

Джоанна резко непроизвольно дернулась, когда потолок задрожал и стал приближаться к ней. Она соскользнула вниз на кушетку.

Воздух спрессовался до такой степени, что она почувствовала это кожей. Он привлекал внимание. Тяжелый. Металлический. Весь вокруг нее. Как доспехи. Как доспехи, которые постоянно сжимались, становились все теснее. Внутри их Джоанна исходила потом. Ее тело было все в ушибах.

– Боритесь, – произнес Алекс.

– Стены! – закричала Джоанна, когда комната начала быстро надвигаться со всех сторон. Раньше никогда не было так плохо. Джоанна задыхалась. Ее легкие засорились. Ее горло было опалено. Она поняла, что комната сжимается до размеров гроба, и внутренним зрением увидела могилу – холодную, сырую, тесную и непроглядно темную.

– О, мой Бог!

– Закройте глаза, – быстро сказал Алекс.

– Нет! – Это было невыносимо. Если она закроет глаза, темнота еще больше подстегнет клаустрофобию. Она должна видеть, что происходит, даже если вид надвигающихся стен сведет ее с ума.

– Закройте глаза, – настаивал Алекс.

– Какого черта вы ко мне пристаёте? Оставьте меня одну.

– Доверьтесь мне, – произнес он.

– Я не смею.

– Почему нет?

– Из-за того, кто вы есть на самом деле.

– Я ваша единственная надежда.

Джоанна нашла в себе силы, чтобы заставить себя сесть: так ей было удобнее противостоять ему. На мгновение она даже смогла вынести ужас надвигающихся стен. Самым важным сейчас было освободиться от него.

– Убирайтесь отсюда! – резко сказала она.

– Нет.

– Это моя квартира.

– Это квартира Джоанны. А как раз сейчас вы не Джоанна. Вы поступаете совсем не как она.

Джоанна знала, что он говорил правду. Она вела себя как одержимая женщина. Ей не хотелось спорить с ним или выгонять его, но она не могла остановиться.

– Ублюдок. Вонючий, паршивый ублюдок. Я знаю, кто ты.

– Да? И кто же я?

– Один из них.

– Джоанна, остановитесь.

– Я позову на помощь, если вы сейчас же не уберетесь отсюда.

– Но вы же не хотите, чтобы я ушел в самом деле.

Она с размаху ударила его по лицу.

Он не шевельнулся.

Она ударила его снова.

Он поморщился и взял ее за руку.

Она попыталась выдернуть руку.

Он не пустил.

Джоанна увидела красный отпечаток своих пальцев на его лице в том месте, куда она его ударила, и растерялась.

– Я намерен оставаться здесь до тех пор, пока вы не закроете глаза и не начнете делать то, что я вам скажу, – произнес Алекс. – Или пока стены и потолок не раздавят вас. Что выбираете?

Она снова упала вниз на кушетку. Клаустрофобия оказалась сильнее, чем паранойя. Хитрость Алекса сработала. Она больше не хотела освободиться от него. Еще раз Джоанна резко осознала, что комната сжимается, и к этому было приковано все ее внимание. Она начала хватать ртом воздух, который к этому времени стал для нее уже гуще, чем моторное масло. Она заплакала.

– Закройте глаза, – мягко сказал Алекс.

Джоанна с беспокойством поглядела на стены, затем бросила взгляд на опускающийся потолок, посмотрела на свою руку в его руке, посмотрела ему в глаза, закусил губу и закрыла глаза. И как только она это сделала, она немедленно поняла, что находится в гробу, и крышка была плотно закрыта, и теперь кто-то забивает ее гвоздями, а затем она услышала, как лопатой бросают землю на гроб. И это было такое узкое место, и пустое, и темное, очень темное. Между грубыми деревянными стенками не было воздуха, чтобы сделать хотя бы один вдох, но она продолжала держать глаза закрытыми и слушать Алекса, голос которого, как путеводная звезда, указывал ей путь к освобождению.

– Вы не должны открывать глаза, – сказал Алекс. – Я буду говорить вам, что происходит.

– Ладно.

– Стены медленно приостанавливают свое движение. Они уже не приближаются так быстро. И потолок тоже уже не опускается. А теперь и стены остановились тоже. Вы меня слышите, Джоанна?

– Да.

– Нет, не открывайте глаза пока. Крепко зажмурьте их. Только представляйте в уме все, что я вам рассказываю. Все успокоилось. Все остановилось. Вы видите это?

– Да, – тихо произнесла Джоанна.

Воздух еще не был нормальным, но он стал уже не таким густым, каким был несколько последних минут, – им можно было дышать.

– А теперь вот что происходит, – продолжал Алекс. – Потолок начинает двигаться вверх, прочь от вас. Стены скользят на свои прежние места. Очень медленно. Но они отодвигаются. Видите? Комната становится больше. Вы чувствуете, что комната постепенно становится просторнее? Вы видите это?

Так он еще долго говорил с ней, и Джоанна слушала каждое слово и все представляла в уме. Наконец, когда воздух стал нормальным и она перестала задыхаться, Джоанна открыла глаза и увидела, что комната стала прежней.

Джоанна вздохнула и сказала:

– Все прошло. Вы прогнали этот кошмар.

Алекс улыбнулся и покачал головой.

– Не только я. Мы сделали это вместе. А отныне вы сможете проделывать это одна.

– Нет-нет, одной мне не справиться.

– Справитесь, – сказал Алекс, – потому что эта фобия ненастоящая составная часть вашей психики.

– Вы думаете, это результат постгипнотического внушения?

– Правильно. Поэтому вы и не нуждаетесь в продолжительной психотерапии, чтобы прервать его влияние, как было бы нужно, если бы эта фобия была результатом какой-нибудь

настоящей травмы в прошлом. Как только вы почувствуете, что начинается приступ, закройте глаза и представляйте, что все движется от вас. Это будет срабатывать каждый раз.

– Почему это не срабатывало раньше?

Алекс покрутил конец уса.

– В первый раз, когда вы прошли через это, вам был нужен некто, кто бы держал вас за руку. Кроме того, до сегодняшнего вечера вы рассматривали это, как внутреннюю проблему – стеснительное умственное заболевание. Теперь же вы можете видеть, что это в большей степени внешняя проблема – как проклятье, кем-то наложенное на вас.

Джоанна посмотрела на потолок, как будто опасаясь, что он начнет опускаться.

Алекс сказал:

– Последующие приступы будут все менее и менее жестокими, пока не прекратятся совсем. Вы вылечитесь от клаустрофобии за несколько недель. И то же самое будет и с паранойей. Могу поспорить. Потому что ни одна из этих проблем не имеет в вас истинных причин. Обе они были привиты вам теми подонками, которые трансформировали вас из Лизы в Джоанну. Вы были запрограммированы. Но, с Божьей помощью, теперь вы можете сами перепрограммировать себя на то, чтобы быть такой, как другие люди.

"Быть как другие люди..."

В ее мозгу эти слова гремели, как радостная музыка Колокола Свободы.

Впервые, более чем за десять лет, Джоанна была полной хозяйкой своей судьбы, по крайней мере, до такой степени, как мог быть любой другой человек. Наконец-то она смогла совладать с теми злыми силами, что заставляли ее быть одинокой. Отныне, если она захочет вступить в интимную связь с Алексом или с кем-нибудь еще, к этому не будет никаких препятствий, которые смогли бы изнутри остановить ее. Единственное препятствие оставалось вне ее. Такое направление мыслей очень оживило Джоанну. Как омолаживающее лекарство. Вода из источника вечной молодости. Годы опали с нее. Она снова была девочкой. Джоанна чувствовала себя такой. Теперь она никогда не будет съезживаться от страха, что потолок падает, а стены надвигаются. Теперь она никогда снова не испытает опустошительный ужас и одиночество неконтролируемой паранойи. Никогда уже не будет приступов, во время которых ей было необходимо прятаться в запертой комнате и она не могла есть, потому что была убеждена – еда и питье отравлены. И никогда не будет больше той ненормальной подозрительности, которая заставляла ее избегать помощи друзей.

"Быть как другие люди..."

– Эй, – позвал Алекс, – что-нибудь не так?

– Все просто замечательно.

– Но вы плачете.

– Это потому, что я счастлива, как никогда, – сказала Джоанна.

Глава 27

Фотографии больше не тревожили Джоанну. Она изучала их с тем благоговением, какое известно археологам, заглядывающим в глубь веков, с суеверным очарованием, но не со страхом.

Алекс сидел около нее на диване, потягивая коньяк и вслух читая донесения из объемистого досье. Они обсуждали каждый кусочек информации, пытаясь рассмотреть его со всех сторон, ища перспективы, которые могли быть упущены, когда проводилось расследование.

К концу вечера Джоанна составила список пунктов, по которым она и Лиза были схожи. Разумом она была более чем наполовину убеждена, что Алекс прав, что она была исчезнувшая дочь сенатора. Но сердцем она чувствовала, что доказательств не хватает. Могло ли такое действительно случиться, что ее мама и отец, которых она так хорошо помнила, – Элизабет и Роберт Ранд – были просто призраками, парой картонных человечков, которые никогда не существовали, кроме как в ее уме? А квартира в Лондоне – можно ли

было поверить, что она никогда не жила там раньше? Перед тем как она серьезно подумает над этими вопросами, ей необходимо было увидеть доказательства в черно-белом варианте, список причин, почему она должна была поверить в невероятное.

ЛИЗА —————
————— Я

- 1) Она выглядит, как я. —————
- 1) И наоборот: я выгляжу, как она.
- 2) Ее рост пять футов шесть дюймов. —————
- 2) То же.
- 3) Она весит приблизительно сто пятнадцать фунтов. —————
- 3) Как и я.
- 4) Она изучала музыку. —————
- 4) Я тоже.
- 5) Она имела мелодичный певческий ————— 5)
- Я тоже. голос.
- 6) Ее мама умерла, когда ей было десять лет. —————
- 6) Моя мама тоже умерла.
- 7) Где бы ни была сейчас, она отделена от своего отца. —————
- 7) Мой отец мертв.
- 8) В девять лет ей вырезали аппендицит. —————
- 8) У меня есть маленький шрам от такой же операции.
- 9) У нее на правом бедре коричневое родимое пятно с десятицентовую монетку. — — 9)
- У меня тоже.

Когда Джоанна перечитывала этот список в десятый или одиннадцатый раз, Алекс вытащил еще один рапорт из досье, взглянул на него и произнес:

— А вот кое-что чертовски любопытное, я уже забыл все это.

— О чем это вы?

Он показал ей папку, в которой было около дюжины выцветших страничек.

— Это беседа с мистером и миссис Моримото.

— Кто это?

— Милые люди, — сказал Алекс. — Слуги. Они работали у Тома Шелгринга с тех пор, как Лизе исполнилось пять лет.

— Вы хотите сказать, что сенатор привез эту пару из Японии для работы у него дома?

— Нет-нет, — сказал Алекс, — они оба относятся ко второму поколению американских японцев. Выросли, по-моему, в Сан-Франциско.

— Как вы сказали, это чертовски любопытно. Теперь и японцы связывают меня и Лизу.

— Вы не дослушали до конца.

Джоанна нахмурилась.

— Вы думаете, они имели что-то общее с моим... с Лизиным исчезновением?

— Не думаю. Они хорошие люди. Очаровательные и очень порядочные. В их крови нет ни капли нечестности.

— Почему вы так уверены?

— Я почувствовал тогда что-то вроде того, — сказал Алекс, — я почуял это. Не смейтесь. Я не обманываю.

Джоанна не смогла подавить усмешку.

— Вы сыщик, а не ищейка.

— Да, во ищейка или нет, но когда вы занимаетесь такой работой, как моя, долгое время, у вас развивается нюх на подобные вещи. Единственно, я не имею в виду, что буквально почувствовал их запах. Это аура... их подсознание как будто излучало. Когда я сказал запах, это простейший способ описать это явление. У многих людей всего лишь тонкий, как бумага, налет цивилизации. Л под этим лаковым слоем они полны нечистоплотных побуждений. Дикари в смокингах. У них свой особенный запах. Но Моримото не такие. Они немногим

отличаются от вас. И кроме того, их не было на Ямайке, когда Лиза исчезла. Они были в доме сенатора, в Вирджинии, около Вашингтона.

– А что такого любопытного вы нашли в них? – спросила Джоанна.

Алекс положил запись беседы с Моримого и сформулировал свою версию.

– Ну, видите ли, супруги Моримого все делали по дому, пока Лиза была маленькой. Фуми была поварихой, но у нее также было немного легкой работы по дому. Ее муж, Койи, выполнял что-то вроде обязанностей дворецкого, к тому же он был мастером на все руки. Он мог починить все, что угодно. И, конечно, и Фуми и Койи много нянчились с Лизой. Лиза обожала их. Она выучила от них много японских слов, и сенатор одобрял это. Он полагал, что это неплохая идея – учить детей языкам с раннего детства, пока у них не возникло никаких психологических барьеров. Он отдал Лизу в частную начальную школу, где она с самого начала учила французский.

– Я говорю по-французски.

– ...и где она с третьего класса учила немецкий, – закончил он.

– Я и по-немецки говорю, – сказала Джоанна.

Джоанна добавила эти пункты к своему списку сходств. Ручка слегка дрожала в ее пальцах.

– Так вот к чему я все это говорю, Том Шелгрин использовал супругов Моримого в качестве домашних учителей по японскому языку для Лизы, – сказал Алекс. – Она бегло говорила по-японски. Лучше, чем она говорила по-французски и по-немецки.

Джоанна оторвалась от списка. Она почувствовала головокружение. Все произошло быстро, очень быстро.

– Мой Бог.

– Да, – сказал Алекс, – если рассуждать, как я, это кажется как раз слишком невероятным, чтобы быть простым совпадением.

– Но я выучила японский в Англии, – сказала Джоанна.

– Да?

– В университете – у моего друга.

– Да?

Они пристально поглядели друг на друга.

Для Джоанны впервые невозможное стало возможным.

Глава 28

Со дна той шкатулки, где хранились фотографии, Джоанна извлекла тонкую пачку писем, перевязанных поблекшей желтой лентой. Она принесла их в гостиную и отдала Алексу.

– Я, правда, не знаю, почему хранила их все эти годы, – сказала она.

– Без сомнения, вы хранили их потому, что вам сказали их хранить.

– Сказали? Кто?

– Люди, похитившие Лизу. Те, кто копался в ваших мозгах. Такие письма – поверхностное доказательство, что вы якобы Джоанна Ранд.

– Только поверхностное?

– Мы скоро выясним это, – сказал Алекс.

В пачке было пять писем. Три из них были от Дж. Комптона Вулрича, лондонского поверенного и душеприказчика Роберта и Элизабет Ранд. Последнее письмо от Вулрича упоминало расчетный чек на сумму более девяноста тысяч американских долларов.

Джоанна ожидала, что Алекс будет удивлен. Ей было интересно, как он объяснит это. Насколько она могла судить, эти деньги от Вулрича пробивали огромную брешь в версии превращения Шелгрин в Ранд.

– Вы действительно получили такой чек? – спросил Алекс.

– Да.

– И он был совершенно в порядке?

– Да.

– Вы получили деньги?

– До последнего цента.

Алекс прочитал письмо еще раз. Изучая те несколько формальных строчек, что были написаны Дж. Комптоном Вулричем, Алекс отсутствующе покручивал ус.

– Если у Рандов такое большое наследство, – сказала Джоанна, – то, значит, мои отец и мать – Роберт и Элизабет – должны быть невымышленными людьми. Они существовали на самом деле.

– Возможно, – неуверенно произнес Алекс, – но даже если они и существовали, то это совсем не значит, что вы – их дочь.

– А как иначе я могла получить наследство?

Алекс не ответил на это. Он читал оставшиеся два из пяти писем, которые были из Объединенной Британско-Континентальной страховой ассоциации, ЛТД. На их бланке было оформлено официальное медицинское заключение о смерти Роберта и Элизабет (урожденной Хендерсон) Ранд. Ассоциация имела честью уведомить, что у нее есть пожизненный страховой полис на имя Роберта Ранда и она уплатила по нему полную сумму единственному живому наследнику – Джоанне. Полученная сумма в добавление к тем более чем девяноста тысячам долларов, выплаченным после ликвидации поместья, была сорок тысяч долларов.

– И вы это также получили? – спросил Алекс.

– Да. – Довольно солидная сумма.

– Была, – согласилась Джоанна, – но мне пришлось потратиться на здание и ремонт его. Здесь много чего надо было сделать. А затем мне пришлось использовать большую часть того, что осталось, чтобы содержать "Лунный свет", пока он не начал приносить доход, что, слава Богу, не заставило себя долго ждать.

Алекс переключал письма и остановился, когда обнаружил последнее письмо от лондонского поверенного, при этом он произнес:

– Этот Вулрич... Вы общались с ним только по почте или по телефону?

– Конечно, нет.

– Вы встречались с ним непосредственно?

– Конечно. Много раз.

– Когда? Где?

– Он бывал у моего отца... Он был личным поверенным Роберта Ранда, и еще они были друзьями. Он обедал у нас на квартире, по крайней мере, два или три раза в год.

– Как он выглядел?

– Он был очень добр ко мне, – сказала Джоанна. – После того, как мои родители погибли в аварии под Брайтоном, – ну, если они были моими родителями, – мистер Вулрич приходил ко мне несколько раз. И не только когда ему надо было мое одобрение или подпись, чтобы оформлять бумаги на наследство. По крайней мере, с месяц он приходил в гости каждый день. Он пытался подбодрить меня: я была ужасно подавлена. У него всегда были какие-нибудь новые шутки. Кстати, очень забавные шутки. Я не знаю, как бы смогла одна пережить все это. Он был необыкновенно деликатным. Никогда не заставлял меня приходиться к нему в офис. Ни разу. Он всегда приходил ко мне сам. Он никогда ни в малейшем не причинил мне неудобства. Он был участливым и тактичным. Он мне нравился.

Прищурив глаза, Алекс посмотрел на нее изучающе. Теперь он снова выглядел, как детектив, и это ее беспокоило, хотя и не так сильно, как в среду.

– Вы сейчас не слышали себя? – спросил Алекс.

– Что вы имеете в виду?

– Как вы рассказывали?

– А как я рассказывала?

Не отвечая, Алекс на мгновение остановился. Затем снова начал мерять комнату шагами.

– Расскажите мне какую-нибудь его шутку.
– Шутку?
– Вы сказали, что Вулрич, пытаясь подбодрить вас, рассказывал много шуток. Так расскажите мне одну из них.

– Вы серьезно?
– Вполне.
– Но неужели вы серьезно думаете, что я смогу вспомнить их через столько лет?
– Он подбадривал вас. Его шутки были смешными. Вы отметили это, – сказал Алекс, – поэтому кажется вполне естественным допустить, что вы могли бы запомнить хотя бы одну из них.

Джоанну озадачил его интерес.

– Ну, я не помню.
– Всего лишь одну, – настаивал Алекс.
– Почему это так важно?

Алекс остановился и посмотрел на нее сверху вниз.

Эти глаза. Еще раз Джоанна почувствовала их власть. Они раскрывали ее с первого взгляда и оставляли беззащитной. Сначала она думала, что защищена от них. Но это было не так. Джоанна почувствовала приступ паранойи, ее захлестнул ужас, что у нее нет ни тайн, ни места, чтобы спрятаться от него. Но Джоанна успешно поборолла краткое безумие и сохранила самообладание.

– Если бы вы смогли вспомнить одну из его шуток, – сказал Алекс, – вы добавили бы кое-какие очень важные детали к воспоминаниям о нем. Вы бы прибавили правдоподобия.

– Вы использовали это слово и раньше.
– Это профессиональный термин.
– Я не пытаюсь что-либо скрыть, – сказала Джоанна. – Я рассказываю вам все, какие могу, детали.

– Я знаю. И это меня беспокоит.

– Я не понимаю.

Алекс снова сел около нее.

– Разве вы не заметили, как странно вы описывали Вулрича минуту назад.
– Странно? В чем это выражалось?
– Ваш голос изменился, – сказал Алекс, – фактически, изменилось все ваше поведение. Слегка. Но я заметил это. Как только вы начали говорить о характере Вулрича, ваш голос стал монотонным, как будто вы цитировали что-то заученное.

– Вы хотите сказать, что я говорила, как зомби? Вы придумали это, – сказала Джоанна.

– Моя работа – наблюдать, а не придумывать, – ответил Алекс. – Расскажите мне еще о Вулриче.

– Что именно?
– Как он выглядел?
– А это так важно?

Алекс съехидничал:

– Разве вы и этого не помните?

– Разумеется, помню.

– Тогда расскажите.

– Ему было около сорока, когда мои родители погибли. Стройный мужчина. Пять футов десять дюймов. Примерно сто сорок или сто пятьдесят фунтов. Очень нервный. Быстро говорит. Энергичный. У него было вытянутое лицо. Довольно бледное. Тонкие губы. Карие глаза. Русые и местами редящие волосы. Он носил тяжелые очки в черепаховой оправе, и...

Джоанна остановилась, потому что внезапно услышала то, что слышал Алекс минуту назад, – легкое изменение в своем голосе. Она звучала так, как если бы стояла перед классом учеников, рассказывая заданное стихотворение. Это было жутко. Она задрожала.

– Вы переписывались с Вулричем? – спросил Алекс.

– Писать ему письма? С какой стати?

– Он был другом вашего отца.

– Они были друзьями постольку поскольку.

– Но он был и вашим другом тоже.

– Да, в какой-то степени.

– И после всего того, что о" сделал для вас, когда вы чувствовали себя подавленной.

– Возможно, мне надо было поддерживать связь с ним.

– Это было бы на вас похоже.

– Но, увы.

– Почему? – спросил Алекс.

– Вы знаете, как это бывает. Друзья расходятся.

– Не всегда.

– Но как правило, если их разделяют десять или двенадцать тысяч миль. – Джоанна поморщилась. – Вы заставляете меня чувствовать себя жутко виноватой.

Алекс покачал головой.

– Вы не поняли меня. Я не пытаюсь заставить вас чувствовать себя виноватой. Как раз напротив.

– Ну, тогда у вас все-таки чертовски хорошая работа.

– Просто, мне кажется, ваши воспоминания о Вулриче или неточны, или вообще ложны.

– Но я...

– Позвольте мне объяснить, – произнес Алекс. – Смотрите, если Вулрич был в самом деле другом вашего отца и если он действительно был вам необыкновенно полезен после трагедии с вашими родителями, вы бы в какой-нибудь форме поддерживали с ним контакт, по крайней мере, еще года два. Это было бы похоже на вас. Судя по тому, что я знаю о вас, я бы сказал, что совершенно не в вашем характере забыть друга так быстро и так легко.

Джоанна печально улыбнулась и сказала:

– По-моему, вы идеализируете мой образ.

– Нет. Абсолютно нет. Я знаю об отрицательных чертах вашего характера. Но неблагодарности среди них нет. Я подозреваю, что этот Дж. Комптон Вулрич никогда не существовал, насколько я понимаю. Отсутствие связи между вами только подтверждает мои подозрения.

– Но я помню его! – произнесла Джоанна.

– Я уже объяснял: вас заставили помнить множество событий, которые никогда не происходили.

– Запрограммировали.

– Правильно. Но вам все еще трудно в это поверить, да?

– Если бы вы были на моем месте, вы бы тоже сомневались.

– Конечно, – сказал Алекс мягко, – но это правда, Джоанна. Вы – Лиза.

Не осознавая это до последнего момента, Джоанна вдруг пришла в крайне напряженное состояние. Она наклонилась вперед, втянула плечи, сгорбилась, как будто в ожидании удара в затылок. С удивлением Джоанна заметила, что покусывает ногти. Она прекратила делать это, откинулась назад и попыталась расслабиться.

– Догадываюсь, что вы правы, – сказала она, – я слышала то изменение в моем голосе, когда рассказывала вам, как выглядит Вулрич. Как раз то, что вы и сказали – монотонность. Он не существует. А когда я пытаюсь вспомнить о нем что-нибудь еще, у меня ничего не получается. Ничего больше вообще. Ни цвета, ни деталей. Он кажется плоским, как фотография или рисунок. И еще... я действительно получила эти три письма от него.

На это Алекс ответил:

– А вот это другое, что меня беспокоит. Вы говорили, что после аварии Вулрич приходил навещать вас почти каждый день.

– Да, так.

– Так зачем же вообще ему понадобилось писать вам?
– Ну, конечно, он должен был быть аккуратным, чтобы не... – Джоанна нахмурилась. – Будь я проклята. Я не знаю. Я не думала об этом.

Алекс потряс тонкой пачкой писем, как будто надеясь, что тайна выпадет из нее.

– В этих трех письмах нет ничего такого, что вызвало бы необходимость написать вам. Он мог бы уладить все эти дела лично. Ему даже не надо было посылать по почте расчетный чек. – Алекс бросил письма на столик. – Единственной причиной для их отправления вам было то, что таким образом вы получали еще одно поверхностное подтверждение вашему рассказу о Вулриче.

На это Джоанна сказала:

– Если мистер Вулрич никогда не существовал... и если Роберт и Элизабет Ранд никогда не существовали тоже... тогда кто же прислал мне эти девяносто тысяч долларов?

– Вероятно, они пришли от людей, которые похитили вас, когда вы были Лизой.

Джоанна не могла поверить в то, что он сказал.

– Объяснитесь!

– Возможно, по каким-то причинам они хотели, чтобы вы хорошо устроились на новом месте в вашей новой личности.

– Но это безумие! – вскрикнула Джоанна. – Вы все поставили с ног на голову. Похитителям следует получать деньги, а не отдавать их.

– Это были необыкновенные похитители, – сказал Алекс, – они никогда не посылали сенатору требование о выкупе. Их мотивы были уникальными.

– Так кто же они?

– У меня есть кое-какие соображения, но пока мне не хотелось бы говорить о них.

– Почему нет?

Алекс пожал плечами.

– Мне так удобнее работать. Когда у меня возникают подозрения, я предпочитаю дать им подойти, прежде чем вынести их на еще чье-либо рассмотрение. Я держу эти соображения при себе, пока не найду все дыры и не заштопаю их. Затем я без риска выдаю, насколько это возможно, жизнеспособную теорию. – Алекс широко улыбнулся. – Кроме того, если я не могу заштопать все дыры в теории, я не собираюсь вообще говорить о ней с кем-либо. Я не позволю делать из себя дурака.

– Ну, отлично, – сказала Джоанна. – Но какую роль вы отводите мне на время, пока вы играете в Шерлока Холмса?

Алекс указал на телефон, стоящий на ротанговом столике в углу комнаты.

– Вам надо сделать пару важных звонков.

– Кому?

Алекс снова улыбнулся.

– Лондонскому поверенному по имени Вулрич...

– Который на самом деле не существует?

– Верно.

– Тогда зачем...

– На его уведомлении есть телефонный номер, – сказал Алекс. – Мы обязаны попытаться. Любой приличный детектив сделал бы так. Это перво-наперво.

– Кому еще я должна позвонить?

– В Лондонское отделение Объединенной Британско-Континентальной страховой ассоциации.

– С ограниченной ответственностью?

– Да.

– Зачем?

– По той же самой причине, зачем любопытный маленький мальчик сует острую палку в гнездо шершней: посмотреть, что получится.

Глава 29

Японскому оператору понадобилось более двух часов, чтобы связаться с Англией.

Джоанна села за ротанговый столик, а Алекс рядом с ней. Пока они ждали, он прочитал еще несколько протоколов из досье.

Когда пробился первый звонок, в Киото была полночь, но в Лондоне было два часа пополудни.

Телефонистка страховой компании обладала приятным, но немного детским голосом. Она звучала слишком молодо, чтобы быть служащей.

– Чем могу помочь вам?

– Это Британско-Континентальное страхование?

Пауза. Затем:

– Да.

Джоанна сказала:

– Мне надо с кем-нибудь поговорить из вашего искового отдела.

Другая пауза, еще длиннее, чем первая. Затем:

– Вы знаете имя адвоката, с которым вы хотите поговорить?

– Нет, – сказала Джоанна, – мне все равно.

– Какого сорта претензию содержит ваше заявление?

– Страхование жизни, – сказала Джоанна.

– Минутку, пожалуйста.

Некоторое время трубка молчала, но определенный звуковой фон был все время: упорный свист, прерывистое шипение и любопытные гудки переговаривающихся компьютеров.

Наконец, человек из искового отдела вышел на связь. Он отрывисто бросал слова, как будто его голос был ножницами.

– Филлипс говорит. Чем могу быть полезен?

В качестве извинения Джоанна рассказала Филлипсу историю, которую они сочинили с Алексом, пока ждали звонка.

Ее отец был застрахован этой компанией, и после его смерти страховка была выплачена незамедлительно. Вскоре после этого она переехала в Японию, чтобы начать новую жизнь. Теперь, объясняла Джоанна, у нее возникли заморочки с японской налоговой инспекцией. Они хотят быть уверены, что капитал, с которым я начинала, мой собственный. И что-то там еще с налогами. К несчастью, я выбросила письмо, пришедшее с чеком этой страховой компании, которое могло бы подтвердить происхождение этих денег.

Джоанна говорила очень убедительно. Даже Алекс подумал так. Он постоянно кивал ей в подтверждение, что она делает все правильно.

– Так вот, мистер Филлипс, не могли бы вы, если это возможно, выслать мне копию того письма.

Филлипс спросил:

– Когда вы получили свой чек?

Джоанна назвала ему дату.

– О, – сказал Филлипс, – тогда я не могу помочь. Наши записи не идут так далеко.

– А что с ними случилось?

– Выбросили их. По закону мы обязаны хранить их только семь лет. А вообще-то удивительно, почему это до сих пор вас беспокоит. Разве в Японии нет срока давности?

– Но не в налоговых делах, – сказала Джоанна. Она ни малейшего понятия не имела, правда это или нет. – Наученная горьким опытом, теперь я век ничего не выброшу.

– Да, но все это занимает место, – сказал Филлипс.

Немного подумав, Джоанна произнесла:

– Мистер Филлипс, а вы работали в этой компании, когда оформлялось мое дело?

– Нет. Я здесь только восемь лет.

– А другие служащие в вашем отделе? Может быть, кто-нибудь из них работал десять лет назад?

– О, да. Есть несколько таких человек.

– А как вы думаете, кто-нибудь из них мог бы помнить?

– Помнить о выплате десятилетней давности? – недоверчиво спросил Филлипс. – Что-то не верится.

– Но все равно, не могли бы вы любезно поинтересоваться о моем деле?

– Вы имеете в виду сейчас, когда вы звоните из Японии?

– Нет, – ответила Джоанна, – это будет несколько дорого. Если бы вы собрали нужные сведения, когда у вас будет время, я бы оценила это. И если кто-то что-нибудь помнит, пожалуйста, напишите мне немедленно.

– Воспоминания – не официальная запись, – с сомнением произнес Филлипс. – Я не уверен, что чьи-то воспоминания принесут вам пользу.

– Но они не принесут и вреда, – сказала Джоанна.

– Ну, конечно.

– Так вы похлопочете?

– Договорились.

Джоанна дала Филлипсу адрес, куда писать, поблагодарила его и повесила трубку.

– Ну что? – спросил Алекс.

Она рассказала, что ей сказал Филлипс.

– Убедительно, – уныло сказал Алекс.

– Это ничего не доказывает.

– Точно, – сказал Алекс. – Это ничего не доказывает – так или иначе.

Двадцать минут первого ночи по времени Киото телефон зазвонил снова. Японский телефонист связался с лондонским номером, который был указан в официальном письме от Дж. Комптона Вулрича.

Женщина, ответившая на другом конце провода в Лондоне, никогда не слышала о поверенном по имени Вулрич. Она была владелицей и менеджером антикварного магазина на Дермин-стрит, и этот телефонный номер принадлежал ей уже более десяти лет. Она не знала, кому он мог принадлежать раньше, до открытия здесь магазина.

Еще одна глухая стена.

Глава 30

"Прогулку в лунном свете" закрыли полдвенадцатого ночи, почти час назад, и весь персонал уже ушел домой, когда Джоанна была занята переговорами с Лондоном. Музыка больше не доносилась с первого этажа, и без этого звукового сопровождения зимняя ночь казалась сверхъестественно тихой, невыносимо темной и угрожающей.

Джоанна включила стерео. Бах.

Она села на диван рядом с Алексом, продолжавшим пробираться через серо-зеленые папки досье, лист за листом.

Внезапно Алекс воскликнул: "Черт побери!" – Он достал из папки пару черно-белых снимков восемь на десять дюймов.

– Что это? – спросила Джоанна.

Алекс поднял их повыше, чтобы она смогла получше рассмотреть изображенное.

– Увеличенные снимки отпечатков больших пальцев Лизы Шелгрин. Мы получили их с ее водительских прав, а другие – с часов-радио в ее спальне. Я совсем забыл, что они здесь.

Со смешанным чувством смотрела Джоанна на эти фотографии. Либо они разрушат, либо утвердят теорию Алекса, что она – Лиза, и, наконец, решат, ждет ли их впереди долгое и, возможно, опасное тяжелое испытание.

– Веское доказательство, – кратко сказала Джоанна.

– Нам понадобится чернильная подушечка. И лист бумаги... но не слишком

впитывающей: надо, чтобы отпечатки были ясными, а не смазанными, без значения. И еще нам надо увеличительное стекло.

– Бумага у меня есть, – сказала Джоанна, – чернильная подушечка тоже найдется. А вот увеличительного стекла, кажется, нет.

Алекс поднялся в порыве внезапно нахлынувшего возбуждения.

– Где мы можем купить его?

– В такой час? Нигде. По крайней мере до утра. – Джоанна заколебалась. – Подождите, дайте подумать. У меня, кажется, есть что-то вроде увеличительного стекла. Идемте.

Они вышли из гостиной и по узкой лестнице спустились вниз, в кабинет, расположенный на первом этаже.

Увеличительное стекло лежало на ее большом письменном столе. Оно служило пресс-папье – чистая линза в дюйм толщиной и четыре дюйма в диаметре. У него не было ни рамы, ни ручки, но, что касается оптики, оно было безупречным. Когда Алекс поднял его над бухгалтерской книгой, заполненной мелким почерком Джоанны, буквы и цифры стали крупнее в три или пять раз, чем если бы он смотрел невооруженным глазом.

– Пойдет, – сказал Алекс.

Из среднего ящика письменного стола Джоанна достала чернильную подушечку и бумагу. После нескольких попыток ей удалось сделать два почти несмазанных отпечатка больших пальцев.

Алекс поместил их рядом со снимками. Пока Джоанна оттирала салфеткой измазанные чернилами пальцы, он при помощи линзы сравнивал отпечатки.

Когда Джоанна отчистилась, насколько смогла без горячей воды и мыла, Алекс передал ей увеличительное стекло. Он не стал ничего говорить о том, что она увидит. Джоанна наклонилась над столиком, внимательно глядя через линзу и медленно передвигая ее от снимков к свежим отпечаткам и обратно. Наконец, она выпрямилась, посмотрела на него и произнесла:

– Не правда ли, они схожи.

– Идентичны, – сказал Алекс.

Глава 31

Когда частного охранника в палате Уэйна Кеннеди сменил другой, Томио Адахи, бывший на первом дежурстве отвез Марику домой. Алекс и Джоанна ждали ее на кухне в квартире над "Лунным светом". Они приготовили горячий чай и запас маленьких бутербродов, Марику сняла пальто и села за стол напротив них.

Марику выглядела усталой. Более, чем усталой. Измотанной. Изможденной. Ее лицо выглядело почерневшим, а глаза жгло так, будто в уголках их, под веками, был насыпан песок. Ступни болели, ноги распухли и налились свинцовой тяжестью, как у пожилой женщины. За последние тридцать шесть часов она спала менее трех, а весь день была на ногах, да и нервное напряжение было больше обычного. Когда он присела за стол и начала нехотя есть бутерброд, то постоянно зевала, прикрывая рот рукой, и ей стоило немалых усилий держать глаза открытыми.

От нее ждали полного отчета о состоянии Уэйна Кеннеди, но Марику мало что могла рассказать. Впервые Кеннеди очнулся от наркоза в 6.45, но тогда его сознание было неясным. Он впадал в дремоту и просыпался, с каждым пробуждением все в большей степени овладевая собой. Окончательно он проснулся в девять часов, при этом пожаловался на сухость во рту – "слюны не хватает, чтобы облизнуть и полмарки" – и гложащий голод. Медсестра позволила ему пососать маленький кусочек льда, но ясно дала понять, что, по крайней мере, сегодня свой обед он получит через капельницу. Уэйн начал ужасно возмущаться, требуя твердой пищи – "на худой конец какие-нибудь плохонькие яйца и какой-нибудь паршивый бекон". Учитывая его состояние, Марику была крайне удивлена его жизненной силой. В какой-то степени он, конечно, испытывал боль, но лекарства в большей

мере снимали ее. Около 9.30 Кеннеди посетил доктор Ито, и Уэйн был подавлен, когда узнал, что в больнице ему предстоит пробыть месяц или дольше, и, возможно, понадобятся еще операции. После ухода доктора Марико сделала все, что могла, чтобы подбодрить его, и к тому времени, а именно – незадолго до полуночи, когда сестра пришла дать ему снотворное, Уэйн спорил с ней, говоря, что он чувствует себя слишком хорошо, чтобы снова засыпать так скоро – "я не спал так много с пеленок". Он рассказал Марико дюжину очень забавных историй о своей работе в Боннер Секьюрити в Чикаго и хотел рассказать ей еще. Она убедила его сделать, что сказала сестра, и через полчаса он уснул крепким сном. Полиция еще не допрашивала его, но они передали, что придут рано утром. Марико сказала, что не завидует им, если они намерены получить от Кеннеди какие-то большие сведения, чем Алекс велел ему дать, потому что даже на больничной койке, с загипсованной ногой, Уэйн будет достойным противником для полиции.

Окончив свой рассказ о Кеннеди, Марико энергично набросилась на бутерброды, внезапно открыв в себе новый резерв сил. Пока она ела, Алекс и Джоанна рассказали ей, что они нашли в деле Шелгрин – удивительные сходства между Лизой и Джоанной, рассказали о двух звонках в Лондон и об отпечатках пальцев.

Слушая эти откровения, Марико все меньше и меньше хотелось спать. Глаза продолжало жечь, но она продолжала клевать носом. Физически она все еще была измождена, но морально уже посвежела. Не только их фантастический рассказ вернул ее столь неожиданно к жизни. Хотя она и была потрясена и очарована, услышав, что Джоанна была дочерью сенатора Соединенных Штатов и жертвой мерзких интриг, Марико в равной мере интересовало, как они реагировали друг на друга. С тех пор как она впервые увидела их вместе, они еще больше сблизились. Невинные касания рук, локтей и коленей, неполные объятия, но подсознательно они были напряжены. Теперь они держались друг с другом раскованно. Темно-синие глаза Джоанны стали резче и яснее и с явной страстью и доверием ловили взгляд Алекса. Что касается Алекса Хантера, то он держал себя значительно свободнее, чем прежде. Раньше, пока она не пришла сюда несколько минут назад, Марико всегда видела его в костюме и при галстукке, да еще зачастую и в жилете. Он всегда выглядел очень правильным и рассудительным. Сейчас на нем не было ни пиджака, ни галстука, рукава его рубашки были закатаны. Он сбросил ботинки, хотя Джоанна и не соблюдала японский обычай ходить дома без обуви. Так ему было удобно, потому что, в конечном счете, ему было удобно с Джоанной. Марико не думала, что они уже спали вместе. Еще не пришло то время. Но скоро оно наступит. Это можно будет увидеть в их глазах, услышать в их голосах – то особенное, сладострастное ожидание. Л потом, когда он узнает Джоанну близко и совершенно, будет ли Алекс спорить, что любовь не существует?

Нет.

Он будет сметен.

Он и сейчас уже сметен наполовину.

Марико улыбнулась этой мысли. Она звала, что Алекс и Джоанна подходили друг другу, и ей приятно было видеть, что несмотря ни на что, они сближаются все больше. По каким-то причинам Марико верила, что их женитьба будет иметь благотворное влияние на ее собственную судьбу. Она не знала, почему так думала и что при этом имела в виду. Здесь больше действовала интуиция, нежели рассудок. Как бы она там ни думала, но чувствовала, что их женитьба будет залогом ее собственных надежд, что без их счастья ее собственное будет невозможно.

Марико покончила с бутербродом, допила свой чай и сказала:

– Теперь, когда вы имеете идентичные отпечатки, что вы будете делать? Позвоните сенатору и расскажете ему?

– Думаю, что да, – сказала Джоанна, хотя эта идея явно беспокоила ее.

– Нет, – сказал Алекс, – мы не скажем ему. Пока еще рано.

– Почему нет? – спросила Марико.

Алекс, помешивая чай, задумчиво смотрел в свою чашку, как будто ища там ответ о

будущем. После долгого колебания он произнес:

– Мы пока не скажем ему, потому что у меня есть некоторые подозрения по поводу его участия в этом деле.

– Его участия? – спросила Джоанна.

– Каким образом? – поддержала ее Мариико.

– Мне кажется, что он знает, что вы здесь в Киото, – сказал Алекс Джоанне. – Думаю, он знает и всегда знал, кто похитил его дочь. Вполне допустимо даже то, что именно сенатор подстроил это похищение.

– Но, ради всего святого, зачем? – воскликнула Джоанна.

– Я не знаю.

– Тогда как вы можете говорить...

Он остановил Джоанну, взяв ее руку в свою, и Мариико улыбнулась.

– Я вам говорил, – произнес Алекс, – это всего лишь подозрения. Но чертовски сильные. А я научен опытом прислушиваться к своим предчувствиям. Кроме того, это все расставляет на свои места и объясняет некоторые вещи.

– Какие, например? – поинтересовалась Джоанна.

– Например, откуда вы получили такие большие деньги, – сказал Алекс. – Теперь мы знаем, что они пришли не из поместья Рандов и не в виде страховки Роберта Ранда.

Мариико отставила свою чашку и промокнула губы салфеткой.

– Извините меня, пожалуйста, – сказала она. – Я очень устала и поэтому не совсем поняла, что вы говорите. Вы сказали, что сенатор похитил свою собственную дочь из загородного дома на Ямайке, передал ее людям, которые промыли ей мозги, и устроил, чтобы она обосновалась на новом месте под новой личиной. Затем он взял более ста пятидесяти тысяч долларов собственных денег и переправил их в виде подложной выплаты по страховому полису и ложного наследства. То ли это, что вы рассказали нам?

Алекс кивнул.

– Я не притворяюсь, что не знаю почему, и у меня нет никаких доказательств. Но я больше чем наполовину убежден в этом. Более того, это единственное объяснение, которое я вижу на сегодняшний день. Откуда еще могли прийти эти деньги?

В замешательстве Мариико произнесла:

– Но как отец мог решиться на такое в отношении своей дочери? Как он мог быть счастлив, если не мог видеть ее? Как он мог радоваться полноте жизни, если не мог разделить с ней ее будущее?

– Здесь, в Японии, – сказал Алекс, – вы понимаете преемственность поколений. Вы очень сильно чувствуете ценность семьи. Но это не всегда так в других частях мира. Там, где я родился, у некоторых родителей инстинкты львов-одиночек: в определенных обстоятельствах они способны на определенный каннибализм, они пожирают своих отпрысков. Вижу, вы сомневаетесь, но я говорю вам это из собственного опыта. Мои родители были алкоголиками. Они почти уничтожали меня как эмоционально, так и физически. Они били, резали меня и причиняли мне вред сотнями разных способов. Они были зверями.

– У нас тоже иногда встречаются такие.

– Но гораздо реже.

– Даже один – слишком много. Но то, что сделал отец Джоанны... Это выходит за рамки моего понимания, – произнесла Мариико, глубоко опечаленная мыслями об этом.

Алекс улыбнулся так очаровательно, что на мгновение Мариико пожалела, что не встретила его раньше Джоанны. Он сказал:

– Это выходит за рамки вашего понимания, потому что вы так утонченно цивилизованы, Мариико-сан.

Она покраснела и приняла этот комплимент медленным кивком головы.

– Но есть кое-что, что вы не принимаете в расчет, – сказала Джоанна Алексу. – Сенатор нанял вас, чтобы найти его дочь. На эти поиски он истратил целое маленькое состояние.

Зачем он так делал, если все это время знал, где она находится?

Подлив себе еще чая, Алекс сказал:

– Чтобы запутать следы, вот почему. Он играл роль понесшего тяжелую утрату отца, который не остановится ни перед чем и не пожалеет ничего, чтобы вернуть своего ребенка. Кто мог заподозрить его? А он мог позволить себе играть в такие дорогие игры: у него намного больше миллионов, чем у меня.

Джоанна помрачнела:

– То, что он сделал со мной, если он сделал это со мной, не было игрой, – сказала Джоанна.

– Здесь я не спорю с вами, – произнес Алекс.

Тогда, пару минут назад, Алекс взял руку Джоанны, теперь она непроизвольно коснулась его. И снова Марико, держа двумя руками свою чашку чая, с наслаждением наблюдала за ними. Джоанна сказала:

– Алекс, тогда в среду днем, в такси, когда вы впервые упомянули это имя – Томас Шелгрин – вы дали ясно понять, что он не нравится вам.

– Или я не доверяю ему, – сказал Алекс.

– Почему нет?

– Он манипулирует людьми.

– Разве не все политики такие?

– Я не обязан любить их за это.

– Но они всегда будут с нами.

– Также мы все когда-нибудь встретим смерть, но иногда я чувствую себя лучше, если отторжусь от нее. Шелгрин более гладкий, чем большинство политиков. Он скользкий.

Алекс взял себе сэндвич, поколебался и, не кусив, положил его на место. Кажется, он потерял аппетит.

– Я общался с Шелгрином достаточно долго и в жизни никогда не видел более расчетливого и так тщательно контролирующего себя человека. В конце концов, я подсчитал, что он пользовался всего лишь четырьмя выражениями лица, которые надевал на публике: трезвый, внимательный взгляд, который он использовал, когда хотел внушить, что внимательно прислушивается к взглядам избирателей; отеческая улыбка, которая морщила все его лицо, но не проникала ни на микрон глубже; строгая холодность, когда он хотел выказать себя много работающим, деловым парнем; и печаль, которой он пользовался, когда умерла его жена, когда исчезла его дочь, и всегда, когда его звали произнести речь на похоронах кого-нибудь, кто внес большой вклад в его избирательную кампанию. Думаю, манипулирование людьми доставляет ему удовольствие даже больше, чем среднему политику. Для него это что-то вроде мастурбации.

– Фу-у! – произнесла Джоанна.

– Извините, если я выразился несколько сильно на его счет, – сказал Алекс, – но я так чувствую. А сейчас впервые предоставилась возможность рассказать кому-нибудь. Он был солидным клиентом, поэтому я всегда скрывал свои чувства. Но несмотря на все деньги, какие он истратил на поиски Лизы, и несмотря на все его слезы по поводу пропажи его маленькой дочурки, я никогда не верил, что он был настолько опустошен этим похищением, как хотел, чтобы все думали. Он казался... пустым. Когда смотришь в его глаза, там холод, пустота.

– Тогда не лучше ли нам прекратить? – спросила Джоанна.

– Прекратить что?

– Все это расследование, которое мы сейчас ведем.

– Мы не можем. Не сейчас.

Джоанна нахмурилась.

– Но если сенатор оказался таким, как вы говорите... если он способен... ну, возможно, самым лучшим для нас было бы забыть его. Теперь я немного знаю, почему я жила отшельником, почему я страдала. Как вы сказали, я была запрограммирована. И я совсем не

обязана знать что-либо еще. Я могу жить, и не зная, как это было сделано и кто это сделал, и зачем.

Марико взглянула на Алекса.

Их глаза встретились.

"Ему не нравится, что Джоанна говорит больше, чем я", – подумала она.

Марико заговорила первая.

– Джоанна, сейчас ты можешь говорить так и верить в это. Но позже ты изменишь свое мнение. Каждый должен знать, кто он и каково его предназначение. Каждый должен знать, зачем и каким образом он попал туда, где он сейчас находится. Иначе нет оснований для роста и перемен и ни к чему дальнейшее путешествие по жизни.

– Кроме того, – сказал Алекс, избрав менее философский подход, – теперь слишком поздно уходить в сторону. Они этого не позволят. Мы узнали слишком многое. Когда я переехал к вам и нанял охранника для палаты Уэйна, и когда мы позвонили в Англию, мы зашли слишком далеко. Мы ступили на тропу войны. По крайней мере, так теперь это выглядит для них. Поэтому теперь мы мишени.

Джоанна удивленно вскинула брови.

– Вы думаете, они могут попытаться убить нас?

– Или хуже, – сказал Алекс.

– Что может быть хуже?

Алекс отодвинул стул и встал. Он подошел к небольшому окну, повернулся к женщинам спиной и задумчиво посмотрел на Гайон и темный город за ним. Затем он повернулся и сказал:

– Вы хотите знать, что может быть хуже. О'кей. Может быть, однажды мы все проснемся в разных частях света, каждый с новым именем, новым прошлым и новой памятью. И мы не будем знать, что когда-то были Джоанной Ранд, Марико Инамури и Алексом Хантером.

Джоанна болезненно побледнела, как будто бледный лунный луч просочился сквозь окно и ничего в комнате не осветил, кроме ее лица.

– Сделают ли они это снова? – спросила Марико.

Алекс пожал плечами.

– Почему нет? Это очень эффективное средство заставить нас замолчать. И действуя таким образом они не оставляют никаких трупов, чтобы волновать полицию.

– Нет... нет, – тихо, затравленно произнесла Джоанна, – все, что происходит со мной в Японии, все, что я есть и кем хочу быть, все это стерто из моего мозга.

Марико вздрогнула.

– Но почему? – задала вопрос Джоанна. В расстройстве она ударила кулаком по столу так, что зазвенели чашки и блюда... – Почему все это случилось? Это безумие. В этом нет ни капли смысла.

– Не правда, – сказал Алекс, – в этом даже очень много смысла для людей, которые это сделали.

– Для нас это тоже имело бы определенный смысл, если бы мы знали то, что знают они, – сказала Марико.

Алекс кивнул.

– Правильно. И мы не будем в безопасности, пока на самом деле не узнаем то, что знают они. Как только мы поймем, что двигало ими при превращении Лизы в Джоанну, мы сможем разоблачить их. Мы выступим в прессе. Что-нибудь вроде: похищенная дочь возвращается в семью живой через много лет. И когда мы сделаем так, когда поставим похитителей в центре внимания общественности и сделаем их уязвимыми для правосудия, когда у них не останется никаких тайн, тогда у них не будет повода схватить нас и сыграть в их грязную игру с изменением имени.

– Не будет повода кроме мести, – произнесла Джоанна.

– Пожалуй, – допустил Алекс. – Но, возможно, для них это будет уже неважно, раз игра

окончена. Но если это важно, то мы рассмотрим и этот вариант. Сейчас мы действительно в серьезной опасности, пока ищем следующий шаг, и это будет продолжаться до тех пор, пока у нас не будет достаточно фактов, чтобы предать эту историю огласке, и пока у них будет шанс остановить нас.

– Так какой же следующий шаг? – спросила Джоанна.

Алекс вернулся к столу и взглянул на Марико. Пока говорил, он постоянно покручивал кончик уса.

– Марико-сан, у вас есть дядя – психоаналитик.

– Да.

– И иногда он пользуется гипнотической регрессией, чтобы помочь своим пациентам.

– Верно, – сказала Марико. В течение нескольких лет она пыталась уговорить Джоанну посетить ее дядюшку Оми, но всегда безуспешно.

Алекс повернулся к Джоанне.

– Он может попытаться открыть ваше подсознание и помочь вам вспомнить кое-что, что вам необходимо знать.

Джоанна отнеслась к этому скептически.

– Да? И что же, например?

– Например, имя человека с – механической рукой.

Джоанна, нахмурившись, закусила губу.

– Его. Но какое это имеет значение. Он всего лишь человек из ночного кошмара.

– Да? Разве вы забыли, что говорили мне о нем в среду? – спросил Алекс.

Джоанна неловко поерзала, взглянула на Марико, посмотрела вниз на стол, на свои руки, переплетенные как две змеи.

– В замке Нийо, – подсказал Алекс.

– Я была в истерике.

– Вы сказали мне, что внезапно осознали, что человек из вашего ночного кошмара был чем-то действительно знакомым вам, а не просто плодом воображения. Вы все еще верите в это.

Джоанна произнесла сдержанно:

– Да.

– А если он реален, он, несомненно, должен иметь отношение к тому, что с вами произошло. Он один из людей, которые стоят за всем этим.

– Я тоже так думаю, – сказала Джоанна. – Но... я не уверена... совсем не уверена, что хочу найти его.

Лицо Джоанны побледнело даже больше, чем когда Алекс упомянул, что она может быть подвергнута еще одному изменению личности. Она взглянула так, будто смотрела в открытую могилу и видела в ней полусгнившего мертвеца, тянущегося к ней, с ухмылкой на его разлагающихся губах.

– Джоанна, он как демон внутри вас, – сказал Алекс. – Вам надо изгнать его, прежде чем вы сможете уснуть спокойно. Пока вы не найдете его и не узнаете, что он сделал с вами, каждую ночь вас будет мучить все тот же жуткий сон.

– Я жила с ним десять лет, – сказала Джоанна, – полагаю, что могу прожить и еще десять.

Марико не согласилась.

– Не можешь. Я знаю, что те кошмары делают с тобой. Я слышу твои крики по ночам.

Джоанна не ответила.

– Когда ты встретишь этого человека с механической рукой, – сказала Марико, – когда ты столкнешься с ним лицом к лицу, ты откроешь, что в жизни он и наполовину так не страшен, как во сне.

– Хотелось бы верить, – произнесла Джоанна.

– Надо верить, – сказала Марико, – и ты будешь верить, если будешь думать об этом без эмоций. Знание никогда не бывает таким ужасным, как незнание. Черт возьми, Джоанна, ты

должна поговорить с дядей Оми!

Джоанна была явно удивлена, услышав ругательство из уст Мариико. Она взглянула на Алекса, тот выразительно кивнул ей. Затем она опять посмотрела на свои руки. Наконец, Джоанна тяжело вздохнула и произнесла:

– Очень хорошо. Я поговорю с ним.

Обращаясь к Мариико, Алекс спросил:

– Вы можете устроить это?

– Я позвоню ему утром.

– Вы можете договориться на завтра?

– Вероятно. Или, в крайнем случае, на послезавтра.

– Алекс, я хочу, чтобы вы пошли вместе со мной к доктору, – сказала Джоанна. – Мне надо, чтобы кто-то держал меня за руку.

– Ну, я не уверен, что доктор захочет, чтобы кто-то заглядывал ему через плечо, в то время как он...

– Вы должны быть там, – настаивала Джоанна.

– Если доктор не будет возражать...

– Если он будет возражать, то это мероприятие откладывается. Я не хочу идти туда одна.

– Я уверена, что дядя Оми не будет возражать, – сказала Мариико. – В конце концов, это не простой случай.

– Ты действительно думаешь, что он позволит Алексу быть рядом со мной во время сеанса, – обеспокоенно спросила Джоанна.

– Сразу же, как только ты расскажешь ему свою историю, – сказала Мариико. – Он будет так заинтригован, что не сможет сказать "нет".

Успокоившись, Джоанна откинулась на спинку стула.

Мариико приятно было видеть, как из другой женщины испарилось напряжение.

Джоанна одарила Алекса сияющей улыбкой, которую он вернул ей обратно.

Позже, у себя в квартире, в своей собственной постели, Мариико вспоминала эти ослепительные улыбки. Их лица были полны любви и доверия. Прошло немало времени, прежде чем под влиянием каких-то неведомых сил они встретились. Алекс и Джоанна могли бы с таким же успехом попытаться задержать ураган поднятыми руками, как и сопротивляться тому чувству, которое было у них друг к другу. Эта мысль согревала Мариико и давала ей чувство защищенности.

Уже на грани сна Мариико поняла, почему она рассматривала судьбу Джоанны, как лекало для своей собственной. Мариико не была достаточно удачливой, чтобы найти мужчину, которого она могла бы любить или который мог бы любить ее. Всегда слишком занята. И слишком робка. Можно было бы сказать и так. Робкая. Неуклюжая с мужчинами, когда разговор становился слишком личным. Застенчивая. Всегда держащая мужчин на расстоянии. Она могла говорить Алексу о любви Джоанны к нему, но она не могла выразить свое собственное подобное чувство другому мужчине. Большинство думало, что она была холодной. Фригидной. Они не могли видеть ее внутреннюю сущность – очень живую, веселую, жаждущую, горящую, с огромными возможностями для любви. Она никогда не встречала мужчину с незаурядной личностью, достаточно сильного, чтобы вознаградить ее сдержанность, или достаточно настойчивого, чтобы пробиться сквозь ее панцирь. Поэтому она была одинокой в тридцать лет. Почти тридцать один. Все еще достаточно молодая, энергичная. За исключением подобных случаев она не любила быть одна, как нравится некоторым людям, и ужасалась предстоящим годам, которые могли бы пройти без столь желанного партнерства. Мариико не хотела остаться старой девой, но как она ни пыталась, не могла изменить себя. Поэтому-то она так надеялась, что Джоанна поладит с Алексом: она воображала, что такая связь будет доказательством, что она тоже, когда-нибудь, найдет подходящего возлюбленного. По мере того как шли годы, Мариико все больше и больше воспринимала Джоанну как зеркало своего собственного будущего. "И, – думала она, – это

потому, что у нас обеих были препятствия к близкой связи с мужчинами. Но Джоанна выдержала так много на пути к своему счастью, гораздо больше, чем я. Если она может найти кого-то, с кем делить свою жизнь и любовь, так, значит, и я тоже смогу".

Возможно, она была слишком уверенной. Может быть, никто из них не найдет своего счастья. Возможно, это дело Шелгрин и в самом деле серьезное, и они будут убиты. Но она отказывалась думать об этом. В темноте, уютно завернувшись в одеяло, Мариико улыбалась.

Глава 32

Уф, уф...

Для него не было чувства времени.

Для него не было чувства места.

Он был как насос.

Игнасио Каррерас работал над своими руками. Он напрягся. Замычал. Застонал. Он вдыхал, астматически хватая воздух, и с силой выдыхал. Дыхание его было неистовым, но равномерным, как будто он слушал военную музыку, которая играла внутри его. Штанга, с которой он сражался, весила больше его. Это занятие казалось слишком трудным для него, но он продолжал без передышки. Если бы задание было бы более посильным, оно потеряло бы для него всю свою ценность. Его всемерные усилия выжимали из него капельки пота, которые сливались в ручейки, сбегавшие вниз по ушам, носу, подбородку, кончикам пальцев. На нем ничего не было кроме голубых боксерских трусов. Его хорошо сложенное мощное тело сияло как воплощение мальчишеской мечты о грубой силе. Почти можно было услышать, как истязаемые ткани были на грани разрыва, в то время, как новые и более сильные волокна вырастали на их месте.

По понедельникам, средам и пятницам, без исключения, Игнасио Каррерас усердно работал над своими икрами и бедрами, ягодицами и боками, поясницей и мышцами спины. У него были удивительные мышцы живота: собственно живот был твердым и вогнутым и напоминал лист закаленной стали. Игнасио стремился перевоплотить свое тело до последнего дюйма, до последней клеточки. Для расслабления он читал фантастику и жаждал иметь совершенное тело роботов, которые от случая к случаю появлялись в этих книгах, – гибкое, но непоколебимое, аккуратное и в какой-то мере изящное, но заряженное грубой силой. По вторникам, четвергам и субботам он трудился над улучшением своей груди, верхней части спины, шеи, плеч, бицепсов, трицепсов и всех мышц предплечий. На седьмой день он отдыхал, хотя бездействие заставляло его нервничать.

Каррерасу был только тридцать один год, но он выглядел моложе. У него были жесткие, густые, черные волосы, в них не было ни пряди более светлых волос. Когда Игнасио упражнялся, его голова, чтобы не мешали волосы, была обвязана ярко-желтой эластичной лентой. Его резкие черты лица, удлиненный нос, темные и глубоко посаженные глаза, смуглый цвет кожи и лента придавали ему вид американского индейца.

Но он не претендовал называться индейцем. Ни американским, ни каким-либо другим. Он говорил, что является бразильцем. Но им он тоже не был.

Уф, уф, уф...

Гимнастический зал находился на первом этаже дома Каррераса, одно время там была музыкальная комната. В центре мраморного пола в итальянском стиле находилось круглое возвышение, на котором раньше стояло пианино. Теперь комната площадью тридцать футов была частично застелена матами и начинена различными тренажерами, в том числе и дюжиной очень дорогих устройств. Потолок был высокий и богато украшенный лепкой, причем выпуклости были раскрашены белым, в вогнутые места – нежно-голубым, и все это было окаймлено узкой золотой каймой.

Каррерас стоял на возвышении, имитируя робота, без усталости работающего руками-прессами. Его поведение в гимнастическом зале отражало его подход к жизни. Он был неутомим. Он не отлынивал. Он скорее умрет, чем даст себе передышку, хотя единственным

его соперником был он сам. Содрогаюсь каждый раз, когда он напрягался, Каррерас принимал исходное положение с огромной штангой: она находилась напротив его плеч, руки согнуты и отведены назад, чтобы поддерживать перекладину, кончики пальцев рук касаются груди. А затем он поднимал вес прямо вверх одним рывком, выдохнув, и выпрямляя руки, пока локти не разгибались и штанга не оказывалась прямо над головой. Продержав ее две секунды, взвизгивая от боли, но довольный, потому что боль означала, что усилие было достаточным для наращивания мускулов, шумно вдыхая воздух, Игнасио медленно опускал штангу в исходное положение, держал ее там с секунду, пока его бицепсы и дельтовидные мышцы с глухим шумом расслаблялись, затем снова напрягал их, поднимая штангу вверх, и вверх, и вверх, отуманенный болью, но решительно настроенный выполнить упражнение десять раз, как он сегодня уже выполнил другое упражнение двадцать раз, правда, с несколько более легким весом, и как он заставлял себя выполнять тысячи и сотни тысяч раз за эти годы.

Другой культурист, Антонио Паз, бывший телохранителем и напарником Каррераса в гимнастическом зале, стоял несколько сзади и сбоку от своего босса. Он считал вслух, когда каждое упражнение завершалось. Пазу было сорок лет, но он также выглядел моложе своего возраста. При росте шесть футов два дюйма Паз был на три дюйма выше Каррераса и на пятнадцать фунтов тяжелее. Лицом он несколько не походил на своего хозяина: его лицо было широким, плоским, с низкими надбровными дугами. Он также претендовал на то, что он бразилец, на самом же деле он тоже не был таковым.

Паз произнес "три". Это означало, что осталось повторить упражнение еще семь раз.

Зазвонил телефон. Каррерас едва мог слышать его из-за своего натруженного дыхания. Сквозь пелену пота и слез он увидел, как Паз пересекает комнату, чтобы снять трубку.

Поднять штангу вверх. Удерживать ее любой ценой. Четыре. Опустить. Передышка. Поднять. Держать. Пять. Легкие горят. Опустить. Как машина.

Паз быстро говорил в трубку, но Каррерас не мог слышать, о чем идет речь. Единственным звуком для него была пульсация боли и крови.

Снова вверх. Держать. Руки дрожат. Спину сводит. Шея вздувается. Эта боль! Победа! Опустить.

Паз положил трубку рядом с телефоном и вернулся к возвышению. Он занял свою прежнюю позицию и застыл в ожидании.

Каррерас повторил упражнение еще четыре раза. Опустив штангу после последнего в этой серии упражнения, он почувствовал себя так, как будто в него влили несколько кварт адреналина. Он парил, он был легче воздуха. Каррерас никогда не выглядел уставшим после выжимания штанги. Чувство освобождения, это чудесное возбуждение было одним из преимуществ, которые поднятие тяжестей имело перед другими упражнениями, и только еще одно действие давало ему подобное ощущение – убийство.

Игнасио Каррерасу нравилось убивать. Мужчин. Женщин. Детей. Все равно кого. Конечно, ему не так уж часто предоставлялся подобный случай. Не так часто, как он выжимал штангу, и не так часто, как ему хотелось бы.

Паз поднял сырое полотенце, лежавшее на краю возвышения. Он подал его Каррерасу и произнес:

– Звонит Марлоу из Лондона.

– Что ему надо?

– Он не скажет без крайней необходимости.

Оба мужчины говорили по-английски так, как будто учились языку в одном из престижных британских университетов, но ни один из них никогда не учился в Англии.

Каррерас прыгнул с платформы и пошел улаживать дела с Марлоу. Паз передвигался тяжело, основательно ставя ногу, а Каррерас двигался так легко, будто он уже почти познал секрет левитации.

Телефон стоял на столике близ одного из больших окон.

Бархатные шторы были раздвинуты, но основной свет в комнате давала огромная люстра, висящая как раз над возвышением. Сейчас, на склоне дня зимнее солнце светило

тускло, едва пробиваясь сквозь плотные массы снеговых туч. За окном простирался один из самых интересных городов Европы – Цюрих, Швейцария: прозрачное голубое озеро, кристальная река, массивные церкви, банки, добротные построенные дома, стеклянные здания офисов, древняя ратуша, Гроссмюстерский собор XII века, бездымные фабрики – все вместе любопытная и чарующая смесь из подавляющей готической угрюмости и альпийской веселости, современного и средневекового. Город покрывал склоны холмов и берега озера. Из дома Каррераса открывался эффектный вид на большую часть города. Телефонный столик, казалось, был расположен на вершине мира.

Каррерас сел и взял трубку. Он все еще не мог отдышаться после последней серии упражнений.

– Марлоу?

– Да.

– Что случилось?

С Марлоу он был откровенен, потому что оба телефона – и его, и лондонский – были снабжены самыми хитрыми устройствами, которые делали почти невозможным прослушать линию и записать их разговор.

– Уже более двух часов я пытаюсь дозвониться до вас, – сказал Марлоу.

– Я был здесь весь день.

– Не ваша вина. Этот чертов телефон. Один сбой за другим. Эти телефонисты...

– Теперь вы до меня дозвонились, – нетерпеливо сказал Каррерас.

– Джоанна Ранд звонила в Британско-Континентальную. Интересовалась выплатой страховки ее отца.

– Вы говорили с ней?

– Я сказал, что у нас ничего нет такой давности. Я, конечно, назвался Филлипсом. Что теперь будем делать?

– Пока ничего, – сказал Каррерас.

– Думаю, время сейчас – существенный фактор.

– Думайте, что хотите.

– Очевидно, что все дело рушится.

– Может быть.

– Что-то вас это не особо беспокоит.

– Вам тоже стоило бы поостыть.

– И что я должен делать, если она опять позвонит?

– Не позвонит.

– В конце концов, если она начнет интересоваться своим прошлым в целом, что ее удержит, чтобы не примчаться сюда, в Лондон?

– Ничего, кроме одного, – сказал Каррерас, – у нее постгипнотическое внушение, которое сделает трудным, если не невозможным для нее, покинуть Японию. В тот момент, когда она попытается взойти на борт самолета или корабля, – неважно, – ее захлестнет страх. У нее начнется такое головокружение и она почувствует себя настолько больной, что ей понадобится доктор, и она пропустит свой рейс.

– М-да, – несколько мгновений Марлоу думал над этим, – но может быть постгипнотическое внушение не такое уж сильное через столько лет, а что если она все-таки найдет способ выбраться оттуда?

– Пусть, – сказал Каррерас, – я контролирую ситуацию. Из Киото я получаю ежедневные отчеты. И если она выберется из Японии, я узнаю об этом в течение часа. Вас предупредят.

– Как бы то ни было, я просто не могу позволить ей совать повсюду свой нос. На кои поставлено слишком многое.

– Если она попадет в Англию, – сказал Каррерас, – она не останется так надолго.

– Как вы можете быть так уверены? Кроме того, за день или два она может причинить непоправимый ущерб.

– Когда и если она достигнет Лондона, она будет искать улики. Мы оставили несколько, которые она не сможет проглядеть, и все они приведут в Цюрих. Она быстренько решит, что это то место, где ее таинственная загадка может быть решена наилучшим образом, и сразу же приедет сюда. А здесь я сам смогу разобраться с ней.

– Каким образом, например? – спросил Марлоу.

– Мы разработаем план на тот случай, если это понадобится.

– Смотрите, – сказал Марлоу, – если она все-таки проскользнет мимо ваших людей в Киото и выберется из страны, если все-таки внезапно нагрянет в Лондон, я буду вынужден принять собственное решение насчет нее. И буду вынужден действовать быстро.

– Это не будет мудро с вашей стороны, – зловеще произнес Каррерас.

– Я не пешка в этой игре, вы знаете об этом. Мягко говоря, это для меня несколько больше, чем постороннее дело. Чтобы достичь цели, я пустил в ход многие средства. Я не позволю испортить все блюдо из-за одного ингредиента. Если эта женщина постучится в мою дверь без предупреждения и если я почувствую, что она угрожает всей моей операции, тогда я прикончу ее: обвесив цепями, сброшу за борт посреди Английского канала. У меня нет выбора. Ясно?

– Она не постучится без предупреждения, – сказал Каррерас.

– Будем надеяться, что нет, – произнес раздраженно Марлоу.

– Но вы должны помнить, что если вы причините ей вред без моего разрешения, то другие увидят вашу собственную подобную морскую прогулку.

Марлоу равнодушно произнес:

– Вы мне угрожаете?

– Я просто объясняю возможные последствия.

– Мне не нравится, когда мне угрожают.

– Вы так чувствительны, Марлоу? Не в моих силах вынести подобную угрозу. Вы это знаете. И вы знаете меня достаточно хорошо, чтобы понять, что я не бросаю слов на ветер. И я просто говорю вам, что другие решат сделать с вами.

– Да? И кто же спустит курок? – скептически спросил Марлоу.

Каррерас вздохнул и выдал имя однозначно могущественного и безжалостного человека.

Это произвело желаемый эффект. Марлоу поколебался, а затем сказал:

– Он? Вы серьезно?

– Совершенно.

– Нет. Вы, должно быть, блефуете.

– Чтобы доказать вам, что не блефую, – сказал Каррерас, – я устроил так, что вы получите от него известие.

– Когда?

– В течение двадцати четырех часов.

Марлоу не оставалось ничего как поверить.

– Но, ради Бога, Игнасио, зачем этому человеку, с его положением в обществе, быть так сильно заинтересованным в таком незначительном деле, как это?

– Если бы вы побольше думали и поменьше болтали, то поняли бы зачем.

– Потому что это не такое уж незначительное дело?

– Видимо так. Мой дорогой Марлоу, скорее всего, это самое важное дело, в которое вы или я были когда-либо вовлечены.

– Но чем эта женщина отличается от других?

– Я не могу вам этого сказать.

– Можете, но не скажете.

– Да.

Каррерас встал, держа трубку в руке, желая окончить разговор и вернуться к своим упражнениям.

– Я никогда не видел ее, – сказал Марлоу. – Она может появиться у меня на пороге в

любой момент, а я даже не узнаю ее. Как она выглядит?

– А вам и не надо знать. Если возникнет необходимость, вам покажут фотографию.

Минуту назад Марлоу чувствовал свое превосходство перед Каррерасом и всем, к чему Каррерас был причастен. Теперь он был обеспокоен, что его переведут на второстепенную роль. Для такого человека, как Марлоу, чувствующего себя рожденным для административной работы и специальных привилегий, продвижение было самым важным, единственной альтернативой неудаче, потому что он знал, если упустит момент, если только один раз поскользнется на иерархической лестнице, ему будет в тысячу раз труднее продолжать восхождение и он никогда не будет удовлетворен тем местом, которое занимает. Каррерас услышал в голосе своего собеседника растущее беспокойство и заботу о своем благополучии, и это позабавило его.

Марлоу сказал:

– Все-таки не мешало бы иметь описание этой женщины. По-моему, вы очень преувеличиваете необходимость конспирации. В конце концов, я на вашей стороне.

– Пока никакого описания, – просто сказал Каррерас.

– Как ее зовут?

– Джоанна Ранд.

– Я имею в виду ее настоящее имя.

– Вы же знаете, что вам не стоит даже спрашивать об этом, – сказал Каррерас и повесил трубку.

Порыв сильного ветра внезапно налетел и ударил в окно. Каррерасу показалось, что он увидел несколько снежинок. Начиналась метель.

Глава 33

"Помогите!"

Утром, в начале седьмого, Алекс проснулся после четырехчасового сна. Сначала он подумал, что проснулся сам: он редко спал дольше четырех или пяти часов. Затем он услышал Джоанну, находившуюся в соседней комнате, и понял, что это ее крики разбудили его.

"Помогите мне!"

Алекс отбросил одеяло и вскочил с постели.

"Ну же, ради Бога, помогите мне!"

Алекс схватил пистолет, лежавший на тумбочке. Это был снабженный глушителем семимиллиметровый автоматический, который он отобрал у человека в проходном дворе две ночи назад.

Ворвавшись в комнату Джоанны и включив свет, он увидел ее, сидящей на кровати. Она тяжело дышала, недоуменно щурясь на свет.

Алекс подошел к полуоткрытой дверце шкафа, рывком открыл ее и заглянул внутрь. Никого.

Он направился к окнам посмотреть, не воспользовался ли ими кто-нибудь, чтобы таким образом покинуть комнату.

– Это был всего лишь тот кошмар, – тихо произнесла Джоанна.

Алекс остановился и повернулся к ней:

– Человек с механической рукой?

– Да.

Алекс подошел к ней и сел на край кровати.

– Не хочешь рассказать мне?

– Я уже рассказывала, – прошептала Джоанна, – каждый раз одно и то же.

Ее лицо было бледным, рот вялым и безвольным со сна, ее золотистые волосы слегка влажны от испарины, но она была красива.

На ней была одета желтая шелковая пижама, обещающе обрисовывающая ее груди,

отчего у него пересохло во рту. Он внезапно осознал, что на нем одеты только пижамные брюки, и она коснулась его широкой груди, сначала одной рукой, самыми кончиками пальцев, затем обеими руками. Не зная, как это случилось, в следующую минуту он отложил пистолет, и они заключили друг друга в объятия. Ее пальцы рисовали узоры на его голой спине, ее рот коснулся его, язык проскользнул между его губами. Лизущий. Сладкий. Быстрый. Жаркий. Их рты как бы сплавились вместе. Его руки поползли вниз по ее спине, затем вернулись к ее грудям, полным, тяжелым и так чудно возбужденным. Ощупью он нашел пуговицы и, несмотря на дрожь, охватившую его, расстегнул их, и коснулся ее, и страстно застонал в то же мгновение, что и она. Затем он сгреб ее груди и нажал большими пальцами на затвердевшие соски. Алекс почувствовал больше, чем желание, больше, чем похоть, больше, чем страсть, почувствовал все это плюс что-то новое, и вдруг он резко понял, что думает – люблю, люблю, я люблю ее. И тут он вспомнил своих родителей (их заверения в любви, которые быстро и неизбежно сменялись криками, руганью, рукоприкладством, болью) и, вспомнив все это, он почувствовал себя напряженным: качество их поцелуев изменилось, изменилось настроение, и Джоанна тоже это почувствовала, настолько, что они отпрянули друг от друга.

– Алекс?

– Я смущен.

– Разве ты не хочешь меня?

– О, да.

– Так чем же ты смущен?

– Тем, что мы можем быть вместе.

– Разве я не дала тебе это ясно понять?

– Я имею в виду более длительный срок.

– Это не на одну ночь.

– Я знаю. Это я и имею в виду.

Она поднесла руку к его лицу.

– Пусть будущее само о себе позаботится.

– Я не могу, Джоанна. Я должен знать.

– Что?

– Что ты ожидаешь?

– От тебя?

– Я имею в виду... что ты думаешь о том, что у нас может быть.

– Все. Если ты захочешь.

– Я не хочу разочаровать тебя.

– Ты не разочаруешь меня, дорогой.

– Разочарую.

– Нет, нет.

– Разочарую.

Она улыбнулась.

– Ты хочешь сказать, что определенно настроен разочаровать меня?

– Джоанна, я не шучу.

– Я понимаю. Но почему?

– Ты не знаешь меня.

– Я знаю достаточно. – Я нравственный калека.

Алекс сам удивился, что сказал это. Позволил себе сказать. Верил ли он все еще в это?

Правда ли Марико?

– Мне кажется, что весь направлен на меня, – сказала Джоанна.

– Я никогда не говорил: "Я люблю тебя".

– Но я догадалась.

– Я хочу сказать, что я никому никогда не говорил эти слова.

– Хорошо. Тогда я буду первая.

– Но...

– Что но?

– Я не уверен, что смогу сказать их тебе. Вот в чем дело.

– Понимаю, – произнесла Джоанна.

– Нет. Ты не понимаешь, Джоанна. К тебе я испытываю большее чувство, чем когда-либо чувствовал к кому бы то ни было, но, однако...

Он рассказал ей о своих родителях. Ей он открыл даже больше, чем предполагал, что может открыть другому человеку. Почти час он говорил, не переставая, вытаскивая на свет как близкие, так и давно забытые детали своего кошмарного детства. Он вспоминал, как его отец и мать мучили его. Синяки. Разбитые губы. Подбитые глаза. Выбитые зубы. Сломанные кости. Порезы. Все с руганью, криками. Оскорбления, жестокие истязания. Однажды его ошпарили кастрюлей кипятка, до сих пор у него между лопатками остался след от этого ожога. Он вспоминал те разы, когда на день, два, три его запирали в тесном чуланчике. Вначале его голос был переполнен ненавистью, но постепенно она заметалась печалью. И хотя он никогда не позволял себе расслабиться, этой ночью он плакал, плакал около Джоанны. Вся копоть, накопившаяся в нем, эта отрицательная память, как раковая мерзость, изливалась из него подобно тому, как на исповеди грех выходит из кающегося. Когда он, наконец, остановился, иссякнув, Алекс почувствовал себя чище и свободнее, чем когда-либо в жизни.

Она поцеловала его в глаза.

– Извини, – сказал он.

– За что?

– Я никогда не плачу.

– Это часть твоей беды.

– Я не хочу доставлять своему окружению радость видеть меня плачущим, поэтому я научился держать все внутри себя.

Она целовала его лоб, нос, щеки.

– И это мужчина, которому ты доверилась, чтобы он помог открыть правду о тебе, – произнес Алекс, покачивая головой. – Ты все еще доверяешь ему?

– Больше всех на свете. Сейчас он выглядит человеком.

– Ты действительно какая-то...

– Какая, например?

– Чудесная.

– Скажи мне еще что-нибудь.

– Красивая.

– Я люблю тебя, Алекс.

Он попытался ответить, но не смог.

Она целовала его в уголки губ.

– Люби меня, – произнесла она.

– Но если я...

– Я не прошу прямо сейчас, физически.

– Никто из нас не хочет одного без другого.

– Лучше пусть это свершится, когда ты обретешь душевный покой.

– Много лучше, – согласился Алекс.

– ...но все-таки и сейчас это будет неплохо. И нам надо это.

– Да, нам надо, но вряд ли мы это примем, – сказал Алекс, хотя искушение было уже на грани того, что он мог вынести. С тобой я чувствую себя по-другому. Особенно. С тобой я хочу дождаться, пока смогу сказать тебе те три коротких слова и подразумевать именно то, что говорю. До конца жизни я пронесу нашу первую ночь, всю до мельчайших подробностей, и с этой минуты я намерен изжить из себя все воспоминания, кроме хороших.

– Тогда я подожду, пока ты скажешь.

– Скоро.

– Но сейчас приляг со мной.

Алекс выключил свет.

Они лежали рядышком на кровати в тусклом полумраке. Уже за закрытыми шторами светило утреннее солнце, но в комнату его проникало мало. Пока день постепенно входил в свои права, они проводили минуты, прижимаясь друг к другу и целуясь почти целомудренно. Алекс подумал, что ощущение было странным и приятным, но не особенно сексуальным. Они еще не были любовниками, они были как животные в норе, прижимающиеся друг к другу для уверенности, теплоты и защищенности от таинственных сил враждебного мира. Сначала они молча ласкали друг друга, но минут через десять начали говорить, не о деле Шелгрин или о себе, а о книгах, музыке, искусстве. Алекс никогда раньше не чувствовал себя счастливее.

Через час он с неохотой поцеловал Джоанну в последний раз и вернулся в свою комнату.

Алекс выбрал костюм, рубашку и обувь на этот день. Он сделал свой выбор автоматически: его мысли были заняты совсем другим.

Выбирая галстук, он произнес вслух: "Если любовь – это миф, то что же ты испытываешь к Джоанне? Что-то новое для тебя, не так ли? Так, может быть, ты ошибался?"

В ванной комнате, наблюдая, как вода набирается в ванну, Алекс продолжал: "И видит Бог, что если существует такая вещь, как любовь, и если есть возможность продлить счастье с Джоанной, то тебе лучше ухватиться за нее".

Он разделся, намылился, смыл мыло в душевой кабинке, затем вернулся, чтобы принять расслабляющую ванну по японскому ритуалу.

"Вот сейчас, – говорил он себе, – ты плывешь по течению. Ты допустил работу в свою жизнь настолько далеко, что за последнюю пару лет работа приелась тебе. Вот почему ты путешествуешь так много. Вот почему ты проводишь так много времени, изучая языки, вместо того, чтобы работать в конторе. Ты ищешь какой-то новый центр для своей жизни, нечто, что сможет наполнить ее значением, какой-нибудь счастливый случай. Так воспользуйся этим случаем, пока не поздно".

Через некоторое время, когда он выбрался из ванны и начал вытираться, Алекс сказал: "Но что если ты воспользуешься случаем, а он окажется несчастливим? Что если не получится? Сможешь ли ты справиться с этой болью, или она задушит тебя? Черт, тебе это совсем не надо. Тебе это не надо, парень. Тебе и так хорошо, самому по себе. Ты не одинок".

А затем: "Да что ты говоришь? Если ты не одинок, так зачем же ты проводишь так чертовски много времени, болтая сам с собой?"

Алекс вздохнул. Внутренний раздор не мог сейчас помочь принять решение. Для этого ему требовалось гораздо больше времени.

Он снял сырую, загрязнившуюся повязку с поврежденной руки. Неглубокие ножевые раны быстро заживали. Он обработал их йодом и наложил новую повязку. Он больше не нуждался в перевязи.

К тому времени, как он оделся и вышел на кухню, Джоанна приготовила легкий завтрак. Каждый из них съел по тарелке широко даши – прозрачного супа с плавающими по поверхности тонко нарезанными ломтиками тыквы, слегка намазанными горячей горчицей. Суп подавался в красной с золотой каймой посуде, напоминая о японской пословице, что человек ест не только ртом, но и глазами.

Однако в этот раз Алекс не особенно обращал внимание на японскую мудрость. Он не смотрел на еду, потому что не мог оторвать глаз от Джоанны. Она была еще привлекательнее, чем обычно. Ее недавно вымытые волосы были густые и блестящие.

После завтрака Алекс позвонил по домашнему номеру Теда Блейкеншипа в Чикаго. Он хотел, чтобы Блейкеншип воспользовался связями Боннер Корпорейшн в Англии, которую знали и уважали в кругах частного сыска, и попросил собрать всю возможную информацию об Объединенной Британско-Континентальной страховой ассоциации и о несуществующем поверенном Дж. Комптоне Вулриче.

Остаток утра Алекс и Джоанна провели, читая материалы досье в поисках новых зацепок, но не нашли таковых.

Марико обедала с ними в ресторане в двух кварталах от "Лунного света", а затем они все трое поехали в госпиталь навестить Уэйна Кеннеди. Полиция уже была там. Кеннеди рассказал им только то, что велел Алекс, и они выглядели вполне удовлетворенными этой информацией. Уэйн был как раз таким, как прошлой ночью описала его Марико: полным энергии, несмотря на его состояние. Он все время шутил со всеми и требовал узнать, когда ему разрешат вставать, потому что, как он говорил, "если я еще полежу здесь, то мои ноги атрофируются". Одна из сестер говорила по-английски, и Уэйн пытался убедить ее, что приехал в Японию специально, чтобы принять участие в танцевальном конкурсе, и был решительно настроен участвовать в нем, если понадобится, даже на костылях. Сестра была удивлена. Но все же самым лучшим слушателем Кеннеди была Марико. Она явно была заинтригована и восхищалась им, и, как показалось Алексу, Уэйн тоже был неравнодушен к ней. Алекс никогда не видел Марико такой оживленной и жизнерадостной, какой она была в этой маленькой, чистой и отчаянно скучной палате.

В три часа дня Алекс и Джоанна отправились на прием к доктору Оми Инамури.

Марико решила остаться в госпитале с Кеннеди, пока в шесть часов не сменится дежурный охранник. Провожая Алекса и Джоанну до лифта, она улыбалась и мурлыкала приятную мелодию, и, казалось, ее мысли витали где-то далеко отсюда. Когда они ждали лифт, она взглянула на Джоанну, затем на Алекса и снова на Джоанну. Основным выражением ее лица весь день было нескрываемое, мечтательное самодовольство. Марико заметила нечто новое, появившееся в поведении Алекса и Джоанны. Несомненно, она заметила едва уловимые следы их робкого, делающего только первые шаги романа. Казалось, она говорила своим видом: "Вот видите? А я вам говорила, разве нет? Все-таки я была права. Вы влюбились друг в друга". Марико была так чрезмерно самодовольна, что Алекс уже хотел поддразнить ее этим, но пока он обдумывал, что сказать, подошел лифт. Алекс и Джоанна вошли в кабину. Марико пожелала им удачи и за мгновение перед тем, как двери стали закрываться, она подмигнула Джоанне. Когда лифт пошел вниз, Алекс посмотрел на Джоанну. Она улыбнулась. Он ухмыльнулся. Она хихикнула. И он рассмеялся.

Выйдя из лифта на первом этаже, они направились по коридору к выходу. Джоанна сказала:

- С тех пор, как ты появился здесь, Марико играет роль свахи. Это меня удивляет.
- Она никогда не делала этого раньше?
- Нет. Я и не предполагала, что она может такое.
- А у нее к этому талант.
- По крайней мере, она настойчива.

День был ясный и холодный. Втянув головы в плечи и держа руки глубоко в карманах, они направились вдоль по улице к автомобилю Джоанны.

- Следующим будет Уэйн, – сказал Алекс.
- Следующим? В каком смысле?
- Следующей целью для Марико.
- Ты хочешь сказать, что она уже нашла для него подходящую пару?
- Да. Себя.

Джоанна остановилась.

- Марико и Уэйн?

- Она еще не осознала этого, – сказал Алекс, – но это как раз то, к чему она идет.
- Но она едва знает его.
- Любовь с первого взгляда.

- Я думала, что ты не веришь в любовь.

– Теперь я уже не знаю, верю я или нет, – произнес Алекс, – но Марико верит. И она также верит в любовь с первого взгляда.

- Ты серьезно?

– Неужели ты думаешь, что я стал бы сплетничать?

Они пошли дальше. От резкого ветра развевались полы их пальто. При выдохе вырывались клубы пара.

– Она что-нибудь говорила тебе? – спросила Джоанна.

– Нет. Я уже сказал, она еще не осознала это.

– Так откуда ты знаешь? Гадал на кофейной гуще?

– А ты разве не видела, как она смотрела на Уэйна?

– И как же? – спросила Джоанна.

– Так же, как она смотрела на нас.

– О, нет. У бедного Уэйна тогда не будет шанса остаться свободным.

– Я думаю, он не будет против.

– Ты превращаешься в настоящего ясновидца.

– Нет, просто я наблюдательный. Это моя...

– ...работа, – закончила она за него. – Наблюдение, а не воображение.

– Правильно. И Уэйн тоже выглядит влюбленным в нее. Джоанна села на место водителя и дала двигателю немного поработать, чтобы он прогрелся.

– Но будет ли он хорош для нее? – спросила она Алекса.

– Он один из моих лучших людей. Я только что продвинул его по службе. Он честный, надежный, умный. Но будет ли она хороша для него?

– Она чудесная женщина, – сказала Джоанна. – Я люблю ее и не хочу увидеть ее несчастной.

Алекс рассмеялся и сказал:

– Мы сидим здесь и торгуемся, как две свахи Марико.

В начале поездки через город Джоанна была счастлива. Она шутила об отчаянных американских мужчинах, которые ищут себе женщин на другом конце света. Однако, по мере того, как они подъезжали к офису доктора Инамури, ее настроение менялось. Она стала молчаливой. Печальной. Угрюмой. К тому времени, когда она припарковала машину за полквартала до здания, где находился кабинет доктора, Джоанна выглядела так, как будто она слушала зловещий хор пророческих духов, нашептывающих ей только дурные вести о ее будущем.

Алекс взял ее за руку. Рука была влажной и прохладной.

– Я боюсь, – сказала она.

– Я буду с тобой.

– Что, если доктор сумеет помочь мне вспомнить лицо и имя человека с механической рукой?

– Будем надеяться, что да.

– Но если у нас будет имя, тогда мы будем искать его, да?

– Мы обязательно это сделаем.

– И когда мы найдем его...

– Это будет, как сказала вчера Марико: когда ты, наконец, найдешь его, он не будет и наполовину так ужасен, как в твоём кошмаре.

– И как сказала я, хотелось бы, чтобы это было так.

– Доктор ждет. Нам не стоит опаздывать.

– Я готова, – сказала Джоанна.

Она задрожала.

Глава 34

Когда они вошли в приемную доктора Инамури, Алекс почувствовал себя так же неловко, как и Джоанна. Ему очень хотелось повернуться и уйти.

Алекс Хантер не любил докторов: терапевтов, педиатров, хирургов, окулистов, урологов и всех прочих специалистов, даже дантистов, он не любил их всех в равной мере. В

детстве ему часто приходилось общаться с докторами. Нередко его родители были настолько грубы с ним, что причиняемые ими повреждения нельзя было оставить незамеченными. Если синяки могли зажить сами по себе и ссадины можно было оставить без внимания, то сломанные кости, очень глубокие порезы и выбитые зубы требовали умелых рук врачей. Его мама не отводила его к одному и тому же доктору более двух раз, потому что боялась, что у кого-нибудь могут возникнуть подозрения насчет бесконечного потока "несчастных случаев", в которые попадал Маленький Алекс. И у нее всегда была в запасе сказка для доктора: "Маленький Алекс гулял и упал с лестницы. Маленький Алекс упал с качелей на площадке. Маленький Алекс стащил кастрюлю с кипятком с плиты, когда я отвернулась, и я никогда не прощу себе эту безалаберность: ведь я знала, что он был в кухне. Маленький Алекс играл с ножом, когда я не видела, хотя я тысячу раз говорила ему не трогать острые предметы: ножницы, ножи, иглы и т. д., но, конечно, он не слушался меня – теперешние дети думают, что они все знают". А Маленький Алекс подтверждал ее истории, потому что боялся, что доктора не поверят ему, если он осмелится рассказать правду, и когда они вернутся домой, родители закатят взбучку еще более худшую, чем та, что привела его к врачу. Большинство докторов выслушивало выдумки его мамы без тени подозрения, возможно, потому, что они хотели им верить. Если бы они не верили, это принесло бы им неприятности и беспокойство, чего ни один из них не желал. Некоторые из них, казалось, видели обман, но ни у кого не хватило мужества действовать. Маленький Алекс никак не мог понять, почему они оставались безучастны, но по мере того, как он подрастал, начал понимать, что они беспокоились о том, что Большой Алекс мог привлечь их к суду за клевету. По тем примерам, с которыми ему приходилось сталкиваться, он знал, что Большой Алекс был неуправляем, когда судил какого-либо представителя медицинской профессии. Как бы то ни было, Маленький Алекс не любил докторов и вообще чувствовал себя неуютно, когда бывал в их обществе.

Доктор Оми Инамури, казалось, был исключением. Ему было около пятидесяти, стройный, на дюйм ниже Джоанны, с легкими морщинками, похожей на бумагу кожей и теплыми карими глазами. Его улыбка была быстрой и щедрой. В своей работе он использовал все – глаза, голос, жесты, то, как он наклонял голову, когда слушал их, – множество приемов поведения, чтобы убедить, что он глубоко интересуется пришедшими к нему, и через пять минут Алекс поверил ему. Внутренняя отделка приемной была успокаивающе уютной. Маленький письменный стол располагался в углу. Одна стена была от пола до потолка занята полками, полностью заставленными книгами, другая стена затянута гобеленом, изображающим покрытую лесом горную страну, водопад и реку, по которой к деревушке, примостившейся у подножия водопада, плыли лодки со сложенными парусами. Пушистый ковер был коричневого цвета. Алекс удивился, не увидев в кабинете традиционной для приемной психоаналитика кушетки. Что касается мебели, там был низкий кофейный столик, вокруг которого располагались четыре кресла. Кресла были бежевого и темно-бордового цвета и очень удобные. Сделанные из сосновых дощечек ставни на обоих больших прямоугольных окнах были закрыты. Непрямое, мягкое электрическое освещение приятно расслабляло. Воздух был пронизан сладким, едва уловимым ароматом, который Алекс попытался определить – возможно, это запах лимона.

Алекс и Джоанна сели в бежевые кресла, а Инамури сел в одно из бордовых. Они рассказали ему о деле Шелгрин. Доктор был тронут и отнесся к ним очень хорошо. Он сумел понять, почему они не захотели обнародовать свое открытие, точнее, почему они не осмелились обнародовать его – они не могли этого сделать, пока не узнают побольше о людях, ответственных за это чудовищное превращение. Инамури был сдержанно оптимистичен по поводу лечения гипнозом.

– Однако, – сказал доктор, – здесь есть одна проблема. Обычно я не применяю гипноз, пока не проведу основательную подготовительную работу с пациентом. Я пришел к выводу, что лучше всего начинать с обязательных стандартных тестов, ряда случайных бесед, диалогов, хорошо знакомых вопросов, какие обычно задают психиатры. Я продвигаюсь

вперед медленно и в совершенстве исследую проблемы моего пациента, как те, которые есть на самом деле, так и те, что существуют только в его воображении. Это продолжается до тех пор, пока я не установлю истинное положение вещей. И только тогда я использую гипноз, если к этому есть показания. Но прежде, чем я смогу сделать для вас, мисс Ранд, все, что в моих силах, я должен хорошо вас узнать: что вы любите и не любите, ваши радости, страхи, тревоги, что угнетает вас, что поднимает ваш дух, тысячу и одну вещь о вас. И если я не получу всю эту информацию, я не буду знать, как лучше всего применить к вам гипноз. Я не буду знать точные моменты вашего прошлого, на которые следует воздействовать гипнозом. Вы понимаете, что все это требует времени. Недели. Даже месяцы. А вы, как я понимаю, хотите начать сразу с гипноза.

– Я понимаю, что обычно вы продвигаетесь медленно, – сказала Джоанна, – и понимаю, почему. И ценю ваш подход к пациенту. Но у нас нет этих недель и месяцев.

Алекс произнес:

– То, что эти люди сделали с Уэйном Кеннеди, надо рассматривать как предупреждение. Они дают нам только день или два, чтобы извлечь из этого урок. Когда же они увидят, что мы не испугались, они предпримут что-нибудь еще более жестокое с Джоанной или со мной. Может быть, даже с Марико.

Доктор нахмурился.

Джоанна сказала:

– Уважаемый доктор, я не психиатр и, возможно, не имею права говорить так, но мне кажется, что мой случай уникален. Каждый второй ваш пациент страдает от состояния, которое развивалось исподволь и незаметно в течение многих лет, от неврозов, которые, как правило, являются результатом воздействия окружающих факторов. Но все, от чего страдаю я, было насильно внушено мне десять или около того лет назад. Это произошло в какой-то комнате, насквозь пропахшей антисептиками и дезинфицирующими веществами. И сделано это было человеком с механической рукой. С вашими другими пациентами вы проводите огромную работу, чтобы раскрыть источники их заболеваний. Но в моем случае мы знаем этот источник, и он находится вне меня. Единственное, чего мы не знаем, – это зачем и кто. Принимая все это во внимание, не могли бы вы только на этот раз отложить ваши привычные методы лечения.

Энергичность, с которой говорила Джоанна, произвела на Алекса большое впечатление. Он знал, что она предпочла бы быть где угодно, но только не здесь. Она ужасалась при мысли, что ее вернут в то время, когда она находилась в комнате, пахнувшей антисептиками. Однако она понимала необходимость этого. К ее красоте и уму прибавилось еще одно немаловажное достоинство – мужество.

Оми Инамури был внимательным и добросовестным человеком. Еще с четверть часа они обсуждали с ним ситуацию, изучали ее со всех мыслимых и немыслимых точек зрения, и, наконец, он согласился начать прямо с гипноза.

– Но должен вас предупредить: это маловероятно, что мы закончим сегодня, – сказал Инамури. – В самом деле было бы удивительно, если бы так произошло. Если вы не будете реагировать лучше, чем я от вас ожидаю, то это потребует некоторого времени.

– Сколько? – спросила Джоанна.

Доктор покачал головой.

– Не могу сказать. Лечение определяет время. У каждого пациента по-разному. Но я понимаю, как вам это необходимо, и мы будем встречаться, по крайней мере, на час или два каждый день, пока не выясним все, что необходимо знать о вас.

На это Джоанна ответила:

– Это очень любезно с вашей стороны, уважаемый доктор, но мне не хотелось бы мешать вашему обычному расписанию приема. Я не хочу особо беспокоить вас только потому, что я подруга Марико.

Доктор Инамури уверил, что Джоанна ни в коей мере не причинит ему беспокойства.

– В Японии психиатр примерно в таком же положении, как и тот пресловутый

американский коммивояжер, который пытался продать эскимосам холодильники. Это потому, что мы живем в обществе, уважающем традиции, спокойный образ жизни и доброту. Большая часть представителей моего народа находится в мире с собой. Более того, в нашей стране общественные бани выполняют часть работы психиатрических кабинетов. Долгое неторопливое купание один раз в день в приятной обстановке и в хорошей компании, – ну, это отлично снимает напряжение, которое при иных условиях могло бы перерасти в серьезную психическую проблему.

И далее Инамури продолжал с типичной японской скромностью:

– В то время как некоторые из моих коллег могли бы сказать, что я, мягко говоря, преуспел в своей профессии, я, как бы то ни было, веду прием только в течение одного или двух часов почти каждый день. Поверьте мне, мисс Ранд, вы мне не мешаете. Как раз напротив. Это было бы для меня честью, сумею я оказать вам такую услугу.

Джоанна поклонилась Инамури:

– Это честь быть вашим пациентом, уважаемый доктор.

– Вы слишком хорошо обо мне думаете, Джоанна-сан.

– Как и вы обо мне.

– Ну, что, начнем сейчас?

– Да, пожалуйста, – сказала Джоанна. Она старалась выглядеть спокойной и расслабленной, но дрожь в голосе выдала ее. Она была напугана.

– Это надо сделать, – сказал Алекс.

– Я знаю, – ответила она.

– Это не будет так уж ужасно.

– И ты будешь здесь, – сказала Джоанна.

– Все время.

Доктор поднялся с кресла и обошел столик, двигаясь беззвучно благодаря толстому ковру. Он встал рядом с креслом Джоанны.

– Откиньтесь назад, пожалуйста. Расслабьтесь. Положите руки на колени, ладонями вверх. Очень хорошо. Смотрите прямо перед собой. Вы видите картину на стене, Джоанна?

– Да, – ответила она.

– Вы видите реку на картине?

– Да.

– Вы видите лодки?

– Я вижу их.

– Сосредоточьтесь на этих лодках, Джоанна. Вглядитесь в эти маленькие лодочки. Представьте себя в одной из них. Вы стоите на палубе одной из них. Волны тихо плещутся о корпус. Едва слышно. Звук воды ровный и ритмичный. И эта лодка, покачиваясь, плывет по течению. Несильно. Едва-едва. Лодка слегка покачивается на воде. Вы чувствуете это покачивание?

– Да, – ответила Джоанна.

Алекс отвел взгляд от гобелена и быстро заморгал. Голос Инамури был настолько сладкий и убедительный, что детектив в самом деле почувствовал себя на палубе этой лодочки.

Джоанна продолжала смотреть строго вперед.

– Эта лодка, как колыбель младенца, – голос Инамури стал мягче и более душевным, чем вначале. – Она покачивается тихо-тихо, как колыбелька, убаюкивающая младенца. Если ваши веки отяжелели, вы можете закрыть глаза.

Джоанна закрыла глаза.

– Сейчас я немного отклоню спинку вашего кресла, – сказал Инамури, – чтобы помочь вам расслабиться. – Он коснулся кнопки на кресле, оно зажужжало и слегка разложилось, став чем-то средним между креслом и кушеткой. – Теперь я хочу, чтобы вы думали о вашем лбе, Джоанна. Вы хмуритесь. На вашем лбе появились складки. Вы хотите избавиться от них. Я коснусь вас, и когда я так сделаю, они исчезнут. – Он коснулся ее лба, а затем век. – Вы

сжимаете зубы, Джоанна. Я хочу, чтобы вы расслабили все мускулы лица. – Он коснулся ее челюсти, затем – губ. Когда Инамури убрал руку, Алекс увидел, что Джоанна прямо излучала спокойствие – как изображение Божьей Матери. – Теперь ваша шея, – произнес Инамури, – расслабьте шейные мускулы... а теперь левое плечо... хорошенько расслабьте... теперь правое плечо... обе руки... левую и правую руку... Вы сильно и приятно расслаблены... сильнее... сильнее... ваш живот и бока... мягкие... никакого напряжения в них... расслабленные... а теперь – ноги. – Он упомянул все части ее ног, включая даже кончики пальцев. – А затем:

– А теперь вы покачиваетесь на воде... покачиваетесь на голубой воде под голубым небом... сонная... очень сонная... еще более сонная... вы находитесь в глубоком здоровом сне. – Ее дыхание было спокойным и размеренным, а Инамури продолжал:

– Я беру вашу правую руку. И теперь вы обнаруживаете, что ваша рука стала жесткой... негнушейся... ею не пошевелить... не опустить. Вы не в силах опустить свою руку. Она затвердела и останется там, куда я помещу ее. Я буду считать от трех и когда скажу "один", вы не сможете опустить свою руку. Три... а вы глубоко спите... два... глубже, еще глубже погружаетесь в сон... расслабленный и здоровый сон... один... теперь ваша рука затвердела... Опустите руку, Джоанна. – Она попыталась опустить руку. Рука дрожала от прилагаемых Джоанной усилий, но она не смогла опустить ее. – Сейчас вы не можете опустить руку, Джоанна. А теперь я позволяю вам опустить руку. Смотрите же, ваша рука стала безвольной, вы не можете удержать ее вверху. – Ее рука упала на колени. – А теперь, когда вы находитесь в очень глубоком, глубоком сне, вы ответите на несколько моих вопросов. Вам будет приятно отвечать на них. Вы понимаете меня?

– Да, – пробормотала она.

– Скажите более четко, пожалуйста.

– Да.

Инамури вернулся к своему креслу.

Джоанна была безвольной, но теперь Алекс был в крайнем напряжении. Он соскользнул на краешек кресла и повернулся направо, так что оказался лицом к лицу с ней.

Обращаясь к Алексу, Инамури сказал:

– Она очень гипнабельна. Обычно чувствуется какое-то хоть маленькое сопротивление, у нее же ничего подобного.

Алекс ответил:

– Возможно, потому что она сталкивается с этим не в первый раз.

– Да, и это тоже, – сказал Инамури.

Джоанна ждала.

Немного подумав, доктор спросил:

– Джоанна, как ваше полное имя?

– Джоанна Луиза Ранд.

– Это ваше настоящее имя?

– Да.

– Недавно вы узнали, что Джоанна Ранд – ваше ненастоящее имя, при рождении вам было дано другое. Это так?

– Нет, – ответила она.

– Разве вы не помните, при каких обстоятельствах вы узнали это?

– Мое имя – Джоанна Луиза Ранд.

– Вы слышали такое имя – Лиза Шелгрин?

– Нет.

– Подумайте, прежде чем отвечать.

Молчание. Затем:

– Я никогда не слышала это имя.

– Вы знаете человека по имени Алекс Хантер?

– Конечно. Он здесь.

– Он упоминал при вас Лизу Шелгрин?

Она не ответила.

– Алекс упоминал Лизу Шелгрин?

– Я никогда не слышала это имя.

– Джоанна, вы не можете говорить мне не правду. Понимаете?

– Да.

– Вы должны говорить мне всегда только правду.

– Всегда.

– Для вас совершенно невозможно лгать мне.

– Я понимаю.

– Вы слышали такое имя – Лиза Шелгрин?

– Нет.

Алекс взглянул на доктора.

– Что происходит?

– Она неестественно отвечает, – произнес Инамури.

– Я понял. Но почему?

– Она следует какой-то программе, – сказал психиатр.

– Вы хотите сказать, что кто-то предвидел этот вопрос?

– Этот вопрос и, возможно, многие другие.

– И как нам справиться с этой программой?

– Терпение.

– Сейчас мне его как раз не хватает.

Инамури произнес:

– Джоанна, сейчас мы сделаем нечто невероятное. То, что, может быть, вы считаете невозможным. Но это совсем не невозможно и даже не трудно. Это легко. Просто. Мы заставим время повернуть вспять. Вы понимаете? Вы помолодеете. Это уже начало происходить. Вы не можете сопротивляться этому. Стрелки часов стали двигаться в другую сторону... и вы чувствуете себя плывущей во времени... становитесь моложе... неумолимо и быстро молодеете... молодеете... вот вам двадцать девять лет... молодеете... а теперь двадцать восемь лет... плывете назад сквозь время... – Он продолжал в таком же духе, пока не внушил Джоанне, что ей двадцать лет, и здесь он ее остановил. – Вы находитесь в Лондоне. Вы сидите в кухне за столом. Ваша мама что-то готовит. Пахнет вкусно. Что готовит ваша мама, Джоанна?

Молчание.

– Что готовит ваша мама?

– Ничего, – произнесла Джоанна.

– Что она делает?

– Ничего.

– Вы в кухне?

– Да.

– Что происходит?

– Ничего.

– Как зовут вашу маму?

– Элизабет Ранд.

– Как она выглядит?

– У нее светлые волосы, как у меня.

– Какого цвета ее глаза?

– Синие, как у меня.

– Она красивая?

– Да.

– Полная или нет?

– Стройная.

– Какого она роста, Джоанна?

Молчание.

– Какого роста ваша мама?

– Я не знаю.

– Ваша мама любит готовить?

– Я не знаю.

– Какое ее любимое блюдо?

– Я не знаю.

– Что она готовит?

– Обычную еду.

– Мясо? Ей нравятся мясные блюда?

– Я не помню.

– Нет, помните. Вы сейчас находитесь в кухне.

Молчание.

– Джоанна, вашей маме нравится ходить в кино?

Джоанна неловко ерзнула, но не открыла глаза.

– Ваша мама любит театр?

– Думаю, что да.

– А кино ей тоже нравится?

– Думаю, что да.

– Вы не уверены?

Никакого ответа.

– Вашей маме нравится читать?

Молчание.

– Ваша мама любит книги?

– Я... Я не знаю.

– Вам не кажется странным, что вы знаете так мало о своей матери?

Джоанна скорчилась в кресле.

Инамури произнес:

– Как зовут вашу маму?

– Элизабет Ранд.

– Расскажите мне все, что знаете о ней.

– У нее светлые волосы и синие глаза, как у меня.

– Еще.

– Она красивая и стройная.

– И?

Молчание.

– Несомненно, вы знаете больше, Джоанна.

– Черт возьми, я не могу вспомнить! Оставьте меня в покое!

Ее лицо исказилось.

– Расслабьтесь, – произнес Инамури.

Ее руки больше не находились на коленях. Она сжимала подлокотники кресла. Костяшки пальцев побелели от напряжения.

Алекс хотел устроить ее поудобнее, но побоялся, что прервет ее гипнотический сон, который так успешно творил доктор.

– Расслабьтесь и успокойтесь, – приказал ей Инамури. – Вы очень расслаблены и спокойны. Вот это уже лучше. Расслабленная... спокойная... в глубоком естественном сне. Джоанна, вы не могли вспомнить все те черты характера вашей мамы, потому что никогда не знали их. И вы никогда не знали их, потому что Элизабет Ранд никогда не существовала.

– Моя мама – Элизабет Ранд, – произнесла Джоанна одеревеневшим голосом.

– И Роберт Ранд никогда не существовал.

– Роберт Ранд – мой отец.

– Нет. Они никогда не существовали, Джоанна. Так же как и кухня, и квартира в

Лондоне. Я хочу, чтобы ты свободно плыла во времени. Я хочу, чтобы ты плыла по течению времени. Вы ищете особенное, уникальное место, очень важное для вас. Вы разыскиваете комнату, сильно пахнущую антисептиками... и дезинфектиками... время, когда вы находились в этой комнате... Вот вы нашли ее... вы плывете к ней... плывете в то особое время и место... устраиваетесь в нем... и вот вы там, в той комнате.

– Да, – произнесла она.

– Вы сидите или стоите?

– Лежу. Я голая.

– Вы находитесь на кровати?

– Я голая лежу на кровати.

– Что вы чувствуете?

– Н-напугана.

– Чем?

– Я... п-привязана.

– Фиксирована?

– О, Господи! Мои икры и запястья.

– Кто сделал это с вами?

– Ремни сильно затянуты. Они давят.

– Кто сделал это с вами?

– Я чувствую запах нашатырного спирта. Сильный. Меня тошнит от него.

– Джоанна, оглядитесь вокруг.

Она подняла голову от кресла, на котором полулежала, и послушно осмотрелась слева направо. Она не видела Алекса или приемную. Сейчас она существовала в другом времени. Прозрачная пелена недель, месяцев и лет в ее затравленном взгляде, казалось, мерцала как наворачнувшиеся слезы.

– Что вы видите? – спросил Инамури.

Она опустила голову, закрыла глаза.

– Что вы видите в той комнате?

Она издала странный гортанный звук.

Инамури повторил вопрос.

Джоанна снова издала этот особый звук, затем еще раз громче. Она дышала очень тяжело, с одышкой. Внезапно ее глаза широко открылись и стали закатываться до тех пор, пока видимыми не остались только белки. Она попыталась поднять от подлокотников руки, но для нее они были несомненно привязаны ремнями. Она билась, и одышка становилась все хуже и хуже.

Алекс вскочил.

– Она не может дышать!

Джоанна стала неистово дергаться и извиваться, как будто через нее пропускали сильные разряды электрического тока.

– Она задохнется до смерти!

Глава 35

Закричав, как будто чувствуя ее боль и страх, Алекс подскочил к Джоанне.

– Не касайтесь ее, – произнес Инамури.

Тихая властность и уверенность в голосе доктора остановили его. Алекс стоял над Джоанной и, дрожа, смотрел вниз на нее. Он никогда не чувствовал себя настолько беспомощным, как в этот момент.

Инамури молча встал с другой стороны ее кресла. Он с интересом, но без явного сочувствия наблюдал ее болезненные конвульсии.

Пустые глаза Джоанны вылезли из орбит. Ее лицо было красным, переходящим в фиолетовый. На губах блестела пена. Она все еще тяжело дышала, задыхаясь, корчась от

боли и судорог.

– Ради всего святого, помогите ей! – произнес Алекс.

Инамури сказал:

– Джоанна, вы сейчас успокойтесь и расслабитесь. Расслабляйте мышцы горла. Напряжение вытекает из вас. У вас нет никаких затруднений с дыханием. Совсем никаких затруднений. Дышите медленно... глубоко... глубоко... ровно... очень расслабленно. Вы находитесь в глубоком, естественном сне... спокойном сне.

Волшебство слова подействовало. Она успокоилась. Ее глаза вернулись на свое место, она закрыла их. Она снова дышала нормально.

– Что это была за чертовщина? – спросил Алекс.

Доктор коснулся лба Джоанны.

– Вы слышите меня?

– Да, – произнесла она.

– Я собираюсь рассказать вам, почему у вас были проблемы с дыханием. И когда вы осознаете, вы никогда уже впредь не позволите случиться такому.

– Я не могу контролировать это, – произнесла она.

– Нет, вы можете, – уверенно сказал доктор Инамури. – Вам было трудно дышать только потому, что вам сказали, что так будет, если вас когда-либо начнут подробно расспрашивать, даже под воздействием наркотика или гипноза. У вас постгипнотическое внушение, которое заставляет вас задыхаться, когда я касаюсь запретной темы.

Джоанна нахмурилась.

– Это то же самое, что было причиной моей клаустрофобии.

– А теперь, когда вы осмыслили это, вы больше не позволите такому случиться, хорошо?

– Вот гады, – произнесла она.

– Ну так как, Джоанна, позволите вы случиться этому снова?

– Нет.

– Хорошо, – сказал Инамури.

Он вернулся в свое кресло.

Алекс продолжал стоять около Джоанны. Она была такой бледной. Это беспокоило его. Обращаясь к Инамури, он сказал:

– Может быть, не стоит продолжать?

– Это совершенно безопасно, – сказал доктор.

Алекс колебался, но в конце концов присел на краешек своего кресла.

– Я не уверен.

– Я в порядке, Алекс, – произнесла Джоанна тем же слегка глухим голосом, каким она отвечала доктору.

Инамури начал снова.

– Джоанна, вы все еще в комнате, в которой невыносимо пахнет антисептиками и дезинфектиками.

– Нашатырный спирт... лизоль... этиловый спирт... Этот запах тошнотворный и настолько сильный, что я могу не только чувствовать его, но и ощущать на вкус.

– Вы раздеты...

– ...голая...

– ...и привязаны к кровати.

– Ремни слишком сильно затянуты. Я не могу пошевелиться. Я не могу встать. Мне очень хочется встать и выбраться отсюда. Я не могу выбраться отсюда.

– Расслабьтесь, – произнес Инамури.

Алекс следил за ней с беспокойством.

– Успокойтесь, – сказал доктор. – Вы вспомните все, но сделаете это спокойно и без напряжения. И вы не будете бояться.

– По крайней мере, в комнате тепло, – продолжала Джоанна.

– Молодец. Я хочу, чтобы вы осмотрелись вокруг и рассказали мне, что видите.

– Немного, – сказала она.

– Это большое помещение?

– Нет. Маленькое.

– Там есть какая-нибудь мебель, кроме кровати?

– Это... по-моему, это... аппарат, показывающий работу сердца... знаете... какие используют в больницах в реанимационных палатах.

– Вы подключены к нему?

– Время от времени. Но не сейчас. Когда он работает, он издает специфический звук.

– Какие-нибудь иные предметы обстановки?

– Стул. И стеклянный шкафчик.

– Что находится в этом шкафчике?

– Много маленьких бутылочек... пузырьков... ампулы.

– Лекарства?

– Да. И шприцы для подкожных инъекций в пластиковых упаковках.

– Эти лекарства применялись к вам?

– Да. Я... я ненавижу иглу.

– Что еще вы видите?

– Ничего.

– В комнате есть окно?

– Да. Одно.

– На нем жалюзи или шторы?

– Жалюзи.

– Жалюзи открыты или закрыты?

– Открыты.

– Что вы видите из окна, Джоанна?

Она молчала.

– Что вы видите из окна?

Деревянным голосом, без тени мысли Джоанна произнесла:

– Напряжение, опасение и расхождение начались.

– Вы расслаблены и спокойны. Вы не напряжены. Нет никакого предчувствия опасности. Вы в глубоком, естественном, расслабляющем сне.

– Напряжение, опасение и расхождение начались.

Сбитый с толку Инамури наклонился вперед.

– Что вы хотите этим сказать, Джоанна?

Она была неподвижна, напряжена, руки сжаты в кулаки.

– Напряжение, опасение и расхождение начались.

У Алекса по спине побежали мурашки. Непроизвольно он коснулся рукой затылка.

– Очень хорошо, – сказал Инамури. – Забудьте на время об окне. Давайте поговорим о людях, что приходили к вам в ту маленькую комнату. К вам приходили многие?

– Напряжение, опасение и расхождение начались.

– И что теперь? – спросил Алекс.

Доктор вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Постгипнотическое внушение, которое доставило ей проблемы с дыханием, было их первой линией защиты. Это их вторая линия. И я подозреваю, что через эту будет еще труднее пробиться.

Глава 36

– Напряжение, опасение и расхождение начались.

– Вы слышите меня, Джоанна?

– Напряжение, опасение и расхождение начались.

Алекс закрыл глаза и стал вслушиваться в ее лепет. Он был жутко знакомым.

Инамури сказал:

– В данный момент, Джоанна, я не пытаюсь украсть у вас какой-нибудь ваш секрет. Я только хочу знать, слышите ли вы меня.

– Да, – произнесла она.

– Эта фраза, которую вы повторяете, блокирует вашу память. Она также была внушена вам теми же людьми, что чуть раньше стали причиной ваших затруднений с дыханием. Это работа тех же самых людей, что запрограммировали вашу клаустрофобию. Вы не будете использовать это предложение: "Опасение, напряжение и расхождение начались", когда говорите со мной. Вам не нужно, и вы сами не хотите избегать моих вопросов. Вы пришли сюда узнать правду, и вы узнаете ее. Расслабьтесь. Успокойтесь. Вы находитесь в глубоком, естественном сне и ответите на все мои вопросы. Я хочу, чтобы вы увидели то, что блокирует вашу память. Оно находится в вашем мозгу. Представьте это себе. Это большой кирпич. Тяжелый цементный блок. Вы видите его... обхватите его... напрягитесь... поднимите его вверх... бросьте в сторону... с дороги. Все кончено. Теперь вы вспомните. Вы будете сотрудничать. Это понятно?

– Да.

– Хорошо. Очень хорошо. Теперь, Джоанна, вы все еще в этой комнате. Вы чувствуете запах спирта... нашатыря... даже ощущаете его на вкус. Вы все еще привязаны к кровати... и ремни впиваются в вас... и жалюзи открыты. Что вы видите за окном?

– Напряжение, опасение и расхождение начались.

– Как я и ожидал, – сказал Инамури.

Алекс открыл глаза.

– Я слышал этот лепет прежде.

Инамури заморгал.

– Вы слышали? Где? Когда?

– Я не могу вспомнить, но он очень знакомый.

– Вы должны вспомнить, – сказал Инамури. – Это важно. У меня есть несколько приемов, которыми я попытаюсь пробиться сквозь этот блок, но не удивлюсь, если ни один из этих приемов не сработает. Она была запрограммирована невероятно умными профессионалами, и, вероятнее всего, они предусмотрели защиту от большинства методов лечения. Подозреваю, что есть только два метода, с помощью которых я могу пробиться сквозь этот блок памяти. И в этих обстоятельствах, когда времени так мало, первый метод – годы и годы интенсивной терапии – неприемлем.

– А второй метод? – спросил Алекс.

– Ответное предложение.

Инамури кивнул.

– Понимаете, она как бы запрашивает пароль. Это маловероятно. Это слишком красочно. Даже мелодраматично. Но это возможно. Когда она дает мне первую строку "Напряжение, опасение и расхождение начались", она как бы ожидает от меня ответа второй строкой. Что-то вроде кода. Если дело обстоит так, то она не будет отвечать на мои вопросы, пока я не выдам вторую часть пароля.

Алекс изумленно смотрел на Инамури, потрясенный его воображением.

– Загадка состоит из двух частей. Она дает одну часть, а мы должны дать другую, иначе не сможем продвигаться вперед. – Да. Возможно.

– Будь я проклят!

– Если бы мы знали, откуда эта строка, которую она произносит, – сказал доктор, – тогда можно бы было найти и ответное предложение.

– По-моему, это из книги.

– Строка звучит как часть какого-то стихотворения.

– Черт возьми, я попытаюсь вспомнить, – сказал Алекс. Он откинулся назад в своем кресле и начал, сам того не замечая, покручивать кончик уса.

– Пока вы думаете, – сказал Инамури, – посмотрим, что я смогу сделать с ней.

Тридцать минут доктор пытался пробиться сквозь блок памяти. Он и льстил, и спорил, и урезонивал ее. Он затрагивал и юмор, и дисциплину, и логику. Он требовал, и просил, и молил.

Ничего не срабатывало.

Она продолжала отвечать теми же словами: "Напряжение, опасение и расхождение начались".

– Я вспомнил! – внезапно сказал Алекс, весь сияя. – Это из научно-фантастического романа. Я читал его много-много лет назад.

Доктор Инамури взял записную книжку и карандаш.

– Как его название?

– "Человек без лица".

– Вы уверены?

– Абсолютно, – сказал Алекс. – Это классика этого жанра. Я читал много фантастики, когда был молод. Прекрасный способ уйти от... ну, от всего.

– Кто автор этой книги?

– Альфред Бестер.

Доктор записал имя.

– А каково значение строки, которую повторяет Джоанна?

Алекс встал, подошел к закрытому ставнями окну, пытаясь вспомнить подробности сюжета. Он повернулся и сказал:

– Действие в романе происходит через несколько столетий в будущем, во время, когда полиция использует телепатию, чтобы насаждать закон. Они читают мысли. В обществе, которое творит Бестер, никто не может совершить убийство и улизнуть от ответственности. Но там есть один персонаж, как раз и намеревающийся проделать это. Он находит способ скрыть свои преступные замыслы. Чтобы помешать полицейским читать его мысли, он учится произносить мысленно набор рифмующихся созвучных слов, и в то же время сохранять способность концентрироваться на других вещах. Монотонное повторение рифмовок становится как бы щитом, отражающим поползновения телепатов-сыщиков прочесть его мысли.

Инамури отложил записную книжку и карандаш.

– И, насколько я понимаю, одна из строк, что он повторяет, – это "Напряжение, опасение и расхождение начались".

– Да.

– Тогда, если там есть ответное предложение, оно разрушит ее блокировку.

– Да. Вероятно.

– Вы помните, что там дальше?

– Нет, – сказал Алекс. – Нам надо достать эту книгу. Я позвоню в мой офис в Чикаго, и нам купят экземпляр. Мы...

– Может быть, в этом и не будет необходимости, – сказал доктор Инамури. – Если этот роман – классика своего жанра, вполне возможно, что он переведен на японский. Мы сможем раздобыть его здесь в книжном магазине или у одного моего знакомого, который собирает редкие и непереиздающиеся книги.

Это положило конец их первому посещению. Было бесполезно продолжать, пока Инамури не добудет "Человека без лица". В последний раз доктор обратился к Джоанне. Он сказал ей, что когда она проснется, то будет помнить все, что происходило между ними. Также он ей сказал, что завтра она будет еще быстрее, чем сегодня, впадать в гипнотическое состояние, а в будущем она будет проделывать это только услышав, как Инамури скажет ей всего два слова: "Танцующие бабочки". Твердо закрепив это в ее сознании, он постепенно вернул ее из прошлого в настоящее и, наконец, разбудил.

Снаружи холодный зимний день стал еще холоднее.

Большой черно-коричневый кот мелкими шажками пробежал вдоль водосточного

желоба. Он прыгнул на поребрик тротуара как раз перед Алексом и Джоанной и устало посмотрел на них огромными глазами. Алекс поспешно коснулся кусочка янтаря, лежавшего у него в кармане пальто.

– Танцующие бабочки, – произнесла Джоанна, когда они подходили к автомобилю.

– Ты находишь это любопытным? – спросил Алекс.

– Я нахожу это очень по-японски. Танцующие бабочки. Такой милый, нежный образ соотнести с таким мрачным делом, как это.

– А он милый.

– Дядюшка Оми?

– Да, – сказал Алекс.

– У него глаза Мариико.

– Он мне понравился.

– Мне тоже, – сказала Джоанна, – но, думаю, мне совсем не понравится то, что он заставит меня вспомнить.

Когда наступил вечер, высокое ясное небо напоминало мерцающий покров темно-голубого льда.

Глава 37

Двадцать четыре часа спустя.

В воскресенье днем.

В приемной доктора Оми Инамури сосновые ставни теперь были открыты. Снаружи Киото был накрыт низким, металлически-серым небом. Тяжелые, сухие, подгоняемые ветром снежные хлопья непрерывным потоком падали на город и, касаясь окон, издавали тихий, шуршащий звук.

Алекс подумал, что в комнате было чуть темнее, чем в предыдущий раз. Очевидно, освещение работало на реостате.

– Танцующие бабочки.

Когда доктор произнес эти два слова, веки Джоанны отяжелели и глаза закрылись. Ее дыхание изменилось. Она расслабленно полулежала в большом, с отклоненной спинкой кресле.

Инамури умело провел ее через годы, пока она снова не оказалась в своем прошлом, в комнате, насквозь пропахшей антисептиками и дезинфектиками.

– В комнате есть окно, так, Джоанна?

– Да. Одно.

– Жалюзи открыты?

– Да.

Доктор поколебался, а затем произнес:

– Что вы видите за окном?

– Напряжение, опасение и расхождение начались.

Инамури открыл экземпляр японского издания "Человека без лица" на странице, где у него была заложена закладка. Джоанна цитировала одну из последних строк рифмовки из романа Бестера. Инамури прочитал следующую строку, надеясь, что это будет ответным предложением, если дело обстояло так, как он предполагал.

– "Тензер, – сказал Тензер".

Хотя доктор и не задавал вопроса, Джоанна ответила:

– Напряжение, опасение и расхождение начались.

– "Тензер, – сказал Тензер".

Джоанна молчала.

Сидя в своем бордовом кресле, Инамури наклонился вперед.

– Вы в комнате, которая насквозь пропахла медицинским спиртом... нашатырем... моющими средствами... и вы привязаны к кровати... и там есть окно. Что вы видите за окном,

Джоанна?

– Крышу дома, – без колебания ответила она. – Это крыша мансарды. Черный шифер. В мансарде нет окон, вижу две кирпичные трубы дымоходов.

Инамури взглянул на Алекса.

– Сработало, – сказал тот.

– Выходит так. Я достал этот роман Бестера вчера вечером и прочитал его на одном дыхании. Это захватывающая фантастика. Вы помните, что случилось с убийцей в конце романа?

– Его схватила полиция, – сказал Алекс.

– Да. Схватила, несмотря на все его хитрости. И когда они арестовали его, они не посадили его в тюрьму или наказали, они уничтожили его как личность. Они вычистили его психику, стерли память. Они убрали все искажения, которые делали возможным для него совершить убийство. А затем его перестроили в образцового гражданина. "Они сделали из него совершенно новую личность".

– В какой-то мере это похоже на историю Джоанны, – произнес Алекс. – Только разница в том, что она невинная жертва.

– Некоторые вещи, бывшие научной фантастикой 30 лет назад, теперь – реальность. К лучшему или худшему.

– Я никогда и не сомневался, что современные методики промывки мозгов могут полностью изменить личность, – сказал Алекс. – Я только хочу знать, зачем это было сделано с Джоанной.

– Может быть, мы уже сегодня найдем ответ, – сказал доктор. Он снова взглянул на Джоанну. – Что еще вы видите за окном?

– Только небо.

– Вы знаете, в каком вы городе находитесь?

– Нет.

– В какой стране?

– Нет.

– Давайте поговорим о людях, которые приходят к вам в комнату. Их много бывает у вас?

– Медсестра. Грузная. Седые волосы. Я не люблю ее. У нее безобразная улыбка.

– Вы знаете, как ее зовут?

– Не могу вспомнить.

– Подумайте.

Джоанна подумала и произнесла:

– Нет. Забыла.

– Кто еще приходит к вам?

– Женщина с каштановыми волосами и карими глазами. Резкие черты. Она очень чопорная и очень деловая. Она врач.

– Откуда вы это знаете?

– Я... по-моему, она сама сказала мне. И она ведет себя, как доктор.

– Например?

– Она измеряет мне давление, делает уколы и берет всякого рода анализы.

– Как ее имя?

– Не имею ни малейшего представления.

– Есть еще кто-нибудь, кто приходит повидать вас там?

Джоанна задрожала, но не ответила.

– Кто еще приходит к вам?

Она прошептала:

– О, Господи, нет, нет.

Она закусил нижнюю губу.

Ее руки были сжаты в кулаки.

– Расслабьтесь. Успокойтесь, – произнес Инамури.
Алекс беспокойно дернулся. Он хотел поддержать ее.
– Кто еще приходит к вам, Джоанна?
– Механическая рука, – произнесла она упавшим голосом.
– Вы хотите сказать, человек с механической рукой?
– Он.
– Он тоже врач?
– Да.
– Откуда вы это знаете?
– Женщина-врач и медсестра называют его "герр Доктор".
– Вы сказали "герр", немецкая форма обращения?
– Да.
– Эта женщина – немка?
– Я не знаю.
– Этот человек – немец?
– Ме... механическая рука? Я не знаю.
– Они говорят по-немецки?
– Не со мной. Со мной только по-английски.
– А на каком языке они говорят между собой?
– По-моему, на том же. На английском.
– Вы когда-либо слышали, чтобы они говорили по-немецки?
– Только слово "герр".
– Они говорят с немецким акцентом?
– Я... я не уверена. Акцент... но не все время немецкий.
– Вы думаете, что эта комната находится в Германии:
– Нет. Возможно. Ну... я не знаю, где она находится.
– Этот доктор, этот человек...
– Нам обязательно надо говорить о нем?
– Да, Джоанна. Как он выглядит?
– Светлые волосы. Лысеет.
– Какого цвета его глаза?
– Светло-карие. Тусклые. Почти желтые.
– Высокий или нет? Сухощавый или полный?
– Высокий и сухощавый.
– Что он делает с вами в той комнате?
Джоанна всхлипнула.
– Что он делает с вами?
– Ле-е-ечит, – произнесла она.
– Как лечит?
Джоанна тихо заплакала.
Алекс приблизился к ней.
– Нет! – твердо произнес доктор.
– Но ей нужно...
– Доверьтесь мне, мистер Хантер.
Мучимый ее болью, Алекс вернулся на свое место.
– Как лечит? – спросил Инамури.
– Ужасно, – произнесла она, содрогаясь.
– Опишите одну из процедур.
Она не могла говорить.
– Все в порядке, – мягко сказал психиатр, – расслабьтесь. Вы спокойны... расслаблены... глубоко спите... в комнате пропахшей антисептиками и дезинфектиками. Вы одна на кровати... вы привязаны?

– Да.
– Вы обнажены?
– Да. Под простыней.
– Вам еще не проводили ваши ежедневные процедуры? Герр Доктор будет здесь с минуты на минуту. Вы опишите, что будет происходить. Вы все спокойно опишите. Начинайте.

Голос ее стал немного глуше.

– Женщина-врач... входит в комнату и откидывает простыню, которой я накрыта, мне по пояс. Это заставляет меня чувствовать себя... такой беспомощной, крайне беззащитной. Она подсоединяет меня к аппарату, стоящему рядом с кроватью.

– К кардиомонитору?

– Да. Она прикрепляет ко мне электроды. Они холодные. И эта чертова машина начинает работать! Она сведет меня с ума. Врач ставит мне капельницу с глюкозой.

– Вы хотите сказать, что вас кормят через капельницу?

– Так бывает всегда, когда начинается лечение. – Постепенно речь Джоанны становится замедленнее и невнятнее. – Она накрывает меня простыней до подбородка... следит за моим состоянием... смотрит... измеряет мне давление... и некоторое время спустя... я начинаю парить... Чувствую себя так легко... но все понимаю... даже слишком понимаю... резко, ужасно отчетливо... но все это время... как бы плаваю в воздухе...

– Джоанна, почему вы так говорите?

– Парю... оцепенелая... плыву...

– В капельнице к глюкозе добавлен какой-то наркотик?

– Не знаю. Может быть. Легкая... как перышко...

– Должно быть, действует какой-то наркотик, – сказал Алекс.

Инамури кивнул.

– А теперь, Джоанна, я не хочу, чтобы вы говорили так невнятно и медленно. Говорите нормально. Наркотик все еще попадает в вашу кровь, но он не будет мешать вашей речи. Вы продолжите ощущать его действие, но будете рассказывать мне о нем своим обычным голосом.

– Ладно.

– Хорошо. Продолжайте.

– Женщина уходит, и я остаюсь одна. Я все еще парю. Но я не чувствую себя веселой или счастливой. Я испугана. Затем открывается дверь и...

– Кто-нибудь вошел в комнату? – спросил Инамури.

– Механическая рука.

– Герр Доктор?

– Он, он.

– Что он делает?

– Я хочу выбраться отсюда.

– Что доктор делает?

– Пожалуйста, пожалуйста, выпустите меня!

– Что делает доктор, Джоанна?

Нехотя Джоанна продолжает дальше.

– Толкает перед собой тележку.

– Что за тележка?

– Столик на колесиках, на котором разложены медицинские инструменты.

– Что он делает дальше?

– Подходит к кровати. Его рука...

– Что с его рукой, Джоанна?

– Он... он... он держит руку перед моим лицом.

– Продолжайте.

– Сжимает и разжимает свои металлические пальцы.

- Он что-нибудь говорит?
- Нет. Слышен только звук его пальцев – лязганье.
- Как долго это продолжается?
- Пока я не начинаю плакать.
- Это все, чего он добивается, видеть вас плачущей?

Она задрожала.

Алексу тоже показалось, что в комнате холодно.

- Он хочет напугать меня, – произнесла Джоанна. – Это доставляет ему удовольствие.
- Откуда вы знаете, что это доставляет ему удовольствие? – спросил Инамури.
- Я знаю его, человека с механической рукой. Я ненавижу его. Он ухмыляется.
- Что он делает после того, как вы начинаете плакать?
- Нет, нет, нет, – произнесла она с несчастным видом.
- Расслабьтесь, Джоанна.
- Я не могу еще раз пройти через это.
- Успокойтесь. Все в порядке.
- Я не могу! Разве вы не видите? Разве вы не видите ее?
- Вижу что, Джоанна?

Она пытается сесть в полуразложенном кресле.

- Да поможет мне Бог. Да есть ли этот Бог? Есть ли?
- Лягте, – произнес Инамури. – Спите. Успокойтесь.

Алекс страдал вместе с ней. Он весь трепетал.

- Что вы видите? – спросил Инамури.
- И-и-иглу!
- Внутривенную иглу?
- Да. Нет, нет. Я имею в виду другую внутривенную иглу. Я умру.
- Вы не умрете. Вам не причинят вреда.
- Эта игла убьет меня!
- Отдохните немного. Что такого особенного в этой игле?
- Она такая большая. Огромная. Она наполнена огнем.
- Вы боитесь, что будет жечь?
- Обжигать. Обжигать, как кислотой. Она впрыскивает в меня огонь.
- Но не в этот раз, – заверил ее Инамури. – В этот раз не будет никакой боли.

Буря, завывая, билась в окна.

Стекла дрожали.

Алексу казалось, что человек с механической рукой находился в приемной Инамури и сейчас войдет в дверь. Ему показалось, что он чувствует присутствие чего-то недоброго, как будто в воздухе произошла внезапная, леденящая кровь перемена.

- Давайте продолжим, – сказал Инамури. – Доктор берет иглу и затем...
- Нет. Моя шея. Только не в шею. О, Боже Милосердный, нет!
- Что случилось с вашей шеей, Джоанна?
- И-игла!
- Он сделал вам укол в шею? – спросил Инамури.

Алексу стало плохо. Он коснулся своей шеи.

Разумом, душой, чувствами Джоанна была не в офисе Оми Инамури, а там, в прошлом. Скорчившись от памяти, как будто все это происходило прямо сейчас, она еще раз переживала весь этот ад. Она говорила сбивчиво, задыхаясь, ее голос то поднимался, то падал, как будто уносимый волнами вспомнившейся боли, сокрушавшей ее.

– Она причиняет боль, жуткую боль. Мои вены горят огнем. Кровь кипит, пузырится, испаряется. Содержимое бутылки разъедает меня, разъедает меня, Боже, как кислота, как щелочь. Изнутри я вся обугливаюсь. Что это? Что он вводит в меня? Что налито в эту чертову бутылку? Боже, как больно. Господи, Господи, во мне все взрывается, все обожжено. Как больно! Мое сердце, мое сердце работает быстрее, быстрее, такое горячее, оно сгорает, тает,

плавится. Господи, выпустите меня, выпустите, выпустите меня отсюда, будь все проклято!

Она была живой иллюстрацией ужаса. Ее лицо было искажено гримасой. Глаза крепко зажмурены, как будто открой их, она не вынесла бы того, что увидела. Вены на висках вздулись. Мускулы ее шеи были напряжены. Она корчилась от боли, и кричала, и внезапно замолкала, и снова принималась кричать. Ее пальцы впились в подлокотники кресла.

Доктор Инамури пытался успокоить ее и увести с края истерии, на котором она, казалось, так неосторожно балансировала.

Джоанна ответила ему, но не так быстро, как раньше. Она расслабилась, хотя и не совсем. Все еще находясь в гипнотическом сне, она немного передохнула. Время от времени ее руки взлетали с подлокотников вверх и рисовали в воздухе ничего не значащие узоры, прежде чем вернуться на место, как два падающих осенних листка. Иногда она что-то беспокойно бормотала себе.

Доктор Инамури и Алекс молчаливо ждали, когда она будет готова.

Алекс глянул в окно и ничего не увидел, кроме густой пелены снежных хлопьев, как в одноцветном калейдоскопе, в котором все стеклышки белые.

Наконец, доктор сказал:

– Джоанна, сейчас вы находитесь в комнате, насквозь пропахшей антисептиками и дезинфектиками. Запах стоит настолько сильный, что вы можете ощущать его на вкус. Вы привязаны к кровати. К вам подсоединены две капельницы.

Какое-то время Инамури продолжал в таком же духе, восстанавливая место, где она мысленно находилась, и ее настроение. Затем он сказал:

– Итак, лечение началось. Теперь я хочу, чтобы вы рассказали мне, что с вами происходит.

– Я парю очень высоко и все еще чувствую, как меня разъедает кислота.

– Что делает герр Доктор?

– Я не уверена.

– Что вы видите?

– Яркие цвета. Переливающиеся, пульсирующие цвета.

– Что еще вы видите?

– Больше ничего. Только цвета.

– Что вы слышите?

– Механическая рука. Он говорит. Очень далеко.

– Что он говорит?

– Слишком далеко. Я не могу разобрать слова.

– Он говорит с вами?

– Да. И иногда я отвечаю ему.

– Что вы говорите ему?

– Мой голос звучит так же далеко, как и его.

– Вы хотите сказать, что не знаете, что говорите?

– Я не могу разобрать свои слова...

– Не может быть...

– ...потому что я парю над собой на высоте в тысячу миль.

– ...Джоанна. Он, должно быть, говорит с вашим подсознанием...

– ...высоко, высоко над собой...

– ...и только ваше сознание паритверху. Возможно, что ваше сознание не может слышать его, но ваше подсознание слышит ясно. Я хочу, чтобы ты позволила говорить своему подсознанию.. Что говорит герр Доктор?

Джоанна молчала.

– Что он говорит вам?

– Я не знаю, я напугана.

– Чем вы напуганы?

– Я теряю...

- Что теряете?
- Все.
- Объясните, пожалуйста.
- Части себя.
- Вы боитесь потерять части себя?
- Они отпадают. Я как прокаженная.
- Куски памяти? – спросил Инамури.
- Я разваливаюсь на кусочки.
- То, что вы теряете, – это ваша память?
- Я не знаю. Я не знаю, но чувствую, что это происходит.
- Что он говорит вам, чтобы заставить вас забыть?
- Я не знаю, я недостаточно слышу.
- Подумайте. Напрягитесь. Вы можете вспомнить.
- Нет. И это тоже он заставил меня забыть.

Инамури продолжал задавать вопросы, пока не убедился, что ему больше ничего не удастся выяснить в этом направлении.

– Вы очень хорошо выполнили свое задание, Джоанна. В самом деле, хорошо. А теперь лечение окончено. Игла из вашей шеи убрана. И из руки тоже. И вы постепенно возвращаетесь с заоблачных высот.

- Нет. Я все еще парю. Я продолжаю парить еще очень долгое время. Где-то около часа.
- Ладно. Вы парите, но иглы из вас уже вытащены. И что происходит теперь?

Она закрыла лицо руками.

"Теперь сеанс не будет продвигаться так гладко, как прежде, – подумал Алекс. – Джоанна вынудит доктора выдавливать по капле эту историю из нее".

- Джоанна, что происходит с вами?
 - Мне стыдно, – произнесла она несчастно.
 - Не надо стыдиться.
 - Вы не знаете. Вы не можете этого знать.
 - Не надо, Джоанна. Вы не сделали ничего плохого.
 - Я умру. Я хочу умереть. Ради всего святого, позвольте мне выбраться отсюда и позвольте мне умереть!
 - Вы в полной безопасности и совершенно здоровы.
 - Больна. Больна изнутри. В душе.
 - Что происходит с вами?
- Она разъярилась:
- Черт вас возьми! Разве вы не слышите? Или вы совсем оглохли?
- Проигнорировав эту вспышку, Инамури терпеливо спросил:
- Слышу что?
 - Лязганье! Лязг, лязг, лязг! Механизмы. Они работают громко, как ружейные выстрелы. Механизмы в пальцах!

– Где теперь герр Доктор?

Ее ярость опять превратилась в страх.

– О-около кровати. Он бьет меня по лицу... этими... этими стальными пальцами.

– Продолжайте.

Ее рука потянулась к шее.

– Его рука сжимает мое горло. Я пытаюсь избавиться от нее. Я действительно пытаюсь. Но не могу. Она стальная. Такая сильная. Такая тяжелая и холодная. Он ухмыляется. Подлый ублюдок. Я парю очень высоко, но могу видеть его ухмылку. Какая мерзкая! Как пиратский флаг или эмблема на бутылочке с ядом. Опасность: высокое напряжение. Опасность: радиация. Вот такая ухмылка. Я нахожусь высоко вверх, но чувствую все, что он делает. О, да. Да. Я знаю, что он собирается делать. Я знаю. О, Боже, я знаю, знаю!

– Не держите это в себе, – сказал Инамури. – Не делайте из этого секрета. Расскажите

мне. Освободитесь от этого.

Джоанна быстро убрала руку с горла на грудь.

Ее била дрожь.

– Это лязганье, – произнесла она. – Оно такое громкое, что я больше ничего не могу слышать. Оно заполняет всю комнату. Оно оглушает. Механизмы в его пальцах лязгают, лязгают.

– Что он делает?

– Он стаскивает простыню. Бросает ее на кровать в ноги. Раскрывает меня. А я обнаженная.

– Продолжайте.

– Он стоит рядом. Ухмыляется. Затем он убирает с меня электроды, отбрасывает их в сторону. Он касается меня. Заставьте его уйти! Не позволяйте ему трогать меня! Не там. Не позволяйте ему трогать меня там. Пожалуйста!

– В каком месте он касается вас?

– Моих грудей. Сжимает, давит их этими ужасными стальными пальцами. Механическая рука. Он делает мне больно. Он знает об этом. Затем он трогает меня другой рукой – настоящей. Она холодная и влажная. И так же груба, как и искусственная.

Внезапно она потеряла самообладание. Ужас, гнев, стыд, ненависть и крушение надежд ошеломили ее. Она начала жутко причитать, снова и снова повторяя как сумасшедшая: "А-а-а-а, а-а-а-а!.."

В потоке нахлынувших чувств ее первые выкрики поразили Алекса, как раскаты грома. За последние несколько дней он научился чувствовать такое, чего никогда не переживал прежде. В своем внутреннем мире он открыл многие человеческие возможности, которые всегда игнорировал раньше. Джоанна пробудила в нем чувства. Однако все, что он перечувствовал за время их знакомства, по своей силе было сравнимо с легким бризом по отношению к той эмоциональной буре, которая сотрясала его сейчас. Он не мог вынести открывшееся зрелище. Ужас ее прошлого подействовал на него более жестоко, чем если бы он пережил собственную агонию. Потому что если бы это была его рана, он мог бы сжать зубы и выстоять со стойкостью, которую долго воспитывал в себе, но, так как это была ее рана, он мало что мог сделать, чтобы ускорить ее заживление.

Он дрожал от неприятного сознания своей полной беспомощности. Он чувствовал, что разрывается на части. Когда он смотрел на Джоанну, горе переполняло его сердце, и он начинал молча плакать с ней, по ней. Две или три минуты доктор Инамури терпеливо повторял формулу успокоивания, пока Джоанна, наконец, не взяла себя в руки. Когда она затихла и успокоилась, он подвел ее к тому месту истории, где она остановилась, и попросил продолжать.

– Что герр Доктор делает сейчас, Джоанна?

Алекс прервал его:

– В самом деле, уважаемый доктор, не надо настаивать, чтобы она продолжала.

– Но я должен.

– Мне кажется, что мы все слишком хорошо поняли, что он делал с ней.

– Да, конечно. Мы знаем. И я вполне понимаю, что вы чувствуете, – сочувствующе сказал Доктор. – Но очень важно, чтобы она произнесла это. Ей надо открыть все не для вашей или моей выгоды, но прежде всего на пользу себе. Если я позволю остановиться здесь, то эти безобразные подробности останутся с ней навсегда, гноясь, как грязные занозы.

– Но ей так тяжело.

– Поиски правды никогда не бывают легкими.

– Она страдает.

– Она будет страдать еще больше, если я позволю ей сейчас остановиться.

– Может быть, дадим ей небольшую передышку и продолжим завтра?

– Завтра у нас будут другие вопросы. Мне надо всего лишь несколько минут, чтобы закончить эту серию.

Без особого энтузиазма Алексу пришлось согласиться, что Инамури прав.

Доктор произнес:

– Джоанна, где вот сейчас руки герра Доктора?

– На мне.

– В каком месте?

– На моих грудях.

– Что он делает затем?

– С-с-стальная рука движется вниз по моему телу.

– Продолжайте.

– Вниз к... моим бедрам.

– А потом?

– Нет. Я не могу.

– Можете. И будете.

– Он трогает меня... там.

– Где он трогает вас?

– М-м-между ног.

– Потом?

– Пожалуйста!

– Вы должны произнести это.

– Он ухмыляется.

– И?

– Механизмы в пальцах лязгают.

– Продолжайте.

– ...лязгают так громко... как взрывы.

– И потом?

– Он... лишает меня девственности.

– Потом?

– Вводит один из этих пальцев...

– Продолжайте. Вводит куда?

– ...в меня.

– Уточните.

– Разве не достаточно того, что я уже сказала?

– Нет. Вы не должны бояться произнести это четко.

– ...в меня.

– Вам надо освободиться от этого. Куда конкретно?

– В... мое влагалище. Я чувствую себя ужасно. Использованной.

– Вы были использованы. И не лучшим образом. Но для того чтобы забыть, вы должны сначала вспомнить. Продолжайте.

Ее руки, как бы защищая, все еще лежали на груди.

– Он вводит этот палец... в меня... глубоко туда. Меня заполняет лязгающий шум. Этот палец там внутри, внутри меня, холодный, лязгающий.

– Что потом?

– Я боюсь, что он сделает мне очень больно.

– И он делает так?

– Он угрожает мне.

– Что он грозит сделать?

– Он говорит, что... разорвет меня на части.

– А затем?

"А затем? А затем? А затем? Продолжайте. Продолжайте. А затем? Продолжайте".

Алексу хотелось заткнуть уши. Он заставлял себя слушать. Если он хотел разделить с ней самое лучшее, то должен быть готов разделить с ней и самое худшее.

Инамури работал над психикой Джоанны, как будто он был зубным врачом, тщательно

высверливающим все следы гнилой материи в зубе, прежде чем поставить пломбу.

Жестокие откровения неоднократного изнасилования в извращенной форме в добавление к жуткой истории "лечения", которую Джоанна рассказала раньше, опустошили Алекса. В глубине его души расцветала чернейшая ненависть к людям, укравшим ее прошлое и обращавшимся с ней, как будто она была всего лишь куском мяса. Вместе с тем крепла и его решимость найти и уничтожить этого человека с механической рукой и всех сподвижников этого чудовища. Но мысль о мести придет чуть позже. А сейчас, в этот момент, он был как бы контужен теми ужасными событиями, которые Джоанна вспоминала для доктора Инамури. У Алекса не было сил даже говорить.

Оставшийся отрезок сеанса длился всего лишь пять или шесть минут. Однако, при этих обстоятельствах, минуты, казалось, растянулись в невыносимые часы... Когда Джоанна, наконец, ответила на последний вопрос, она была изможденной, опустошенной и душевно усталой. Она повернулась на бок и привалилась к одному из подлокотников кресла с отклоненной спинкой. Она подобрала ноги на кресло и свернулась калачиком, как будто желая обезопасить себя. Она что-то тихонько бормотала себе под нос и всхлипывала. Выражение ее лица было, как у потерявшегося и напуганного ребенка.

Не заботясь о том, что скажет доктор, Алекс подошел к ней. Ее вид, такой нуждающийся в сочувствии, открыл в нем новые запасы энергии. Он взял ее на руки, как будто она весила не более пятнадцати – двадцати фунтов, перенес к своему креслу и сея с ней на руках. Он тихонько баюкал ее. И хотя она все еще была окружена людьми из ее прошлого, ее врагами, она почувствовала его сострадание и приклонилась к нему.

– Достаточно, – сказал Алекс Инамури. – На сегодня хватит. Верните ее назад, уважаемый доктор. Верните ее назад ко мне.

Глава 38

В понедельник в шесть часов утра Джоанна проснулась от жажды. Ее губы потрескались, в горле пересохло. Очень хотелось пить. Накануне вечером они плотно поужинали: съели по большому куску бифштекса, приготовленного из говядины кобэ – самого лучшего мяса в мире. Оно бралось от коров, которым каждый день делали ручной массаж и кормили только рисом, бобовыми и пивом. Под эти два бифштекса они выпили две бутылки отличного французского вина, редкого и дорогого для Японии. Теперь алкоголь высосал из нее всю влагу.

Джоанна встала, прошла в ванную и жадно выпила два стакана воды из-под крана. В этот момент вода была почти так же вкусна, как вино.

Идя обратно, она вдруг поняла, что впервые, более чем за десять лет, спокойно спала, не прерываемая знакомым кошмаром. Впервые ей не приснился человек с механической рукой.

Наконец, она была свободна.

Ошеломленная этим открытием, мгновение она стояла очень тихо.

Затем громко засмеялась.

Свободна!

В кровати, завернувшись в заново обретенное чувство безопасности, как будто в шерстяные одеяла и льняные простыни, она захотела снова уснуть. Как только голова ее коснулась подушки, через минуту она уже спала.

Она проснулась сама, тремя часами позже. И хотя Джоанна спала спокойно, без сновидений, теперь она была менее оптимистична по поводу своей новой свободы, чем в середине ночи. Сначала она не понимала, почему изменилось ее отношение, но, каковы бы ни были причины, настроение чистого оптимизма определенно ушло. Руководствуясь в основном интуицией, теперь она, усталая и осторожная, собирала силы, чтобы встретить новую беду, которая уже была на пороге.

Желая узнать, какая на улице сейчас погода, она подошла к ближайшему окну и

отдернула шторы. Ночная буря прошла. Небо было чистым. Киото лежал под толстым слоем свежего пушистого снега. На улицах было мало движения.

В то мгновение, когда она открывала шторы, Джоанна увидела все это, но и еще нечто более важное. На противоположной стороне улицы, на втором этаже популярного публичного дома у окна стоял человек. Через бинокль он наблюдал за ее квартирой. Он увидел ее в тот же момент, что и она его. Он опустил бинокль и отступил назад, исчезнув из виду.

Вот то, что было истинной причиной для перемены ее настроения. Подсознательно она ожидала чего-то вроде этого. Подсознательно, отдергивая шторы, искала глазами какого-нибудь человека с биноклем. Они были там, снаружи. Сколько их? Ждущих. Наблюдающих. Пока она не узнает, кто они и зачем изменили ее память, она не будет ни в безопасности, ни свободной. Несмотря на тот факт, что кошмар был теперь не в состоянии нарушить ее сон, чувство безопасности, которому она так радовалась ночью, оказалось фальшивым, иллюзорным. Хотя Джоанна уже прошла через несколько кругов ада, худший из них мог оказаться еще впереди.

Порыв ветра ударил в покрытое морозными узорами окно.

Глава 39

В то утро, в одиннадцать часов по времени Киото, Тед Блейкеншип позвонил из Чикаго. Он получил телекс из Британского отделения фирмы в ответ на вопросы, которые задал Алекс два дня назад.

Кто такой Дж. Комптон Вулрич, человек, который в обход закона действовал, как душеприказчик Рандов? Согласно показаниям детективов в Лондоне, он был никто. Не было никаких следов, что он вообще когда-либо существовал. Никакого паспорта на это имя. Никаких водительских прав. Никакого регистрационного удостоверения на транспортные средства. Никакого пропуска или удостоверения личности. Никакого страхового полиса, относящегося к нему или упоминающего его. Ничего. В этом веке никому с именем Дж. Комптон Вулрич не выдавалась лицензия на практику в области юриспруденции. Также никого с таким именем не было среди владельцев разных времен того телефонного номера в Большом Лондоне. Как в пятницу открыла Джоанна, этот телефонный номер принадлежал антикварному магазину на Джермин-стрит. То же самое произошло и с обратным адресом поверенного. На самом деле, Он оказался адресом библиотеки, занявшей это здание еще до второй мировой войны.

– А что известно о Британско-Континентальной страховой ассоциации?

– Еще одна фальшивка, – ответил Блейкеншип, – в Британии нет зарегистрированной или платящей налоги фирмы с таким названием.

– И даже если они как-то хитро избежали регистрации, никто не может уйти от налоговой инспекции.

– Точно.

– Но мы разговаривали с кем-то как раз из Британско-Континентальной компании в прошлую пятницу.

– Кто бы это ни был, вас обманули.

– А как насчет адреса на их бланке?

– О, он довольно реальный, – сказал Блейкеншип, – но, черт возьми, это не штаб-квартира большой корпорации. Наши британские коллеги говорят, что это всего лишь угрюмое трехэтажное здание нежилого фонда в Сохо.

– А нет ли там какого-нибудь отделения страховой компании?

– Нет. Правда, там есть дюжина других фирм. Например, услуги, связанные с наймом жилья. Это не особенно преуспевающая фирма, по крайней мере, внешне. Еще импортеры. Экспортеры. Письмоводители. Парочка неглупых букмекеров, обслуживающих самые дешевые заведения по соседству. Но никакой Британско-Континентальной.

– А телефонный номер?

– Он числится за одним из импортеров по этому адресу. Филдинг Атисон, ЛТД. Они работают с мебелью, одеждой, столовыми принадлежностями, ремесленными и ювелирными изделиями, в общем, всем тем, что производят в Южной Корее, на Тайване, в Индонезии, в Гонконге, Сингапуре и Таиланде.

– В прошлую пятницу мы говорили по этому номеру с неким мистером Филлипсом.

– Там нет никакого мистера Филлипса.

– Это они вам так сказали?

– Да.

– Здесь что-то нечисто.

– Хотелось бы, чтобы вы рассказали мне, что здесь нечисто, – сказал Блейкеншип. – И каким образом все это связано с делом Шелгрин? Я умираю от любопытства.

– Я бы предпочел, чтобы ты еще некоторое время поумирал от любопытства, – сказал Алекс. – Мне не нравится идея разговаривать слишком много о моих планах, по крайней мере, по этому телефону.

– Прослушивается?

– По-моему, здесь это нормальное положение дел.

– Может, тогда не стоит говорить вообще? – с беспокойством в голосе спросил Блейкеншип.

– Плевать, если они услышат, что ты расскажешь мне, – уверил его Алекс. – Ничего из этого для них не ново. А что еще у вас есть на эту Филдинг Атисон, ЛТД?

– Ну... это доходное дело, но не более того. Фактически, у них настолько перегружен штат, что это просто чудо, как им удается держаться на плаву.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Смотрите сами. Другие импортирующие компании их объема имеют десять-двенадцать служащих. В Филдинг Атисон их двадцать семь, большинство из них занимается сбытом. По-моему, у них просто не хватит работы, чтобы держать всех при деле.

– Итак, значит, импортирование – это вывеска, – сказал Алекс.

– Говоря словами наших британских коллег, "существует определенная вероятность, что служащие Филдинг Атисон заняты кроме импорта азиатских товаров и еще какой-то неафишируемой деятельностью".

– Вывеска для чего? Для кого?

– Если вы захотите это выяснить, – сказал Блейкеншип, – то это влетит нам в копеечку. И потом, такие дела не так уж быстро раскручиваются, если раскручиваются вообще. Могу поставить тысячу против одного, что люди, использующие Филдинг Атисон, серьезно нарушают не один или два закона. Придется много потрудиться. И потом, ставлю две тысячи против одного, они попытаются раздавить любого, кто сунется. Черт побери, они явно не хотят разглашать свои секреты. Они занимаются бизнесом уже четырнадцать лет, и никто еще не раскусил их. Вы хотите, чтобы я послал в Лондон телекс и приказал копнуть поглубже?

– Нет, – сказал Алекс, – не сейчас. Посмотрим, как будут развиваться события в ближайшие дня два здесь. Если понадобится подключить к этому делу англичан, я позвоню тебе.

– Как Уэйн? – спросил Блейкеншип.

– Лучше. Гораздо лучше.

– Как его нога?

– Оставили.

– Слава Богу.

– Да.

– Слушайте, может, вам выслать подкрепление?

– У меня все в порядке, – сказал Алекс.

– У меня сейчас как раз два хороших человека не задействованы.

– Если они приедут сюда, то станут очередными мишенями. Как Уэйн.
– А вы – мишень?
– Да. Но чем меньше, тем лучше.
– Небольшое прикрытие...
– Я не нуждаюсь в прикрытии.
– А вот Уэйну понадобилось.
– Он сам был прикрытием.
– Думаю, вам лучше знать.
– Все, что мне надо, – печально произнес Алекс, – это божественное руководство.
– Если я услышу голос, взывающий ко мне из неопалимой купины, я сразу же дам вам знать, что он говорит.
– Я бы это оценил, – сказал Алекс.
– Можете рассчитывать.
– А кроме смеха, при всем моем желании довести это дело до конца, я совсем не хочу идти напролом с целой армией. Мне бы хотелось найти ответы таким способом, чтобы не заполнять японские больницы моими служащими.

Глава 40

Пять часов, в понедельник днем. Приемная доктора Инамури. Алекс – в бежевом кресле. Джоанна – в таком же кресле рядом с ним. Доктор – напротив них в одном из бордовых кресел. За окнами начинается смеркаться. В комнате включен приглушенный свет. Пахнет лимоном.

"Выглядит почти как религиозный ритуал", – подумал Алекс.

– Танцующие бабочки.

Во время последней встречи с Оми Инамури Джоанна вспомнила точные формулировки трех постгипнотических внушений, которые были сделаны ей человеком с механической рукой. Первое – предполагало блокирование памяти – "Напряжение, опасение и расхождение начались" – с этим они уже справились. Второе внушение касалось опустошающих приступов клаустрофобии и паранойи, которыми она страдала, когда кто-либо начинал намеренно интересоваться ее прошлым. Инамури закончил лечение, которое Алекс начал несколько дней назад, терпеливо убеждая Джоанну, что слова герра Доктора больше не имеют силы над ней и что все ее страхи не имеют основания. И никогда не имели его. Неудивительно, что третьим указанием герра Доктора было то, что она никогда не покинет Японию. А если она попытается выбраться из этой страны, если она даже только взойдет на борт корабля или самолета, порт назначения которого находится за границами Японии, у нее сразу же начнется сильное головокружение, расстройство желудка и нарушение координации. Любая попытка выбраться из этого заключения предназначала ей конец в ужасе и истерии. Ее безликие хозяева изолировали ее всеми доступными способами: эмоционально, интеллектуально, психологически, хронологически, а теперь даже географически. Инамури освободил ее и от этого последнего ограничения.

Искусство, с которым герр Доктор запрограммировал Джоанну, произвело на Алекса большое впечатление. Кем бы и чем бы еще он ни был, этот человек был гением, злым гением, гипнотизирующим, как кобра, танцующая танец смерти перед своей жертвой; требующим внимания, как дикая собака с человеческим детенышем в зубах – жуткая, но очаровывающая.

Когда Инамури удостоверился, что Джоанна не может ничего больше вспомнить из того, что герр Доктор сделал с ней, он обратился к другой линии вопросов. Он предложил ей продвинуться дальше в прошлое.

Она скривилась.

– Но мне некуда дальше идти.

– Конечно, есть куда. Вы же не родились в этой комнате.

– Некуда.

– Послушайте, – сказал Инамури, – вы привязаны к кровати. Там одно окно. Снаружи виднеется крыша мансарды.

– Да. Большие черные птицы сидят на трубах дымоходов, – произнесла Джоанна. – Дюжина больших черных птиц.

– Вам примерно двадцать лет, – сказал Инамури, – но вы продолжаете молодеть. С каждой минутой вы становитесь моложе. Вы уже не в той комнате. Фактически, вы еще не встречались с человеком с механической рукой. Вы еще не подвергались лечению. Вы только что проснулись в той комнате в первый раз. А теперь время бежит вспять. Вы плывете дальше против нормального течения времени... назад за комнату... а часы улетают прочь, быстрее и быстрее, часы... а теперь и дни... а вы плывете во времени... время, как большая река... несет вас всегда назад, назад, назад... Где вы теперь?

Джоанна не ответила.

Инамури повторил вопрос.

– Нигде, – бесцветно произнесла Джоанна.

– Оглянитесь вокруг.

– Ничего.

– Как вас зовут?

Она не отвечала.

– Вы – Джоанна Ранд?

– Кто это? – спросила она.

– Вы – Лиза Шелгрин?

– Кто она? Я ее знаю?

– Как вас зовут?

– Я... у меня нет имени.

– Соберитесь.

– Я такая холодная. Замерзшая.

– Где вы находитесь?

– Нигде.

– Что вы видите?

– Ничего.

– Как вы себя ощущаете?

– Мертвой.

Алекс произнес:

– Господи!

Инамури задумчиво смотрел на нее и через некоторое время произнес:

– Я скажу вам, где вы находитесь.

– Ладно, – сказала Джоанна с нервной дрожью в голосе.

– Вы стоите перед дверью, железной дверью. Вы ее видите?

– Нет.

– Попробуйте увидеть ее, – сказал Инамури. – Посмотрите получше. Вы в самом деле не можете пропустить ее. Эта дверь огромная, очень массивная. Чистое железо. Если бы вы могли видеть сквозь нее, то на той стороне увидели бы четыре большие петли, каждая из которых толщиной в ваше запястье. На железе видны следы ржавчины, но дверь все еще неприступна. Она пять футов шириной, девять футов высотой, закругленная сверху, установлена в арке в середине огромной каменной стены.

"Какого черта он делает?" – мысленно поинтересовался Алекс.

– Теперь, я уверен, вы видите эту дверь, – сказал Инамури.

– Да, – сказала Джоанна.

– Коснитесь ее.

Она подняла одну руку и потрогала пустой воздух.

– Какая она? – спросил Инамури.

– Холодная и шероховатая, – сказала она.

– Постучите по ней костяшками пальцев.

Она беззвучно постучала по ничему.

– Что вы слышите?

– Приглушенный, звенящий звук. Это очень толстая дверь.

– Да, – сказал Инамури, – и она заперта.

Лежа в полуразложенном кресле и одновременно существуя в другом времени и месте, Джоанна исследовала несуществующую дверь.

– Да, – сказала она, – дверь заперта.

– Но вам надо открыть ее, – сказал Инамури.

– Зачем?

– Потому что за ней находятся двадцать лет вашей жизни. Первые двадцать лет. Вот почему вы не можете ничего вспомнить из них. Они находятся за этой дверью. Их заперли от вас.

– О, я поняла.

– К счастью, я нашел ключ, который может отпереть эту дверь, – сказал Инамури. – Вот он здесь.

Алекс усмехнулся. Ему понравился творческий подход доктора к этой проблеме.

– Это большой железный ключ, – сказал Инамури. – Большой железный ключ, надетый на железное кольцо. Я потрясу им. Вот так. Слышите, как гремит?

– Да, слышу, – произнесла она.

Инамури делал все настолько умело, что Алекс уже был на грани того, чтобы тоже услышать.

– Я кладу этот ключ в вашу руку, – говорил он Джоанне, а сам даже не пошевелился в своем кресле. – Вот. Теперь он у вас.

– Я держу его, – сказала Джоанна, зажимая в руке воображаемый ключ.

– Теперь вставьте ключ в дверь и поверните его. Вот так. Молодец. Отлично. Вы отперли дверь.

– И что теперь будет? – спросила Джоанна. Она была заметно встревожена.

– Толкните дверь, откройте ее, – сказал доктор.

– Она такая тяжелая.

– Да. Но она все равно открывается. Слышите, как скрипят петли? Она была долго, долго закрыта. Но она открывается, открывается... открывается полностью. Так. Вы сделали это. Теперь переступите через порог.

– Ладно.

– Вы переступили?

– Да.

– Что вы видите?

– Нет звезд.

– Что вы хотите этим сказать?

Она молчала.

– Сделайте еще шаг, – сказал Инамури.

– Как скажете.

– И еще. Всего пять шагов.

– Три... четыре... пять.

– Теперь остановитесь и осмотритесь вокруг.

– Я смотрю.

– Где вы?

– Я не знаю.

– Что вы видите?

– Полночь.

– Уточните.

– Только полночь.

– Объясните, пожалуйста.

Джоанна глубоко вздохнула.

– Ну, я... вижу полночь. Самую совершенную, непроглядную темноту, какую только можно вообразить. Густую. Почти жидкую. Струящееся полночное небо обтекает со всех сторон землю, все крепко запечатывая, оно тает как шоколад. Чернильно-черная темнота. Звезд нет совсем. Безупречная темнота. Ни пятнышка света. А также нет звука. Ни ветра. Ни запахов. Чернота – единственное, что есть, и так продолжается снова и снова и до бесконечности.

– Нет, – сказал Инамури, – это не правда. Двадцать лет вашей жизни начнут раскрываться перед вами. Вот уже началось. Разве вы не видите? Разве вы не видите, как мир вокруг вас возвращается к жизни?

– Ничего.

– Посмотрите внимательнее. Может быть, сначала и нелегко заметить, что происходит, но это происходит. Я дал вам ключ от вашего прошлого.

– Вы дали мне только ключ от полуночи, – произнесла Джоанна, в ее голосе прозвучало отчаяние.

– Ключ от прошлого, – настаивал доктор.

– От полуночи, – произнесла она несчастно. – Ключ от темноты и безнадёжности. Я не знаю, кто я. Я не знаю, где я. Я одна. Совсем одна. Мне не нравится здесь.

Глава 41

К тому времени, когда они уходили из приемной Оми Инамури, Киото завладела ночь. Север припас много ветра, которым щедро расплачивался со случайными прохожими. Холодный зимний воздух проникал сквозь одежду, и кожу, и плоть, доходя до костей. Уличные лампы давали тусклый свет и творили причудливые тени на мокрой мостовой, на грязной слякоти сточных канав и на сваленном в кучи вчерашнем снеге.

Ничего не говоря и не трогаясь с места, Алекс и Джоанна сидели несколько минут в ее машине, дрожа от холода и выпуская клубы пара при каждом выдохе. Мотор работал. Ледяной пар вырывался клубами из выхлопной трубы, бросался вперед и, относимый боковым ветром, корчился, как будто он был живым, а затем его подхватывал другой порыв ветра. Алекс и Джоанна ждали, когда обогреватель смягчит болезненно острый, холодный воздух внутри салона автомобиля. И они думали.

Доктор Инамури ничего больше не мог сделать для Джоанны. Он извлек на поверхность каждый кусочек памяти, затрагивающей человека с механической рукой, но он был не в состоянии помочь ей вспомнить что-нибудь новое, за что Алекс мог бы зацепиться. В ней просто ничего больше не было. Мельчайшие подробности ужасов, происходивших в странной больничной комнате, были искусно завуалированы и разбросаны как пепел давно догоревшего пожара. А две трети ее жизни, что она провела как Лиза Шелгрин, были совершенно и тщательно уничтожены. Окончательные ответы придут не изнутри, как надеялся Алекс, а извне. Оттуда, где плелась роковая паутина, где ожидала их самая большая опасность.

Вентиляторы на приборной доске включились и начали гнать теплый воздух через радиатор. Ветровое стекло почти сразу запотело.

В конце концов, Джоанна вздохнула и сказала:

– Меня не особо заботит, что я забыла все о Лизе. Меня не заботит, что они украли ту часть моей жизни. И мне нравится быть Джоанной. Я неплохо устроилась... пожалуй, даже лучше, чем если бы мне никогда не изменяли личность... Джоанна Ранд – чертовски хороший человек, ею приятно быть.

– И с ней тоже, – сказал Алекс.

– Я могу принять эту потерю. Я могу жить как Джоанна Ранд, не чувствуя себя

обманутой пешкой. Я могу жить без прошлого. Я достаточно сильна.

– Я и не сомневался в этом.

Она повернулась к нему лицом. Оно было ужасно искажено, но все еще красиво.

– Но я не могу жить, не зная, почему! – гневно произнесла она.

– Мы выясним, почему.

– Как? Во мне больше ничего нет, что Инамури мог бы вытащить на поверхность.

Алекс кивнул.

– И по-моему, здесь, в Киото, мы не сможем ничего больше открыть. Ничего важного.

– Может быть, тот человек, который преследовал тебя в проходном дворе, – предположила Джоанна.

– Ловкач.

– Ну, тот, которому тебе пришлось разбить голову.

– Это Ловкач.

– Мы можем выяснить, кто он?

– Овчинка выделки не стоит. Мелкая рыбешка.

– А тот, что напал на тебя в номере отеля?

– Мелкая рыбешка.

– Или один из тех, других, что повсюду следуют за нами?

– Мелкие рыбешки.

– А где же крупная рыба? На Ямайке, где исчезла Лиза Шелгрин?

– Нет. Скорее всего в Чикаго. Это вотчины сенатора Тома.

– Могу поспорить, ты думаешь не о Чикаго.

– Ты научилась читать мысли?

– Назовем это женской интуицией. – Ну, ты права, я думаю о Лондоне.

– Но ты доказывал, что я никогда не жила там, что все это фальшивка.

– Да. Но Филдинг Атисон, ЛТД...

– ...которая иногда зовется Объединенной Британско-Континентальной страховой...

– ...находится в Лондоне, – сказал Алекс, – и я очень даже уверен, что вот они – не мелкие рыбешки.

– Ты опять подключишь англичан к этому делу?

– Нет. По крайней мере, не по международному телефону. Насколько это будет возможно, я бы предпочел иметь дело с людьми из Филдинг Атисон лично.

– Ты хочешь сказать, что поедешь в Лондон?

– Правильно.

– Когда?

– Как можно скорее. Завтра или послезавтра. Поездом я доберусь до Токио и оттуда полечу самолетом.

– Мы полетим самолетом.

Он взглянул на нее и нахмурил брови.

– Мы оба, – настаивала Джоанна.

– Тебе надо побеспокоиться о "Лунном свете".

– Мариико может присмотреть.

– Разумеется. Но посетители ждут твоих выступлений.

– У них отличная еда и первосортный оркестр, играющий для них, – сказала Джоанна. – Они могут обойтись без меня и еще некоторое время.

– Я собираюсь исследовать бизнес Филдинг Атисон. Я собираюсь задавать вопросы и совать нос в их дела. Я собираюсь нажимать, нажимать и нажимать, пока они не отреагируют. Это самый верный способ заставить открыть то, что они хотят сохранить в секрете. Если я их достаточно рассержу, они могут даже ошибиться. Но это опасная работа.

– Что я – фарфоровая кукла?

– Вряд ли, – согласился Алекс.

– А здесь, одна, я буду не в меньшей опасности.

– У тебя будет Марико. И я позабочусь о круглосуточной охране на время моего отсутствия.

– Ты – вот единственная охрана, которой я доверяю, – сказала Джоанна. – Я собираюсь в Лондон с тобой.

Глава 42

Сенатор Томас Шелгрин стоял у одного из окон в своем двухэтажном кабинете. Он наблюдал за редкими машинами, проезжавшими мимо его дома, и ждал звонка.

Вторник, вечером первого декабря. Вашингтон и его пригороды накрыты тяжелым одеялом прохладного, сырого воздуха. Случайные прохожие спешат от домов к припаркованным автомобилям или от автомобилей к приветливым дверям домов. Их дыхание клубится перед ними, плечи подняты, головы втянуты в плечи, руки – глубоко в карманах. Но сегодня еще недостаточно холодно. Если верить телепрогнозу погоды, под утро на город обрушится ледяной дождь.

Шелгрин находился в теплой комнате, но ему было холодно, как одинокому ночному прохожему, проходившему сейчас по улице мимо его окна.

– Виновен, – сказал он себе. – Та самая вина и те самые угрызения, которые каждый раз охватывают меня в первый день каждого месяца.

Большую часть года, когда верхняя палата Конгресса Соединенных Штатов собиралась на сессию или когда у него были еще какие-нибудь правительственные дела (официальные или неофициальные), сенатор жил в своем огромном двадцатипятикомнатном доме в Джорджтауне. В Иллинойсе он жил менее одного месяца в году. Хотя он не женился вторично после смерти жены и несмотря на то, что его единственный ребенок был похищен и до сих пор не найден, этот просторный дом не был слишком большим для него. Том Шелгрин во всем хотел иметь самое лучшее, и у него были деньги, чтобы купить это самое лучшее. Его обширные коллекции, начиная от редких монет и кончая отличнейшими образцами античной мебели в стиле Чипендейл, требовали очень много свободного места. Им руководила не просто страсть коллекционера. Его потребность в антикварных ценностях была одержимостью. У него было более пяти тысяч первых изданий американских романов, сборников рассказов и стихов: Уолт Уитмен, Герман Мелвилл, Эдгар Аллан По, Натаниель Хотторн, Джеймс Фенимор Купер, Стефан Винсент Венет, Торо, Эмерсон, Драйзер, Генри Джеймс, Роберт Фрост и сотни других. В двух больших комнатах размещались более двухсот экземпляров стибенского художественного стекла, включая и все самые дорогие образцы, которые были созданы за последние пятнадцать лет. Его редкие марки были оценены почти в полмиллиона долларов. На стенах в его доме висели сто девять подлинников картин, но он признавал только десять из них. Большая часть его собрания находилась в хранилище или в доме в Чикаго. Только его коллекция Сальвадора Дали состояла из восемнадцати репродукций и девяти оригиналов. Он коллекционировал хрустальные пресс-папье, восточные гобелены и экраны, изысканный фарфор, бронзовые скульптуры, преимущественно современных мастеров, настоящие персидские ковры ручной работы, исторические письма и автографы, одеяла Навайо (одно из лучших его вложений, увеличивших свою ценность за последние десять лет более, чем на две тысячи процентов), вина, железнодорожные памятки, начиная с восемнадцатого и девятнадцатого веков, драгоценные камни, древние китайские и японские веера, из шелка или рисовой бумаги, и многое другое. Дом в Джорджтауне был битком набит таким добром. Его содержимое было застраховано на десять миллионов долларов. В каждой комнате была установлена пожарная сигнализация. В потолки встроена почти невидимая, но надежная система конденсирования. Система сигнализации против взлома была просто чудом. Она засекала чужака посредством специальных устройств, спрятанных под коврами, скрытых электронных глаз и инфракрасных сканнеров.

В доме Шелгрин обитали не только неодушевленные объекты. В нем также жили

мажордом и кухарка (бывшие мужем и женой), шофер и горничная. В будние дни миссис Финч, секретарь сенатора, носилась туда-сюда по поручениям. Часто его навещал Бертон Талбот, советник в финансовых вопросах, а зачастую и деловой партнер. По выходным Шелгрин обычно принимал гостей. Он не любил бывать один, потому что, когда он оставался один, у него было слишком много времени, чтобы думать. В моменты одиночества некоторые вопросы, о которых ему приходилось думать, были настолько ужасающими, что вполне могли бы свести его с ума.

Зазвонил телефон.

Шелгрин бросился к письменному столу и снял трубку.

– Алло?

– Сенатор?

Это был Петерсон.

– Продолжайте, – сказал Шелгрин.

– Как поживаете?

– Нормально.

– Сегодня хорошая ночь.

– Мерзкая.

– Собирается дождь. Я люблю дождь.

Шелгрин ничего не сказал.

– Достаточно? – спросил Петерсон.

Шелгрин колебался.

– Ну так как? – спросил Петерсон.

Шелгрин изучал стоявшее на письменном столе рядом с аппаратом электронное устройство В-409, подающее сигналы в случае, если телефон прослушивается.

– Нормально. Все в порядке. Нас никто не подслушивает, – наконец произнес он.

– Хорошо. Мы получили донесение.

Шелгрин ясно услышал, как стучит его сердце.

– Где я могу вас видеть?

– Мы давно не пользовались супермаркетом Сейфуэй. Давайте там.

– Когда?

– В ближайшие полчаса.

– Я буду там.

– Конечно, будете, дорогой Том, – самодовольно произнес Петерсон. – Конечно, будете.

– Что вы хотите этим сказать?

– Зачем же так? – спросил Петерсон, притворяясь непонимающим резкого тона сенатора. – Я только хочу сказать, что знаю, что вы ни за что на свете не пропустите это свидание.

– Вы думаете, что держите меня на привязи, – сказал Шелгрин. – Вы считаете меня собакой на поводке, и вам нравится дергать его.

– Дорогой Том, вы слишком чувствительны. Я никогда не говорил ничего подобного. И никогда не скажу.

– Но помните, что вы будете там сегодня только по одной причине – вам приказали доставить это донесение мне. Вот почему вы бываете там первого числа каждого месяца, – гневно произнес сенатор. – Не вы решаете, что делать. Вы также на привязи.

– Полегче на поворотах. Полегче.

– Я не нуждаюсь в вашем покровительстве.

– Беспокоюсь о вашем сердце, дорогой Том.

– Вы не сохраните вашу жизнь дольше, чем я свою, – сказал Шелгрин. – Фактически, даже меньше.

– Милый, милый Том, – произнес с издевкой Петерсон. Он захихикал и повесил трубку.

Руки сенатора дрожали. Какое-то время он слушал гудки в трубке, чтобы, все еще наблюдая за контрольным устройством, убедиться, что их не подслушивали, затем, наконец,

положил трубку. На черной пластмассе трубки блестел пот от его ладони.

Шелгрин подошел к бару, налил двойное виски и выпил в два глотка, не добавляя ни лед, ни воду.

– Да поможет мне Бог, – тихо произнес он.

Глава 43

Отправляясь на свидание в супермаркете, Шелгрин взял свой темно-серый "Кадиллак-Севилл". Он вел его сам, дав шоферу и трем другим слугам выходной день. Он мог бы вести и что-нибудь другое, например, "Мерседес", или "Ситроен-Мазерати", или белый "Роллс-Ройс". Он выбрал "Кадиллак", потому что тот меньше, чем другие машины, бросался в глаза.

Сенатор прибыл в назначенное место на пять минут раньше. Супермаркет был неким краугольным камнем маленького торгового центра, и даже в такую бурную зимнюю ночь оказался довольно оживленным. Шелгрин припарковал "Кадиллак" в конце длинного ряда машин в пятидесяти ярдах от входа, подождал минуту или две, затем вышел, закрыл дверь и встал у заднего бампера.

Он поднял воротник пальто, чуть надвинул на глаза шляпу и спрятал в тень свое приметное лицо. Он пытался казаться случайным прохожим, но был уверен, что, на самом деле, выглядел, как некто, играющий в шпионов. Как бы то ни было, но если бы он не принял эти меры предосторожности, то его, конечно бы, узнали. Он был не просто сенатором Соединенных Штатов от штата Иллинойс, еще он был человеком, стремящимся войти в Белый Дом в качестве президента. Он проводил бесчисленные часы перед телекамерой и в жалкой компании несносных, но могущественных газетчиков, постепенно закладывая фундамент своей будущей кампании, которая будет длиться три или семь лет, в зависимости от судьбы того, кто занял этот высочайший пост только год назад. (Принимая во внимание ханжеские и праведнические отчитывания, многочисленные случаи нескрываемой политической двуличности и невероятную путаницу в делах, отметившие первые десять месяцев правления нового президента, уверенность Тома Шелгрин в том, что у него есть все шансы скорее через три года, чем через семь лет, стать президентом, неизменно росла. Он знал, как в совершенстве скрыть свою собственную двуличность. К весне ему уже надо будет решить, не пора ли учредить подготовительную консультативную группу.) В любом случае, его лицо было широко известно, и он не хотел, чтобы его видели на автостоянке супермаркета, потому что если бы кто-нибудь узнал его, то встречу с Ансоном Петерсоном пришлось бы отменить и перенести на другое время.

Через два ряда от него включились фары грязного желтого "Шевроле", выехавшего со своего места на стоянке. Машина проехала один проезд, затем другой и остановилась прямо за "Кадиллаком" сенатора.

Шелгрин открыл дверь со стороны пассажирского сиденья и заглянул внутрь. Он знал шофера с других встреч, подобных этой – приземистый, коренастый мужчина с поджатыми губами, в сильных очках. Но он не знал его имени, да никогда и не спрашивал. Сенатор сел в машину и пристегнул ремень.

– Кто-нибудь был на хвосте? – спросил коренастый человек.

– Если бы кто-нибудь был, меня бы здесь не было.

– Все равно надо принять меры.

– Нет нужды.

– Все равно.

В течение десяти минут коренастый человек вел машину по лабиринту улиц и переулков, где располагались разные резиденции. В зеркальце заднего вида он смотрел несколько не меньше, чем на дорогу впереди.

В конце концов он произнес:

– Все чисто.

– Как я и говорил, – нетерпеливо сказал Шелгрин.

– Я только выполняю свою работу.
– Но не очень хорошо.
– Что вам не нравится?
– Я не выношу дилетантства.
– Вы считаете, что я дилетант?
– Ты как будто играешь в игру. Ты как щенок, который гоняется за своим хвостом. Это ребячество. Ты поступаешь не как профессионал.
– Не могу понять, – произнес коренастый человек.
Они остановились у светофора.
– Понять что? – спросил Шелгрин.
– Как вас вообще-то избрали. Вы такой неприятный сукин сын.
– О, но не при посторонних, – сказал Шелгрин. – Я могу быть очень очаровательным с избирателями, газетчиками и спонсорами моей предвыборной кампании. Но с какой стати я должен любезничать с тобой?

Шелгрину не хотелось оставлять это дело так. Петерсон действовал ему на нервы, и ему хотелось выместить свое раздражение на ком-нибудь. Он не мог придумать ничего более или менее действенного по отношению к Ансону, потому что тот в основном был равен ему, а в некоторых аспектах даже превосходил его. Унижая шофера, ворча на него и ссорясь с ним, Шелгрин таким образом приобретал самоуверенность, которая ой как понадобится ему при предстоящей встрече с Петерсоном.

– В этом обмене "любезностями" я оставил тебя далеко позади, – сказал сенатор. – У тебя нет ни ума, чтобы смутить меня, ни силы, чтобы навредить мне физически. И что хуже всего, на нашей особенной лестнице отношений ты стоишь, по крайней мере, на дюжину ступеней ниже меня. Ты сделал бы все, что я хочу, потому что знаешь – у меня есть власть, которая дает мне возможность увидеть как, захоти я, и тебя отправят домой. Отправят домой, мой друг. Подумай об этом. Ты ведь не хочешь домой, правда?

Водитель не ответил.

– Ты хочешь домой?

Водитель закусил губу.

– Отвечай мне, черт тебя побери! Ты хочешь домой? Домой на этой же неделе? Домой навсегда?

Шофер задрожал.

– Нет, нет.

Шелгрин рассмеялся.

– Конечно, не хочешь. Никто из нас не хочет домой. Какая жуткая мысль! Поэтому будь пай-мальчиком, веди машину и помалкивай.

Они направлялись прямо к придорожной дискотеке, расположенной в семи милях от супермаркета. Местечко называлось "У Джо" и было украшено на крыше неоновой рекламой, изображавшей танцующую пару высотой в десять футов. Для вечера буднего дня посетителей было достаточно – более сотни машин окружало здание. Одной из них был шоколадный "Мерседес" с номерами штата Мэриленд. Коренастый шофер въехал на свободную площадку рядом с ним.

Не говоря ни слова водителю, Шелгрин вылез из "Шевроле", глубоко вдохнул холодный ночной воздух, который сотрясаясь от громового диско-рока, а затем быстро нырнул на заднее сиденье "Мерседеса", где его ждал Ансон Петерсон.

Как только сенатор захлопнул дверь, Петерсон сказал своему шоферу:

– Поехали, Гарри...

Человек на переднем сиденье был большой, широкоплечий и совершенно лысый. Он держал руль почти на расстоянии вытянутой руки и машину вел хорошо. Минувя окраины, они выехали за город.

В салоне автомобиля пахло тягуче-ромовыми леденцами, к которым Петерсон был равнодушен.

– Вы выглядите очень хорошо, дорогой Том, – сказал Петерсон.

– Вы тоже.

На самом деле Петерсон не выглядел так уж хорошо. При росте пять футов десять дюймов, он весил добрых триста фунтов. Его брюкам с трудом удавалось охватить его огромные тела, поэтому казалось, что он был одет в трико. Пуговицы рубашки были застегнуты тоже не без труда, а пиджак он даже никогда и не пытался застегнуть. Ансон Петерсон всегда носил галстук – сегодня это был синий в белый горошек, в тон его синему костюму. Этот галстук подчеркивал необыкновенную окружность его шеи и многослойность подбородков. У него была большая толстая круглая физиономия, чуть бледнее, чем ваниль, но на ней сияли два незаурядно умных дегтярно-черных глаза.

Протягивая Шелгрину круглую упаковку с леденцами, Петерсон произнес:

– Любите такое?

– Нет, спасибо.

Петерсон взял один кружок для себя и как-то по-девчоночьи отправил его в рот. Затем он тщательно завернул оставшиеся леденцы, как будто так надо было сделать, чтобы угодить строгой няне, и положил их в один из карманов пиджака. Из другого кармана он достал чистый белый носовой платок, встряхнул его и энергично вытер руки.

Несмотря на свои габариты или, возможно, из-за них, он был неестественно аккуратным. Его одежда всегда была чистой. Ни единого пятнышка на рубашке или галстук, несмотря на то, что когда он сидел, одежда натягивалась и становилась бесформенной. Его руки были розовые, на ногтях – отполированный маникюр. Он всегда выглядел так, как будто только что от парикмахера: каждый волосок на голове на своем месте. Том Шелгрин однажды обедал с этим толстяком. Петерсон прикончил свой двойной обед, не оставив на скатерти ни единой крошки или капли соуса. Сенатор, которого тоже нельзя было назвать неаккуратным, оставил не более, чем обычно остается от еды, состоящей из красного вина, хрустящих хлебцев и спагетти, и он чувствовал себя свиньей, когда сравнил свое место с местом Петерсона: чистота скатерти была абсолютно нетронутой.

Они путешествовали по широким улицам, по обеим сторонам которых располагались обширные поместья и большие особняки. Их ежемесячные встречи всегда проходили по такой же программе. Автомобиль легче мог быть проверен на наличие электронных подслушивающих устройств и очищен от них, нежели комната в любом здании. Более того, движущийся автомобиль с умелым и наблюдательным шофером был почти защищен от направленного микрофона, даже если таковой будет нацелен на них из передвижного центра.

Конечно, маловероятно, что Ансон Петерсон станет когда-либо мишенью для электронной слежки. Его прикрытие как преуспевающего предпринимателя по торговле недвижимостью было безупречным. Он являлся человеком методичным, осмотрительным во всем и очень осторожным. Его другая работа, та, которая делалась в добавление к торговле недвижимостью, та, о которой он не говорил на вечеринках, та, которая явно была незаконной, выполнялась в условиях крайней секретности.

Пока они выезжали из города, толстяк говорил, посасывая леденец:

– Если бы я достаточно не знал обо всем этом, то подумал бы, что это вы подстроили избрание того человека из Белого Дома. Ну и дурак же он. Такой неумеха. Кажется, он определенно намерен вознестись, так вы без особого труда скинете его вниз за эти три года.

– Я здесь не для того, чтобы разговаривать о политике, – оборвал его Шелгрин. – Могу я посмотреть донесение?

– Дорогой Том, с тех пор как мы стали работать вместе, нам следует пытаться делать все, что от нас зависит, чтобы оставаться друзьями.

– Донесение?

– Быть, по крайней мере, хотя бы дружелюбными – это не требует много времени или сил.

– Донесение.

Толстяк вздохнул.

– Как хотите.

Шелгрин протянул руку для папки с донесением, но Петерсон даже не шевельнулся, чтобы что-нибудь ему дать.

Вместо этого толстяк произнес:

– В этом месяце ничего нет в письменной форме.

Сенатор недоверчиво уставился на него.

– Что? Что вы сказали?

– В этом месяце устное донесение.

– Смешно. Невозможно!

Петерсон с хрустом разгрыз и проглотил остатки леденца. Когда он снова заговорил, из его рта вырвался тягуче-ромовый запах.

– Нет, дорогой Том. Это правда. Видите ли...

– Черт побери, эти донесения касаются моей дочери! – резко произнес Шелгрин. – Моей дочери. Не вашей. И не чьей-либо еще. – Он боролся со своей яростью, пытаясь не дать ей вырваться наружу, потому что, если он это позволит, толстяк будет иметь преимущество. А это было недопустимо. – Эти донесения – личное, Ансон, – произнес сенатор, тщательно выговаривая каждое слово. – Крайне личное.

Петерсон улыбнулся.

– Дорогой Том, вы ведь прекрасно знаете, что они читаются, по крайней мере дюжиной других людей. А скорее всего двумя дюжинами, даже несмотря на то, что на них гриф "совершенно секретно". Перед тем, как отдать их вам, я читаю их. В течение всех этих лет я читал их каждый месяц.

– Да, но затем я всегда получаю их тоже. Я получаю их, чтобы прочитать самому. Это важно. Вы не знаете, как это важно. А вы даете мне устный отчет о том, что она делала. Так вы вдруг превращаетесь в толкователя. Хуже. В человека, который вмешивается в чужие дела. И донесение становится не таким уж личным. И не таким уж частным или значимым.

На протяжении всей этой отповеди голос сенатора неизменно повышался, у него появилась шумная одышка. Петерсон произнес:

– Полегче, парень. Полегче, дорогой Том.

Шелгрин понимал, что все звучит неразумно, но это глубоко запало ему в душу. Его контакт с Лизой – теперь Джоанной – был минимальным и всегда через третьи руки – этаким мостик с движением только в одну сторону, построенный из хлипких листков бумаги. За более чем десятилетие между ним и его дочерью не было ни одного живого слова. Поэтому-то он так ревниво отстаивал те несколько минут чтения первого числа каждого месяца.

– В тот день, на Ямайке, когда мы все это устроили, – говорил Шелгрин, – вы пообещали мне, что будете давать донесения о ее успехах. Я не был готов к тому, что буду полностью отрезан от нее. Я хотел знать, что она делала. Мы договорились, что донесения будут в письменной форме. И они всегда были такими. Четыре страницы, пять, иногда шесть или семь. Всегда в письменной форме. Вы вручали мне донесение, и я читал его при свете фонарика в этом чертовом едущем автомобиле. Затем я отдавал его вам обратно, и вы уничтожали его. Вот как у нас заведено, Петерсон. Вот так всегда это проходило. Так мы договаривались. Я не одобряю никаких изменений. Я просто не позволю такое!

– Успокойтесь, дорогой Том.

– Не называйте меня так!

– Не надо кричать.

– У вас, по крайней мере, есть фотографии?

– О, да. Несколько фотографий. Очень интересных.

– Позвольте мне посмотреть.

– Они требуют кое-каких разъяснений.

– Каких разъяснений? Это фотографии моей дочери. Я знаю, кто она. Я... – Вдруг он остановился. От жуткого страха слова застряли в горле. Он закрыл глаза. Во рту было сухо. – Она... с ней что-нибудь случилось... мертва?

– Ну, нет, – сказал Петерсон. – Нет, нет. Ничего такого, дорогой Том.
– Это действительно так?
– Конечно. Если бы было иначе, я не стал бы придерживать такие новости, ни за что на свете.

Это заверение вернуло гнев обратно. Шелгрин открыл глаза и сухо произнес:

– Тогда что же все это значит?

– Сначала я дам вам немного времени остыть, – сказал Петерсон.

– Я не нуждаюсь в этом!

– Если бы вы могли слышать себя, дорогой Том, вы не сказали бы этого.

Шофер замедлил "Мерседес", свернул налево в узкий переулок и снова нажал на газ. Казалось, он не понимал или совсем не интересовался тем, что происходит на заднем сиденье.

Наконец, Петерсон достал свой дипломат, стоявший около него со стороны дверцы, положил его на колени, открыл и вытащил папку, в какой обычно были фотографии Лизы.

Шелгрин потянулся за ней.

Но Петерсон не собирался отдавать папку. Он сказал:

– В этот раз донесение устное, потому что оно слишком сложное и важное, чтобы его можно было изложить на бумаге. Я не изменил процедуру без вашего разрешения, дорогой Том. Мне пришлось так сделать только сегодня, всего один раз, потому что это особый случай. Своего рода кризис.

Шелгрин раздраженно произнес:

– Да что вы говорите? Только один раз? Ну, так почему же вы не сказали об этом сразу?

Петерсон улыбнулся. Его пухлая рука легко переместилась на плечо Шелгрин.

– Дорогой Том, вы не дали мне такой возможности.

Петерсон открыл папку. В ней лежали несколько фотографий восемь на десять дюймов. Он передал верхнюю Шелгрину.

Фонарик лежал между ними на сиденье. Сенатор взял его и включил.

На фотографии Лиза и довольно привлекательный мужчина сидели на скамейке у выхода с какой-то рыночной площади.

– С кем это она? – спросил Шелгрин.

О, вы знаете его.

Сенатор держал фонарик под углом, чтобы свет не отражался от глянцевой поверхности. Он нагнулся поближе и взгляделся в черно-белое лицо.

– Усы... что-то в нем знакомое...

– Вам надо вернуться немножко назад, – сказал Петерсон. – Вы не виделись с ним семь или восемь лет, может, даже дольше.

Внезапно Шелгрин почувствовал, как будто какая-то невидимая, сверхъестественная тварь схватила его сердце острыми когтями.

– А, а, нет. Этого не может быть. Он?

– Это он, дорогой Том.

– Тот сыщик.

– Хантер.

– Алекс Хантер. Господи!

– Ему надоело его дело и Чикаго, – сказал Петерсон, поэтому каждый год он берет отпуск на пару месяцев. Прошлой весной он ездил в Бразилию. А две недели назад приехал в Японию. И в Киото.

– И в "Прогулку в лунном свете", – произнес Шелгрин. Он не мог оторвать взгляда от фотографии, потому что для него она перестала быть всего лишь изображением и превратилась в зловещий знак, предвещающий беду. Эта фотография стала воплощенной опасностью, сконцентрированной в его руках. – Но почему Хантер из всех мест выбрал именно это? Вероятность случайности – один случай из миллиона.

– Я от всей души хотел бы биться об заклад, что это так, – согласился Петерсон.

Толстяк дожевывал остатки леденцов, и это звучало так, будто он грыз косточки какого-то небольшого животного, например, птицы.

– Но мы вне подозрений, – обеспокоенно произнес сенатор. – Разве мы не вне подозрений? Я хочу сказать, что даже в том случае, если Хантер заметил некоторое сходство между Джоанной Ранд и девушкой, которую он разыскивал много лет назад...

– Похоже, он узнал ее с первого взгляда, – сказал Петерсон.

– Да? Ну, тогда... ну, да, пожалуй, это проблема. Но у него нет доказательств...

– Да нет, у него вполне хватает доказательств, – произнес Петерсон со зловещей ноткой в голосе, эхом многократно повторившемся в уме сенатора, да и в его плоти тоже, подобно тому, как звон гигантского колокола еще дрожит некоторое время в воздухе после того, как был извлечен звук. – Хантер уже вдребезги разбил эту иллюзию. Он взял отпечатки пальцев Джоанны и сравнил их с Лизиными. Он подтолкнул ее к мысли позвонить в Лондон в Объединенную Британско-Континентальную страховую ассоциацию. И это кое-кого там очень расстроило, если можно так выразиться. Он также отвел ее к психоаналитику, который практикует лечение гипнозом. Этого человека зовут Оми Инамури. Он – дядя ее подруги Марики. Мы прослушивали приемную Инамури, и, могу вам сказать, нам не понравилось то, что мы слышали. Нам это ничуть не понравилось, дорогой Том. Инамури удалось узнать много больше, чем, мы думали, было возможно. Фактически, они знают все, за исключением наших имен и зачем мы это сделали.

– Но почему Хантер не связался со мной? Я был его клиентом. Я заплатил ему до черта денег, чтобы он нашел ее. Или вы полагаете, что, когда он случайно встретил Лизу...

– Он не связался с вами, так как подозревает, что вы замешаны в том, что привело ее в Японию под новым именем, – сказал Петерсон. – Хантер думает, что вы наняли его прежде всего для того, чтобы выставить себя в благоприятном свете, чтобы вы смогли сыграть роль убитого горем отца, – и все это ради политики. А это, разумеется, так и есть.

Темное небо прорезала молния, оставив просвет в толстом слое облаков. На секунду вспышка осветила местность, выделяя силуэты голых черных деревьев.

В следующее мгновение пошел дождь. Крупные капли забарабанили о ветровое стекло.

Шофер уменьшил скорость и включил дворники.

– Что Хантер собирается предпринять? – спросил сенатор. – Пойдет к газетчикам?

– Пока нет, – сказал Петерсон. – Он вычислил, что если бы мы хотели навсегда избавиться от девушки, то могли бы убить ее задолго до этого, и он также понимает, что после всех затраченных нами усилий, чтобы создать этот обман, мы намерены сохранить ее живой почти любой ценой. Он хочет продвинуться в расследовании этого дела как можно дальше, прежде чем рискнет обнародовать его в прессе. Он знает, что скорее всего мы не будем церемониться и попытаемся убить их, но только в том случае, если они пойдут в газету с фактами, о которых они узнали. Но прежде, чем он осмелится на это, Хантер хочет убедиться, что знает большую часть истории.

Сенатор нахмурился.

– Мне не нравится весь этот разговор об убийстве.

– Дорогой Том, я имел в виду не Лизу! Не вашу дочь. Конечно, нет! За кого вы меня принимаете? Я же не чудовище какое-нибудь. Она мне тоже не безразлична. Она мне почти как родной ребенок. Любимое дитя... Другое дело – Хантер. В нужный момент его надо будет убрать. И этот момент скоро наступит.

Шелгрин лихорадочно искал, как бы поставить этого толстяка в невыгодное положение.

– Все, что случилось, – ваша вина. Вам следовало его убить, как только вы узнали, что он собирается в Киото.

Петерсона не смутило это обвинение.

– Мы не знали, что он собирается туда, пока он не оказался там. Мы не следили за ним. Не было причин. Много воды утекло с тех пор, как он расследовал исчезновение Лизы. Мы даже не были уверены, узнает ли он ее. И мы рассчитывали, что она будет держать его на расстоянии, – как она и была запрограммирована.

– Что мы будем делать с ней, после того как устраним Хантера? – спросил сенатор.

Петерсон переместил свое грузное тело в поисках более удобного положения, что всегда исключали его толстые ляжки, огромный зад и внушительный живот. Пружины сиденья жалобно заскрипели.

– Конечно, она больше не может жить как Джоанна Ранд. С этой жизнью она покончила. Мы полагаем, что самым лучшим для нее будет отослать ее домой.

Эти три последних слова спустили с цепи страх, который жил в Томе Шелгрине. "Отослать ее домой, отослать ее домой, отослать ее домой, отослать ее домой". В его голове эта фраза звучала снова и снова, как ритмичный шум работающей машины. Это была та же самая угроза, которую он использовал, чтобы получить преимущество перед шофером желтого "Шевроле". И теперь от этого совершенно неожиданного и жуткого поворота событий он почувствовал слабость и головокружение.

Он притворился, что не понимает толстяка.

– Отослать ее обратно в Иллинойс?

Петерсон пристально посмотрел на него.

– Дорогой Том, вы же знаете, что я не это имел в виду.

– Но это для нее дом, – сказал Шелгрин. – Иллинойс или, возможно, Вашингтон. – Он отвел глаза от толстяка, посмотрел вниз на фотографию, а затем за окно в дождливую ночь. – То место, куда вы хотите ее отослать... это ваш дом и мой, но не ее...

– В Японии ей тоже не место.

Сенатор ничего не сказал.

– Мы отошлем ее домой, – произнес Петерсон.

– Нет.

– Это самый лучший вариант.

– Нет.

– О ней будут хорошо заботиться.

– Нет.

– Дома, дорогой Том, у нее будет все самое лучшее.

– Бред.

– Там она будет счастлива.

– Нет, нет, нет! – Шелгрин почувствовал, как кровь приливает к его лицу. Его уши стали пунцовыми. Он уронил фотографию, его правая рука судорожно сжимала фонарик, а левая была сжата в кулак. – Этот же чертов аргумент вы приводили и на Ямайке много лет назад. И тогда мы договорились – раз и навсегда. Я не позволю вам отослать ее домой. Забудьте от этого. Все. Конец дискуссии.

– Но почему вы так против этого? – спросил Петерсон. Он был слегка удивлен.

– Тогда я буду всецело у вас в руках.

– Дорогой Том, да вы и так у нас в руках, независимо от того, где находится ваша дочь. Вы знаете это. Япония, Таиланд, Греция, Бразилия, Россия. Где бы она ни находилась, мы можем сломить ее, сокрушить или использовать так, как пожелаем, поэтому вы – у нас в руках.

– Если вы отошлете ее домой, я ни черта не буду делать для вас, никогда в жизни. Понимаете?

– Дорогой Том, почему вы хотите все повернуть так, что мы будем вынуждены держать вашу дочь как заложницу, чтобы быть уверенными, что вы будете сотрудничать с нами?

– Это смешно, – неуверенно произнес Шелгрин. – Не стоит вам так поступать.

– Ага, но мы так сделаем. Но нам придется так сделать. Для нас это вполне приемлемо. А что здесь такого? Разве вы и я не в одной команде? Разве вы и я играем не в одни ворота?

Шелгрин выключил фонарик и стал смотреть на пробегающие за окном темные окрестности. Ему было неловко. Как бы ему хотелось, чтобы в машине было еще темнее, чтобы этот толстяк совсем не мог видеть его лица.

– Разве мы не в одной команде? – повторил Петерсон свой вопрос.

Даже в тусклом свете извне сенатор мог разглядеть, что толстяк улыбается. Скорее ухмыляется, чем улыбается. Отличные белые зубы. Они кажутся очень острыми. Это был голодный оскал.

Шелгрин прочистил горло.

– Это как-то... отослать ее домой... Ну, это же совершенно чуждый для нее образ жизни. Она родилась и выросла в Америке. Она привыкла пользоваться определенными... свободами.

– Дома она была бы свободна, – сказал Петерсон. – У нее была бы очень высокая степень свободы, со всеми вытекающими отсюда привилегиями.

– Ни одна из которых не может сравниться с тем, что она может иметь здесь.

– Дома все пойдет к лучшему.

– Да? А когда вы там были в последний раз?

– Но я в курсе всех событий. Я знаю обо всем от надежных людей.

– Нет, – сказал Шелгрин. Он был непреклонен. – Она не сможет адаптироваться. Нам придется переселить ее куда-нибудь в другое место. Это окончательное решение.

Петерсон был восхищен бравадой Шелгрина, возможно, потому что знал, что она была всего лишь пустым звуком; что это всего лишь скорлупа, за которой нет никакой реальной силы; что это не более, чем показная храбрость ребенка, идущего ночью через кладбище. Он мелко захихикал. Хихиканье быстро перешло в настоящий смех. Он потянулся к Шелгрину, схватил его чуть выше колена и слегка сжал, но тот был раздражен и не понял этого жеста. Видя враждебность там, где ее не было, сенатор напрягся под этой тяжелой рукой и попытался вырваться. Такая реакция развеселила толстяка. Видя, что сенатор чувствует себя, как кошка на изгороди, на которую с двух сторон бросаются лающие собаки, Петерсон смеялся в полный голос и сдавленным смехом, кудахтал и издавал неприятные звуки, похожие на крики осла, брызгал слюной и извергал клубы терпко-ромового запаха, пока не начал задыхаться. Петерсон перевел дыхание и продолжал издавать только слабые серии смешков, а Шелгрин прямо кожей чувствовал, как большое лунообразное лицо толстяка становится красным от напряжения.

– Хотел бы я знать, что вас так рассмешило, – произнес он.

Наконец, Петерсон взял себя в руки и вытер лицо носовым платком.

Пока сенатор с беспокойством ожидал, что ответит толстяк, шум дождя снаружи, казалось, на минуту стал громче. Этот звук проникал до самых костей.

– Дорогой Том, почему бы вам не согласиться?

– Согласиться с чем?

– Что мы оба знаем правду.

– Что еще за правду?

– Ужасную, прекрасную правду. Вы не хотите, чтобы Лиза вернулась домой в матушку-Россию, потому что вы больше не верите в идею, которую мы отстаиваем. Фактически, вы пришли к тому, что стали презирать нашу философию.

– Вздор.

– Вы больше уже не тот русский, каким были. Теперь вы уже совсем не коммунист. Вы перебежали на другую сторону – перебежали морально, но пока еще не на деле. Вы все еще работаете на нас, потому что у вас нет выбора, и вы ненавидите себя за это. Хорошая жизнь здесь завлекла вас. Если бы вы могли, вы бы полностью порвали с нами и выгнали нас из своей жизни после всего того, что мы для вас сделали. Но вы, конечно, не можете. Вы не можете так поступить, потому что мы, обрабатывая вас, действовали как предприимчивые капиталисты. Мы взяли в заложницы вашу дочь. У нас есть закладная на вашу карьеру. Ваше состояние построено на кредите, который мы дали вам. И мы имеем очень существенную – я бы сказал, чудовищную – закладную на вашу душу.

Сенатор все еще был насторожен.

– Я не знаю, откуда у вас такие представления обо мне. Я привержен пролетарской революции и народному государству каждой частичкой души и тела, как и тридцать лет

назад.

Это заявление вызвало у толстяка еще один приступ смеха.

– Дорогой Том, будьте откровенны со мной. Я же откровенен с вами. Мы знаем вас вот уже пятнадцать лет! Или даже двадцать. Фактически, мы знали об этой перемене в вас еще до того, как вы осознали ее сами. Мы поняли, что ваша личина – это не совсем личина. Но это нас не особо беспокоит. Право же, не стоит беспокоиться. Мы не собираемся казнить вас только потому, что вы купились этой жизнью. Вас не задушат, дорогой Том, не будет выстрела в ночи или ада в вине. Вы все еще очень ценное имущество. Вы все еще отвечаете нам и только нам. Вы все еще переправляете нам много ценной информации, хотя теперь по несколько иным причинам, чем когда мы только пускались в эту авантюру. Тогда вами двигали идеализм и русский патриотизм. Теперь – прагматизм. Для нас – никакой разницы.

Сенатор почувствовал себя так, будто на него вылили ушат холодной воды.

– Ну, хорошо, тогда будем честны до конца. Вы правы. Я изменился. Каждый день я молюсь, чтобы та помощь, которую я вам оказываю, никогда не была достаточной. Я не хочу, чтобы вы победили в этой битве. Мне приходится делать то, что вы хотите, потому что, как вы точно подметили, у вас есть закладная на мою душу, но я молю Бога, чтобы в тех бумагах, что я переправляю вам, не оказалось ничего действительно важного. Я молюсь, чтобы там не было ничего ценного, ничего жизненно важного, никакой технической информации, которая могла бы продвинуть вперед советские исследования в области вооружения и ракетной техники или ваши космические программы. Я надеюсь, что содержание той макулатуры, которую я посылаю, в основном, вам уже знакомо. Я надеюсь, что те краткие отчеты о Госдепартаменте и Белом Доме никогда не дадут вам ни малейшего преимущества за столом переговоров. Я молюсь, честно, искренне молюсь, я клянусь, что делаю так. Теперь я даже не уверен, что остаюсь атеистом до сих пор, так вот, я молюсь, чтобы ничто из того, что вы получаете от меня, никогда не позволило бы вам сокрушить эту большую, суетливую, свободную, чудесную чертову страну. – Он перевел дыхание. – Вы это хотели услышать от меня?

– А, – произнес Петерсон с напускным драматизмом, – наконец-то нам удалось снять маски, которые мы носили так долго. Не правда ли, это освежает.

– Да, – сказал Шелгрин, хотя подумал, что мог бы и не говорить всего этого.

Петерсон произнес:

– Это будет освежать до тех пор, пока вы будете продолжать действовать в нужном нам направлении, несмотря на перемену в ваших взглядах.

– У меня есть выбор?

– Пожалуй, нет.

Сенатор с подозрением отнесся к этой новоявленной откровенности. В дни своей юности он любил рисковать, но с возрастом, когда скопил состояние, он стал осторожнее в выборе привычек и образа действия. Этот внезапный поворот событий растревожил его. Ему хотелось знать, есть ли в запасе у толстяка другие сюрпризы.

Дождь барабанил по крыше автомобиля. Шины шипели и свистели на мокром покрытии дороги.

– Не желаете ли посмотреть другие фотографии? – спросил Петерсон.

Шелгрин включил фонарик и взял из рук толстяка пачку снимков.

Через некоторое время сенатор спросил:

– Что будет с Лизой?

– А мы и не ожидали, что вам приглянется идея отослать ее домой, – сказал Петерсон, – поэтому у нас есть еще один план. Мы передадим ее доктору Ротенхаузену, и...

– Однорукому кудеснику?

– ...он опять полечит ее в клинике.

– Меня от него в дрожь бросает.

– Ротенхаузен сотрет всю ее память как Джоанны Ранд и даст ей новую личность. Когда он с ней закончит, мы снабдим ее всеми нужными бумагами и устроим в новой жизни в

Западной Германии.

- Почему в Западной Германии?
- А почему бы и нет? Мы знаем, что вы будете настаивать на капиталистической стране с так называемыми "свободами", которые вы так лелеете.
- Я подумал, может... она смогла бы вернуться обратно?
- Обратно сюда? – недоверчиво спросил Петерсон.
- Да.
- Невозможно.
- Я не имею в виду Иллинойс или Вашингтон.
- В Штатах нет достаточно безопасного места.
- Несомненно, после всех этих лет, если бы мы изменили ей личность и поселили бы где-нибудь в Юте, или Колорадо, или, может быть, где-нибудь в Вайоминге...
- Слишком рискованно, – сказал Петерсон.
- И вы даже не будете рассматривать этот вариант?
- Правильно. Я не буду. Эта заморочка с Алексом Хантером должна дать вам ясно понять, почему я просто не могу рассматривать его, дорогой Том. Я не могу устоять, чтобы не напомнить вам, что ваша дочь могла бы быть все это время здесь, в Штатах, а не в Японии. Она могла бы вернуться сюда, после того как личность Джоанны Ранд прочно устоялась в ней, если бы только вы согласились на пластическую операцию.

Шелгрин процедил сквозь сжатые зубы:

- Я не желаю об этом говорить.
- Ваш здравый смысл затмевается вашим эгоизмом, – сказал толстяк, – вы смотрите на нее, как на свое создание, и это делает ее неприкосновенной. В ее лице есть черты и вашего собственного, поэтому вы не вынесли бы, стань ее внешность другой.
- Я уже сказал, что не намерен обсуждать этот вопрос... Он уже решен, раз и навсегда. Я не изменил своего решения и никогда не изменю его. Никакому хирургу я не позволю прикоснуться к ее лицу. Она не будет изменена таким путем.
- Глупо, дорогой Том. Очень глупо. Если бы операция была сделана немедленно после той сделки на Ямайке, Алекс Хантер не узнал бы ее на прошлой неделе. И у нас теперь не болела бы голова об этом.
- Моя дочь – одна из двух или трех самых красивых женщин, каких я когда-либо видел, – сказал Шелгрин. – Она совершенство, и я не допущу никаких изменений.
- Мой дорогой Том, скальпель хирурга не сделал бы ее безобразной! Она оставалась бы красивой. Но это была бы другая красота!
- Любые отличия сделали бы ее менее красивой, чем она есть сейчас, – настаивал сенатор. – Она совершенство. Так что забудьте об этом. Я не хочу, чтобы она стала кем-то другим.

К этому времени буря снаружи усилилась. Дождь шел сплошной стеной. Шофер был вынужден замедлить "Мерседес" настолько, что он еле продвигался вперед.

Не обращая внимания на погоду, Петерсон улыбался и удивленно покачивал головой.

– Вы удивляете меня, дорогой Том. Для меня это так странно, что вы насмерть стоите за то, чтобы сохранить ее лицо – в котором вы с готовностью видите свое, – и в то же время не чувствуете никаких угрызений совести по поводу того, что разрешили нам сделать с ее психикой.

– В этом нет ничего странного, – сказал Шелгрин, как бы защищаясь.

– Ну, как бы там ни было, но настоящая личность человека все-таки в его психике, а не в чертах лица или тела. Вы бесповоротно отвергли сравнительно простой путь изменения ее лица, но без малейших колебаний одобрили куда более глубокое вмешательство.

Сенатор не отвечал.

– Я подозреваю, – продолжал толстяк, – что вас не очень заботит "промывка мозгов", потому что интеллектуально она не похожа на своего отца. Ее политические взгляды, виды на будущее, цели, мнения, ее образ мышления, ее надежды, мечты, самая основа ее личности

полностью отличаются от ваших. Более того, вам наплевать, сотрем ли мы все это. Сохранение физической оболочки Лизы – цвет ее волос, форма носа, челюстей и губ, пропорции ее тела – для вашего "я" куда важнее. Но сохранение той подлинной личности, называемой Лизой, той особенной индивидуальной структуры мозга, того уникального сочетания желаний, потребностей и намерений, так отличающихся от ваших собственных, – это вас не касается.

– Значит, вы считаете меня эгоистичным ублюдком? – произнес Шелгрин. – И что теперь? Что я, по-вашему, должен делать? Попытаться изменить ваше мнение обо мне? Просить прощения? Обещать, что больше так не буду? Что, черт вас поберет, вы хотите от меня?

– Дорогой Том, позвольте мне так выразиться...

– Выражайтесь, как пожелаете.

– Я не думаю, что, когда их философия завоевала ваш ум, это было большой потерей для нашей стороны, – сказал толстяк. – И могу поспорить, что и средний капиталист не воспримет вас, как подарок.

– Если вы говорите все это к тому, чтобы сломить меня и заставить согласиться на пластическую операцию для моей дочери, то напрасно стараетесь. Давайте прекратим этот бесполезный разговор.

Петерсон негромко рассмеялся.

– У вас кожа, как у гиппопотама, дорогой Том. Вы непробиваемы.

Шелгрин ненавидел его.

Минуту или две они ехали молча.

Они ехали от пригорода к пригороду, минуя лесистые участки ландшафта и открытые поля, и только рассеянный свет на пологих холмах напоминал о дороге.

Обрывки облаков плыли высоко над головой, перпендикулярно дороге. Каждый раз, когда в небе вспыхивала молния, туман, застлавший землю, начинал резко светиться, как будто это был какой-то странный газ, используемый в лампах накаливания.

Наконец, толстяк произнес:

– Если мы попытаемся во второй раз вмешаться в память девушки, то могут возникнуть некоторые осложнения, и вам следует знать о них.

– Осложнения?

– Наш добрый доктор Ротенхаузен никогда не применял свое искусство дважды на одном и том же пациенте. Он сомневается.

– Сомневается насчет чего?

– В этот раз лечение может пойти не так успешно. Фактически, оно может плохо кончиться.

– Что вы имеете в виду? Что может случиться?

– Возможно, сумасшествие.

– Не шутите.

– Я не шучу, дорогой Том. Абсолютно, совершенно серьезно. У нее может приключиться буйное помешательство. Или она может стать невменяемой. Знаете, только сидит, тупо смотрит в пространство, "овощ", incapable разговаривать или сам есть. А ведь все может кончиться и просто смертью.

Шелгрин долгое время задумчиво смотрел на толстяка и, наконец, произнес – Нет, я не верю. Вы все это придумываете.

– Поверьте, это правда.

– Вы придумываете это, чтобы я боялся послать ее к Ротенхаузену. Тогда моим единственным выбором останется – позволить вам отправить ее домой, чего вы и желаете.

– Я с вами откровенен, дорогой Том. Ротенхаузен говорит, что ее шансы успешно выдержать лечение не очень велики – менее пятидесяти процентов.

– Вы лжете, – произнес Шелгрин, – но все равно, даже если это и так, я выбираю Ротенхаузена. Я отказываюсь, чтобы ее отослали в Россию. Лучше видеть ее мертвой.

– Может быть, – сказал Петерсон, – может быть, вы и увидите ее мертвой или хуже.

Дождь шел с такой силой и такой плотной стеной, что Гарри, шоферу толстяка, пришлось съехать с дороги. фары не могли пробить темноту дальше, чем на пятнадцать-двадцать шагов. Они припарковались на обочине дороги, на стоянке рядом с мусорными бачками и столиками для пикников. Гарри сказал, что дождь непременно кончится через минуту или две и тогда они смогут снова отправиться в путь. Толстяк сунул в рот еще один терпко-ромовый кружочек, оттер пальцы и прямо захрюкал от удовольствия, когда леденец начал таять на языке.

Воздух в салоне "Мерседеса" был спертый, влажный и душный. Окна начали запотевать.

Шум дождя был такой громкий, что сенатору пришлось повысить голос.

– Это был просто кошмар какой-то, когда мы тайно переправляли ее с Ямайки в Швейцарию.

– Я помню все это слишком хорошо, – сказал Петерсон.

– Как вы предполагаете вывезти ее из Японии и доставить к доктору Ротенхаузену?

– Она сама облегчает эту задачу. Они с Хантером собираются в Англию, чтобы исследовать дела Британско-Континентальной страховой ассоциации.

– Когда?

– Послезавтра. У нас есть план относительно их. Мы оставим кое-какие улики, которые они не смогут пропустить. Эти улики уведут их из Лондона прямо в Швейцарию. Мы наведем их на Ротенхаузена, а когда они найдут его, мы позволим ловушке захлопнуться.

– Вы говорите так уверенно...

– О, я совершенно уверен, дорогой Том. Они не причинят нам больше беспокойства. Они всего лишь две маленькие мышки, что уже ухватились за сырную приманку в мышеловке. К субботе или воскресенью Хантер будет мертв... а ваша милейшая доченька окажется в клинике Ротенхаузена.

Глава 44

В среду днем, когда подошло время покинуть "Лунный свет" и ехать на такси к поезду, Джоанна не хотела уходить. Каждый шаг к выходу из квартиры, вниз по лестнице и через холл давался ей с большим трудом. Она чувствовала себя так, как будто переходила достаточно глубокую реку по пояс в грязи. Казалось, что даже ковер, стены, мебель пытались удержать ее. Она несколько раз останавливалась под тем или иным предлогом: то забыла паспорт, то в последнюю минуту решила надеть в дорогу другую обувь, то вдруг ощутила страстное желание попрощаться с шеф-поваром, который в это время готовил соусы и супы для вечерних посетителей. Но наконец, Алекс настоял, чтобы она поспешила, пока их поезд не ушел. Ее проволочки не были вызваны беспокойством о том, что будет с заведением в ее отсутствие. Она верила, что Мариико прекрасно справится со всеми делами. И она также не беспокоилась о безопасности Мариико, потому что рядом с ней круглосуточно будет охрана. Единственной причиной ее неохоты уезжать была поразительная тоска по дому, охватившая ее еще до того, как она покинула его.

Она попала в эту страну при таинственных обстоятельствах, чужая в чужой стране, и преуспела здесь. Куда бы она ни ехала, этот чудесный народ приветствовал ее с традиционным спокойствием. Она любила Японию, Киото, Гайонский квартал и "Прогулку в лунном свете". Она любила музыкальность японского языка, прямо экстравагантную вежливость японцев, радостный звук колокольчиков при богослужении, красоту храмовых танцев, разрозненные древние постройки, пережившие как войны, так и вторжение западной архитектуры; любила вкус сакэ и темпуры, восхитительное благоухание горячего коричневого камо йоршино-ни. Она была один на один со всей этой древнейшей, но в то же время процветающей и развивающейся культурой. Это был ее мир, единственное место, с которым она когда-либо гармонировала, и она ужасалась, покидая его, пусть даже временно.

Однако она определенно решила не пускать Алекса одного в Англию, поэтому, обняв в последний раз Марику, последовала за ним. Когда она садилась в красно-черное такси, ее настроение было меланхолическим.

Токийский суперэкспресс был роскошным поездом с вагоном-рестораном, с великолепными удобными сиденьями и, принимая во внимание большую скорость, которую он развивал, с удивительно небольшим шумом и тряской. Джоанна хотела, чтобы Алекс сел около окна, а он настаивал, чтобы эта привилегия осталась за ней. Этот небольшой спор позабавил проводника. Алекс не стал очень уж упрямиться и занял место у окна, но никто из них не смотрел на проносящийся за окном пейзаж. Они говорили о Японии, Англии, о всякой всячине, но никто, по негласному соглашению, не произнес ни слова о "промывке мозгов", Британско-Континентальной страховой или сенаторе Томасе Шелгрине.

За четырехчасовое путешествие Джоанна открыла, что Алекс был прекрасным средством от меланхолии. Они настолько были поглощены разгадыванием тайны, в которой оказались, что она почти забыла, каким очаровательным собеседником он был. Несколько последних дней они мало о чем говорили, кроме как о запутанном клубке ее прошлого и возможных ужасах, поджидающих ее в будущем. И вот опять Джоанне предоставилась возможность заметить и оценить его чувство юмора, сочувствие, остроумие и понятливость – все те качества, которые послужили причиной тому, что она так легко влюбилась в него. Они держали друг друга за руки, и Джоанна трепетала от его прикосновения, как будто это было ее первое романтическое свидание с мужчиной. Несколько раз за то время, пока они стрелой мчались к Токио, ей хотелось наклониться и поцеловать его, пусть даже только в щеку, но такое публичное выражение чувства совершенно неприемлемо в Японии. Постепенно она расслабилась, когда поняла, что хотя Киото и был ее домом, она могла бы чувствовать себя как дома везде, только бы Алекс был рядом, и неважно, куда он поведет ее. Она хотела его больше всего на свете, как не хотела ничего и никогда.

В Токио, в отеле в западном стиле, для них был зарезервирован номер с двумя спальнями. Служащие отеля не смогли скрыть своего удивления такому наглому поведению. Мужчина и женщина с разными фамилиями, не состоящие в браке, пользующиеся одним и тем же номером и не прилагающие совершенно никаких усилий скрыть связь, в их понимании были жутко распушенными, безотносительно к числу спален в их распоряжении. Алекс не замечал поднятые брови, отмечавшие почти каждое лицо, попадавшееся им, но Джоанна заметила и стала тихонько подталкивать его локтем, пока он не понял, что все смотрят на него осуждающе. Это забавляло Джоанну, но ее непринужденная улыбка, воспринимаемая как выражение сладострастия, только портила дело. Портье даже не удостоил ее взглядом. Но, однако, им не отказали в номере. Это было бы немыслимо невежливо. Кроме того, в любом отеле Токио, обслуживающем западных туристов, портье и коридорные знали, что от американцев можно было ожидать любой наглой выходки. На десятый этаж Алекса и Джоанну сопровождали двое посыльных, которые затем распределили багаж по спальням, включили в гостиной обогреватель, открыли тяжелые портьеры и отказывались взять чаевые, пока Алекс не заверил их, что предлагает это маленькое вознаграждение только из уважения к их отличному обслуживанию и прекрасным манерам. В Японии в большинстве заведений чаевые не приняты, но Алекс, по привычке" чувствовал себя просто виноватым, если не давал их. Номер выглядел ничуть не хуже, чем любые другие двухспальные апартаменты в Лос-Анджелесе или Далласе, Чикаго или Бостоне. И только вид из окна однозначно напоминал, что они находятся в Японии.

Оставшись наедине с Алексом, Джоанна подошла к нему поближе и почти шепотом произнесла:

– Ну, наконец-то мы сможем чудесно согрешить друг с другом.

Алекс рассмеялся.

– Как насчет того, чтобы совсем "развратиться"?

Он обнял ее, и, казалось, это было единственное правильное решение, которое он мог принять в данный момент.

– Осторожнее, – сказала она, поддразнивая, – а не то они позовут полицию и вышвырнут нас отсюда.

– Когда я заказывал этот номер, – сказал Алекс, – то забыл о местных нравах. Надеюсь, я не поставил тебя в неловкое положение.

Джоанна страстно обняла его. Начинаясь, как выражение симпатии, ее чувство вдруг быстро переросло в потребность чего-то большего. Алекс был теплый, надежный, повелительно мужественный. Ее руки лежали на его спине, и она могла чувствовать каменную твердость его мускулов.

– Джоанна...

Чтобы заставить его замолчать, она привстала на Цыпочки и поцеловала его сначала в левый уголок рта, затем – в правый.

Его руки медленно ползли вниз по ее спине, пока не оказались на ее талии.

Ее поцелуи стали более откровенными. Внезапно она как будто превратилась в женщину свободного поведения, что и думал о ней весь обслуживающий персонал отеля. Она лизала губы Алекса, и поцелуй становился глубже, сильнее. Ее руки были все еще на его спине, пальцы судорожно сжимались и разжимались, будто она хотела разорвать на нем одежду.

Он сжал ее так, что чуть не переломил, но вскоре его руки заскользили вниз, к ее ягодицам. Почти неуловимый трепет удовольствия прошел сквозь него и передался ей. Сквозь прохладную, шелковую ткань ее платья он похлопывал, и ласкал, и растирал ее тело. Любовно, самыми кончиками пальцев, он снова и снова прочерчивал глубокую выемку ее зада.

Она прервала поцелуй только, чтобы произнести его имя, которое как вздох сорвалось с ее губ. Джоанна была уверена, что, наконец-то, он принял решение.

Однако, через несколько секунд, казалось, Алекс взял себя в руки: он напрягся и оторвался от нее.

Прочистив горло, Алекс произнес:

– Давай не будем, Джоанна.

Пытаясь как можно лучше скрыть свое разочарование, Джоанна сказала:

– А ты не очень-то развращен.

Он улыбнулся, но его взгляд был какой-то беспокойный, затравленный.

– Ты, конечно, понимаешь, что это смешно, – сказала Джоанна. – Я имею в виду то, что ты играешь роль хрупкой, робкой девушки, а я – такого резвого "жеребца". Разве это нормально?

– Пожалуй, нет.

– Я хочу тебя.

– И я хочу тебя, Джоанна. Больше всего на свете.

– Тогда возьми меня.

– Я хочу заниматься с тобой любовью. Любовью, Джоанна, а не сексом. Я мог бы лечь с тобой в постель и трахать тебя по-всякому. Но если при этом между нами не будет любви, то будет похоже на все прочие разы. И ты будешь, как все другие женщины. Если бы я сделал это без любви, не думая о нас, о будущем... ну, я мог бы только упустить самую лучшую для нас возможность стать счастливыми. – Он печально покачал головой. – Мне надо еще очень многое решить для себя, прежде чем я смогу сказать тебе "Я люблю тебя", никого не обманывая.

Она раскрыла навстречу ему объятия:

– Будь моим, а я буду твоей. Позволь мне помочь тебе.

Он отвернулся от нее, подошел к ближайшему окну и стал задумчиво смотреть на город. Он был сердит. Она могла судить по тому, как он стоял, как сутулил плечи. Но сердился он не на нее, а на себя.

– Мои родители чертовски хорошо поработали надо мной, не так ли? – спросил он с горечью в голосе. – Они здорово сокрушили меня. Они приучили меня думать о любви, как о

чем-то предательском, за чем всегда следует боль – ужасная, неожиданная, калечащая боль. – Он отвернулся от окна и посмотрел ей в лицо. – Я знаю, почему так чувствую. Я знаю, почему так боюсь любить тебя. Я напуган до смерти, потому что внутри меня сидит червь, постоянно нашептывающий мне, что любовь значит боль, что любовь и агония – синонимы. Этот червь – единственное наследство, которое оставили мне мои родители. Я все это понял. Я сам себе психоаналитик. Я веду себя неразумно, но ничего не могу поделать. Я пытаюсь. Видит Бог, пытаюсь, Джоанна, но на это требуется время.

Она подошла к нему, взяла его руку в свои и прижала его пальцы к своим губам.

Он притянул ее к себе. Они целовались, но даже и наполовину не так страстно, как прежде.

Он был терпелив с ней. Теперь она должна быть терпелива с ним.

Несмотря ни на что, она твердо настроилась, что разделяющая их завеса будет убрана еще до утра, когда их самолет улетит в Лондон. Очертя голову, они ввязались в опасное столкновение с опасными людьми в опасные времена. Интуитивно Джоанна знала, что им легче будет спастись, если они будут связаны вместе душой и телом, вместе – в любом смысле этого слова. Джоанна была уверена, что безопаснее всего им будет, если они смогут действовать как единый организм. Любовь сильнее, чем ненависть и оружие, чем все правительства мира. Она была убеждена, что любовь – это сила, которая может сдвинуть горы. Возможно, это убеждение было глупым, возможно, оно было результатом ее долго сдерживаемого, полного тихого отчаяния желания любви, от которой до сегодняшнего дня она отказывалась, и, возможно, она преувеличивала важность такой абстрактной идеи в современном мире, который вкладывал свою веру только в конкретное. Но она была убеждена как никогда. Как любовники, сплетшиеся физически, они обнаружат свою силу более чем удвоенной, и она будет возрастать в геометрической прогрессии в сотни и даже в тысячи раз. Она знала и, как самый убежденный миссионер, не позволила бы никакому аргументу или свидетельству поколебать свою убежденность, что у них будет намного больше мужества и везения, если они будут думать, работать и мечтать как один организм. В грядущие дни любовь будет их источником силы и поэтому вопросом выживания.

– Как насчет суши на обед? – спросила Джоанна.

– Звучит хорошо.

– В "Озасе"?

– Ты знаешь Токио лучше, чем я. Куда скажешь.

Еще она чувствовала, что Алекс боролся, стараясь выбраться из того эмоционального корсета, в который он был заключен своими родителями, и что ему осталось развязать не так уж много завязок, и он будет свободен, а она должна была заботливо помочь ему.

Сегодня вечером.

Это должно случиться сегодня вечером.

* * *

Все началось с раннего обеда.

Декабрьский вечер был холодным, но в ресторане было тепло. И Алекс, не сводивший глаз с Джоанны, тоже излучал тепло. Сегодня ее волосы казались самого роскошного золотого оттенка, ее глаза были синее, а лицо еще красивее, чем всегда. На ней был одет облегающий зеленый вязаный костюм и белый свитер. И каждое движение – неважно, ходила она, стояла или сидела, – казалось, было рассчитано на то, чтобы представить в лучшем свете полный изгиб ее груди, узость ее талии или гладкую округлость бедер на его рассмотрение.

Джоанна выглядела прохладной, спокойной и величественной.

Ресторанчик назывался "Озаса" и находился в районе Гинза, прямо за углом от Центральной биржи гейш. Он располагался на верхнем этаже, тесный и шумный, но один из лучших, где подают суши. Один из лучших в Японии. Вдоль всего местечка тянулась чисто выскобленная деревянная стойка, за которой находились повара, одетые во все белое, и

только их руки были красные от постоянной работы с водой. Когда Алекс и Джоанна вошли, повара закричали традиционное приветствие: "Irasshai!"

Комната омывалась поистине чудесными запахами: омлет, шипящий в растительном масле, соевый соус, различные горчичные соусы, приправленный уксусом рис, хрен, грибы, приготовленные в особом ароматном бульоне, и многое-многое другое. Но там не было ни малейшего запаха рыбы, несмотря на то, что несколько видов рыб использовались в качестве основного ингредиента в дежурном блюде этого заведения. Дары моря, более свежие, чем в "Озасе", были только те, что еще плавали в глубинах.

Одного из поваров Джоанна знала еще с тех времен, когда была певицей в Токио. Его звали Тошио. Она представила Алекса, и поклонам с обеих сторон не было конца.

Они сели к стойке, и Тошио поставил перед ними две большие чашки с чаем. Каждый из них получил ошибори, которыми они вытирали руки во время выбора рыбы, заполнявшей длинный стеклянный холодильник за стойкой.

В этот вечер уникальное и утонченное мучительное напряжение между Алексом и Джоанной превращало даже этот простой обед в редкое переживание, полное эротической энергии. Алекс заказал татаки, каждый кусочек которого был завернут в яркую желтую полоску омлета. Джоанна начала с заказа торо суши. Ее заказ был подан раньше. Тошио учился и учился годы, прежде чем ему разрешили обслужить его первого клиента, и теперь его долгое ученичество нашло себе применение в быстрой грации его кулинарного искусства. Итак, для торо он достал из холодильника жирного тунца мраморной окраски, и его руки начали двигаться как руки искусного фокусника, быстрее, чем может уследить глаз. Огромным ножом Тошио легко отрезал два кусочка тунца. Из большой посуды, стоявшей около него, он взял горсть риса, приправленного уксусом, ловко слепил из него две крошечные лепешечки, для вкуса добавил немного васаби. Тошио поместил кусочки рыбы на эти лепешечки и, сияя гордостью, поставил этот деликатес перед Джоанной. Все приготовление заняло не более тридцати секунд, начиная с того момента, когда повар открыл дверцу холодильника. Короткая церемония мытья рук, завершившая приготовление торо и предшествовавшая сотворению татаки, напомнила Алексу слова постгипнотического кода, который Оми Инамури применил к Джоанне: руки Тошио были как бабочки, порхающие в брачном танце. Новичку было бы трудно есть суши, но Джоанна не была новичком, и ей удалось остаться аккуратной и чувственной, когда она ела торо. Она взяла один кусочек, окунула рисовую часть в соевый соус, повернула так, чтобы не капнуть, и отправила все на язык. Джоанна закрыла глаза и жевала, сначала медленно, потом все более энергично. Зрелище ее наслаждения торо увеличивало удовольствие, которое Алекс получал от собственной еды. Она ела с тем особым сочетанием грации и жадного голода, которое он раньше видел у кошек. Ее медлительный, теплый розовый язык облизнул левый и правый уголки рта, почистил губы. Джоанна улыбалась, когда открыла глаза, чтобы взять второй кусок торо. Алекс произнес:

– Джоанна...

Она ответила:

– Да?

Он колебался, а затем сказал:

– Ты красивая.

Это было не все, что он хотел сказать, и не все, что она хотела услышать от него. Она мысленно ухмыльнулась. Они допили чай и заказали другие виды суши из темно-красного постного тунца, кроваво-красных моллюсков акагаи, из щупальцев осьминога, из бледных креветок и икры. Между блюдами они жевали кусочки имбиря. Каждое суши состояло только из двух кусков, но Алекс и Джоанна ели медленно и от души, пробуя разные виды, а затем возвращаясь к понравившимся. (В Японии, объяснила Джоанна, сложная система этикета, жесткий кодекс поведения и обычай почти исключительной вежливости, – все это вносит свой вклад в сотворение особой чувствительности к иногда множественным значениям языка. Двухкусочковый метод подачи суши был одним из примеров такой чувствительности.

Ничто из того, что можно было нарезать кусочками, никогда не подавалось в количестве одного или трех кусков, потому что один кусок был "хито кире", что также означало "убивать", а три куса было "ми кире", что также означало "убивать себя". Поэтому никакая еда в кусочках не могла быть представлена к потреблению в одном из этих количеств. Это было бы оскорблением покупателя и к тому же безвкусным напоминанием о неприятных вещах.) Итак, они ели суши, и, наблюдая за Джоанной, Алекс хотел ее все больше и больше. Они все время разговаривали, шутили с Тошио, а когда покончили с едой, слегка развернулись друг к другу, так что их колени соприкоснулись. Они жевали кусочки имбиря, и Алекс хотел ее. Он обливался потом, и не только потому что васаби в лепешечках суши был очень горячим. Это желание, эта надобность, как заноза, сидели в нем. Но этот жар, эта боль были такими желанными, такими стремительными, говорящими так о многом. Восхитительная боль.

Белые лица. Яркие губы. Глаза сильно подведены черной тушью. Сверхъестественные. Эротичные.

Нарядные кимоно. Мужчины одеты в темные цвета. Другие мужчины одеты как женщины – в яркие цвета, в париках, застенчиво передвигаются мелкими шажками.

И нож.

Огни гаснут. Внезапно сквозь тьму пробивается луч света.

В нем появляется нож, трепещущий в бледной руке. Нож резко опускается.

Ярко вспыхивает свет, расцветивая все вокруг.

Убийца и его жертва связаны этим лезвием – пуповиной смерти.

Убийца поворачивает нож один, два, три раза, с ликующей свирепостью изображая из себя повивальную бабку этой смерти.

Зрители безмолвно, с благоговением наблюдают за сценой.

Жертва вскрикивает, отшатывается назад. Он произносит последние слова. Затем все действие завершается его падением.

Джоанна и Алекс стояли в темноте у самого выхода из зала.

Обычно в Токио, в театрах кабуки требовались заранее купленные билеты, но Джоанна знала менеджера этого театра.

Представление началось в одиннадцать часов утра и не закончится до десяти часов вечера. Как и другие постоянные посетители, Джоанна и Алекс остались только на один акт.

Кабуки был квинтэссенцией японской культуры, сущностью драматического искусства. Игра в высшей мере была стилизована. Все эмоции преувеличены. Сценические эффекты тщательно продуманы и ослепляли своим великолепием. Но в итоге, подумал Алекс, получалось нечто очень красочное и острое. В 1600 году женщина по имени О-Куни, служительница одной из усыпальниц, организовала труппу танцоров и представила постановку на берегах реки Камо в Киото. Так появился театр кабуки. В 1630 году правительство, пытаясь "улучшить нравы", запретило женщинам появляться на сцене. В результате этого появились "ояма" – актеры-мужчины, специализирующиеся на женских ролях в спектаклях кабуки. Со временем женщинам снова разрешили выходить на сцену, но к тому времени традиция чисто мужского кабуки уже твердо устоялась и считалась нерушимой. Несмотря на архаический язык, которого большинство зрителей не могло понять, и на неестественные ограничения, налагаемые трансвестизмом, популярность кабуки никогда не увядала, хотя бы потому что он представлял великолепное зрелище. Жизненность этого искусства была в большей степени свойственна тому, что оно исследовало, – комическому и трагическому, любви и ненависти, прощению и мести. В пьесах древних авторов эти чувства были больше и ярче, чем в жизни.

"Чувства универсальны", – думал Алекс, когда смотрел пьесу. Он понимал, что эта мысль не нова, но было в ней что-то такое, о чем он никогда не размышлял. Он вдруг осознал, что подтекст ее был ошеломляющим. Чувства изменялись не от города к городу, не от страны к стране, не от года к году и не от века к веку. Раздражители, на которые реагировало сердце, постепенно менялись по мере того, как человек взрослел. Ребенок,

молодой человек и взрослый неодинаково воспринимают те же самые проявления радости и печали. Но эти чувства идентичны в каждом из них, потому что чувства сотканы так, чтобы образовывать одну истинную материю жизни, всегда и без исключения, материю с одним-единственным узором.

Внезапно, посредством кабуки, Алекс Хантер достиг понимания двух ценных истин.

Во-первых, если эмоции универсальны, тогда, в некотором смысле, он не был одинок, никогда не был одинок раньше и никогда не смог бы быть одиноким. Будучи ребенком, съеживающимся под тяжелой рукой пьяных родителей, он существовал в отчаянии, потому что представлял себя мальчиком в пузыре, запечатанном и пущенном плыть по воле волн за пределы понимания общества; мальчиком, плывущим вне нормального потока времени. Но теперь он осознал, что никогда не был действительно одиноким. Каждый вечер, когда его бил отец, другие дети во всех уголках мира страдали вместе с Алексом как жертвы своих больных родителей или чужих людей, и вместе они выдерживали. Они были братьями. Никакая боль или счастье не были единственными в своем роде. Все чувства вытекали из общего бассейна – огромного озера, из которого пило все человечество. И (он мог видеть это, видеть так ясно) через все это озеро тянулись сети жизненного опыта, невидимые, но тем не менее материальные нити, связывавшие всех пьющих друг с другом, так что все расы, религии, национальности и индивидуальности становились одним неделимым. Поэтому было не важно, какое расстояние разделяло его и его друзей, его и его возлюбленных, он никогда не подвергнется полной изоляции. Нравилось ему или нет, но жизнь подразумевает эмоциональное участие, а это участие значило рисковать.

Во-вторых, он увидел, что если эмоции универсальны и безвременны, они представляют величайшие истины, известные человечеству. Если миллионы и миллионы людей, в дюжине различных культур независимо доходили до той же самой идеи любви, то, значит, нельзя отрицать ее существование.

Громкая, драматичная музыка, сопровождавшая убийство, теперь начала утихать.

На огромной сцене один из "женщин" вышел вперед, чтобы обратиться к аудитории.

Музыка затрепетала и угасла с первыми словами оямы.

Джоанна взглянула на Алекса.

– Нравится?

– Да. Чудесно. В этом что-то есть. В самом деле что-то.

* * *

Они прошли в бар, где владелец обратился к ним по-английски только с тремя словами:

– Только по-японски, пожалуйста.

Джоанна быстро заговорила по-японски и убедила его, что, если не по рождению, то умом и сердцем, они были привержены местным традициям, и он, улыбаясь, приветствовал их.

Они взяли сакэ, и Джоанна сказала:

– Дорогой, не надо пить так, как ты.

– Я делаю что-нибудь не так?

– Не надо держать чашку в правой руке.

– Почему нет?

– Считается, что это признак того, что ты большой и безудержный пьяница.

– Может быть, я и есть большой и безудержный пьяница.

– Да, а ты хочешь, чтобы все знали об этом?

– Так мне держать чашку только в левой руке?

– Правильно.

– Вот так?

– Да.

– Я чувствую себя таким неотесанным варваром.

Она подмигнула ему и, улыбнувшись, произнесла:
– Со мной ты можешь пользоваться обеими руками.

* * *

Они пошли в Нихигеки Мюзик-холл на часовое представление, являвшее собой смесь водевиля и эстрадного представления. Комедианты рассказывали непристойные анекдоты, некоторые из которых были довольно забавными, но Алекс больше ободрялся видом смеющейся Джоанны, нежели тем, что говорили актеры. Между действиями спектакля девушки в ярких откровенных костюмах танцевали плохо, но с большим энтузиазмом и энергией. Большинство хористок были захватывающе красивы, но в глазах Алекса, по крайней мере, ни одна из них не была так очаровательна, как Джоанна.

* * *

Вернувшись в отель, в их номер, Джоанна позвонила и заказала бутылку французского шампанского и подходящие, не очень сладкие пирожные. Все это принесли упакованным в красивый красный лакированный деревянный ящичек.

Они переоделись в пижамы. Она надела пижаму из черного шелка с красными полосками на манжетах и воротничке.

По ее предложению Алекс открыл шторы и подтащил диван к низким окнам. Они сидели рядом и смотрели на Токио, пока пили шампанское и закусывали печеньем с миндалем и грецкими орехами.

Вскоре после полуночи часть неоновых огней в Гинзе начала гаснуть.

– Японская ночная жизнь может быть очень неистойвой, – сказала Джоанна, – но она сворачивается очень рано по западным меркам.

– А мы будем? – спросил Алекс.

– Мы будем что?

– Мы будем сворачиваться?

– Мне не хочется спать.

– Шампанское не действует?

– Оно бодрит.

– Ты напоишь меня, что я окажусь под столом.

Она плутовато улынулась.

– Да? А когда мы там окажемся, что будем делать?

Он хотел ее, он страстно желал ее. Он жаждал узнать вкус ее губ, ласкать ее кожу и чувствовать нежное трение ее тела. Он хотел раздеть ее, и целовать ее груди, и скользнуть глубоко внутрь ее. Но вместо всего этого он сказал:

– Нам надо будет встать в шесть часов.

– Но мы не встанем.

– Встанем, если хотим успеть на самолет.

– Нам не надо будет вставать в шесть часов, если мы не будем ложиться спать. Мы можем поспать завтра в самолете.

– И что же тогда мы будем делать сейчас? – спросил Алекс.

– Молча сидеть здесь в ожидании рассвета.

– Считается, что это романтично?

– А ты так не думаешь? – спросила Джоанна.

– Скучно.

– Все это время мы будем пить шампанское.

– Одну бутылку нам не растянуть так надолго.

– Так закажем другую.

– Обслуживание номеров закрылось еще несколько минут назад.

– Тогда мы будем просто разговаривать, – сказала Джоанна.

– Ладно. О чем?

Она повернулась к нему лицом. Ее глаза были безумно синие.

– Мы будем говорить о том, что мы хотим сделать.

– В Англии?

– Нет.

– С нашими жизнями?

– Нет.

– О положении дел в мире?

– Кто может здесь что-нибудь изменить?

– Тогда о чем?

Джоанна скользнула к нему. Она была такая теплая.

Алекс обнял ее.

– Мы будем говорить о том, что хотим сделать друг с другом, – произнесла она.

Она коснулась губами его горла. Не то, чтобы она поцеловала его. Не совсем так. Казалось, она проверяла страсть в артерии, которая вздулась и пульсировала на его шее.

Он повернулся к ней, сделал движение навстречу, и они сильно прижались друг к другу, живот к животу. Ее груди приятно расплющились о его грудь. Он целовал ее лоб, ее глаза.

– Пожалуйста, – сказала она.

Ее нежный рот открылся под нажимом его, и на некоторое время весь мир сжался до четырех губ, двух языков и теплого, влажного вкуса миндаля и шампанского.

Его руки бродили по ней. Под черным шелком она была чудесно гладкая и твердая.

– Пожалуйста, – произнесла она. – Пожалуйста, Алекс.

Он встал, нагнулся и сгреб ее. Она казалась невесомой, а он чувствовал себя так, как будто мог поднять горы.

Она прильнула к нему. Ранимость, отразившаяся в ее ясных глазах, тронула его сердце.

Он отнес ее в свою спальню и положил на кровать. Медленно, с любовью, раздел ее.

Единственным светом в комнате был только тот, что шел из гостиной через открытую дверь. Бледный, как лунный свет, он падал на кровать широкой полосой. Обнаженная, она лежала в этом потустороннем сиянии, слишком красивая, чтобы быть настоящей. Неземная.

Алекс быстро сбросил свою пижаму, вытянулся рядом с ней и обнял ее. Мгновение кроватные пружины хранили гробовое молчание, затем сквозь тени пронесся снова легкий шорох мольбы.

Они целовались и ласкали друг друга.

Какое-то время он слышал ее сильное сердцебиение, а может быть, это было его собственное сердце.

Он благоговейно покрывал ее поцелуями. Отпрянув от нее, он снова и снова принимался целовать ее уши и горло, ее обнаженные плечи, тонкие руки и пальцы. Он целовал ее желанные груди и нежно облизывал ее соски, ставшие такими твердыми, набухшими и немного солоноватыми. Он целовал ее упругий втянутый живот, целовал ее бедра, и колени, и каждый палец на ногах. Он раздвинул ее длинные ноги и стал покрывать поцелуями внутренние части ее бедер, и колени, и, наконец, он поцеловал ее влажный клитор, ее нежные складки, снова и снова он целовал ее центр, скрытый ими.

Она положила руки на эту почтительную голову и запустила пальцы в его волосы, безмолвно побуждая его продолжать, выгибая спину и приподнимаясь навстречу ему.

Алекс жаждал ее. Она была такой чудесно теплой. Такой свежей. Такой трепещущей. О, это желанное тело. Эта самая желанная женщина. Нежная... такая нежная... как танцующие бабочки. Он жаждал ее, но не с похотью. С кристально чистым желанием он страстно стремился обладать ею и принадлежать ей, узнать ее, насколько это было возможно, и выдержать ее испытующий взгляд, доверять и знать, что тебе доверяют, нежно любить и быть любимым.

Прерываемое негромкими возбужденными стонами, ее дыхание участилось и стало

неровным.

– О, Алекс!

Он целовал и целовал.

Поскуливая от удовольствия, Джоанна снова и снова повторяла его имя и вдруг вскрикнула, не выдержав любящего удара его языка.

Когда она приподнялась над кроватью, он просунул под нее руки и сжал ее ягодицы, придвинул ее к себе, непреклонно настаивая на тайном поцелуе. Она задрожала в преддверии, но он упорно сопротивлялся. Она билась и металась и, наконец, со вздохом облегчения откинулась на спину.

Его рот продолжал жадно двигаться вверх через треугольник жестких волос, через живот, на минуту или две задержался на грудях, затем продолжил свой путь наверх. Добравшись до горла, он произнес ее имя.

Она улыбнулась. Улыбающаяся Мадонна.

Он поцеловал ее в губы, которые были чувственно влажные и расслабленные.

Ее глаза томно блеснули, а волосы в призрачном свете казались серебристыми.

Она пробралась между его ног и взяла его в руки.

– Хочет немного попрыгать. Да он ведь нетерпеливый зверь?

Алекс рассмеялся.

– Не зверь.

– О, нет. Настоящий зверь.

– Не в твоих руках.

– А что же в моих руках?

– Всего лишь щенок, страстно желающий порыться в тебе.

Джоанна тоже засмеялась.

– Нет, зверь.

– Ну, как скажешь.

– Но я приручу его.

– Так уж ему суждено, – произнес Алекс.

– Всегда быть ручным.

– Да.

– Бедняжка.

– Счастливчик.

– Ему нравится быть ручным.

– Он любит быть ручным. Неоднократно.

Алекс навис над ней, опираясь на руки, и она ввела его.

– Сейчас, – произнесла Джоанна. – Милый Алекс. Милый, милый, милый, Алекс. Сейчас...

Он закрыл глаза, потому что боялся, что ее вид слишком ускорит весь процесс. Но с закрытыми глазами он представлял, как его член двигался внутри нее, как если бы он был таинственной рыбой, скользящей сквозь теплое, темное, студенистое море.

Он наполнил ее и эмоционально, и сексуально. Никогда она не чувствовала себя такой ожившей. Она взрывалась. Она закидывала на него ноги и представляла существо о двух спинах, и едва сдерживала крик.

* * *

Он хотел удерживаться до тех пор, пока ее собственное неистовство не стало так велико, как и его собственное, пока он не мог уже больше терпеть. Но на этот раз он обнаружил, что сдерживать себя почти невозможно. Он почувствовал, что это не просто две столовые ложки спермы, хотевшей вырваться из него. Это было нечто большее, много большее. Стремительный поток сдерживаемых страхов, ужасных воспоминаний и годы вырвутся из него вместе со спермой. Он очистится первый раз в жизни. Это не было просто

половым актом. Это было омоложением, более того – перерождением, чем-то вроде реинкарнации.

Любовь существовала.

Любовь была реальностью.

И он обрел ее.

Он долго искал свою новую душу, которая теперь была в нем.

* * *

Ее руки быстро путешествовали по нему, пробуя напряжение мышц его рук, плеч, спины.

Он вонзался в нее с одинаковой силой и нежностью, и она почувствовала себя растворившейся в нем.

– Я люблю тебя, Джоанна.

Она едва ли могла слышать его. Он произнес эти слова тихо, как будто боялся, что она услышит их.

– Я люблю тебя, дорогой, – произнесла она.

– Я и подразумеваю это. Я могу сказать именно то, что подразумеваю.

– Я тоже, – сказала она.

– Я люблю тебя.

– Я люблю тебя.

– Люблю тебя, люблю тебя.

Она сжала его в объятиях, прижалась к нему, и в экстазе заплакала от счастья, не веря, что закончила, когда уже почувствовала, что он начал слабеть в ней.

Закончив, он обрушился ей на грудь. Но они совсем не спали. Они оборачивали время вокруг себя, как будто эти ночные часы были светящейся нитью, а они безумно крутящимися веретенами.

Глава 45

Уф, уф. уф...

– Девять, – сказал Паз.

– Черт! – произнес Каррерас.

– Десять, – сказал Паз.

– Дерьмо! – произнес Каррерас, яростно выдыхая.

Штанга с грохотом упала на пол.

Культурист прошелся взад-вперед, потряхивая руками и ногами, чтобы снять напряжение. Он позволял себе только минуту или две отдыха перед тем, как продолжить снова.

В Швейцарии, в Цюрихе в изумительном доме над озером, в гимнастическом зале, бывшей изысканной музыкальной комнате, Игнасио Каррерас усердно работал над своими икрами, бедрами, ягодицами, боками, поясницей, нижней частью спины и мышцами живота. Вот уже два часа, с маленькими перерывами на отдых, он поднимал штангу. В конце концов, когда он отдыхал, боли не было, а ему хотелось боли, потому что она нравилась ему и была показателем роста.

Стремясь к боли, он начал последнее на сегодня упражнение – комплекс Джефферсона. Расставив ноги на ширину двадцать четыре дюйма, он присел на корточки над штангой и захватил ее – правая рука впереди, левая – сзади. Глубоко вдохнув, а затем выдохнув, он поднялся до положения стоя, поднимая при этом штангу вверх до промежности. Его икры и верхняя часть бедер задрожали от напряжения и боли. Он опять присел на корточки, поколебался только секунду и снова поднялся со штангой. Его ноги как будто были в огне. Он задыхался. Лицо красное. Накачанные мышцы на шее и плечах были как канаты. Глаза

застилал пот. Его голубые боксерские трусы стали влажными от пота и прилипли к нему. Он присел на корточки. Встал. Ягодицы сжались. Затем вниз. Пусть штанга коснется пола. Но только на секунду. Затем снова вверх. Ноги одеревенели. Мышцы были на грани судорог. Прodelать весь путь наверх, продержаться там, сжав зубы, затем – вниз. Боль, как искра, как пламя, как ревущий огонь.

Другие люди занимаются штангой по разным причинам. Некоторые – чтобы улучшить здоровье. Другие хотят лучше выглядеть. Третьи – чтобы иметь успех у женщин, которым нравятся культуристы. Четвертые – по причинам самозащиты. Для кого-то это игра, для кого-то – спорт, а для кого-то – искусство.

Для Игнасио Каррераса все эти причины были второстепенными.

– Семь, – сказал Паз.

– Господи! – произнес Каррерас.

– Восемь, – сказал Паз.

Каррерас выдерживал эту пытку потому, что был одержим жадной властью. Он хотел обладать всеми видами власти над другими людьми – финансовой, политической, психологической и физической. По его образу мышления получалось совсем нехорошо, когда при большом богатстве ты физически слаб. Он мог уничтожить своих врагов голыми руками, так же как и при помощи денег, которыми он безмерно наслаждался.

– Десять, – сказал Паз.

Каррерас положил штангу и вытер руки полотенцем.

– Отлично, – сказал Паз.

– Нет.

Каррерас подошел к зеркалу в полный рост и встал перед ним в позу, рассматривая каждый видимый мускул своего тела и изучая, что бы еще улучшить в этом плане.

– Превосходно, – сказал Паз.

– Чем старше я становлюсь, тем труднее становится совершенствовать тело. Фактически, мне кажется, что прогресса нет вообще. Последние дни идет битва за то, чтобы остаться на достигнутом уровне.

– Ерунда, – сказал Паз. – Вы в отличной форме.

– В недостаточно отличной.

– Со временем будет еще лучше.

– Никогда не станет так, чтобы мне понравилось.

– Мадам Дюмон ожидает в передней, – сказал Паз.

– Она может и подождать, – произнес Каррерас.

Он оставил Паса одного и пошел наверх в спальню на третьем этаже.

Это была классическая комната, в стиле восемнадцатого века. Потолок, высокий и белый, богато украшался лепкой, над мраморным камином в три ряда располагались геральдические лилии. Вся резьба по дереву была покрашена в бледно-серый цвет, а стены были оклеены двухцветными золотистыми в полоску обоями. Кровать в стиле Людовика XVI имела высокие спинки как у изголовья, так и в ногах. Они были обтянуты шелком с красно-золотистым лиственным узором в тон небольшому балдахину и покрывалу. Прямо напротив кровати, в ногах, около стены стояли два шкафчика, с выдвижными ящиками, сделанных также в стиле Людовика XVI. Они были выполнены из красного дерева. На ящиках и дверцах были прикреплены разрисованные таблички. Один из углов комнаты занимала большая арфа работы XVIII века. Инструмент был украшен замысловатыми завитками, позолочен и имея совершеннейшее звучание. Ковер был бежевого цвета с редкими красными розами.

В этой комнате Игнасио Каррерас выглядел как обезьяна, неожиданно ввалившаяся во время чаепития.

Он стянул свои влажные боксерские трусы, прошел в огромную ванную и провел минут десять в соседней комнате-сауне. Он думал о мадам Мари Дюмон, нетерпеливо ожидающей внизу, и улыбался. Еще полчаса он отмокал в большой ванне, массируя под водой ноги, затем выстрадал ледяной душ, однако внутри ему было тепло, когда он представлял Мари,

закипающую там внизу, в передней комнате.

Энергично растерев себя полотенцем, он надел халат и вышел в комнату как раз перед тем, как зазвонил телефон.

Паз ответил внизу и перезвонил наверх.

Каррерас снял трубку.

– Да?

– Лондон на первой линии, – сказал Паз.

– Марлоу?

– Нет. Толстяк.

– Он в Лондоне?

– Так он говорит.

– Соедини и проследи, чтобы мадам Дюмон не подслушала.

– Да, сэр, – сказал Паз.

Каррерас включил соединяющее устройство.

Петерсон произнес:

– Игнасио?

– Да, где вы?

– В конторе Марлоу. Можно говорить?

– Как всегда. Что вы делаете в Лондоне?

– Хантер и девчонка прибывают сюда сегодня вечером, – сказал Петерсон.

– Ротенхаузен клялся, что она никогда не сможет покинуть Японию.

– Он ошибался. Вы можете быстро перемещаться?

– Конечно.

– Поезжайте к Ротенхаузену в Сант-Мориц.

– Я поеду сегодня же вечером, – сказал Каррерас.

– А мы постараемся навести Хантера на след нашего доброго доктора, как и договаривались.

– Вы уже все приготовили в Лондоне?

– Не все, – сказал толстяк, – только то, что касается Хантера и девчонки.

– Ну и хорошо. Марлоу не подходит, чтобы держать в руках все нити.

– Я понимаю.

– От этого у него повышается давление.

– Я уже заметил.

– Он нарушил кое-какие правила. Например, попытался вытянуть из меня ее настоящее имя.

– Из меня тоже, – сказал Петерсон.

– Он как-то глупо угрожал.

– Разве может быть что-то глупее того, что я услышал, – сказал толстяк.

– Я рекомендовал отослать его, – сказал Каррерас.

– Я тоже.

– Если это будет одобрено, я лично займусь им.

– Дорогой Игнасио, это не будет какая-нибудь радикальная перемена. Всего лишь поездка домой.

– Если будут одобрены более сильные меры, я хочу сам выполнить эту работу.

– Не беспокойтесь, никто не собирается отнимать у вас ваше хобби.

– Мы увидимся в Морице? – спросил Каррерас.

– Конечно, – сказал толстяк. – Думаю, я возьму несколько уроков катания на лыжах.

Каррерас рассмеялся.

– Это будет незабываемое зрелище.

– Правда? – Петерсон тоже засмеялся и повесил трубку.

Этот же телефон служил и для внутренней связи. Каррерас позвонил в переднюю.

– Да, сэр? – это был Паз.

- Мадам Дюмон может подняться сейчас наверх.
- Хорошо, сэр.
- А ты упакуй свой чемодан. Через несколько часов мы отправляемся в Сант-Мориц.
- Да, сэр.

Каррерас положил трубку и прошел к двери, за которой был спрятан полностью укомплектованный бар. Он начал смешивать напитки: апельсиновый сок и два сырых яйца для себя и водку с тоником – для Мари Дюмон.

Она пришла еще до того, как он закончил готовить ее водку. Захлопнув за собой дверь, она подлетела к нему, вся кипит от ярости.

- Привет, Мари.
- Как ты думаешь, кто ты такой?
- Я думаю, что я Игнасио Каррерас.
- Ты негодяй.
- Я приготовил для тебя водку с тоником.
- Ты не можешь держать меня вот так, в передней! – сердито сказала она.
- Да? А я думал, что могу.
- Негодяй!
- Ты такая любезная молодая леди.
- Заткнись.

Она была красива. В свои двадцать шесть лет она была не по годам опытная и умудренная, хотя и не настолько, как сама думала. Ее темные волосы обрамляли невозмутимое лицо. В темных глазах горело страстное желание и что-то еще, нечто большее, чем маленькая боль. Ее утонченные черты и изысканная осанка, приобретенная в дорогостоящем пансионе, придавали ей надменный вид. Она была стройная и длинноногая, как манекенщица, но с полным округлым бюстом.

Одевалась Мари тоже красиво. Она носила костюм-двойку, сшитый на заказ в Париже за тысячу долларов. Костюм оживлялся розовой блузкой, драгоценностями и нежными духами, одна унция которых стоила двести долларов.

- Я жду объяснений, – сказала она.
- Да что ты?
- Да.
- Вон твое питье.
- Не смей со мной так обращаться!

Она была испорчена той жизнью, которую вела. Ее отец был богатый бельгийский торговец, а муж – еще более богатый французский промышленник. Ей ни в чем не отказывалось, даже тогда, когда ее требования бывали чрезмерными.

- Извинись, – настаивала она.
- Тебе бы это не понравилось.
- Понравилось? Я требую этого!
- Ты – злючка. Ты знаешь это?
- Я сказала тебе, извинись!
- Но красивая злючка.
- Извиняйся, черт тебя побери!
- Успокойся, Мари.
- Извиняйся, грязная обезьяна!

Он дал ей легкую пощечину, но достаточно сильную, чтобы она почувствовала.

- Вон твое питье, – сказал он.
- Ублюдок.
- Сука. Забирай свою выпивку.
- Засунь ее ослу в задницу.
- Он отвесил ей такую затрещину, что она чуть не упала.
- Пей, – сказал он.

– Меня от тебя тошнит.

– Тогда зачем же ты приходишь сюда?

– Занимаюсь благотворительностью.

Он дал ей еще одну пощечину. Еще более сильную.

Она откинулась к стене, покачиваясь и держась за красную отметину на щеке.

– Забирай свою выпивку, – неумолимо повторил он.

Она плюнула в него.

В этот раз его удар сбил ее с ног.

Оглушенная, она осела на пол, ее ноги были подвернуты.

Каррерас, держа одну руку на ее горле, быстро поднял ее и прижал к стене.

Она плакала, но в ее глазах светилось упрямое желание получить извинение.

– Ты больная, – сказал он ей, – ты больная, избалованная богатая девчонка. У тебя есть свой белый "Роллс-Ройс" и свой "Мерседес". Ты живешь в особняке. У тебя есть слуги, которые чуть не в туалет за тебя ходят. Ты тратишь деньги так, как будто завтра они станут ненужными бумажками, но ты не можешь купить то, что хочешь. А ты хочешь, чтобы кто-нибудь сказал тебе "нет". Всю жизнь тебя баловали, а теперь ты хочешь, чтобы кто-нибудь оттолкнул и ударил тебя. Ты чувствуешь себя виноватой со всеми своими деньгами и, возможно, ты была бы очень счастлива, если бы кто-нибудь избавил тебя от них. Но это не случится. И ты не можешь отдать их, потому что большинство их ограничено опекуном. Поэтому ты решилась на то, чтобы тебе давали пощечины и унижали. Я понимаю. Думаю, что ты сумасшедшая. Но я действительно понимаю тебя. Ты слишком поверхностна, чтобы понять, какая удача выпала тебе в жизни, слишком пустая, чтобы радоваться ей и найти способ употребить свои деньги на достижение стоящей цели. Поэтому ты приходишь ко мне. Помни об этом. Ты находишься в моем доме и будешь делать то, что я скажу. Прямо сейчас ты заткнешься и выпьешь свою водку с тоником.

Она собрала слюну, пока он говорил, и плюнула ему прямо в лицо. Плевок пришелся прямо на нос и медленно сполз к уголку рта.

Он прижал ее левой рукой к стене, а правой – сгреб приготовленный для нее стакан. Он держал его у губ Мари, но ее рот был крепко закрыт.

– Пей, – сказал Каррерас.

Она отказалась.

Наконец, он силой запрокинул ее голову и попытался влить содержимое стакана через нос. Она задергала головой, насколько это было возможно в его железной руке, и в конце концов открыла рот, чтобы не захлебнуться. Она фыркала, хватала воздух и давилась, брызгаясь водкой из ноздрей. Он влил остаток напитка ей между губ и позволил дальше давиться и плевать, сколько захочет.

Каррерас отвернулся от нее, взял стакан с апельсиновым соком и сырыми яйцами, который приготовил для себя. Игнасио выпил его в несколько длинных глотке". Когда он покончил с коктейлем, она все еще не оправилась. Согнувшись пополам, она кашляла, пытаясь прочистить горло и восстановить нормальное дыхание.

Каррерас схватил ее, оттащил к кровати и толкнул вниз лицом на матрац. Он сбросил халат и встал около нее совсем голый, затем задрал ей юбку. На ней были Одеты только пояс и чулки, которые она предпочитала колготкам. Она была готова к чему-то такому, как сейчас. Подсунув пальцы под резинку ее трусиков, он сдернул их вниз. Тонкий материал порвался. Она начала сопротивляться, как будто только сейчас поняла, что он намеревался сделать. Он навалился на нее, обхватил бедрами и грубо вонзился в нее. Его удары были сильные и жестокие, с каждым разом все быстрее, глубже и сильнее. Игнасио жадно искал только собственного удовольствия, совсем не заботясь о ней.

– Ты делаешь мне больно, – слабо произнесла она.

Он знал, что это было так, но также знал и то, что этот способ нравился ей больше, чем другие. Кроме того, этот способ был единственным, какой нравился ему.

Он использовал женщин. Бесчестил их.

Боль – это тоже власть.

Сексуальная власть над другими людьми была также жизненно важна для Игнасио Каррераса, как финансовая, психологическая и просто физическая власть. До того, как он закончит с Мари Дюмон, она будет его рабой еще не один раз. Он использует ее всеми возможными способами – между ее восхитительными грудями, во влагалище, как сейчас, а затем – в задний проход, а затем – в рот, так чтобы она просто задыхалась, и каждый раз без малейшей нежности. Он будет обзывать ее самыми грязными словами и заставит ее обзывать саму себя этими словами. Он будет сжимать ее, пока она не запросит пощады, щипать, пока она не закричит от боли. Он будет унижать ее физически и морально. Он потребует от нее самого худшего, а затем потребует еще более отвратительного, чем было до того, пока она не почувствует себя вообще бесполезной, пока он не почувствует себя богом, и пока оба они не будут совершенно удовлетворены. Когда вспотевшая Мари стала рвать покрывало и биться под ним, он подумал о Лизе – Джоанне. Его интересовало, представится ли ему возможность сделать с Джоанной то, что он делал сейчас с Мари. Самая эта мысль заставляла его разбухать до невозможных размеров внутри французенки, и он быстро задвигался еще более дико и беспорядочно.

Когда он увидел дочку Шелгрин впервые, более десяти лет назад, она была самым красивым и желанным существом, какое он только встречал, но у него не было возможности даже коснуться ее. А судя по фотографиям, сделанным в Киото, время только пошло ей на пользу.

Каррерас страстно желал, чтобы лечение доктора Ротенхаузена на этот раз не удалось, тогда эта девчонка, Лиза – Джоанна, могла бы перейти в его распоряжение. Если верить Ротенхаузену, она может необратимо повредиться в уме, если ее запрограммировать второй раз. Фактически, по мнению доктора, более чем вероятно, она выйдет из этого с умственными способностями четырехлетнего ребенка и навсегда застынет на этом уровне интеллекта. Идея о разуме четырехлетнего ребенка в этом роскошном теле нравилась Каррерасу, как ничто ранее. Если Джоанна повредится в результате "лечения" так, как он и предполагал, и будет передана в его распоряжение, тогда он увезет ее, а им скажет, что она мертва и уже похоронена, а на самом деле сохранит ее живой, чтобы использовать самому. Если он овладеет ею в таком заторможенном состоянии, он сможет господствовать и использовать ее до такой степени, как никогда не использовал и не господствовал ни над кем, включая и Мари Дюмон. Она станет его зверьком, любящим котенком, лижущим его башмаки. Он будет дрессировать ее как собаку и...

Мари Дюмон закричала.

– Заткнись, сука, – сказал он.

– Мне больно. Мне очень больно.

Он ткнул ее лицом в кровать, чтобы заглушить крики.

...Джоанна познает пределы радости и беспредель боли, чтобы научиться всецелому, беспрекословному повиновению. Если Каррерас прикажет, она принесет тапочки в зубах. С разумом ребенка и телом женщины, она ни на что больше не сгодится, как предоставлять ему все мыслимые и немыслимые сексуальные переживания. В ошейнике, на поводке, голая, горя желанием угодить ему, она будет ползти рядом с ним, ужасаясь и в то же время боготворя его. Джоанна станет его игрушкой. Он будет использовать ее до тех пор, пока не исследует все возможные оттенки вождления. Затем он поделится ею с Пазом, и они вместе будут использовать ее всеми нормальными и извращенными способами, какие только взбредут им в голову. И наконец, когда от Джоанны ничего не останется, когда она пройдет все возможные стадии деградации, когда она больше не сможет поднять его, Каррерас забьет ее до смерти своими руками. Он был одержим жадной властью во всех ее проявлениях, и власть смерти была самой сильной из них. Он считал, что никакое разрешение не было более ценным, чем разрешение убивать, никакая свобода не была более драгоценной, чем опять-таки свобода убивать, никакое удовольствие не было так велико и оживляюще, чем то, что он впитывал в себя от умирающих тел своих жертв.

Унесенный прочь этой фантазией об абсолютном господстве, Каррерас потерял контроль над собой и быстро закончил с мадам Дюмон. В его намерения не входило опростаться так скоро. Он хотел переворачивать ее несколько раз и использовать всеми мыслимыми способами, а затем оставить ее опустошенную и пораженную. Но вместо этого он сам потерпел поражение благодаря садистской сцене с Джоанной, развернувшейся перед его мысленным взором.

Власть.

И в этот момент он почувствовал, как власть утекает от него.

Ослабевший, он сполз с Мари Дюмон, поднял свой халат и надел его.

Она перекатилась на спину и недоумевающе посмотрела на него. Ее юбка была задрана. Волосы и лицо были влажными от водки, слез и пота. Ее дорогостоящая одежда была в беспорядке.

Каррерас подошел к бару и начал разбивать яйца в высокий стакан.

– Что я сделала? – обеспокоенно спросила Мари.

– Ничего.

– Скажи мне.

– Можешь убираться.

Она встала, шатаясь как новорожденный жеребенок.

– Скажи мне, что я не так сделала.

– Ничего. Я всего лишь хочу, чтобы ты ушла.

– Но мы едва...

– Выметайся отсюда ко всем чертям!

Мари была ошеломлена.

Она присела на край кровати.

– Убирайся! Ты что, не слышишь?

– Но ты же не хочешь этого, – потрясенная, произнесла она.

Он мог думать только о Джоанне, как он будет использовать ее, а затем – убивать.

– Я устал от тебя, – сказал он. – Иди.

Она снова начала плакать.

Он подошел к ней и рывком поставил на ноги.

Она прильнула к нему.

Он толкнул ее к двери.

– Я могу вернуться? – спросила она.

– Возможно.

– Скажи "да".

– Позвони мне на неделе.

Он вытолкнул ее на площадку и закрыл дверь.

Он вернулся к бару, смешал сок с сырыми яйцами и выпил эту тягучую стряпню, затем пошел в чуланчик, достал с полки чемодан, принес его на кровать и начал упаковывать.

Ему очень хотелось попасть в Сант-Мориц.

Часть третья Загадка в загадке

*"Зимняя буря
Камешки гонит
В колокол храма".
Бусен, 1715-1783*

Глава 46

Ни Алекс, ни Джоанна толком не поспали во время полета из Токио. Они были возбуждены и взволнованы их новыми отношениями и беспокоились о том, что их ожидает в Англии.

Что еще ухудшало дело, самолет попадал несколько раз в сильный турбулентный поток. Их укачивало до того, что начиналась морская болезнь, как у новичков на море.

Когда в четверг вечером они приземлились в Лондоне, Алекс чувствовал себя так, будто находится в больничной палате. Его длинные ноги сводили судороги, они отекали и отяжелели. Резкая боль с каждым шагом простреливала икры и бедра. Его ягодицы горели огнем и их покалывало, будто все путешествие он сидел на иголках. Спина болела на всем протяжении от копчика до самого затылка. Его глаза налились кровью, и было такое ощущение, будто в них насыпали песок. Губы обветрились и потрескались, а во рту стоял неприятный привкус кислого йогурта.

По виду Джоанны можно было сказать, что у нее были подобные же жалобы. Она пообещала, что падет на колени и будет целовать землю, как только будет уверена, что у нее хватит сил подняться снова.

В отеле они не стали распаковывать чемоданы, только Джоанна достала два ручных фена, которые взяла с собой. Один из них был маленький, легкий и пластмассовый, а другой – большой, старомодный и металлический, с десятидюймовым металлическим носом. В этом чемодане была еще и маленькая отвертка, и Алекс использовал ее, чтобы разобрать громоздкий фен. Еще до отъезда из Киото он удалил из него все внутренности и тщательно спрятал в пустую оболочку пистолет. Это был семимиллиметровый автоматический с глушителем пистолет, который чуть более недели назад был отобран у Ловкача. Оружие без проблем прошло незамеченным через рентгеновские лучи и таможенный досмотр. Из того же чемодана Алекс достал большую жестянку с тальком, прошел в ванную, присел на корточки около стульчака, поднял крышку и сиденье и просеял тальк сквозь пальцы. Когда в коробке больше не было талька, там показались две патронные обоймы.

– А из тебя выйдет хороший преступник, – сказала Джоанна.

– Да. Но я смогу больше сделать, оставаясь честным, чем на другой стороне закона.

– Мы могли бы грабить банки.

– Не проще ли купить контрольный пакет одного из них?

– Это менее романтично.

– Но безопаснее.

– О, так ты не любишь приключения.

– Думаю, что нет.

– Обычный отсталый обыватель.

– Скучный. Вот такой я.

– Бесцветный.

– Слабый.

– Корабль на приколе, – сказала Джоанна.

– Замкнутый. Я болезненно робкий.

Она рассмеялась и обняла его.

Слегка пообедав в главной комнате их трехкомнатного номера, в десять часов они заползли под одеяла и, перед тем как уснуть, обменялись всего лишь невинными поцелуями и пожеланиями спокойной ночи.

Алексу приснился странный сон. Он лежал в мягкой кровати в белой комнате и над ним стояли три хирурга, все в белом и с белыми масками на лицах. Один хирург сказал: "Где, по его мнению, он находится?" Другой ответил: "Южная Америка. Рио". А третий поинтересовался: "А что будет, если не удастся?" Первый хирург ответил: "Тогда, возможно, его убьют, а наши проблемы останутся". Алекс поднял руку, чтобы коснуться ближайшего доктора, но его пальцы внезапно превратились в крошечные модели зданий, затем стали видны как пять высоких зданий где-то вдали, а затем эти здания стали расти, превращаясь в небоскребы; они приближались, а город рос на его ладони и вверх по руке. Вместо лиц

хирургов было ясное голубое небо, а под ним был Рио, прекрасный залив. Затем его самолет приземлился, он вышел и оказался в Рио. Где-то звучала печальная мелодия испанской гитары.

Когда Джоанна придвинулась к нему в темноте и поцеловала в затылок, дорожные часы на тумбочке показывали четыре часа утра.

– Проснулся? – спросила она.

– Теперь да.

– Я слышала, что ты робкий.

– Да, как корабль на приколе.

Он лег на спину. Она взобралась на него, он стал ласкать ее тяжелые груди. Джоанна поскакала на нем, как ковбой на полудикой лошади.

– Я снова приручила твоего зверя, – сказала она.

– К утру он опять одичает.

– Надеюсь.

В семь тридцать Алекс был разбужен громким шумом. Сначала он подумал, что это у него в голове, но дело было не в этом. Это звучало так, будто в запертую дверь кто-то ломился плечом.

Джоанна села рядом с ним, прижимая одеяло к своим голым грудям.

– Что это?

Алекс стряхнул остатки сна. Он насторожился и, послушав с минуту, сказал:

– Кто-то находится у двери в главной комнате.

– Звучит так, будто ее вышибают, – сказала Джоанна.

Алекс потянулся за заряженным пистолетом, который оставил на тумбочке.

Глава 47

Алекс хотел, чтобы Джоанна осталась в постели, но она отказалась и встала рядом с ним.

Поднявшись, он не стал включать свет, так как боялся, что это выдаст их врагу слишком рано.

Когда Алекс добрался до открытой двери из спальни в гостиную, яростный стук прекратился. Тишина, установившаяся так внезапно, теперь казалась более зловещей, чем громоподобный грохот раньше.

Он сделал шаг в другую комнату, но Джоанна остановила его.

– Подожди.

– Все в порядке, – сказал он, – в отеле они не предпримут ничего серьезного.

– Но это также непохоже и на игру, – сказала Джоанна.

Алекс стоял тихо, надеясь услышать шаги, но ничего не было слышно.

Шторы были закрыты. Тусклый серый свет, который просачивался через щели в них, был недостаточным, чтобы осветить комнату. В темноте письменный стол, стулья и диван напоминали спящих животных.

Темно-фиолетовые тени, казавшиеся густыми, как студень, злобно бились и корчились по углам.

Алекс пошарил по стенке в поисках выключателя, нашел его и быстро включил свет. Он прищурился от внезапно вспыхнувшего света и выставил пистолет впереди себя.

– Здесь никого нет, – сказала Джоанна.

Алекс направился к двери, которая вела в коридор восемнадцатого этажа отеля.

– Алекс, может, не надо.

На ковре в прихожей лежал голубой конверт. Его просунули под дверь.

– А вот и причина всего шума, – произнес Алекс. – Кто-то хотел, чтобы мы вылезли из постели, пришли сюда и увидели этот конверт.

Алекс поднял его.

- Что это? – спросила Джоанна.
- Записка от сенатора.
- Откуда ты знаешь?
- Только что пришло в голову.
- А все-таки? – настаивала она.

Конверт был чистый, без машинописных или других пометок, и он был запечатан.

Алекс нахмурился.

- Я не могу сказать, откуда я знаю, но уверен, что это так.

Он вскрыл конверт и развернул листок голубой бумаги, который был внутри.

"Не читайте это вслух. Ваша комната прослушивается. Я должен поговорить с вами. Приходите в 10.00 в Британский музей. За вами будут следить, но я уверен, что вам удастся освободиться от «хвоста». Посылая эту записку, я рискую своей жизнью.

Том Шелгрин."

Глава 48

Лондон был дождливый и холодный. Блеклое декабрьское небо – не выше, чем самое высокое здание в городе, а жидкие бороды тумана сползали даже ниже.

Таксист, взявший их перед отелем, был дородный мужчина с ухоженной белой бородой. Он носил потрёпанную шляпу и от него пахло мятой.

- Куда вас доставить?

– Видите ли, мы хотим пойти в Британский музей, – сказал Алекс, – но сначала вам надо отвязаться от людей, которые следят за нами. Вы можете это сделать?

Водитель в недоумении уставился на них.

- Он совершенно серьезен, – сказала Джоанна.

- Похоже, – сказал водитель.

- И он не сумасшедший, – сказала Джоанна.

- Выглядит вроде так, – сказал водитель.

- И он трезвый, – сказала Джоанна.

- Похоже, – сказал водитель.

Алекс отсчитал четыре пятифунтовые банкноты и отдал их таксисту.

- Я дам вам столько же плюс плата в оба конца. Вы поможете нам?

– Ну, – сказал водитель, – за такие деньги можно потакать и сумасшедшему, если таковой встретится.

- Ну и прекрасно. Потакайте мне.

- Меня только одно беспокоит, – сказал водитель. – За вами следят полицейские?

- Нет, – ответил Алекс.

- Полицейские, молодая леди?

- Нет, – сказала Джоанна. – Это не очень приятные люди.

– Так же как и полицейские. – Он усмехнулся, запихнул банкноты в карман рубашки, погладил свою белую бороду и сказал:

– Меня зовут Николас. К вашим услугам. Что я должен искать? На какой машине они могли бы быть?

– Я не знаю, – сказал Алекс, – но они будут держаться у нас на хвосте. Если мы будем внимательно следить, то заметим их.

Уличное движение утром было интенсивным. У первого же угла Николас повернул направо, у второго – налево, затем направо, налево, налево, направо.

Алекс наблюдал через заднее окно.

- Коричневый "Ягуар-Седан".

Николас бросил взгляд в зеркало заднего обзора.

- Никто другой не подходит.

- Отвяжитесь от них, – сказал Алекс.

Николас не был мастером ухода от преследования. Он крутился от переулка к переулку, проскакивая между автомобилями и автобусами, делая все возможное, чтобы между ним и их хвостом оставалось порядочное расстояние, но ни один из его маневров не был достаточным, чтобы отвязаться от преследователей. В течение первых десяти минут коричневый "Ягуар" все время был в поле зрения. Николас делал повороты, не включая сигнальные огни, но не на большой скорости и не выезжая на встречную полосу. – От вашей смелости у меня не замирает сердце, – сказал Алекс.

– Делаю все, что в моих силах, сэр.

Джоанна коснулась руки Алекса.

– Вспомни историю о зайце и черепахе.

– Да. Но я хочу отвязаться от них быстро. Если мы будем продолжать так, как сейчас, то потеряем их только через восемь или десять часов, когда они чертовски устанут и им будет уже наплевать на нас.

Алекс знал, что лондонское такси не допускалось до работы, если на нем была хоть какая-нибудь отметина столкновения – даже если это всего лишь маленькая вмятина или царапина. Очевидно, что Николас, пока вел машину, все время помнил об этом. Конечно, страховая компания оплатит любой ремонт, но машина может простоять в гараже неделю, что будет потерей рабочего времени. Эта перспектива сдерживала водителя.

Как бы там ни было, но все-таки Николасу удалось оторваться от "Ягуара" на три машины.

– Мы, кажется, уходим от них, – счастливо произнес он.

С точки зрения Алекса, это выглядело так, будто Николасу позволили оторваться. Теперь водитель "Ягуара" не особо старался держаться за ними, как это было в начале пути. На самом деле, он, а не таксист, отвечал за то, что расстояние между ними росло, как будто хотел позволить им уйти.

Почему?

"Потому что они знают, куда мы собираемся", – сказал Алекс себе.

Он стал мысленно разговаривать сам с собой. Это был один из тех споров, которые обычно происходили вслух, когда он бывал один.

"Они знают, что мы собираемся встретиться с сенатором?" – спросил он себя.

Да. И он один из них. Поэтому им действительно незачем следить за нами.

Но если он один из них, то почему вышел на нас именно таким способом? И зачем он сказал нам освободиться от слежки?

Я не знаю, но он должен быть один из них. Как еще он мог узнать, что мы в Лондоне?

Выследить. Только выследить. Это звучит немножко параноидально. Но если ты параноик, то не способен трезво оценивать обстановку. Возможно, ты видишь сейчас сети заговора там, где ничего нет. Возможно, водитель "Ягуара" всего лишь осторожный человек, еще более осторожный, чем старина Николас. Можно бы было все так просто объяснить. Можно бы было.

Однако... Он стал пристально смотреть в заднее окно, не в состоянии скрыть выражение неодобрения, которое читалось на его лице.

Они приблизились к перекрестку, где светофор только что сменился с зеленого на красный, но Николас, собрав все свое мужество, завернул за угол против правил. Шины даже взвизгнули.

Машины за ними остановились как добропорядочные граждане, и "Ягуар" был затерт среди них. Он не мог двинуться, пока светофор не переключится вновь.

Они находились на узкой улице, вдоль которой выстроились первоклассные магазины и театры. Только несколько машин были припаркованы к тротуару. Николас проехал полквартала и свернул в боковой переулок прежде, чем "Ягуар" получил возможность свернуть за угол за ними. Из этого переулка они выехали в другой, а затем – снова на большую улицу.

Пока они продолжали крутиться сквозь косой серый дождь от улицы к улице, Николас

время от времени бросал взгляд в зеркальце заднего обзора. На его лице постепенно вырисовывалась улыбка, и, наконец, он сказал:

– Все! Как в американских детективах, которые показывают по телеку.

– Вы были неподражаемы, – сказала Джоанна.

– Вы, правда, так думаете?

– Просто неповторимы, – сказала она.

– Ну что ж, пожалуй.

Алекс внимательно смотрел в заднее окно.

У Британского музея Джоанна открыла дверь такси, выскочила и побежала под защиту главного входа.

Кота Алекс расплатился, Николас сказал:

– Думаю, это был ее муж.

Алекс моргнул.

– Что?

– Ну, если это были не полицейские...

– А, нет. Не ее муж.

Николас почесал бороду.

– Вы не хотите, чтобы я подождал вас?

– Боюсь, что нет, – произнес Алекс.

Он вышел из такси и захлопнул дверцу.

Мгновение Николас с любопытством смотрел на него через располосованное дождем окно, а затем поехал восвояси.

Алекс стоял под холодным мелким дождем, втянув голову и засунув руки в карманы. Он осматривал улицу, изучая движение и обращая особое внимание на припаркованные автомобили.

Ничего подозрительного.

Наконец, он присоединился к Джоанне, которая, прячась от дождя, ждала его в дверях.

– Ты промок, – сказала она.

– Наверное.

– Что ты хотел увидеть?

– Не знаю, – произнес он. Сейчас он не был расположен к разговорам. Он изучал улицу.

– Алекс, что случилось?

– Мы чертовски легко отделались от того "Ягуара". Легко, как никогда. Почему?

– Может, нам просто повезло?

– Я не верю в везение, – произнес Алекс, но в конце концов он оторвался от изучения улицы и последовал за Джоанной в музей.

Глава 49

Они стояли перед впечатляющей экспозицией ассирийских древностей, когда с ними заговорили. Это был не сенатор. Посланец Шелгрин был невысокий крепыш в полупальто и темно-коричневом кепи. У него было неприятное лицо с маленькими настороженными глазками. Казалось, его рот постоянно был скривлен в презрительной усмешке. Он встал рядом с Алексом, притворяясь, что рассматривает образец ассирийского оружия. Через минуту или две, когда Алекс повернулся к нему лицом, он прямо заговорил с ним.

– Ты'антер, да?

Его акцент кокни просто невозможно было понять, но Алекс понял его: "Ты Хантер, да?"

Порой интерес Алекса к языкам распространялся на особенно колоритные диалекты. Ничего не было колоритнее, чем кокни, наиболее богатый сленгом и наиболее искореженный, чем какой-либо другой региональный диалект английского языка. Он возник в Ист-Энде Лондона, но со временем распространился и во многих других частях Англии.

Первоначально он был средством, при помощи которого обитатели Ист-Энда могли разговаривать друг с другом так, что их не понимали ни представители закона, ни другие чужаки. Но в наши дни представители закона тоже говорят на нем, когда это возможно.

Незнакомец бросил взгляд на Алекса, затем на Джоанну.

– Yer butcher's like yer pitchers. Both of yer.

Алекс перевел для себя: "Вы выглядите, как и на фотографиях. Вы оба. Слово "butcher's" в рифмованном сленге кокни означало "выглядеть". "A butcher's hook" рифмовалось со словом "look". Поэтому в соответствующем контексте, по логике этого кода, "butcher's" означало "look".

– And yer butcher's bent ter me! – сказал Алекс. – Wot yer want? ("А ты не внушаешь мне доверия. Что тебе надо?") Незнакомец заморгал. Он не ожидал, что американец заговорит на ист-эндском диалекте.

– Yer s'pposed ter be a yank.

– At's wot I am.

– Yer rabbit right good, – сказал незнакомец. ("Вы говорите очень хорошо.") – Tar, – сказал Алекс. ("Благодарю.") Джоанна сказала:

– Я не понимаю.

– Объясню позже, – произнес Алекс.

– Yer rabbit so doddle... 'ell, nofink surprises те по тоге, – произнес незнакомец.

– Чего ты хочешь? – спросил его Алекс.

– У меня сообщение.

– От кого?

– От одного денежного мешка со странностями.

Алекс перевел: "От человека, который говорит очень смешно". (Обычно кто-нибудь с оксфордским акцентом, хотя и не всегда).

– Это не много говорит мне, – сказал Алекс.

– Geezer wif a double of white barnet.

Алекс расшифровал: "Человек с седыми волосами". "Barnet Fair" была знаменитой ярмаркой в окрестностях Лондона. А так как "Barnet Fair" рифмовалось с "hair", то одно слово "barnet" означало "hair".

– Wot's 'ee call 'imself?

– Nofink.

– Gotta call 'imself somfink.

– Этот парень дал мне "пони", чтобы я отнес тебе важное сообщение. ("Пони" – банкнота в двадцать пять фунтов.) – Что за сообщение?

– Он – в Чечиле на Портманской площади и говорит, что хочет видеть вас.

Тот, кто ждал в отеле Чечил, был сенатор Томас Шелгрин и никто иной.

– Чево еще? – спросил Алекс.

Незнакомец почесал подбородок и сказал:

– Се че было.

– Не много сообщения.

– Се, че я получил, парень. – Незнакомец повернулся, чтобы уйти, затем остановился, оглянулся, облизнул губы, казалось, он о чем-то раздумывал. Наконец, он произнес:

– Ще одно.

– Чево? – спросил Алекс.

– Осторожней с'им.

– Знаю, 'н плут, – сказал Алекс. ("Я знаю, что он нехороший.") – Хуже, 'ем 'то. 'ee's shnide. ("Хуже того, он скользкий.") – Я буду осторожен, – сказал Алекс. – 'пасибо.

Незнакомец надвинул кепи на глаза.

– If it was me, I wouldn't touch 'im less 'ee was wearin' a durex from 'ead ter foot of 'imself.

Алекс перевел и засмеялся. ("Я не дотронулся бы до него, пока он не был бы обтянут презервативом с головы до ног.") Он придерживался того же мнения насчет сенатора из

Иллинойса.

Человек в полупальто поспешил прочь от ассирийских древностей и исчез за углом.

– Что он говорил? – спросила Джоанна.

Алекс передал ей весь разговор, включая и последнее замечание.

Она слабо засмеялась.

– К несчастью, он будет не в презервативе.

"И верно, как дважды два, – подумал Алекс уныло, – этот проклятый Богом, напыщенный ублюдок несет беду".

Глава 50

Воспользовавшись общественным телефоном музея, Алекс позвонил в отель "Чечил" на Портманской площади.

Джоанна, стоя рядом с ним, нервно прислушивалась к разговору. Она была напугана. Не стоило и ожидать, что перспектива встречи с отцом наполнит ее радостью.

Алекс попросил телефониста отеля соединить с номером мистера Шелгрина. Сенатор сразу же снял трубку.

– Алло?

– Это Алекс Хантер.

– Она... она с вами?

– Конечно.

– Не могу дождаться встречи с ней. Поднимайтесь скорее сюда.

– Мы не в отеле, – сказал Алекс.

– Тогда где же вы?

– Все еще в музее.

– Мне нужно, как можно скорее, увидеться с вами. Я не знаю, сколько времени в моем распоряжении.

– Думаю, нам надо, прежде чем встретимся, мило поболтать по телефону.

– Это крайне срочно! Я...

– Нам надо выяснить кое-какие вопросы. А именно: что произошло на Ямайке и почему Лиза стала Джоанной.

– Это слишком важная информация, чтобы обсуждать ее по телефону, – сказал Шелгрин. – Намного более важная, чем вы, возможно, думаете.

Алекс поколебался, бросил взгляд на Джоанну и, наконец, произнес:

– Ладно. Давайте встретимся через полчаса в Национальной галерее, у входа.

– О, нет. Нет. Это невозможно.

– Почему?

– Встреча должна произойти здесь. В моем номере в "Чечил".

– Мне это не нравится. Слишком рискованно для нас.

– Я здесь не для того, чтобы навредить вам.

– Надеюсь, что это правда.

– Я хочу вам помочь.

– Я бы предпочел, чтобы мы встретились на нейтральной территории.

– Но я не осмеливаюсь выйти, – сказал Шелгрин. В его голосе звучали нотки панического страха, а это было совершенно не в его характере. – Если меня увидят с вами, ...если меня даже просто увидят здесь, в Лондоне... тогда я – мертвец.

– Кто убьет вас?

Шелгрин начал говорить быстро и возбужденно, как будто боялся, что Алекс может повесить трубку.

– Они. Они убьют меня. Без сомнения. Если они увидят меня с вами, то поймут, что я переметнулся на другую сторону. – Его паника становилась все более и более явной. – Я принял меры предосторожности, чтобы скрыть эту поездку. В моем офисе всем говорят, что я

уехал в Иллинойс, чтобы встретиться с несколькими важными избирателями. Я не вылетел сюда из Вашингтона, потому что боялся, что меня слишком легко выследили бы... – Он говорил сбивчиво, быстрее и быстрее. – Поэтому я доехал до Нью-Йорка, оттуда вылетел в Торонто, затем – полет в Монреаль, и третий полет – из Монреаля в Лондон. Я измотан. Истощен. Я на грани нервного срыва. – И с каждой минутой он становился все более нервным. – Я остановился в "Чечил", потому что это не тот отель, где я обычно останавливаюсь... Обычно я останавливаюсь "У Клариджа". Но если они выяснят, что я не в Иллинойсе, то поймут, куда я уехал, и начнут искать меня. Рано или поздно они найдут меня. Черт возьми, Хантер, я рискую жизнью! Я порвал с ними! Я хочу помочь вам и моей дочери. Если она позволит мне называть ее дочерью после всего того, что я сделал. Вместе мы сможем выдержать все. Пройти через всю эту чертову мельницу. С ними покончено.

– Кто они? – спросил Алекс.

– Русские.

– Какое отношение имеют русские к этому делу?

– Я просто не могу говорить об этом по телефону. Это слишком важно. Вам надо приехать ко мне. Я не могу рисковать, показывая свое лицо.

Алекс думал.

– Хантер?

– Я все еще здесь.

– Мой номер 416.

Алекс ничего не сказал.

– Пожалуйста, поспешите. Прежде, чем они найдут меня.

Алекс молчал.

– Хантер?

– Да.

– Вам надо приехать.

Алекс вздохнул.

– Ладно.

Глава 51

На такси они доехали до Гарродса. Даже так рано днем этот огромный всемирно известный магазин кишел покупателями, среди которых было удивительно много смуглолицых, крючконосых людей арабской наружности.

– Раньше можно было видеть много богатых американцев, покупающих все, что попадется на глаза, – сказал Алекс. – Затем какое-то время стали преобладать японцы. Теперь арабы обошли как американцев, так и японцев. А кто будет через двадцать лет? Черные африканцы, проматывающие денежки за уран и хром? А может быть, компания эскимосов, завладевшая рынком моржовых клыков.

Телекс Гарродса был "Все. Лондон", и это не было гиперболой. В двухстах отделах этого огромного магазина было все от продуктового ассортимента до спортивных товаров, от жевательной резинки до китайской живописи, от редких книг до резиновой обуви, от причудливых одежд до изящного антиквариата, от заколок для волос и лака для ногтей до дорогостоящих восточных ковров – миллион и одно удовольствие.

Алекс и Джоанна проигнорировали всю эту экзотическую всячину так же, как и всякие житейские штучки. Они купили только два крепких зонтика и набор обыкновенных, но хорошо сделанных стальных столовых ножей.

В кабинке женского туалета Джоанна развернула ножи. Она осмотрела каждый из них и выбрала самый острый нож для мяса, который затем спрятала в карман пальто. Остальные ножи она оставила в кабинке.

Теперь и она и Алекс были вооружены. Это было очень серьезное преступление в Лондоне, гораздо более серьезное, чем в большинстве мест мира, но их не беспокоила

перспектива тюремного заключения. Прийти безоружными в гостиничный номер Тома Шелгринна было бы намного более опасным предприятием из тех, в какие они могли бы ввязаться.

От Гарродса они взяли другое такси и плутали по мокрым лондонским улицам, пока Алекс не убедился, что за ними не следят. Они вышли из такси за три квартала до "Чечил".

Они осторожно добрались до отеля, стараясь как можно меньше привлекать внимание и используя зонтики не только по их прямому назначению – как укрытие от дождя, – но и чтобы скрыть свои лица. Чтобы не вваливаться через главный вход и не идти через большой пышный холл, где их могли узнать, они воспользовались незапертым черным ходом. Они быстро нашли служебную лестницу и устремились по ней никем не замеченные.

– Лучше оставь свой зонтик здесь, – сказал Алекс. – Когда мы попадем туда, нам понадобятся свободные руки.

Джоанна поставила свой зонтик рядом с его в угол около нижних ступенек.

– Боишься? – спросил он.

– Да.

– Хочешь уйти?

– Не могу.

Несмотря на то, что они разговаривали шепотом, их голоса эхом отдавались в холодном лестничном колодце.

Он поцеловал ее в щеку.

– Люблю тебя.

– И я люблю тебя, Алекс.

Он расстегнул пальто и вытянул свой семимиллиметровый автоматический пистолет, который был засунут за ремень. Алекс переложил его в карман пальто и держал палец на курке.

Джоанна положила руку на нож в своем кармане.

– Готова? – спросил он.

– Как никогда.

Они стали подниматься по лестнице на четвертый этаж.

Коридор был теплым, ярко освещенным и пустынным. Он был слишком беззвучным, как будто все обитатели этого этажа затаили дыхание и напряженно выжидали, когда пара ничего не подозревающих мышей попадет в расставленную для них ловушку.

Они вышли с лестницы и поспешили по коридору, бросая взгляды на номера комнат. Несмотря на изысканное убранство, Алекс не мог стряхнуть с себя чувство, что он находится в психиатрической больнице и что какое-нибудь чудовище сейчас внезапно прыгнет на них из двери или из-под пола.

Как раз перед тем, как они добрались до номера 416, Алекс был резко остановлен – не бредовым чудовищем, но живым предчувствием, видением, коротким, но внушительным, будто высвеченным вспышкой фотоаппарата. В своем мозгу Алекс увидел Томаса Шелгринна забрызганным кровью.

Джоанна остановилась около Алекса, сжав его руку.

– Что случилось? – прошептала она.

Алекс вытер рукой лоб. Мгновение назад он был холодным, а теперь на нем выступили капельки пота.

– Алекс?

– Он мертв.

– Кто?

– Том Шелгрин.

– Как ты узнал?

– Только что. Я уверен в этом.

Он достал пистолет из кармана пальто и продолжил свой путь по коридору.

Дверь номера 416 была приоткрыта.

Джоанна задрожала.
– Встань за мной, – сказал Алекс.
– Давай позовем полицию.
– Мы не можем. Не сейчас.
– Это их работа.
– Мы сами закончим это дело.
– Теперь у нас достаточно доказательств.
– Мы знаем не больше, чем вчера.
– Если он мертв, это кое-что доказывает.
– Давай уйдем отсюда.
– Нам не надо никуда идти.
Он сделал шаг вперед и постучал в дверь.
Никто не ответил.
Он встал с одной стороны и глушителем пистолета толкнул дверь так, что она полностью открылась.
Тишина.
В номере горел свет.
Алекс тихо позвал:
– Сенатор?
Никакого ответа. Он переступил через порог.
– Нет! – произнесла Джоанна, но последовала за ним.
На полу в гостиной в луже крови лежал лицом вниз Томас Шелгрин.

Глава 52

Сенатор Шелгрин был одет в голубой махровый халат, впитавший в себя много крови. На его спине выделялись три кровавые дыры. В него выстрелили трижды: в основание позвоночника, затем в середину спины и еще между лопатками. Его левая рука была выброшена вперед, пальцы вцепились в ковер, а правая рука была подогнута под него. Голова повернута набок. Видно было только одну половину лица, да и та затушевывалась пятнами крови и густой прядью волос, упавшей на глаза.

Алекс осторожно обследовал маленький номер, но убийц там не было.
Когда он вернулся в главную комнату, Джоанна стояла на коленях у трупа.
– Не касайся его! – произнес Алекс.
Она взглянула вверх.
– Почему нет?
– Будет нелегко выбраться отсюда и добраться до нашего отеля, если ты будешь в пятнах крови.
– Я осторожно!
– Ты уже посадила пятно на край пола.
Джоанна посмотрела вниз.
– О, черт!

Алекс поднял ее на ноги и отвел от тела. Достав из кармана носовой платок, он стал оттирать пятно на ее пальто.

Через некоторое время он сказал:
– Выглядит не очень хорошо, но должно пройти.
– Алекс, может быть, надо осмотреть его?
– Зачем?
– Но вдруг он еще живой?
– Живой? – недоверчиво спросил он. – Посмотри на эти раны. Посмотри на размеры этих дыр. Стреляли из пистолета с чертовски пробивной силой. Это были профессионалы. Иисус. Пули должны были прошить его насквозь. Должны были прорвать его грудь, как будто

это был всего лишь кусок гнилья. Посмотри на всю эту кровь. Слишком много. Слишком много крови. Его сердце разорвано, позвоночник сломан. Он мертв на сто процентов, Джоанна, как только может быть мертв человек.

– Как ты узнал, что он будет здесь в таком состоянии? Как ты узнал, что мы найдем здесь?

– Предчувствие, – натянуто сказал Алекс.

– Но как?

Алекс вздрогнул.

– Хотел бы я знать.

От его недавнего ясновидения у него мурашки побежали по спине.

Джоанна смотрела на тело и печально покачивала головой.

– Я ничего не чувствую.

– А почему ты должна что-то чувствовать?

– Он был моим отцом.

– Нет. Не был. Он отказался от своих прав и привилегий много лет назад.

– Думаю, он не плакал о Лизе, – сказала Джоанна.

– Правильно. Ты не должна ему никаких слез.

– Но почему?

– Мы узнаем.

– Узнаем ли?

– Обязательно.

– Я так не думаю. Мне кажется, что мы находимся в чем-то вроде гигантской китайской головоломки. Мы постоянно попадаем во все меньшую и меньшую коробочку. – Мгновение Алекс смотрел на нее, размышляя, могла ли она после всего, что было, порвать с ним. Она была удивительно спокойна, но это означало только то, что она держала свои чувства при себе, подавляя их. Спокойный взгляд, губы крепко сжаты и не дрожат, но она была бледна.

Джоанна поняла, что он беспокоится о ней, и изобразила на лице подобие улыбки.

– Не беспокойся обо мне. Как я и сказала, я ничего не чувствую. Давай выбираться отсюда.

– Не сейчас.

– Но что если они вернутся и...

– Они не вернутся, – сказал Алекс. – Если бы они знали, что сенатор связался с нами, и хотели убить нас, они ждали бы здесь. Идем. Нам надо обыскать номер.

Идея обыска не понравилась Джоанне.

– Это мерзко.

– Это необходимо.

– Что будем искать?

– Что-нибудь. Все. Любую маленькую зацепочку, которая могла бы помочь нам решить эту безумную проклятую головоломку.

Джоанна бросила взгляд на входную дверь, которую они закрыли и заперли.

– Нам не помешают, – заверил ее Алекс, хотя сам не был настолько уверен.

– А если придет горничная...

– Горничная уже была здесь этим утром. Постель убрана.

Джоанна глубоко вздохнула.

– Давай покончим с этим как можно быстрее.

– Ты пойдешь за мной, когда я буду перебирать все вещи, – сказал Алекс. – Проверяй все за мной: я могу что-нибудь просмотреть. Но я не хочу, чтобы ты чего-нибудь касалась, по той же причине, почему я не хочу, чтобы ты касалась тела. Нам надо быть осторожными и не оставить отпечатки или какие-нибудь другие улики, которые могли бы указать на нас. Если полиция подумает, что это сделали мы, то это только прибавит путаницы.

– А мы и так достаточно запутаны.

– Точно. Мы не можем убежать от полиции и в то же время вести следствие по этому

делу.

В спальне на складной подставке для багажа стояли два чемодана из телячьей кожи. Чемоданы принадлежали Шелгрину, один из них был открыт. Алекс порылся в одежде, пока не нашел пару черных носков сенатора. Он натянул их себе на руки, соорудив импровизированные перчатки.

Бумажник Шелгрин с банкнотами и кредитными карточками был на тумбочке. Алекс просмотрел его содержимое, Джоанна – сразу за ним, но там не оказалось ничего необычного.

В гардеробе висели два костюма и пальто. Карманы были пусты.

На полу гардероба стояли две пары свежеччищенных легких кожаных туфель от Гуччи. Алекс вытащил из них распорки и обследовал внутри. Ничего.

В ванной комнате около раковины лежал набор для бритья также от Гуччи. В нем ничего не было, кроме электробритвы, порошка для бритья, одеколона, расчески и дезодоранта.

Алекс вернулся к открытому чемодану. Из него тоже ничего нельзя было выжать.

Второй чемодан был заперт. Алекс открыл его и по мере просмотра стал выбрасывать одежду на пол, пока не обнаружил манильский конверт 9х12 дюймов.

– Что-нибудь нашел? – спросила Джоанна.

– Надеюсь на Бога, это то, что надо, – сказал Алекс, – потому что, если это не так, мы возвращаемся на исходную позицию в этой игре.

В конверте находились несколько пожелтевших вырезок из "Нью-Йорк Таймс" и "Вашингтон пост". Еще там было незаконченное, адресованное Джоанне письмо, написанное явно рукой сенатора. У Алекса не было времени прочитать письмо или заметки, но при беглом просмотре он заметил, что все они были двенадцати-или тринадцатилетней давности и связаны с именем немецкого доктора Франца Ротенхаузена. В одной из статей была фотография доктора: вытянутое лицо, резкие черты, залысины, глаза такие бледные, что казались бесцветными.

Джоанна открыла от изумления рот.

– О, Бог!

– Что случилось?

– Это он.

– Кто?

– Человек из моего кошмара.

– С механической рукой?

– Да.

Она была ошеломлена.

– Его зовут Ротенхаузен, – сказал Алекс.

– Я никогда не слышала это имя раньше.

Джоанну била дрожь. Сильная.

– Спокойнее, – произнес Алекс.

– Я никогда не думала, что снова увижу его.

Ее глаза были широко открыты.

– Это то, что мы хотели, – имя.

– Пожалуйста, – сказала Джоанна, – пожалуйста, Алекс, идем отсюда.

Лицо на шероховатой фотографии было тяжелым, костлявым, как лицо вампира. Его глаза, казалось, смотрели в другое измерение, куда не могли заглянуть обыкновенные люди. Это были холодные глаза. У Франца Ротенхаузена был взгляд маньяка.

Алекс почувствовал, как у него на затылке волосы встают дыбом. Возможно, настало самое время убираться.

– Мы прочитаем это позже, – сказал Алекс, запихивая вырезки и незаконченное письмо обратно в конверт.

Когда они шли через главную комнату номера и обходили тело, у Алекса было такое

чувство, что сейчас дверь распахнется перед ними. Но этого не произошло.

Глава 53

Несмотря на всю ту кровь, что они видели в "Чечиле", они были чрезвычайно голодны. На самом деле, подумал Алекс, они были так голодны именно потому, что они видели, а не несмотря на то. После столкновения со смертью большинство людей испытывают резкий приступ звериного аппетита. Они стали грубыми, были голодны и хотели пить. Потакая себе, они бросили громкий, ликующий, но неосознанный вызов всей вселенной:

– Я все еще жив, черт побери!

Алекс и Джоанна съели ленч в людной закусочной около Пиккадили. Они читали старые вырезки из "Нью-Йорк Таймс" и "Вашингтон пост", перемежая их большим количеством чая и толстых бутербродов.

Франц Ротенхаузен был гением более, чем в одной научной области: у него были степени в биологии, химии, медицине и психологии, и он написал много широко признанных и важных работ по всем этим наукам. Когда ему было двадцать четыре, в автомобильной катастрофе он потерял руку. Недовольный протезами, которые были в ходу в то время, он изобрел новое приспособление – механическую руку, которая была почти так же хороша, как живая. Она приводилась в движение нервными импульсами от культи и питалась от батареи. Последние восемнадцать лет своей жизни Ротенхаузен провел в качестве преподавателя, ведущего семинары, и занимался исследовательской работой в одном из западногерманских университетов. В основном его интересовали функции и дисфункции мозга и особенно электрическая и химическая природа мысли и памяти.

– Но почему ему позволили работать над этим? – сердито спросила Джоанна. – Джордж Оруэлл. "1984 год".

– Это тоже путь к максимальной власти, – сказал Алекс, – а власть – это то, к чему стремятся все политики.

Тринадцать лет назад, в зените своей яркой карьеры, Ротенхаузен сделал ужасную ошибку. Он написал книгу о человеческом мозге, особенно подчеркивая самые недавние разработки в поведенческой инженерии, "промывке мозгов" и химико-электрическом методе управления сознанием. И вся эта работа была проделана, чтобы поддержать его гипотезу, что даже самые сильнодействующие формы изменения сознания должны быть использованы заслуживающими доверия правительствами, чтобы сотворить "совершенное" общество, свободное от разногласий, от преступности, от беспорядков. Написание этой книги было его величайшей ошибкой. Его неудача была настолько сокрушающей, что просто уничтожила его. Научное и политическое сообщества могут забыть любую глупость, неосторожность или большую промашку, как только будут принесены громкие и продолжительные публичные извинения. И это скромное раскаяние даже не должно быть искренним, чтобы заработать безусловное прощение от истеблишмента. Достаточно, чтобы оно только внешне выглядело искренним и можно было опять свергнуть народ в состояние оцепенения. Как бы то ни было, но по следам публикации росла полемика, а Ротенхаузена это особо не беспокоило. Он отвечал своим критикам с возрастающим раздражением. Он показал миру оскал вместо извиняющейся улыбки, которую тот хотел увидеть. Его общественные заявления подсвечивались резким голосом и неудачной привычкой яростно жестикулировать своей жуткой стальной рукой. Европейские газеты быстро дали ему прозвища – доктор Чудак и доктор Франкенштейн, уступившие в скором времени доктору Зомби. Его обвиняли в желании сотворить мир бездумных рабов, покорных исполнителей. Негодование росло. Он жаловался, что репортеры и фотографы преследовали его везде, куда бы он ни шел, и был достаточно несдержан, сказав, что их первых же подвергнет обработке сознания, если ему предоставится такая возможность. Он упорно не хотел отказываться от своей позиции, рассматривая ее как дело принципа, и таким образом не смог отвести от себя это давление.

– Обычно я сочувствую жертвам гонения прессы, – сказал Алекс, – но не в этот раз.

– Он хотел бы сделать с каждым то, что сделал со мной, – произнесла пораженная Джоанна.

– Или хуже.

– И что их напугало – это то, что его замыслы были близки к воплощению.

Официантка принесла еще чаю и тарелку с маленькими пирожными, на десерт.

Они продолжали читать о Франце Ротенхаузене.

В Бонне западногерманское правительство болезненно воспринимало тоталитарное прошлое своего народа и понимало, что будущее будет ущербно, как результат ненужного воскрешения давно похороненных воспоминаний и ненависти, поэтому правительство крайне чувствительно отнеслось к мнению мирового сообщества, которое громко и неоднократно высказывалось, что Ротенхаузен был духовным последователем Адольфа Гитлера, наследником величайшего когда-либо известного террора. Талантливый доктор перестал быть национальным сокровищем (единственно потому что не мог держать рот закрытым), перестал быть даже национальным достоянием и стал ужасным буревестником, выходящим вокруг шеи Германии и доброго имени его граждан. Большая часть тяжести легла на плечи университета, в котором он работал. Его уволили за аморальное поведение по отношению к одной из его аспиранток. Он отрицал все обвинения, заклеил всю историю как ложную и обвинил администрацию и эту девушку в заговоре против него. Как бы то ни было, он понимал, против чего он пошел. Он устал тратить время на политику, когда его ждало неоконченное исследование. Он уехал без сожаления, но не бросив серьезного вызова властям, от чего получал явное удовольствие. Со временем обвинение его в аморальном поведении забылось, как будто его никогда и не было.

– То, что они с ним сделали, не было так уж не правильно, – сказала Джоанна. – Может быть, он и не был виновен в обольщении той девушки, но, клянусь всеми чертями ада, уж точно был виновен в обольщении других. Я знаю его очень хорошо. Слишком хорошо.

Алекс не мог вынести выражение загнанности в ее красивых глазах. Он отвел взгляд и стал пристально разглядывать полусъеденное пирожное, лежавшее перед ним на тарелке. Через некоторое время они взяли следующую пожелтевшую вырезку из пачки и стали читать дальше о Франце Ротенхаузене.

Шесть месяцев спустя, как его выдворили из университета, зомби-доктор продал всю свою недвижимость в Западной Германии и переехал в Сант-Мориц, в Швейцарию. В свой последний день на родине он осудил Германию, назвал ее слабой и сказал, что ее народ, по большей части, сборище хнычущих трусов и идиотов. Швейцарцы предоставили ему вид на жительство по двум причинам, ни одна из которых не была связана с его личностью. Прежде всего, Швейцария – страна с очень старой и удивительной традицией: предоставлять убежище выдающимся (и редко обычным) изгнанникам из других стран. Во-вторых, Ротенхаузен был миллионером, он унаследовал много денег и еще больше заработал за множество своих патентов в медицине и химии. Ему удалось договориться со швейцарскими налоговыми властями, и каждый год он платил десятую часть, которая казалась для него каплей в море, но существенно покрывала правительственные расходы в кантоне, где он жил. О нем думали, что он продолжает свое исследование в частной лаборатории в Сант-Морице. Но так как он никогда больше не написал ни одной строчки для публикации и никогда не говорил с газетчиками, это предположение не могло быть подтверждено. Со временем стало совершенно ясно, что о нем забыли.

Незаконченное, написанное от руки письмо Тома Шелгринга его дочери представляло собой две страницы глупых извинений. Тон письма был жалостливый: какой-то неумелый плач. Оно не давало никакой новой информации, ни единой свежей зацепки.

– Но как Ротенхаузен связан с сенатором и Ямайкой? – спросила Джоанна.

– Я не знаю, но мы выясним.

– Ты сказал, что сенатор упоминал русских.

– Да. Но я не знаю, что он при этом имел в виду.

– Какие дела могут связывать Ротенхаузена с русскими? Он звучит как наци.

- Такой человек, как Ротенхаузен, может найти понимание в обоих лагерях, – сказал Алекс.
- И что теперь? – спросила Джоанна.
- Теперь мы отправляемся в Швейцарию, – сказал Алекс.

Глава 54

- Джоанна перегнулась через стол.
- Алекс, пожалуйста, пожалуйста, Алекс, нам не надо ехать в Швейцарию, – она пыталась убедить не его, но себя.
- Да нет же, нам как раз надо ехать, – сказал он.
- Теперь мы можем передать все это дело полиции.
- У нас все еще недостаточно доказательств.
- Она покачала головой.
- Я не согласна. У нас есть все эти вырезки, это письмо, мертвое тело в отеле "Чечил" и тот факт, что мои отпечатки пальцев совпадают с Лизиными.
- Алекс говорил тихо, но твердо, стараясь убедить ее взглянуть на вещи его глазами.
- Тогда в какую полицию мы пойдем? В полицию Ямайки?
- Конечно, нет, мы...
- В американскую полицию? Может быть, в ФБР? Или в ЦРУ? В японскую полицию? В британскую полицию? Может, нам надо пойти в Скотланд-Ярд? Или в швейцарскую полицию?
- Джоанна открыла рот, закрыла его, не произнеся ни слова, и нахмурилась. Чтобы успокоить, Алекс взял ее за руку.
- Это все не так просто, правда? – произнесла она.
- Если мы сейчас обратимся к полицейским, то уже к утру будем мертвы. Эти люди, кто бы они ни были, долгое-долгое время скрывают что-то большое, что-то действительно чертовски большое. Теперь их игре пришел конец. Прикрытие больше не срабатывает, все разваливается. Обычный картонный домик. И они знают это. Вот почему убит сенатор. Они пытаются привести все в порядок, пока никто ничего не заметил. Прямо сейчас они разыскивают нас.
- Джоанна моргнула.
- Ты хочешь сказать, они разыскивают нас... Чтобы убить нас? Да. Конечно, это как раз то, что ты имеешь в виду, да? Конечно.
- Спорю, что это так. Если у тебя была неприкосновенность, то теперь ее уже нет. И если теперь мы обнародуем это дело, то поставим себя под удар. Пока мы не раскрутили всю эту историю, пока не поняли, зачем все это, пока не выяснили, что все это значит, от Ямайки до Японии, досюда, пока мы не сможем вывести их на чистую воду, мы будем оставаться в живых ровно столько, пока они не увидят нас.
- Джоанна ухватила за это.
- Но нас сразу же засекут, если мы отправимся на охоту за Ротенхаузенем в Швейцарию.
- Но мы не отправимся прямо отсюда. Мы пойдем окольным путем, – сказал Алекс. – Из Англии мы полетим в Бельгию, затем другим самолетом – из Бельгии в Германию, а затем – поездом до Сант-Морицы. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы незаметно пробраться туда.
- На Джоанну это не произвело никакого впечатления.
- Сенатор попытался пробраться незамеченным в Лондон, но у него это не сработало.
- А у нас это сработает, – сказал Алекс. – Должно сработать.
- И что если удастся? Что мы будем делать, если попадем в Сант-Мориц?
- Алекс отхлебнул чай и задумался над ее вопросом, пощипывая кончик уса.
- Я найду логово Ротенхаузена, – произнес он. – Я выслежу его. Если оно не очень

сильно охраняется, а я не думаю, что оно будет сильно охраняться, я найду способ проникнуть в него. Когда я окажусь внутри, я постараюсь найти его кабинет. Если он аккуратный, методичный ученый, а он выглядит таковым, у него есть все записи того, что он сделал с тобой, как он это сделал и зачем. Когда мы их заполучим, то будем готовы рассказать всему миру, что случилось с Лизой Джин Шелгрин.

– А как насчет Британской Континентальной страховой?

– А что насчет нее?

– Если мы пойдем по ее следам, – сказала Джоанна. – Может, нам не придется ехать в Сант-Мориц.

– Теперь зная, где тебе промыли мозги, нам не надо совать нос в Британскую Континентальную. Кроме того, это было бы не менее опасно, чем поездка в Швейцарию, но маловероятно, что мы найдем там что-нибудь важное, такое, как у Франца Ротенхаузена.

Джоанна откинулась на спинку стула, настроившись на поездку.

– Когда мы покидаем Лондон?

– Как можно скорее, – сказал Алекс, – в течение этого часа, если нам это удастся.

Глава 55

Алексу и Джоанне надо было забрать свои паспорта из отеля. Им снова придется подцепить "хвост", а затем отделаться от него в последний раз перед тем, как покинуть Англию, но не из Лондона, а из какого-нибудь другого места. Если они по-тихому отбудут в Европу, то никто не сможет так легко их выследить. Затем, пробравшись окольными путями до Сант-Морицы, они попробуют прокрасться к доктору Францу Ротенхаузену.

Вернувшись в отель, они решили не подниматься в свой номер одни, а подошли к портю, заказали машину напрокат, сказав, что выпишутся из отеля быстрее, чем рассчитывали, и взяли с собой двух носильщиков, чтобы забрать вещи из номера.

Носильщики служили невольной охраной, и убийцы сенатора скорее всего не станут нападать при свидетелях. Пока Джоанна собирала чемоданы, Алекс нервно мерил шагами гостиную и наблюдал за дверью, ожидая, что в любой момент тихонько повернется ручка и дверь распахнется. К счастью, когда они прибыли сюда прошлой ночью, то были настолько уставшие, что не стали распаковывать багаж больше, чем это было необходимо. А этим утром у них, разбуженных шумным посланием Тома Шелгрин, не было времени вытащить вещи из чемоданов и разложить их по шкафам. Поэтому на сборы им потребовалась всего пара минут.

По пути вниз лифт остановился, чтобы подобрать пассажиров. На десятом этаже, когда двери лифта уже собирались открыться, Алекс расстегнул одну пуговицу на пальто, забрался внутрь и положил руку на рукоятку пистолета, заткнутого за пояс. Он был уверен, что люди, ожидающие лифт на площадке, не были просто другими жильцами отеля, что у них было оружие и что внутрь лифта сейчас ворвется веер пуль. В кабину вошла пожилая пара. Они оживленно спорили на искрометном испанском языке и едва ли замечали, что рядом еще кто-то есть.

Джоанна взглянула на Алекса и мрачно улыбнулась. Она знала, о чем он перед этим думал.

Алекс убрал руку со своего семимиллиметрового автоматического пистолета и застегнул пальто.

В холле они подождали заказанной машины, которая была доставлена через сорок пять минут после принятия заказа. В три часа они уехали от отеля в многолюдный, серый, насквозь промокший от дождя город.

Минут пять они кружили по лабиринту лондонских улиц, отвлекаясь одна от другой, не подчиняясь при этом никакой логике. Они заблудились, но это их не особо беспокоило. В этот момент их умы были заняты совсем другим. Они делали случайные повороты, зигзагами пробирались среди других машин и пытались определить, какой

автомобиль преследует их.

Джоанна повернулась и стала наблюдать в заднее окно. Через некоторое время она спросила:

– Ты видишь его?

Алекс взглянул в зеркальце заднего вида.

– Другой "Ягуар", да?

– Да. В этот раз – желтый.

– Похоже, все эти ублюдки путешествуют с шиком.

– Ну, они были знакомы с сенатором, – саркастически сказала Джоанна. – А сенатор всегда вращался в высших кругах общества, не так ли?

– Да, конечно, так, – криво произнес Алекс. – А теперь тебе лучше пристегнуться.

Джоанна повернулась лицом вперед и пристегнула ремень безопасности.

– Порядок, а теперь давай оторвемся от этого сукина сына.

Алекс крутанул руль вправо и проскочил перед автобусом. Он резко нажал на акселератор. Шины завизжали, автомобиль рванулся вперед. Они оторвались почти на целый квартал. Когда они ушли слишком далеко, Алекс, резко затормозив, свернул влево, оказавшись как раз на пути какого-то грузовика, который чуть не задел их задний бампер. Шофер грузовика сердито засигналил. Алекс просигналил в ответ, как будто они обменялись любезными приветствиями, и снова нажал на газ. Он повернул налево за угол и пристроился перед такси с разрывом всего лишь в несколько дюймов, затем, нарушая правила, выскочил на улицу с односторонним движением. На опасной скорости он проскочил эту узкую улочку навстречу потоку машин. Стены зданий стремительно уносились назад менее, чем в двух шагах от автомобиля. Машина подпрыгивала и тряслась на грубой мостовой. Алекс молился, чтобы никто не выехал на эту улочку им навстречу, и его молитва была услышана. Несколькими секундами позже они вынырнули из этой узкой улочки на главную магистраль. Он свернул направо и на скорости проскочил красный сигнал светофора, когда тот только поменял желтый.

"Ягуара" больше не было видно.

– Отлично! – произнесла Джоанна.

– Не так уж отлично, – обеспокоенно сказал Алекс.

– Но мы же их потеряли!

– А не должны были бы. Не так легко, по крайней мере.

– Легко? Да мы чуть полдюжины раз не врезались!

– Они убивают профессионально, так и преследовать должны как профессионалы. А профессионалы ни на минуту не потеряли бы нас из виду. У них машина лучше, чем у нас. И они должны лучше нас знать эти улицы. А это похоже на то, что было сегодня утром, с коричневым "Ягуаром". Это выглядит так, как будто они хотят, чтобы мы убрались отсюда.

– Но зачем им все это надо? – спросила Джоанна.

Алекс нахмурился.

– Не знаю. Я чувствую, что нас куда-то направляют, и мне это не нравится. Это пугает меня.

Глава 56

Джоанна крутила ручку настройки, пока не поймала станцию, передающую концерт Бетховена. За несколько минут прекрасная музыка немного успокоила нервы Алекса, и она увидела, как строгие складки озабоченности на его лице стали потихоньку смягчаться.

Они воспользовались дорожными картами, которыми их бесплатно снабдило агентство проката машин, но все-таки трижды сбились с пути, прежде чем выбрались на безопасное южное направление. Машина направлялась в Брайтон, на побережье, где Алекс намеревался провести ночь.

В течение многих лет Джоанна считала, что это была именно та дорога, где потеряли

свои жизни Роберт и Элизабет Ранд. Но Лондон доказал, что он совсем новый и чужой для нее, так же как и проносящийся за окном ландшафт, незнакомый, совершенно чужой. И если раньше она думала, что большую часть детства и юности провела в Лондоне, то теперь поняла, что здесь впервые. Роберт и Элизабет Ранд существовали только в нескольких строчках на бумаге, в фальшивых документах и, конечно, в ее мозгу.

Дворники глухо постукивали, как удары сердца.

Джоанна подумала о своем настоящем отце, Томасе Шелгрине, лежащем мертвым на полу гостиничного номера, и ей захотелось, чтобы образ сенатора смог вызвать у нее слезы. Лучше чувствовать горе, чем вообще ничего. Но ее сердце было закрыто для него.

На мгновение она почувствовала себя маленькой льдинкой в безбрежном море тьмы: она была одинока, одинока до боли, одинока остро и нестерпимо. Затем она взглянула на Алекса, и ледяное одиночество растаяло, испарилось. Джоанна положила руку ему на плечо. Он оторвал взгляд от дороги, и она сказала, что любит его, а он снова посмотрел на дорогу и сказал, что любит ее. И ей снова стало хорошо.

Постепенно в ней начал шевелиться червячок нового страха. А что, если они разлучат ее с Алексом? Что, если они убьют его? Тогда она превратится в ту льдинку, как это уже было однажды, но теперь уже навсегда.

Буря продолжалась без перерыва, пасмурный зимний день быстро перешел в вечер. Дождь падал из пепельно-серого неба и собирался в грязные лужи на свинцово-серой земле. Шоссе выглядело, как яркая черная лента, на которой колыхался свет фар, как свет луны, отраженный от стеклянной поверхности сонно текущей реки.

– Как раз на западе от Брайтона, – сказал Алекс, – на пути к Уортингу, есть маленькая гостиница под названием "Колокол и дракон". Ей пара сотен лет, но она чертовски хорошо сохранилась и кормят там вполне прилично.

– Может, надо заказать номер?

– Не в это время года. Туристский сезон давно прошел, но у них всегда найдется несколько прекрасных номеров.

Когда они вскоре прибыли в "Колокол и дракон", Джоанна увидела, что это было действительно приятное местечко. Единственная вывеска – большой деревянный рекламный щит – висела на перекладине меж двух столбов при выезде на шоссе. "Колокол и дракон" примостился в тени древних вязов, и парковочная площадка была почти такой же темной, какой она, вероятно, была в те дни, когда гости прибывали в каретах, запряженных лошадьми. Гостиница представляла собой довольно беспорядочное сооружение, радующее глаз. Снаружи постройка была наполовину из кирпича, наполовину – из штукатурки и отделана полубрусом. Двери были обшиты дубом. В коридоре и гостиных мягкий электрический свет, спрятанный в переделанных латунных газовых рожках, придавал неповторимый блеск отполированным и богато инкрустированным панелям. Алексу и Джоанне отвели просторные помещения на втором этаже. Белые оштукатуренные стены тоже были отделаны деревянными панелями, дубовый пол покрывал роскошный палас.

Джоанна осмотрела краны в ванной: они были сделаны в виде голов грифонов. Она была приятно удивлена, обнаружив, что камин в спальне действовал. И наконец, бросившись на кровать под балдахином, она произнесла:

– Алекс, это восхитительно!

– Все это из другого столетия, – сказал Алекс, – из века, который был более гостеприимен, чем наш.

– Очаровательно. Мне так нравится здесь. Как часто ты останавливался в этой гостинице?

Этот вопрос, казалось, удивил его. Он задумчиво смотрел на нее, но ничего не говорил.

Джоанна села.

– Что случилось?

Алекс пощипывал себя за ус. Его загорелая кожа побледнела до желтой.

– Я никогда не останавливался здесь раньше.

– Что?

– Я никогда не был раньше на этой дороге в Брайтон, и у меня, – сказал он, – нет ни малейшего представления, откуда я знаю о "Колоколе и драконе". Проклятье, сегодня это уже третий раз.

Он подошел к ближайшему окну и стал рассматривать темноту.

– Третий раз что? – спросила Джоанна.

– Третий раз я знаю что-то такое, что не должен знать. Третий раз я знаю, не зная откуда. У меня мурашки по спине бегут. Перед тем как я распечатал утром то письмо, я уже знал, что оно от сенатора.

– Но это была всего лишь удачная догадка, – сказала Джоанна.

– И прежде чем мы попали в его гостиничный номер, прежде чем я увидел, что его дверь приоткрыта, я уже знал, что Том Шелгрин мертв. Знал это!

– Предчувствие.

– Нет.

– Это ясновидящие, кто может...

– Не верь в это.

– Тогда назови это голой интуицией, – натянуто произнесла Джоанна. – Однажды ты рассказывал мне, что у тебя бывают сильные предчувствия и обычно они оправдываются.

Алекс отвернулся от окна.

– Это больше, чем предчувствие, Джоанна. Я знал это название – "Колокол и дракон". Я точно знал, как выглядит это место, хотя прежде никогда его не видел.

– Может быть, кто-то рассказывал тебе о нем и сказал, что здесь можно остановиться, если ты когда-нибудь поедешь в Брайтон.

Он покачал головой.

– Нет. Если бы мне кто-то рассказывал об этом, я бы вспомнил того человека.

– Ну, может быть, ты читал об этой гостинице в каком-нибудь путеводителе и видел ее фотографии.

– Я помнил бы и об этом.

– Но не тогда, если это было несколько лет назад. Может, ты случайно прочитал. Например, какой-нибудь журнал в приемной доктора. Что-нибудь такое, что ты прочитал и забыл, но что застряло у тебя в подсознании.

– Может быть, – сказал он, совершенно неубежденный.

– Что-нибудь вроде того, – сказала Джоанна, – что-нибудь вполне обычное. Ничего сверхъестественного здесь нет, а есть какое-нибудь очень простое объяснение.

– Простое? Я в этом не уверен, – мрачно произнес он. – У меня опять это странное чувство, будто нами управляют.

Он повернулся к окну, прислонился к стеклу и стал пристально всматриваться в темноту, как будто был уверен, что кто-то извне также пристально смотрит на него.

Глава 57

С приходом ночи температура в Лондоне упала на пять градусов. Теперь было около нуля. Ветер усилился, и дождь превратился в дождь со снегом. Возвращаясь домой из офиса "Филдинг Атисон", Марлоу ехал медленно и проклинал погоду. В ожидании столкновения, он втянул голову в плечи, а руками крепко вцепился в руль так, что костяшки пальцев побелели. Впереди, рядом и позади по обледенелой мостовой неслись машины. Он разумно пользовался тормозами и газом, держа стрелку спидометра между двадцатью и двадцатью пятью километрами в час. Он был зол на других водителей. Насколько Марлоу мог судить, он единственный не вел машину как маньяк-самоубийца.

"Они что – не хотят жить?" – крутилось в его голове. Его так и подмывало открыть окно и крикнуть им: "Какого черта с вами случилось, безумные ублюдки? Идиоты, вам жить надоело?" Впереди какой-то неопытный водитель нажал на тормоз. Слишком сильно.

Слишком резко. Машину занесло. Плавнов нажав на тормоз, Марлоу поздравил себя с тем, что предусмотрительно оставил слева от себя достаточно места, чтобы остановиться. Сзади жутко завизжали тормоза третьей машины. Марлоу вздрогнул и стиснул зубы, считая секунды до столкновения. Просто чудо, что пока еще никто в него не врезался. Марлоу очень хотел жить. Он нежно любил жизнь и хотел умереть не раньше своего сорокового дня рождения, и обязательно в постели с молодой женщиной. С очень молодой женщиной. С двумя очень молодыми женщинами.

В этот момент его беспокойство обострилось тем, что он не мог сосредоточиться на управлении машиной так, как ему хотелось бы. Несмотря на постоянный страх, что какой-нибудь идиот врежется в него, его мысли были далеко. Последние несколько дней были наполнены неприятными предчувствиями и зловещими предзнаменованиями. Он не мог не думать о них.

Сначала – конфронтация с Игнасио Каррерасом. Когда Марлоу потребовал назвать настоящее имя Джоанны Ранд, этим он проверял свою силу против силы Игнасио. Он не ожидал обнаружить, что он более могущественный, чем Каррерас, но был уверен, что подтвердит их равенство в системе шпионажа. Но вместо этого он получил оплеуху. Тяжелую. Он все еще чувствовал боль от нее. Оказалось, что на их служебной лестнице Каррерас стоял выше, чем Марлоу, по крайней мере, в том, что касалось дела Джоанны Ранд. Когда Каррерас приказал не трогать ее, несмотря на все те трудности, которые она могла создать, он пообещал Марлоу подтверждение свыше. Дублирующие приказы приходили быстро и в энергичных выражениях. Марлоу опасался, что в худшем случае он получит строгий выговор от своего непосредственного начальника, но приказы спускались вниз из гораздо более высоких инстанций.

Он все еще переживал и чувствовал жгучую боль от потери престижа, когда из Америки примчался этот нелепый толстяк, Ансон Петерсон, и раскомандовался с королевским гонором. Марлоу не разрешили увидеть эту женщину по фамилии Ранд, даже на фотографии. Ему было приказано не разговаривать с ней, если она снова позвонит в Британскую Континентальную страховую. Не допускалось, чтобы он даже просто думал о ней. Петерсон руководил всей операцией, а Марлоу проинструктировали заниматься другой работой, как если бы он ничего не знал об этом кризисе.

Марлоу крайне неохотно сдавал каждый дюйм своих позиций. Каждая из его привилегий была заработана. Он ревностно охранял их. Бесцеремонная узурпация власти этим толстяком беспокоила и приводила его в ярость. Из этих раздумий его вывел резкий гудок. Грузовик, груженный мороженой птицей, занесло и почти притерло к его машине. Он быстро взглянул в зеркало заднего обзора и, увидев, что никого прямо за ним не было, нажал на тормоз сильнее, чем был должен – все в одно мгновение. Его машину стало заносить, он позволил колесам встать так, как им хотелось, и моментом позже снова овладел управлением. Грузовик проскользнул мимо, чудом не задев его, качнулся, будто собираясь опрокинуться, а затем, восстановив равновесие, умчался прочь.

Марлоу занимал целый верхний этаж большого трехэтажного восемнадцатикомнатного загородного дома, переделанного под квартиры.

Припарковавшись перед домом и выключив мотор машины, он с облегчением вздохнул.

Пока он бежал к двери, дождь со снегом попал ему за воротник и таял там, струясь холодными ручейками по спине, на протяжении всего пути через теплый подъезд и вверх по лестнице. Его била крупная дрожь. Марлоу открыл дверь квартиры и включил свет. Сделав два шага внутрь, он остановился, как будто уперся в стену.

Газ!

Воздух был насыщен едким запахом газа. Он выхватил носовой платок из кармана, закрыл им нос и рот и поспешил в кухню. Он проверил все краны газовой плиты, но они были закрыты.

Что-то было не так. Кошмарно не так. Даже если выключены все посадочные огни, даже если они были выключены весь день, – это не объясняет скопление такого количества

газа.

Он закашлялся в платок.

Внезапно он понял, что означал этот газ. Понял, что у него в запасе только несколько секунд, и все решится за это время.

Он не мог двигаться, попробовал поднять ногу. Бесполезно. Он чувствовал себя так, как будто был прибит гвоздями к полу. Страх заморозил его.

Одна секунда прошла. Сколько еще? В оцепенении он уставился на плиту.

– Нет, – произнес он. – Пожалуйста, Петерсон. Нет!

Прошла еще одна секунда.

Он все еще не мог сдвинуться с места.

"Если ты хочешь дожить до ста лет, – сказал он сам себе, – тебе лучше сменить работу".

У него закружилась голова.

"Они собираются убить меня, потому что я слишком много знаю об этой Ранд, – думал он. – Но, видит Бог, я едва ли знаю что-нибудь! Или она так важна, что они готовы убить меня только потому, что я знаю о ее существовании? Она не может быть такой важной! Не может!"

Через четыре-пять секунд после этого озарения, когда Марлоу смог оторвать взгляд от плиты, он услышал начало взрыва, но никогда уже не услышит его конец. В одно мгновение на него обрушился град осколков стекла и металла. По крайней мере, дюжина очень острых осколков проткнула его череп и вошла глубоко в мозг. Уже мертвый он был отброшен назад и через кухонную стену вылетел в промозглую зимнюю ночь.

На другой стороне улицы, напротив квартиры Марлоу, в припаркованном автомобиле сидел толстяк. Он видел, как Марлоу выходит из черного маленького "Форда". Видел, как Марлоу входит в здание. Видел, как на третьем этаже зажегся свет. Он увидел вспышку огня, вылетающие окна и взрывающуюся стену. Также он увидел тело, выброшенное взрывом в ночь. На долю секунды показалось, что мертвец может летать, как птица, но затем он глухо шлепнулся на мостовую.

Какие-то мужчина и женщина выбежали из главного входа здания. На втором этаже никого не было дома, поэтому Петерсон вычислил, что эти двое были жильцами с первого этажа. Они было бросились к рухнувшему телу Марлоу, но, разглядев его, отпрянули назад, борясь с приступами тошноты.

Толстяк положил в рот мятно-ромовый леденец, отпустил стояночный тормоз, включил зажигание и поехал прочь от этого места.

Петерсон еще не получил разрешения на уничтожение Марлоу. На самом деле, он никогда и не ожидал его получить. Хотя Марлоу знал о деле Ранд и понимал его относительную важность, точная механика всего происходящего была для него тайной. Он знал недостаточно, чтобы подвергнуть опасности эту операцию. И хотя он сделал несколько ошибок на прошлой неделе, их еще было мало для его ликвидации. Высшее начальство было недовольно оперативниками, которые постоянно пытались расширить сферу влияния, как это делал Марлоу. Однако только за это устраняли крайне редко. В худшем случае, Марлоу был бы отослан домой. Но более вероятно, ввиду того, что он был действительно хорошим агентом, ему просто вкатили бы строгий выговор и поместили бы под колпак наблюдения.

Но Марлоу должен был умереть. Он был одной из шести основных целей в "черном" списке толстяка. Петерсон кое-что пообещал очень влиятельной группе людей. Если ему не удастся сдержать эти обещания, то его собственная жизнь не будет стоить ни гроша. Петерсон не мог покинуть Англию, пока был жив Марлоу. И так как его рейс в Цюрих по расписанию был в 8.00, обстоятельства вынуждали его действовать без разрешения начальства. Буквально за час он подготовил взрыв газовой плиты так, чтобы это выглядело как несчастный случай. У людей, требовавших абсолютного повиновения от Ансона Петерсона, могли бы возникнуть подозрения насчет несчастного случая, но они скорее обвинят другую сторону, чем своего собственного агента.

А другие люди, те, кому Петерсон так много обещал, будут удовлетворены, что первое

обещание сдержано.

Один человек был мертв, первый из многих.

Глава 58

Алекс и Джоанна пообедали в уютном, отделанном дубовыми панелями, ресторанчике в "Колоколе и драконе". Еда была отличная, но Алекс не мог наслаждаться ею в полной мере. Он ел и тайком наблюдал за другими посетителями, пытаясь определить, не следит ли кто за ними.

Позже в своей комнате в темноте они занимались любовью. В этот раз все происходило медленно и нежно. Они лежали, как пара ложек в буфете: она отвернулась от него, а он грудью прижался к ее спине, ее ягодичы, теплые и очень привлекательные, прижимались к его паху. Держа ее одной рукой за твердые груди, он медленно вошел в нее, наконец, избавившись от чувства, что за ними наблюдают и управляют ими. Он был ошеломлен совершенством ее кожи, шелковистостью ее волос и, казалось, что любовь исходила из нее, как сладкий аромат цветка. Джоанна вытеснила все его мысли и заполнила его ум собой, как будто она была сверхновой, увеличившейся в объеме до пределов солнечной системы и выйдя за нее.

Этой ночью Алекс снова видел тот странный сон. Мягкая кровать. Белая комната. Три хирурга в белых халатах и масках. Они смотрят вниз на него. Первый хирург произнес: "Где, по его мнению, он находится?" Второй хирург ответил: "Южная Америка. Рио". А третий хирург спросил: "А что будет, если не удастся?" Первый хирург ответил: "Тогда, возможно, его убьют, а наши проблемы останутся". Алекс поднял руку, чтобы коснуться ближайшего доктора, но, как и прежде, его пальцы внезапно превратились в крошечные модельки зданий. Он удивленно уставился на них, а затем его пальцы перестали быть просто модельками и превратились в пять высоких зданий где-то очень далеко. Затем эти здания стали расти, превращаясь в небоскребы, они приближались, а город рос на его ладони и вверх по руке. Вместо лиц хирургов появилось ясное голубое небо, а под ним был Рио, фантастический залив. Затем его самолет приземлился, он вышел и оказался в Рио. Где-то звучала печальная, но красивая мелодия испанской гитары.

Он забормотал и повернулся во сне, потом погрузился в другой сон. Он находился в холодном темном склепе. Тускло мерцали свечи. Он подошел к черному гробу, который покоился на каменном возвышении, и за медные ручки поднял крышку гроба. Внутри лежал Томас Шелгрин. Окровавленный и мертвый. Какое-то мгновение Алекс смотрел на сенатора и уже начал опускать крышку, когда глаза трупа с треском открылись. У него перехватило дыхание. Шелгрин злорадно ухмыльнулся Алексу, сгреб его сильными серыми руками и попытался втащить в гроб.

Алекс сел в постели.

Крик застрял в его горле. Он подавил его. Джоанна спала.

Какое-то время он в оцепенении подозрительно озирался на темные тени по углам. Он оставил дверь в ванную приоткрытой и выключил там свет. Однако большая часть комнаты была погружена в темноту. Постепенно его глаза привыкли. В конце концов, он вылез из постели и подошел к окну.

Окна комнаты выходили на море. Но в это время ночи Алекс ничего не увидел, кроме огромной черной пустоты, отмеченной только неясными огнями большого корабля, который почти скрылся за завесой дождя. Он перевел взгляд на нечто более близкое – крытую шифером крышу, полого нависавшую над окном и образующую широкий карниз. Еще ближе: узорчатые ромбовидные окна были из оцинкованного стекла. Каждый ромбик скошен по краям. На поверхности стекла отразилось его вытянутое лицо, прозрачное и затравленное, глаза, как два бездонных омута, крепко сжатая линия рта.

Это дело началось повторяющимся кошмаром Джоанны. Теперь, похоже, оно может закончиться его собственным повторяющимся сном. Он не верил в совпадения. Алекс был

уверен, что в его сне содержалось некое послание, которое они должны понять, если хотят выжить. Его подсознание пыталось донести до них что-то отчаянно важное.

"Ради всего святого, что это значит?"

Прошлой весной он провел три недели на Рио, но не был там в больнице и не встречал никаких докторов. Эта поездка была совершенно обычной – всего лишь один из многих побегов от работы, когда та начинала его донимать. Он оторвал взгляд от своего отражения и стал задумчиво смотреть вдаль, в темноту.

"Мы – марионетки, – думал он. – Джоанна и я. Марионетки. А кукловод находится не здесь. Где-то. Кто? Кто ты? Где ты? Какого черта ты хочешь?"

Молния вспорола нежное тело ночи.

Глава 59

Дождь прекратился. Утро было ясное и страшно холодное.

Джоанна чувствовала себя освеженной и более свободной, чем накануне. Но она видела, что Алексу эта ночь в гостинице не принесла ничего хорошего: его глаза были красные и обведены темными кругами дряблой кожи.

Он вернул семимиллиметровый пистолет в тайник – выпотрошенный фен – и упаковал этот фен в большой чемодан Джоанны. Они выписались из "Колокола и дракона" в девять часов. Портье пожелал им счастливого пути.

Они пошли в аптеку и купили металлическую банку с тальком вместо той, что Алекс опустошил в туалете в Лондоне. Уже в машине Алекс сунул запасные обоймы в тальк, Джоанна положила вновь запечатанную жестянку в чемодан. Они выехали из Брайтона в направлении Саутгемптона. За ними никто не следовал.

В Саутгемптонском аэропорту они оставили взятую напрокат машину на парковочной площадке. Они брали машину на неделю, но отсутствовать она будет восемь или девять дней. Если бы они вернули ее в бюро проката, объяснял Алекс, они оставили бы легко прослеживаемый путь.

У авиакомпании Аригни имелось несколько непроданных билетов на Шербур в воскресенье утром. Алекс и Джоанна сидели у окна с правой стороны. Полет прошел гладко, не было ни малейшей качки.

Французские таможенники дотошно осмотрели багаж, однако, они не открыли ни жестянку с тальком, ни фен.

Из Шербура Алекс и Джоанна добрались турбоэкспрессом до Парижа. Настроение Алекса немного улучшилось. Париж был одним из городов, где он любил бывать. Обычно он останавливался в отеле "Георг V". Алекса знали там настолько хорошо, что он мог получить номер без предварительного заказа. Однако на этот раз они остановились в менее роскошных апартаментах, исключительно потому, что не хотели появляться там, где Алекса могли бы узнать.

Из отеля Алекс позвонил в отель Сант-Морица. Бегло говоря по-французски и назвавшись Морисом Дамутом, он спросил, есть ли у них свободный номер на неделю, начиная с понедельника или вторника. К счастью, у них оказался свободный номер.

Когда Алекс положил трубку, Джоанна спросила:

– А почему Морис Дамут?

– Если кто-нибудь, связанный с Ротенхаузенем, будет обходить отели Сант-Морицы, проверяя регистрационные книги, он не найдет нас.

– Я хотела спросить, почему Морис Дамут, а не какое-нибудь другое имя?

Алекс заморгал.

– Не имею ни малейшего представления.

– Я подумала, может, ты знал кого-нибудь с этим именем.

– Нет. Я придумал его на ходу.

– Но ты врал так убедительно.

- Это талант, который требуется в моей профессии.
- Пожалуй, я не буду верить тебе на слово, – кокетливо сказала Джоанна.
- Черт побери, я выдал себя с головой! – Он улыбнулся.
- А ты когда-нибудь мне врал?
- Бесстыже.
- Ты говорил мне" что я хорошенькая.
- Да нет.
- Да?
- Ты не то, чтобы хорошенькая. Ты красивая, восхитительная, великолепная.
- Ты говорил, что любишь меня.
- Я не это имел в виду.
- Ты злодей, – улыбаясь, сказала она.
- Слово "люблю" – не совсем точное. Я имел в виду большее. Я берегу тебя, как сокровище.
- А может быть, все это ты говоришь каждой встречной женщине?
- Каюсь.
- Все для того, чтобы завлечь их в постель.
- Могу я завлечь тебя в постель?
- Я думала, что ты никогда не согласишься это.

Около часа они исследовали друг друга с помощью рук и языков, игриво и страстно. Когда Джоанна, наконец, подтолкнула его к мысли, что неплохо бы и начать, они оба были готовы к этому, как никогда. Он нежно и глубоко вошел в нее, и она прильнула к нему. Она сжимала твердые мускулы его рук, плеч, спины. Ищущие, ее руки металась по нему и чувствовали, что везде он тверд, как скала. Она летела, взлетая все выше, выше и выше, подобно ракете. И через некоторое время упала, но медленно, плавно, следуя потокам удовольствия, во многом напоминая то, как скользит планер по теплым воздушным рекам высоко над землей.

Они обедали "У Лаперуза" наверху. Низкий потолок, фрески на покрытых паутиной трещин стенах, элегантная обстановка, любезные официанты – все это создавало такую романтическую атмосферу, какую Джоанна никогда раньше не ощущала. С их столика открывался вид на темную реку, испещренную пятнышками света от небольших лодок и зданий, стоявших вдоль ее берегов. Когда она задумчиво ела безупречное *oie rotie aux rigneaux* и слушала рассказы Алекса о Париже, то поняла, что никогда, никому и ничему не позволит разлучить их.

Она скорее умрет.

Глава 60

В Сант-Морице в распоряжении толстяка был серый "Мерседес". Он сам вел машину, что не мешало ему распечатать упаковку "Lifesavers" и время от времени отправлять в рот мятно-ромовый кружочек.

Девять месяцев в году небо в этой местности было затянуто штормовыми тучами, что обещало много отличного сухого снега. Вершины гор прятались в тумане, развевавшемся как седая борода.

Днем Петерсон разыгрывал из себя туриста. Он ездил от одной достопримечательности к другой и восхищался красотой пейзажа.

Курорт Сант-Мориц делился на три части: Сант-Мориц-Дорф находился на горной террасе более, чем в двухстах футах над озером; Сант-Мориц-Бад – очаровательное местечко на берегу озера; Чампфер-Сувретта. До конца XIX столетия собственно курортом с минеральными источниками был Сант-Мориц-Бад, но впоследствии он уступил пальму первенства Сант-Мориц-Дорфу, который сейчас, возможно, самый блестящий курорт в мире. Не так давно Сант-Мориц-Бад собрался восстановить утерянный авторитет. Но его

амбициозная программа оздоровления местной экономики привела к весьма непривлекательному строительному буму.

Через час после заката толстяк отправился на деловое свидание в Сант-Мориц-Бад. Оставив свой "Мерседес" на попечение служащего одного из новых уродливых отелей, он пересек холл и направился к коктейль-бару, из которого открывался чудесный вид на озеро. В баре было многолюдно и шумно.

Дневной портье, Рудольф Уберсекс, сменившийся пятнадцать минут назад, ждал у углового столика. Это был сухощавый мужчина с длинными тонкими руками, которые постоянно были в движении. Скинув небрежно пальто, Петерсон бросил его на спинку стула и сел лицом к портье. Уберсекс почти покончил со своим бренди и был не прочь выпить еще. Толстяк заказал две порции. После того, как их обслужили, Петерсон произнес:

– Что-нибудь есть?

Портье нервничал. Отпив маленький глоток бренди, он тяжело вздохнул и сказал:

– Господин Морис Дамут позвонил четыре часа назад.

– Отлично.

– Он прибудет в понедельник.

– Надеюсь не один?

– Со своей женой.

Из кармана пальто Петерсон достал конверт. В нем лежали пять тысяч швейцарских франков. Он передал конверт Уберсексу и сказал:

– Это ваша вторая получка. Если в понедельник все пройдет хорошо, вы получите третий конверт. Портье, оглянувшись по сторонам, убрал конверт из виду, как будто если кто-то увидит его, то сразу же поймет, что в нем.

– Мне хотелось бы кое-каких гарантий, – сказал Уберсекс.

Петерсон нахмурился.

– Гарантий?

– Хотелось бы быть уверенным, что никого...

– Да?

– ... что никого не убьют.

– О, конечно. Даю вам слово.

Уберсекс изучающе посмотрел на него.

– Если в отеле кого-нибудь убьют, у меня не будет выбора, кроме как пойти и рассказать властям все, что я знаю.

Петерсон произнес тихо, но резко:

– Это было бы глупо. Вы – соучастник, сэр. Власти не будут с вами церемониться. И мои ребята – тоже.

Уберсекс залпом допил свой бренди, как будто это была вода.

– Вероятно, мне придется вернуть эти деньги.

– Я не приму их, – сказал Петерсон. – И я очень рассержусь, если вы попытаетесь это сделать. Уговор дороже денег, мой дорогой сэр.

– Кажется, я по уши увяз.

– Вот именно, сэр. Но расслабьтесь. У вас есть мое слово. Никакого насилия в отеле. – Он улыбнулся и добавил:

– А теперь скажите мне, здесь приличный ресторан?

Уберсекс долго и пристально смотрел на него и, наконец, вздохнув, произнес:

– Еда здесь ужасная.

– Я так и думал.

– Попробуйте в "Чеза Велья".

– Так и сделаю.

– Или в "Корвилье", у верхней площадки фуникулера.

Положив деньги на стол, Петерсон встал, втиснулся в пальто и пошел к выходу.

Глава 61

В воскресенье Алекс и Джоанна прилетели в Цюрих. Их превосходный отель "Baug au Lac", располагавшийся в глубине собственного приозерного парка, находился в конце Банхофштрассе.

В своей комнате Алекс разобрал фен и сунул пистолет за ремень. Из жестянки с тальком он достал запасные обоймы.

– Как бы мне хотелось, чтобы тебе не надо было больше носить это с собой, – сказала Джоанна.

– Мне бы тоже. Но мы слишком близко подоברались к Ротенхаузену, и я не рискую ходить без него.

Они снова занимались любовью. Дважды. Он не мог не наслаждаться ею. Он искал не столько секса, сколько эмоциональной близости, которая сопутствовала сексу. В страсти они были как две души в едином теле.

Этой ночью ему снова приснился сон.

Он проснулся незадолго до трех часов ночи, крик застрял у него в горле. Алекс закашлялся, пытаясь задушить крик, и ему удалось не разбудить Джоанну. Больше он не ложился спать. Он сидел на стуле около кровати с пистолетом на коленях, пока в шесть часов не прозвенел будильник. По крайней мере, один раз из миллиона он был благодарен своему особенному обмену веществ, который позволял ему восстанавливать силы за такой короткий промежуток сна.

В понедельник рано утром они отправились поездом на восток от Цюриха.

Когда они отъехали от станции, Джоанна сказала:

– Мы действительно едем окольным путем. Никто не сможет нас легко выследить.

– А может, им нет нужды нас отслеживать.

– Что?

– Может, они знали наш маршрут задолго до того, как мы его узнали, – сказал Алекс.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не уверен, но иногда я чувствую себя... запрограммированным. Как робот.

– Не понимаю.

– Я тоже, – сказал он. – Забудь об этом. Давай наслаждаться пейзажем.

В Шоре они пересели на другой поезд и поехали по плодородной долине Рейна. Летом эта земля покрывается зеленью виноградников, пшеничных полей и фруктовых садов, а сейчас она дремлет под одеялом снега. Путешествуя по высоким Рейнским Альпам, они подъехали к Ландкарту, миновали живописное Ландкартское ущелье и направились вверх по другой реке. После долгого, извилистого, но по большей части некрутого подъема, минуя группы курортных деревенок, они подъехали к Клостерсу, который был почти так же знаменит, как Сант-Мориц.

Выгрузившись в Клостерсе и оставив свой багаж на станции, они отправились приобретать себе лыжные костюмы. Когда они ехали из Цюриха, то поняли, что ничего из той одежды, которую они взяли с собой, не подходило для декабрьской погоды высоко в горах. Кроме того, в зимней одежде горожан они были заметны, а этого им не хотелось. Переодевшись в примерочной лыжного магазина, Алекс и Джоанна выбросили свою старую одежду. Служащий был шокирован. После ленча они купили билеты на поезд до Давоса.

Поезд был переполнен французскими лыжниками, отправлявшимися в Сант-Мориц. Французы были шумные, счастливые, пили вино из бутылок, которые доставали из простых бумажных пакетов.

Начал падать сухой снег. Ветер был на удивление несильный. В Раетане железная дорога пересекала реку Ландкарт на ужасающей высоте, карабкалась через величественные сосновые леса и пихтела мимо лыжного курорта под названием Вольфганг. В конце концов, дорога спускалась вниз, к Давосскому озеру и городу Давос, делившемуся на Давос-Дорф и Давос-Плац.

Теперь снег повалил гуще. Поднялся ветер.

Из окна поезда Алекс видел, что буря скрыла вершину горы Вайсфлу, у подножия которой раскинулся город. Оттуда, сверху, в тумане, за плотной завесой падающего снега, лыжники начинали спуск по Парсеннской трассе, от седловины Вайсфлу на высоте 9000 футов над уровнем моря до города, который находился на отметке 5500 футов.

Несмотря на очарование местности за окном поезда, почему-то неизбежно возникало чувство абсолютной уединенности. Именно это вот уже более века привлекало сюда людей. Спасаясь от Лондона, сэр Артур Конан-Дойль часто приезжал сюда, возможно, чтобы подумать о Холмсе. В 1881 году Роберт Льюис Стивенсон в поисках уединения устремился в Давос с его животворным воздухом, чтобы закончить свой шедевр "Остров сокровищ".

– Вершина мира, – сказал Алекс под впечатлением от увиденного.

– Но у меня такое странное чувство, что вся остальная земля погибла, – произнесла Джоанна, – все пропало... в ядерной войне... или в каком-нибудь другом катаклизме. И у меня ощущение, будто это все, что осталось. Оно такое... особенное... отдаленное.

"Если нам суждено исчезнуть в этой безбрежности, – тревожно подумал Алекс, – никто никогда не найдет нас".

Из Давоса поезд направлялся в Susch и Senol. французы пели и довольно хорошо: никто не жаловался. В ранних сумерках поезд двигался вверх по долине Engandine, мимо озера, в Сант-Мориц. Они находились в центре снежной бури. Ветер срывался с гор со скоростью тридцать километров в час, временами ускоряясь до пятидесяти километров. Невероятно сильный снегопад свел видимость до минимума.

Регистрируясь в отеле, Алекс и Джоанна использовали свои собственные имена, но Алекс попросил оставить имя Мориса Дамута в книге регистрации.

В городе, привыкшем принимать путешествующих инкогнито звезд кино, герцогов, герцогинь, графов, графинь, богатых промышленников со всех уголков мира, такая просьба не показалась необычной и была уважена.

Им предоставили маленький, но удобный номер на пятом этаже.

Когда носильщики ушли, Алекс проверил оба замка и двойную дверь. Затем он прошел в спальню, чтобы помочь Джоанне распаковать вещи.

– Я так устала, – произнесла Джоанна.

– Я тоже, – сказал Алекс, доставая из-за ремня свое оружие. Он положил пистолет на ночной столик.

– Я еле держусь на ногах, – сказала Джоанна, – но я боюсь спать.

– Сегодня мы будем в безопасности.

– У тебя все еще не прошло то ощущение? – спросила Джоанна, подавая ему стопку носков.

Алекс положил носки в ящик комода и спросил:

– Какое ощущение?

– Ощущение, что мы вроде как запрограммированы...

– Нет, – солгал он. – Прошло. Это было глупо с моей стороны. Забудь, что я говорил об этом. Я был подавлен и нервничал.

– Что мы будем делать завтра?

– Рыскать в поисках Ротенхаузена, – сказал Алекс.

– Будем искать, где он живет?

– Да.

– А потом?

Внимание Алекса привлек какой-то звук сзади, он обернулся.

У открытой двери, ведущей из спальни в гостиную, стоял высокий и крепкий мужчина.

"Они не только знают, что мы здесь, – подумал Алекс, – но у них даже есть ключи от нашей комнаты! Так быстро! Они появились слишком быстро!"

Джоанна увидела вошедшего и закричала.

Человек был в странной маске, а в руках держал какое-то необычное оружие.

Очень странная маска.

"Противогаз!"

Алекс потянулся за пистолетом, но тот лежал на ночном столике.

Человек в маске выстрелил из газового пистолета. Мягкие, воскообразные пули ударились об Алекса и, разрушенные этим столкновением, выбросили клубы сладко пахнущего газа.

Наконец, Алекс схватил свой семимиллиметровый автоматический пистолет, но прежде чем смог воспользоваться им, земля ушла у него из-под ног.

Глава 62

В прихожей номера Игнасио Каррерас и Антонио Паз складывали в две большие гостиничные тележки для грязного белья багаж, бывший в спальне, а затем поверх чемоданов они погрузили Алекса Хантера и Джоанну Ранд.

С точки зрения Каррераса, эта женщина была даже еще более красивой, чем она выглядела на фотографиях. Если бы газ действовал больше получаса, он раздел бы ее и изнасиловал прямо здесь, сейчас же. Беспомощно спящей она была бы теплой и исключительно податливой. Но времени не было.

Каррерас принес с собой два кожаных чемодана. Они принадлежали толстяку. Он оставил их в спальне.

Завтра их дневной портье изменит запись в регистрационной карточке. Все будет выглядеть так, будто Ансон Петерсон поселился здесь в понедельник.

Хантер и Джоанна просто исчезнут.

Паз накрыл бесчувственные тела полотенцами и смятыми простынями.

Они покатали тележки к грузовому лифту и спустились на первый этаж. По пути они никого не встретили.

Глава 63

Когда Алекс пришел в сознание, у него сильно болела голова. На языке чувствовался какой-то налет. Во рту был привкус желчи. Сначала все плыло у него перед глазами, но постепенно зрение пришло в норму.

"По крайней мере, я жив", – мелькнуло у него в голове.

А затем он подумал: "Но почему? Я же не нужен им живой. Должен быть мертвым".

Он лежал на левом боку на черно-белом кафельном полу. Это была кухня. Единственным освещением была включенная конфорка плиты. Спиной он упирался в какой-то кухонный шкаф. Руки были связаны сзади. Хорошо и прочно. Бельевой веревкой или чем-то похожим. Ноги тоже были связаны.

Джоанны рядом не было. Он тихо позвал ее по имени. Но ответа не последовало. Да Алекс и не ожидал его.

Он ненавидел себя за то, что позволил им так легко взять ее.

Он был один. Они оставили его без охраны. У него все еще был шанс.

Алекс прислушался. Ни шагов, ни разговоров в соседней комнате не было. Ничего. Тишина.

Понимая, что веревка так легко не ослабнет или не порвется, но тем не менее, надеясь что это случится, надеясь на чуточку везения – для разнообразия, он попытался подергать запястьями. Невероятно, невозможно, но веревка порвалась со второго же рывка.

Ошеломленный, боясь пошевелиться, он лежал без движения, прислушиваясь и удивляясь.

Тишина.

Страх обострил его чувства, и он смог даже унюхать то, что было закрыто в буфете: зубок чеснока, мыло для мытья посуды, какой-то пикантный сыр и другое.

Наконец, он вытащил руки из-за спины. Обрывок веревки свободно висел у него на запястьях. Он сдернул ее.

Алекс развернулся на блестящем полу и оперся спиной о шкаф. Он развязал ноги, встал, пригнулся, сжав руки в кулаки, и приготовился бежать. Освобождаясь от веревки, он произвел небольшой шум и теперь ожидал услышать топот бегущих ног. Но никто не появился.

Он поднял кусок веревки и, поднеся ее к плите, осмотрел при слабом мерцающем свете.

Он сразу же понял, почему ему так легко удалось разорвать веревку. Пока он был без сознания, кто-то почти полностью перерезал ее, оставив только несколько волокон. Там, где веревку разрезали, края были ровными, а там, где Алекс ее разорвал, – обтрепанные.

"Мы все действуем, как роботы, – подумал Алекс. – Мы запрограммированы. Все, что случится в ближайшие несколько часов, предопределено задолго до этого. Но кем? И зачем? И кем я буду – победителем или побежденным в этой игре? – интересовало его. – А Джоанна? Мы запрограммированы на жизнь... или на смерть?"

Глава 64

Джоанна проснулась в комнате с белыми стенами. Воняло дезинфектиками. Знакомая обстановка из ее ночного кошмара. Она лежала на больничной койке с приподнятым изголовьем. Рядом с кроватью стояли кардиомонитор и другая медицинская аппаратура. Но они не были подключены к ней.

На мгновение она подумала, что все это ей снится, но вскоре осознала весь ужас своего положения. Ее сердце сильно забилось. Ее бросило в холодный пот.

Ротенхаузен.

Механическая Рука.

"Я должна выбраться отсюда!"

Ее руки и икры были зафиксированы кожаными ремнями. Джоанна попыталась освободиться, но не смогла.

– А, – произнес кто-то сзади нее, – наконец-то, пациентка проснулась.

Поначалу Джоанна думала, что изголовье кровати было около стены и что в комнате она находилась одна. Но это было не так, и она была не одна. Она изогнула шею, пытаясь увидеть того, кто был сзади, но ремни и приподнятый матрац делали это невозможным.

Прошло мучительное мгновение, и женщина в белом халате вышла и встала так, что Джоанна смогла ее увидеть. Каштановые волосы. Карие глаза. Резкие черты. Неулыбчивая. Холодная. Она была второй доктор-ассистент Франца Ротенхаузена. Джоанна помнила это лицо с одного из сеансов регрессивной терапии у Оми Инамури.

– Я хочу видеть Алекса Хантера, – сказала Джоанна.

– Это невозможно.

– Где он?

– Наверху.

– Приведите его ко мне.

Женщина взяла со столика с медицинскими инструментами сфигмоманометр.

– С ним все в порядке? – повторила свой вопрос Джоанна. – Черт вас возьми, скажите мне! С ним все в порядке?

– Да. Могло бы быть и хуже.

Джоанна пристально смотрела на нее, пытаясь разгадать правду, скрытую за ледяным выражением ее лица.

Доктор обернула манжету прибора для измерения давления вокруг руки Джоанны. Джоанна попыталась сопротивляться, но с зафиксированными запястьями была просто беспомощна.

Доктор измерила ей кровяное давление.

– Отлично. – Она сняла манжету и отложила ее в сторону.

– Развяжите эти ремни, – сказала Джоанна.
– Пора бы уже и смириться, моя дорогая.
Доктор затянула вокруг руки Джоанны резиновый жгут. Перетянутая вена вздулась.
Доктор протерла кожу спиртом.
– Я не дамся, – сказала Джоанна.
– Ничего у тебя не получится. Успокойся.
Женщина говорила с акцентом так, как Джоанна помнила еще с гипнотических сеансов. Он не был немецким. Не скандинавским. Какой-нибудь славянский акцент? Русский? Сенатор что-то упоминал о русских, когда разговаривал с Алексом по телефону.
– Вы русская? – спросила Джоанна.
Женщина бросила на нее быстрый взгляд.
– Да, вы – русская, – сказала Джоанна.
Женщина пожала плечами.
– Какое это имеет значение, если ты знаешь. Да, я – русская.
– А что вы здесь делаете?
– Помогаю. Учусь. – Она открыла пластиковую упаковку, в которой находился шприц для подкожных инъекций.
Сердце Джоанны пустилось вскачь.
– Учитесь чему?
– Всему, что знает Франц Ротенхаузен.
– Он чудовище.
– Ты не права. Он – выдающийся человек.
– Его выгнали из Германии.
– Он сам уехал, по собственному желанию.
– Зомби-доктор.
– Ты так много знаешь, – холодно сказала женщина.
– Достаточно, чтобы отправить вас в тюрьму.
– Возможно. Но тебе некому рассказать все это.
– Я расскажу всему миру, хотя пока не знаю, как.
Доктор проколола запечатанную крышку бутылки, в которой содержалось не более двухсот кубиков какого-то бесцветного лекарства. Она набрала жидкость в шприц.
– Я не позволю вам сделать мне этот укол, – сказала Джоанна.
– Это только расслабит тебя.
– Я не разрешаю вам.
– Это не повредит.
– Нет!
– Это только успокоит тебя и расположит к сотрудничеству.
Когда женщина взяла ее руку, Джоанна начала дергаться и извиваться так, что в вену стало трудно попасть. Затем внезапно женщина ударила ее тыльной стороной руки по лицу, очень сильно. Пока Джоанна приходила в себя от шока и боли, доктор сделала ей укол. Слезы бежали по щекам Джоанны.
– Сука!
– Через минуту ты будешь чувствовать себя лучше.
– Сука!
– Это не мое имя.
– А как твое имя?
– Урсула Зайцева.
– Я запомню его навсегда, – горько сказала Джоанна. – Я запомню его навсегда.
Урсула Зайцева улыбалась.
– Нет, моя дорогая, ты не запомнишь его – и ничего больше.

Алекс положил одну руку на дверь, которая открывалась в любую сторону, и осторожно толкнул ее от себя. За кухней лежал тускло освещенный коридор. В нем никто не поджидал.

До лестничной площадки в коридор выходили еще пять дверей. Три из них были закрыты, а две – открыты, показывая лежащие за ними темные комнаты.

Алекс подошел к закрытой двери прямо напротив кухни и, немного поколебавшись, медленно повернул ручку. Открыв дверь, он обнаружил за ней богато меблированную спальню. Лампа на ночном столике отбрасывала мягкий свет на ковер от Эдварда Филдза, явно привезенный из Штатов. Там же было смежное обширное помещение ванной комнаты с собственно ванной и сауной. Там тоже никого не было.

Алексу нетрудно было вычислить, чей это дом. Около кровати он обнаружил полдюжины книг. Пять из них были о новейших открытиях в "поведенческих" науках. Шестой томик содержал много иллюстраций и подборок фотографий. Основной их темой был садизм, и красивые женщины на картинках, казалось, страдали всерьез. Кровь выглядела настолько реальной, что у Алекса к горлу подступила тошнота. В одном из ящиков бюро он нашел три пары отличных кожаных перчаток. Собственно, там было не три пары, а три разные перчатки – все на одну руку. Владелец этого дома был Франц Ротенхаузен.

Алекс вышел в коридор и вошел в одну из темных комнат. Найдя выключатель, он на секунду зажег свет и сразу же выключил его. Это была столовая. И она была пуста.

Соседняя открытая дверь вела в жилую комнату с низкой современной мебелью и двумя оригиналами Дали на стенах. Створный оконный переплет служил прекрасной рамой для восхитительного вида ночного Сант-Морица в водовороте снега. Дом находился немного выше города, на краю леса.

Вторая из трех закрытых дверей вела в большую спальню для гостей с собственной ванной комнатой. Уже какое-то время этой комнатой не пользовались: в ней стоял легкий запах затхлости.

Алекс был впечатлен размерами дома. Если Ротенхаузен жил здесь наверху, то что же заполняло два нижних этажа?

Последняя дверь вела в библиотеку. Настольная лампа от Тиффани была включена и отбрасывала разноцветный свет.

* * *

Увидев полки с книгами, Алекс испытал приступ дежавю. Он остановился, дрожа и чувствуя такой страх, как никогда прежде.

"Я видел эту комнату раньше, – подумал он. – Но я знаю, что до этого момента я никогда здесь не был. Что происходит?"

Он вошел в библиотеку с твердым убеждением, что найдет здесь нечто нужное ему. Он увидел книги, полки с трубками, собрание журналов и огромный глобус. Ничего из этого его не интересовало.

Алекс стал открывать по очереди все ящики стола. Во втором он нашел свой семимиллиметровый автоматический пистолет и запасные обоймы.

Увидев пистолет, Алекс понял, что знал – он найдет его здесь.

Глава 66

Сделав инъекцию, Урсула Зайцева вышла из комнаты. Джоанна осталась одна.

Зимняя буря рвалась в окно.

Джоанна снова напряглась, пытаясь освободиться от ремней. Бесполезно. Через некоторое время она обессиленно упала на спину, чтобы перевести дух.

Что теперь?

Она решила, что ей ничего не остается делать, как ждать. Урсула Зайцева заверила, что

это было какое-то успокоительное – депрессант. Она должна впасть в более расслабленное и несколько дремотное состояние. Но вместо этого ее мозг работал четко и ясно.

Это адреналин, сказала она себе. То что и должно быть. Через минуту или две это пройдет и я успокоюсь.

Но это не прошло.

Джоанна снова была готова сражаться с державшими ее ремнями, когда дверь открылась. Ротенхаузен вошел и улыбнулся ей. Он закрыл за собой дверь и запер ее.

Глава 67

Минуты две Алекс сидел за письменным столом, осторожно и дотошно рассматривая пистолет. Ему не верилось. Вероятно, с ним что-то сделали, чтобы он не стрелял.

Позади него ветер бился в оконное стекло. Время от времени по затылку пробегал холодный сквознячок.

Пистолет казался нетронутым. Но, интересно, не заменили ли они боевые патроны холостыми. Алекс чувствовал себя так, будто его куда-то затягивает. Во что-то смертельное.

Наконец, он решил, что не может сидеть здесь всю ночь. Он должен найти Джоанну и вытащить ее из этого места. Он встал, прицелился в ряд книг у дальней стены комнаты и нажал на курок.

Пффффттт!

Одна из книг подпрыгнула на месте, и ее корешок разлетелся со звуком даже более громким, чем звук выстрела.

Патроны не были холостыми.

– Тогда все в порядке, – тихо сказал Алекс. – Нормально. А теперь давайте-ка выясним, что за черт стоит за всем этим.

Он вышел из библиотеки и направился к лестничной площадке.

Глава 68

Механическая Рука.

Теперь она знала его имя: Франц Ротенхаузен.

Он выглядел, в основном, так же как и в ее кошмаре: высокий и худощавый, одежда висит как на вешалке. За те десять лет, что она его не видела, он еще больше облысел, но в его волосах не было седины. Его глаза были светло-коричневые, почти желтые, и в этих глазах искрились огоньки безумия, подобно тому как арктическое солнце играет на гранях причудливых льдин.

Механическая рука была такая же ужасающая, как и в ее снах. Даже более ужасающая, потому что в этот раз Джоанна знала, что не спит, и это не исчезнет, как плохой сон. Блестящие сочлененные стальные пальцы работали, как хватающие ноги некоего плотоядного насекомого, а работа механизмов сопровождалась зловещим жужжанием. Она забыла, что рука подчинялась командам, поступающим от нервных окончаний культи Ротенхаузена, но не питалась ими. Энергия для работы механизмов поступала от батареи, прикрепленной к культе. Эта батарея по размерам не превышала и двух пачек сигарет.

Марико уверяла ее, что этот человек в действительности будет менее пугающим, чем в ее кошмарах. Это было не так. При виде его она ослабела от ужаса. Крик был готов вырваться из нее, хотя она знала, что это не облегчит грядущую боль.

Идя к кровати, Ротенхаузен спросил:

– Ты спишь, моя девочка?

Джоанне ничуть не хотелось спать, и это было странно. Зайцева говорила, что лекарство расслабит ее. Ротенхаузен ожидал, что она спит. Интересно, неужели Зайцева ошиблась? Возможно, она ввела не то лекарство.

– Ты спишь, моя маленькая леди? Да?

Джоанна вдруг осознала, что судьба или кто-то другой по ее поручению дает ей последний шанс. Не слишком верный. Даже совсем призрачный. Но, может быть, она сможет спастись, если заставит его поверить, что сильно одурманена. Возможно, он ослабил бы ремни. Тогда при первом же удобном случае, застав его врасплох, она сможет убежать.

"Боже милостивый, пожалуйста, пусть будет так, как я задумала", – неистово, молча молилась она.

– Спишь? – снова спросил Ротенхаузен, подойдя к кровати.

Она подавила крик и, прикрыв глаза, зевнула.

– Отлично, – сказал он.

Она улыбнулась ему глупо и слабо.

– Кто вы?

– Я – доктор. – Его глаза были почти прозрачные.

– Все плывет, – сказала она.

– Так и должно быть.

– Правда, все как в тумане, – сказала Джоанна, еле ворочая языком.

– Хорошо.

Металлические пальцы лязгнули, когда он потянулся к ней. Ротенхаузен схватил простыню механической рукой и сдернул ее.

На Джоанне был одет тонкий больничный халатик, завязывавшийся на спине.

– Хорошая, – произнес Ротенхаузен.

Джоанне понадобилось все ее мужество, чтобы улыбнуться. Стальные пальцы схватили ворот ее халата и сорвали его.

У нее перехватило дыхание.

Он пристально рассматривал ее.

Джоанна скрыла под улыбкой свою тревогу и зевнула.

Стальная рука переместилась на ее грудь.

Глава 69

Дом был построен добротно, ни одна ступенька даже не скрипнула. Алекс задержался на площадке второго этажа. Коридор купался в бледном свете. Он был пуст. Сочетание запахов различных антисептиков и дезинфектиков напомнило ему о повторяющемся кошмаре Джоанны. Очевидно, эту часть дома Ротенхаузен использовал для своих исследований.

Алекс почти было собрался исследовать первую из шести закрытых дверей, как услышал голоса. Он пригнулся, готовый бежать или стрелять. Потом до него дошло, что разговаривают на нижнем этаже и что никто сюда не идет. Привлеченный голосами, он решил на некоторое время отложить обследование второго этажа и спустился вниз.

Коридор первого этажа выглядел точно так же, как и два коридора над ним: исключительно чистый и тускло освещенный. В него тоже выходило шесть дверей. Одна из них была приоткрыта, и в комнате за ней громко разговаривали – спорили? – люди.

Алекс подошел к двери и прислушался. Они говорили о нем и о Джоанне.

Он рискнул заглянуть в трехдюймовую щель между косяком и дверью. Это был небольшой конференц-зал. Трое мужчин сидели за большим круглым столом, а четвертый стоял у окна, спиной к ним.

Ближайший к двери мужчина был очень толстый. Он с трудом помещался в кресле. Толстяк разворачивал упаковку "Lifesavers".

"Ансон Петерсон".

Имя пришло к Алексу само собой. По его сведениям, этого толстяка он никогда не видел. Однако, он знал это имя.

Другой мужчина был неестественно большой, но не толстый. Даже сидящий, он выглядел высоким. У него была бычья шея, поистине массивные плечи и широкое плоское лицо под низким лбом.

"Антонио Паз".

Второе имя пришло к Алексу, как будто кто-то, сидящий в его голове, прошептал его. Он чувствовал себя так, как если бы родился и жил только для того, чтобы попасть в это место в это время.

Предназначение.

Судьба.

"Я не верю в это", – подумал Алекс.

Но у него не было другого объяснения.

Он был напуган.

У третьего человека за столом были жесткие черные волосы, выступающий нос, глубоко посаженные темные глаза и смуглая кожа. Он выглядел опасным. Он был ниже Пазы, но сложен более мощно. Хуже того, в его утонченно своеобразном напряженном внешнем виде было что-то от психопата.

"Игнасио Каррерас".

Четвертый мужчина отвернулся от окна и встал к ним лицом.

Не веря своим глазам, Алекс чуть не закричал.

Четвертый мужчина был сенатор Томас Шелгрин.

Глава 70

Толстяк сунул в рот мятно-ромовый леденец и какое-то время смаковал его. Затем он взглянул на Каррераса и сказал:

– Итак, решено. Вы убьете Хантера сегодня, разденете его и утопите тело в озере.

Каррерас кивнул.

– Я отрежу ему кончики пальцев, чтобы полиция не смогла снять отпечатки. Я выбью ему зубы, чтобы не установили личность по записям дантиста.

Петерсон моргнул.

– А это не чересчур? Вскоре озеро замерзнет, и когда они найдут его следующим летом или даже позаследующим, – рыбы ничего не оставят от него, кроме обглоданных костей.

– В этом отношении рыбы часто служат нам добрую службу, – сказал Каррерас. – Но что если им не удастся сделать их работу? Что если тело Хантера найдут завтра или послезавтра?

– Не найдут, – сказал Петерсон. – Какое-то время никто не будет искать его. Вот уже несколько дней, как он не звонит в свой чикагский офис. Никто не знает, что он поехал в Швейцарию. Когда они проследят его так далеко, то обнаружат, что он исчез без следа. Они не захотят прощупывать все озеро. С какой стати? Подумают, что он, с таким же успехом, мог быть убит в горах или в каком-нибудь другом городе, – или просто начать новую жизнь на южных морях.

– Он будет вторым судьей Кратером, – произнес обычно молчаливый Антонио Паз.

– Точно, – сказал толстяк, – он станет вечной тайной.

Каррерас нетерпеливо замотал головой.

– Я не верю в везение. Ни на йоту. Я сделаю все наверняка: отрублю ему пальцы, выбью зубы, изуродую лицо.

"И наслаждался бы каждой минутой этого", – угрюмо подумал Петерсон.

Последние полчаса Шелгрин, в основном, молчал. Теперь он подошел к столу и посмотрел в лицо Петерсона.

– Вы говорили, что мне разрешат увидеть мою дочь, как только ее доставят сюда.

– Да, дорогой Том. Но сначала ее должен осмотреть Ротенхаузен.

– Зачем?

– Я не знаю. Но он сказал, что это необходимо, а он – хозяин этого места.

– Но не тогда, когда вы поблизости, – сказал Шелгрин.

– Ну, что вы, это его дом и его клиника.

– Когда вы здесь, неважно, кто владеет этим домом, – сказал Шелгрин. – Вы – типичный хозяин. Хозяин, куда бы вы не пришли. Это у вас в крови. Вы будете командовать адом через час, как попадете туда.

– Это очень любезно с вашей стороны, дорогой Том.

– Я хочу видеть Лизу.

Каррерас вмешался, и Петерсон был благодарен ему за это.

– У меня есть вопрос, – сказал Каррерас. – Девушка. Что мы будем делать с этой девушкой, если...

– Все будет улажено, – резко сказал сенатор. – Память Джоанны Ранд будет стерта, а ей привита другая личность. Ее устроят жить в Западной Германии.

– Это то, что случится, если все пойдет по плану, – согласился Каррерас, – но что, если она не вынесет "лечение" второй раз? Что, если она свихнется? Если ее рассудок повредится? В конечном счете, мы можем оказаться с "овощем" на руках и должны быть готовы к этому.

– Этого не случится! – произнес Шелгрин.

– Дорогой Том, я предупреждал вас, что может кончиться именно этим, – сказал толстяк. – В Вашингтоне, на прошлой неделе, я предупреждал вас.

– Вы все еще пытаетесь обмануть меня, – сказал Шелгрин.

– Нет, дорогой Том.

Еще немного, и Шелгрин вышел бы из себя.

– Вы хотите, чтобы я думал, что "лечение" уничтожит ее, – сердито произнес он. – Вы хотите, чтобы я поверил в это, потому что если я поверю, то, возможно, скорее соглашусь отправить ее домой, нежели рискнуть.

– Но это правда, дорогой Том.

– Нет! Это не правда. Этот номер у вас не пройдет. Я... – Шелгрин остановился, посмотрел мимо Петерсона и сдвинул брови. – Кто там? За дверью кто-то есть. Кто-то подслушивает.

Глава 71

В то мгновение, когда он понял, что его раскрыли, Алекс распахнул дверь и шагнул в комнату.

– Добро пожаловать, – сказал толстяк.

Алекс уставился на Шелгрину.

– Вы мертвы.

Сенатор не отвечал.

Алекс внезапно пришел в ярость: он устал от окружавшей его лжи, обмана и использования его. Он махнул пистолетом в сторону Шелгрину.

– Скажи-ка мне, почему ты не мертвый, ты, вонючий, грязный ублюдок! Говори, почему!

Нервно приглаживая свои седые волосы, сенатор произнес:

– Официально я на открытии лыжного сезона.

– Почему ты не мертвый!

– Это было подстроено, – волнуясь, объяснил сенатор. – Я притворился мертвым. Все было инсценировано для вас. Мы хотели, чтобы вы нашли те газетные вырезки о Ротенхаузена и приехали сюда, где мы сможем обработать вас.

– А незаконченное письмо Лизе?..

– Оно трогательное, правда? – сказал Петерсон.

Алекс смутился. Его следующий вопрос был скорее самому себе, чем к кому-либо из этих людей.

– Но почему я не осмотрел тебя, лежащего там? Почему я не проверил пульс? Я должен был это сделать. Это то, что я сделал бы первым делом при подобных обстоятельствах в любом другом случае.

Шелгрин прочистил горло.

– Вы были убеждены, что я мертв. Мы сделали все, что в наших силах, чтобы это выглядело правдиво. Пулевые дыры в халате, раны, сделанные из шпатлевки и крови кролика, так много крови; волосы, падающие на/ глаза, чтобы вы не заметили какого-нибудь непроизвольного подрагивания век... На мне был только халат, а бумажник я оставил на комод, чтобы у вас не было причины обыскивать меня.

Алекс переводил взгляд с одного лица на другое. Он думал о том, что сказал Шелгрин. В конце концов, он тряхнул головой:

– Нет. Это не убедительно. Я – профессионал. Первое, что я должен был сделать, – это проверить твой пульс. Но я избегал тебя. И когда я заметил, что Джоанна опустилась около тебя на колени, я быстренько удалил ее прочь, воспользовавшись какой-то бредовой причиной. Но, по правде, я не касался тебя, потому что был запрограммирован держаться на расстоянии. Я был запрограммирован не разрушить иллюзию. Ведь так было дело?

Шелгрин заморгал.

– Запрограммирован?

– Не ври мне!

– О чем вы говорите?

– Это ты мне рассказываешь!

Сенатор был неподдельно сбит с толку.

Алекс повернулся к толстяку.

– Это правда, да?

– Что это?

– Я все делал, как какой-нибудь чертов робот, действуя по программе, как машина!

Петерсон улыбнулся. Он знал.

Алекс перевел пистолет на него.

– Прошлой весной, когда я приезжал в отпуск в Рио... Что, во имя Бога, случилось там со мной?

До того как толстяк смог ответить, Антонио Паз потянулся за пистолетом, спрятанным у него под пиджаком. Краем глаза Алекс увидел это движение. Паз начал вытаскивать оружие.

Алекс был скор. Он отпрянул от толстяка и дважды выстрелил.

Пули врезались в лицо великана, кровь фонтаном брызнула в воздух. Паз вместе с креслом с грохотом опрокинулся.

Каррерас закричал и начал подниматься.

Голос в голове Алекса шепнул: "Убей его".

Алекс повиновался, не успев подумать об этом, и нажал на курок. Сбитый Каррерас упал.

Шокированный, с широко открытыми глазами, сенатор в ужасе попятился прочь. Его руки были выставлены вперед, ладонями к Алексу, пальцы растопырены, как будто он думал, что смерть – это нечто твердое, что можно удержать на расстоянии вытянутой руки.

"Убей его".

Алекс слышал голос в голове, но колебался. Он был сбит с толку и его била дрожь.

Он попытался прийти к другому, менее жесткому решению: Паз и Каррерас были опасными людьми, но теперь оба были мертвы, вышли из игры, больше не угрожали. Сенатор тоже больше не был опасен. Это был сломленный человек, трясущийся за свою жизнь. Что бы он там ни пытался скрыть, сейчас это откроется. Нет нужды убивать его. Нет нужды убивать.

"Убей его".

Алекс не смог сопротивляться и дважды нажал на курок.

Пули ударили сенатора в грудь. Он отлетел назад, к окну. Его голова разбила стекло. Толстая рама затрещала. С оглушительным звуком он упал на пол.

– Господи, что я сделал? – сказал Алекс. – Что я делаю? Что я делаю в этом аду?

Толстяк все еще сидел в кресле.

– Ужасный ангел мести, – сказал толстяк, улыбаясь Алексу. Казалось, он наслаждался.

Каррерас поднялся. Он был весь в крови, но только ранен. Быстро двигаясь, он схватил кресло и швырнул его. Алекс выстрелил и промахнулся. Кресло попало в Алекса, когда тот пытался увернуться от него. Боль разлилась по его правой руке.

Выбитый пистолет отлетел в другой конец комнаты. Алекс отшатнулся назад. Он с трудом добрался до двери.

Каррерас двинулся к нему.

Глава 72

Механическая рука. Она ласкала ее. Она сжимала ее. Она похлопывала, и ударяла, и щипала ее. Она блестела. Она была холодная. Она жужжала. Она мурлыкала. И лязгала, лязгала, лязгала.

Собственное мужество удивило Джоанну. Она не обломилась. Она вынесла неприличное исследование Ротенхаузена и притворялась одурманенной. Она бормотала, шептала с притворным удовольствием, когда он касался ее. Время от времени она отталкивала его, как бы выходя из-под действия лекарства, но каждый раз это сопровождалось глупой улыбкой и усиливающимся бормотанием.

Она уже было подумала, что зомби-доктор никогда не прекратит эти ласки своими стальными пальцами, и решила плюнуть в него, как он развязал ремень и опустил ее левую руку. Джоанна застыла, боясьдохнуть или шевельнуться, сделать что-нибудь такое, что заставило бы его прекратить делать то, что он делал. В то же время она понимала, что любая перемена в ее поведении насторожит его. С чудовищным усилием ей удалось заставить себя снова бормотать и улыбаться ему. Он потянулся через нее и ослабил ремень на правой руке. Она не шевелила руками, пытаясь казаться довольной и оцепенелой. Он подошел к другому концу кровати и освободил ее левую ногу, затем правую.

– Такая милая девочка, – сказал Ротенхаузен больше себе, чем ей.

Он вернулся к изголовью кровати.

Она все еще не порывалась освободиться.

Ротенхаузен снял свой белый халат и набросил его на тележку с инструментами, на которой лежали шприцы и сфигмоманометр.

– Я помню тебя, – сказал он. – Я помню, как ты чувствовала себя.

Он начал расстегивать рубашку.

Через полузакрытые веки Джоанна изучала механическую руку. Гибкий стальной кабель 0,5 дюйма в диаметре выходил из металлического запястья и шел прямо к живой руке. В двух последних дюймах своей длины кабель раздваивался и с помощью штекеров подключался к батарее.

Ротенхаузен снял рубашку и бросил ее поверх халата.

– Это будет интересно, принимая во внимание, что твой отец находится как раз внизу, – произнес он.

В следующее мгновение Джоанна молниеносно выбросила руку, схватила кабель и вырвала его из батареи. Механическая рука перестала мурлыкать. Как будто время остановилось, когда он изображал лису в театре теней. Пока доктор в изумлении смотрел на нее, она, голая, скатилась с кровати, прочь от него, опрокинула кровать и бросилась к двери.

Он поймал ее здоровой рукой в тот момент, когда она коснулась замка. Он схватил ее за длинные волосы и дернул назад. Искры посыпались у Джоанны из глаз, она стала отбиваться и кричать.

Ротенхаузен выругался. Он оттащил ее от двери, а потом отбросил от себя. Она отлетела назад и столкнулась с кроватью. Пошатнувшись, Джоанна схватилась за ножку кровати и ей удалось удержаться на ногах.

Ротенхаузен воткнул штекеры обратно в батарею.

Рука замурлыкала.
Стальные пальцы задвигались: лязг, лязг, лязг.

Глава 73

Алекс видел, как Игнасио Каррерас идет на него, и понимал, что потеря пистолета уменьшала его шанс выжить до нуля. Хотя Алекс удовлетворительно владел джиу-джитсу и каратэ, он не сомневался, что Каррерас также знаком с этими боевыми искусствами, а его сверхмасса мускулов штангиста будет смертоносным преимуществом. Алекс выбрал отступление. Он вышел из комнаты и захлопнул дверь перед Каррерасом, но не мог запереть ее.

Он побежал в глубь коридора первого этажа. Дверь за ним распахнулась, и он услышал звук шагов бегущего за ним человека, но не оглянулся. Алекс открыл последнюю дверь по правой стороне коридора и вошел в комнату. Закрыв дверь, в отчаянии он лихорадочно стал искать защелку. Он нашел кнопку фиксатора в центре шарообразной ручки и нажал на нее.

Секундой позже Каррерас был под дверью и попытался войти, но дверь не открылась.

Алекс, немного поиграв в жмурки, нащупал выключатель. Он надеялся найти что-нибудь такое, что могло бы сойти за оружие. Ему не повезло. Единственная лампочка под потолком осветила пустую комнату, ранее используемую под склад.

"Джоанна, я не покину тебя в беде, – подумал он. – Я найду тебя и вытащу отсюда".

Конечно, Ротенхаузен мог начать работать над ней. Если он уже начал "лечение", возможно, она уже никогда не будет Джоанной.

Сколько времени займет, чтобы стереть более десяти лет памяти? Час? Конечно, дольше. День? Неделя? Месяц?

Возможно, у него еще масса времени, а может быть, он уже совсем опоздал спасти ее.

В любом случае, он обязан спастись. Ему необходимо найти укромное местечко, где он мог бы все спокойно обдумать. Он не мог придумать хороший план с Каррерасом за спиной.

Алекс пересек склад по направлению к окну и поднял жалюзи. Яростный порыв ветра забросал стекло снегом.

Каррерас еще раз ударил в дверь. И еще. Что-то затрещало.

Трясущимися пальцами Алекс открыл шпингалет и распахнул створки окна. В комнату ворвался холодный ветер.

Каррерас таранил дверь. Каждый удар сопровождался звуком ломающегося дерева.

"Вот бешеный бык!"

Алекс вскарабкался на подоконник и спрыгнул в снежный сугроб. Ветер свистел по долине со скоростью пятьдесят километров в час. Он бил в лицо, заставляя глаза слезиться. Голые руки мгновенно окоченели. Алекс был благодарен непродуваемому лыжному костюму на нем.

Каррерас вышиб дверь.

Алекс поплелся в темноту, поддавая ногами снег. Он ушел не очень далеко, когда услышал, что дверь со звуком "бум!" обрушилась в только что оставленную им комнату. Он побежал.

Глава 74

Когда толстяк дошел в конец коридора, Игнасио Каррерас уже выломал дверь и выкарабкивался из окна склада в погоню за Алексом Хантером. Петерсон пустился было за ним, но, подумав хорошенько, вернулся назад в коридор.

– Урсула, Урсула, где вы?

Она не отвечала.

Он пошел по коридору обратно к комнате, где проходило совещание.

– Доктор Зайцева! Это я – Ансон.

Дверь справа от него открылась, и оттуда осторожно выглянула Урсула Зайцева.

– Что это за шум? Я боюсь выходить. Что-нибудь случилось?

– Все. Надо выбираться отсюда.

– Уезжаем?

– Поспешите, – поторопил ее толстяк. – У нас нет времени расслаиваться.

Она смотрела на него через полуоткрытую дверь.

– Но куда мы поедem?

– В какое-нибудь безопасное место.

– Я не понимаю.

– Давайте, моя дорогая. Если мы не будем двигаться достаточно быстро, то нас схватят.

– Схватят? Кто?

– Полиция, конечно!

Сбитая с толку, Урсула вышла в коридор.

Петерсон вытащил пистолет с глушителем и дважды выстрелил в нее.

Урсула Зайцева умерла почти красиво. Насквозь прошитая пулями, она закружилась, как будто показывала новую юбку своему приятелю. Крови было немного. Она осела у стены, посмотрела на толстяка невидящим взглядом, позволила только тонкой струйке крови сбежать из уголка ее рта, отпустила ледяное выражение лица, впервые за то время, как Петерсон был с ней знаком, и погрузилась в объятия смерти.

Четверо из шести людей в списке толстяка были устранены. Марлоу. Антонио Паз. Томас Шелгрин. Урсула Зайцева. Только двое ждали своей очереди.

Петерсон побежал в глубь дома с той особенной грацией, на какую может быть способен только очень толстый человек. Он бросился в складское помещение. Вылез из окна. И даже охнул, когда холодный ночной воздух ударил ему в лицо.

Ветер очищал следы от падающего снега, в то же время сметая их, но толстяк все еще мог следовать за Хантером и Каррерасом.

Глава 75

Пару минут в отдаленной части дома стоял сильный шум и слышались крики. Сначала Джоанна надеялась, что Алекс придет к ней на помощь или кто-нибудь из внешнего мира выручит их обоих – ее и Алекса. Но Ротенхаузен не обращал внимания на шум, и через некоторое время она оставила все надежды на спасение извне.

Он загнал ее в угол и закрыл проход своим телом.

Выхода не было.

Ночной кошмар стал реальностью.

Ротенхаузен растопырил стальные пальцы и стал подбираться к ее горлу. Здоровой рукой он прикрывал батарею, чтобы Джоанна не смогла снова выдернуть штекеры.

Она не могла оторвать взгляд от его сверхъестественных глаз. Они были чрезмерно бледные. Желтоватые. Кошачьи глаза. Демонические глаза. Нечеловеческий взгляд.

Он склонил голову набок и насмешливо смотрел на нее, пока не схватил ее за горло. Все это выглядело так, будто он наблюдает за подопытным животным сквозь проволочные стены клетки.

Джоанна забрызгала слюной, задыхаясь.

Ротенхаузен сжал сильнее. Теперь он опять улыбался.

Джоанна не могла дышать, и ей стало страшно. Пытаясь освободиться от этих ужасных пальцев, она дергалась, извивалась, беспомощно била голыми ногами.

Ротенхаузен не обращал внимания на ее сопротивление. Он держал ее железной хваткой.

Она ожидала, что он позовет на подмогу и ее снова привяжут к кровати. Но вскоре стало очевидно, что у него другой план: он собирался слегка придушить ее, а затем, когда она будет без сознания, изнасиловать.

Черные пятна поплыли у нее перед глазами. С каждой секундой они все росли и росли, больше и больше закрывая от нее свет.

Глава 76

Миллионы биллионов снежных хлопьев вывалились из швейцарской ночи. Они покрывали инеем волосы Алекса, попадали за воротник куртки, таяли на лице и налипали на блестящую ткань его лыжного костюма.

Темнота и буря ослабили видимость до десяти-пятнадцати метров на открытой местности. К счастью, снег отражал в бесчисленном множестве крошечных призм тот слабый свет, какой был, почти вдвое усиливая его. Получающийся в результате жутковатый фосфоресцирующий свет позволял Алексу видеть если не детали, то хотя бы силуэты.

Он пересек сотню ярдов открытого пространства, пока добрался до укрытия леса. Гигантские сосны росли тесно друг к другу, но снег все-таки пробивался через их кроны. Деревья более или менее укрывали от ветра, завывавшего как дух, стоны которого предвещают смерть. Алекс вошел в лес по тропинке, которую обнаружил совсем случайно, — по узкому, хорошо утопанному следу, который мог быть оставлен, например, оленями. Он пробежал двадцать или тридцать метров под дырявым пологом ветвей до того, как споткнулся и упал на камни, скрытые снегом. От падения у него перехватило дыхание.

Боясь, что Каррерас может добраться до него в любую секунду, он перекатился на спину и выбросил вперед руки. Он был готов драться за свою жизнь и приложить для этого все силы.

Каррерас еще не появился.

Алекс с трудом поднялся на ноги. Он остушился, поскользнулся и зарылся в снег. Поднимаясь, он обнаружил оружие. Он нашел камень размером с апельсин, две грани которого были достаточно острыми. Конечно, это не пистолет, но все-таки лучше, чем ничего.

Алекс поспешил в глубь леса.

В тридцати метрах от места, где он упал, тропинка резко поворачивала вправо и огибала особенно густой кустарник, доходивший ему до плеча. Он остановился и стал подыскивать место для засады. Местность здорово подходила для этого. Здесь была почти полная темнота. Его глаза постепенно приспосабливались к условиям ночи, и, шурясь от отраженного света, Алекс едва мог различить собственные следы на гладкой поверхности пушистого снега. Он взвесил камень в руке, спрятался за стеной кустов, которые болезненно оцарапали его, и пригнулся. Он стал тенью среди теней.

Наверху в игольчатых сосновых кронах непрерывно завывал яростный ветер, он звучал, как далекая стая голодных волков.

Снег сыпался на Алекса.

Его руки замерзли, почти окоченели. Он боялся, что скоро не сможет удержать камень.

Прошло не более минуты, как он услышал Каррераса. Тот явно не боялся своей жертвы и, не скрываясь, ломился через лес, круша все на своем пути и ругаясь, как пьяница, идущий из одного кабака в другой.

Алекс напрягся. Он не сводил глаз с поворота тропинки в четырех метрах от него.

Появившись, Каррерас направился мимо него. Он двигался, нагнувшись вперед, занятый неясными отпечатками следов, которые вели его.

Алекс подскочил, как пружина, замахнулся и со всей силой выбросил руку с камнем вперед. Камень попал Каррерасу в висок, и тот упал.

Алекс увидел, что Каррерас лежит очень тихо, и подошел к нему.

Каррерас схватил его за ногу.

Глава 77

Джоанна ударила Ротенхаузена коленкой в пах.
От удара он потерял дыхание, рефлексивно защищаясь, согнулся вперед.
Механическая рука скользнула по ее горлу. Холодные, лязгающие пальцы ослабили свою хватку.

Джоанна выскользнула и бросилась к двери, он поспешил за ней. От боли Ротенхаузен ковылял, как краб, но двигался быстро.

Джоанна оставила мысль добежать до двери, откинуть задвижку и выбраться наружу. Вместо этого она поставила на его пути тележку на колесиках. Поверх тележки были брошены его рубашка и халат. Джоанна швырнула их на пол. Кроме шприцев, сфигмоманометра, бутылки с глюкозой для капельницы, пакета с фиксаторами языка, приспособления для осмотра глаз и множества маленьких бутылочек с лекарствами на инструментальном столике лежали хирургические ножницы. Джоанна схватила их и стала размахивать перед Ротенхаузенем, как каким-то магическим мечом.

Ротенхаузен свирепо смотрел на Джоанну. Его лицо стало красным, разъяренным.

– Я не позволю вам проделать это со мной снова, – произнесла Джоанна. – Я не позволю подделывать мои мозги. Вам придется либо отпустить меня, либо убить.

Механической рукой он потянулся через тележку и схватил ножницы. Он вырвал их из рук Джоанны и сжал стальными пальцами так, что лезвия переломились с жалобным лязгом.

– Я могу сделать с тобой то же самое, – сказал он.

Ротенхаузен отшвырнул сломанные ножницы.

Сердце Джоанны сильно забилось, дыхание участилось, лицо покраснелось, и ей стало жарко. Она почти чувствовала, как адреналин выбрасывается в ее кровь. Она теряла чувство времени. Все произошло очень быстро. Внезапно Джоанна схватила со столика бутылку с глюкозой. Ротенхаузен, взмахнув металлическими пальцами, разбил бутылку еще до того, как Джоанне удалось швырнуть ее. В ее руке осталось только горлышко. С силой оттолкнув тележку со своего пути, он пошел на нее, его бледные глаза кровожадно загорелись. Джоанна отступила назад и вдруг увидела, что его излишняя самонадеянность дает ей реальный шанс победить. Она поняла, что у нее есть оружие, чертовски хорошее оружие. И когда Ротенхаузен схватил ее, она воткнула зазубренное горлышко бутылки глубоко в его горло. Потрясенный, он остановился. Брызнула кровь, и Джоанна отпустила бутылку. Ротенхаузен отшатнулся, поднял руки к горлу и попытался вытащить стекло. Страшно захрипев, он в конце концов рухнул на пол.

Глава 78

Алекс упал от рывка штангиста и покатился.

К тому времени, когда Алекс поднялся на ноги, Каррерас уже стоял на четвереньках посередине тропинки. Он смотрел на Алекса и тряс головой, чтобы прийти в себя. В этой ситуации преимущество было на стороне Алекса. Быстро шагнув вперед, он ударил Каррераса под подбородок.

Голова штангиста запрокинулась назад. Он перекувырнулся и упал в низкий кустарник.

Алекс был уверен, что удар сломал шею Каррераса. Но через мгновение тот зашевелился и снова стал подниматься на четвереньки.

"Этого сукина сына не убить!" – подумал Алекс.

В его правой руке все еще был камень. Он поднял руку и двинулся на Каррераса. Гигант выбросил руку вверх и, блокировав удар, схватил Алекса за запястье. Его пальцы были, как клещи.

Алекс закричал, почувствовав, что кости его запястья, с силой прижатые друг к другу, вот-вот рассыплются в порошок, и выронил камень. Он попытался вырваться, но поскользнулся на снегу и упал.

Каррерас вскарабкался на него, рыча, как зверь. Он замахнулся огромным кулаком.

Алекс не смог увернуться. Удар пришелся ему в лицо, разбил губы и выбил пару зубов.

Он чуть не подавился зубом, скользнувшим ему в горло, и почувствовал вкус крови.

Алекс знал, что он не пара Каррерасу в рукопашном бою. Ему надо было встать на ноги и получить свободу маневрировать. Когда Каррерас снова замахнулся, Алекс задержался и забрыкался, как необъезженный конь. Кулак просвистел мимо. Алекс продолжал брыкаться, и штангист свалился на сторону. В то мгновение, когда Каррерас падал с него, Алекс вывернулся, схватился для поддержки за дерево и встал.

Каррерас был на полпути к его ногам.

Алекс пнул его в живот, что было равносильно пнуть деревянную стену.

Каррерас забарахтался в снегу и снова встал на четвереньки.

Алекс пнул его в лицо.

Штангист растянулся в снегу, на спине, раскинув руки, как крылья. Он не двигался.

Осторожно, как священник, приближающийся к гробу, в котором спит вампир, Алекс подкрался к Каррерасу и опустил его около него на колени. Глаза Каррераса были широко открыты, но ничего не видели. Алекс хотел найти пульс. Но не было нужды подносить распятие или ожерелье из чеснока, на этот раз чудовище было мертво.

Алекс подумал о Джоанне, оставшейся в доме с Ротенхаузенем, и не позволил себе даже перевести дыхание. Он сразу же встал и направился назад по следам тем же путем, что пришел сюда.

Ансон Петерсон ждал его на открытом месте у края леса. У толстяка был пистолет.

Глава 79

Ротенхаузен был мертв.

Джоанна не чувствовала угрызений совести за то, что убила его. Она не была больше напугана и теперь только беспокоилась об Алексе.

Она подошла к тележке на колесиках и нашла лекарство, которое Урсула Зайцева ввела ей. В бутылке еще оставалось немного бесцветной жидкости. Джоанна распечатала пузырек и капнула несколько капель себе на руку. Она понюхала их, затем попробовала и пришла к выводу, что это было не что иное, как вода. Кто-то подменил бутылочки у Зайцевой.

Но кто? И зачем?

В стенном шкафу Джоанна нашла свой лыжный костюм. Она оделась и вышла из комнаты.

Дом молчал. Она осторожно осмотрела пять других комнат на этом этаже и никого не обнаружила. Почти пять минут Джоанна стояла на площадке второго этажа, в раздумье посматривала на лестницу вверх и вниз, прислушивалась, но слышала только завывания ветра.

Джоанна тихо спустилась на первый этаж, где находился вестибюль, длинный коридор и... труп. Урсула Зайцева лежала в луже своей крови.

"Не думай об этом, – сказала Джоанна себе. – Не думай кто. Не думай почему. Только иди вперед".

В этот длинный коридор выходило шесть дверей. Джоанне не хотелось открывать ни одну из них, но она знала, что должна осмотреть их все и найти Алекса.

Джоанна прошла мимо мертвой женщины и увидела, что первые две двери приоткрыты. Она подошла к одной справа от нее и распахнула дверь.

– Вы! – произнесла она.

Перед ней стоял сенатор Томас Шелгрин.

Глава 80

На заснеженном склоне, в сотне ярдов от дома, над огнями Сант-Морица, Алекс и толстяк долго и пристально разглядывали друг друга. Говорил только ветер.

Наконец Алекс сказал:

– Почему я не убил вас?
– Так и было задумано, – сказал толстяк. – Где он?
– Каррерас? Он мертвый, – слабо ответил Алекс.
– Вы убили его?
– Да.
– Но у вас не было пистолета.
Алекс произнес:
– Никакого пистолета. – Он устал. Его глаза слезились от холода. Толстяк дрожал и расплывался.
– Трудно поверить, что вы смогли убить его безоружный, – сказал толстяк.
– Я и не говорил, что это было легко.
Петерсон изумленно посмотрел на него, ухмыльнулся и вдруг рассмеялся.
– Ладно, – сказал Алекс. – Ладно. С этим покончено. Я убил его. А теперь вы убьете меня.
– О, мой Бог, нет! Нет, нет, – сказал Петерсон. – Вы все поняли не правильно, все наоборот, дорогой мальчик. Вы и я – мы в одной команде.

Глава 81

Вид испачканного кровью призрака – ее настоящего отца, человека, который каким-то образом заварил эту кашу, человека, поднявшегося из могилы каким-то образом, – сковал Джоанну. Она стояла тихо и оцепенело, как будто приросла к полу, когда сенатор дотронулся до ее плеча. Она не понимала, как он может быть здесь снова умирающий, и у нее промелькнула мысль – в своем ли она уме.

– Я ослаб, – еле произнес он. – Слишком ослаб. Я не могу больше стоять. Не дайте мне упасть. Пожалуйста, помогите мне тихонько опуститься. Давайте осторожно опустимся. Совсем осторожно.

Джоанна ухватила за дверной косяк и стала медленно опускаться на колени. Сенатор опирался на нее. Наконец, он сидел, привалившись спиной к стене, и прижимал ладонь левой руки к ране в груди. Джоанна сбоку стояла на коленях.

– Доченька, – сказал он, изумленно глядя на нее, – моя доченька.

Она не могла принять его как отца. Она думала обо всем, за что он был в ответе: годы запрограммированного одиночества, запрограммированной клаустрофобии, ночные кошмары, страх. Но хуже всего этого была вероятность, что Алекс мертв. И если это так, то Томас Шелгрин был человеком, прямо или косвенно нажавшим на курок. В ее сердце не было места для сенатора. Может, это было нехорошо с ее стороны изгонять его из сердца до того, как она узнает мотивы, толкнувшие его на это. Возможно, ее неспособность простить собственного отца была ужасна и бесконечно печальна. Однако она не чувствовала себя виноватой по этому поводу и знала, что никогда не почувствует. Она презирала этого человека.

– Моя девочка, – сказал он.

– Нет.

– Да. Ты моя дочь.

– Нет.

Он захрипел и прочистил горло. Его речь была невнятной.

– Ты ненавидишь меня, да?

– Да.

– Но ты не понимаешь.

– Я понимаю достаточно.

– Нет, не понимаешь. Ты должна выслушать меня.

– Ничего из того, что вы скажете, не заставит меня захотеть быть вашей дочерью снова. Лиза Шелгрин умерла. Навсегда.

Сенатор закрыл глаза. Сильная волна боли прокатилась по его телу. Он скривился и подался вперед. Джоанна даже не шевельнулась, чтобы успокоить его.

Когда приступ прошел, он открыл глаза и сказал:

– Я должен рассказать тебе об этом. Ты должна дать мне возможность объясниться. Ты должна выслушать меня.

– Я слушаю, – сказала она, – но не потому, что я должна.

Его голос задрезжал. Теперь он звучал еще хуже.

– Все думают, что я герой войны, что я сбежал из тюремного лагеря в Северной Корее и добрался до линии фронта. Вся моя политическая карьера построена на этой истории, но она ложная. Я не проводил недели в пустыне в поисках пути домой. Северокорейский офицер отвез меня на мило в глубь территории, находящейся под контролем армии Соединенных Штатов, и я пешком прошел остаток пути. Я никогда не сбежал из тюремного заключения, потому что я никогда не был в нем. Том Шелгрин был в заключении, но не я.

– Вы и есть Томас Шелгрин.

– Нет. Мое настоящее имя – Илья Тимошенко, – произнес он. – Я – русский.

Глава 82

В 1950 году во всех северокорейских концентрационных лагерях для содержания военнопленных начальники искали заключенных особой категории. Требовались граждане США, чьи приметы совпадали с приметами дюжины людей, фотографии которых были секретно, но широко распространены среди высшего начальства лагерей. На снимках были молодые русские разведчики-стажеры, добровольно вызвавшиеся участвовать в операции под кодовым названием "Зеркало".

Когда Томаса Шелгрину доставили в цепях в лагерь около Хайсана, начальник сразу заметил, что тот смутно напоминает Илью Тимошенко, одного из русских из группы "Зеркало". Эти два человека были одного роста и одинакового сложения. У них был тот же цвет глаз и волос. Основные черты их лиц были почти идентичны. Фотограф Красной Армии сделал более ста пятидесяти снимков Шелгрин: во весь рост, в одежде и без, но в основном, снимки лица – во всех ракурсах, при любом освещении, крупным планом, средним и издали, чтобы показать, как он стоит и держит плечи. Пленка была проявлена в условиях сверхсекретности на ближайшей военной базе. Снимки и негативы отослали со специальным курьером в Кремль, где их с нетерпением ожидали руководители группы "Зеркало".

Военные врачи в Москве два дня изучали фотографии Томаса Шелгрин и в конце концов доложили, что он достаточно подходит для Тимошенко. Неделей позже Илье сделали первую из многих операций, целью которых было превратить его в двойника Шелгрин. Его линия роста волос была слишком низкой. Врачи разрушили волосяные мешочки и отодвинули линию на полдюйма. Его веки были слегка опущены – наследство от монгольской пра-пра-прабабушки – их подняли и придали им вид, как у западных национальностей. Ему оперировали нос, сделав его меньше и убрав горбинку с переносицы. Его мочки ушей были слишком большие, их немного подрезали. На груди у Ильи росло много волос, а у американца – нет. Большую часть их вывели. Наконец, главный хирург констатировал, что перевоплощение стало просто совершенным.

Пока над Тимошенко в течение семи месяцев работали пластические хирурги, Томас Шелгрин терпел долгие серии жестоких допросов в Хайсанском лагере. Он был в руках лучших следователей Северной Кореи. Они использовали наркотики, угрозы, обещания, гипноз, хорошее обращение, гнев и даже пытки, чтобы узнать о нем все, что возможно. Они собрали пространное досье как важных, так и незначительных фактов из его жизни: что он любил есть, а что не любил; его любимая марка пива; его религиозные взгляды; его любимые сигареты; его друзья, что они любят и не любят, их привычки, достоинства и слабости, их особенности; его политические убеждения; его любимые виды спорта; какие развлечения предпочитает.

Раз в неделю записи допросов Шелгрин самолетом доставлялись в Москву, где они монтировались в списки сведений. Илья Тимошенко изучал их в промежутках между операциями. Ему надо было заучить буквально сотни тысяч кусочков информации, и это была самая трудная работа, которой он когда-либо занимался.

После двенадцати лет изучения английского языка, начавшегося когда Илье было десять, Тимошенко добился того, что говорил по-английски без русского акцента. Фактически, он говорил с чистым, но бесцветным произношением телевизионного диктора в штатах по берегу Атлантического океана. Теперь он слушал записи голоса Шелгрин и пытался придать своему английскому среднезападный акцент. К тому времени, когда была сделана последняя операция, он говорил так, будто родился и вырос на какой-нибудь ферме в Иллинойсе.

Когда Тимошенко был на полпути своего перевоплощения, руководители операции "Зеркало" стали беспокоиться о матери Томаса Шелгрин. К счастью для проекта "Зеркало", Шелгрин никогда не был обручен или женат. Он был приятной наружности и пользовался успехом у девушек, что позволяло ему поддерживать отношения с несколькими одновременно. Постоянной подружки у него не было. Его отец умер, когда Том был еще ребенком. Итак, насколько было известно КГБ, оставалась только одна серьезная угроза для успеха предприятия – мать Тома. Но эта проблема легко разрешалась, так как у КГБ были длинные руки. Пятого января 1951 года агенту в Нью-Йорке был послан приказ. Десять дней спустя мать Тома, возвращаясь домой с партии в бридж, погибла в автомобильной катастрофе. Ночь была темная, а узкая дорога обледенела, и эта трагедия могла случиться с каждым.

Весной 1951 года, через восемь месяцев после того, как Шелгрин попал в плен, Илья Тимошенко ночью прибыл в Хайсанский лагерь. Он приехал вместе с начальником КГБ, который задумал весь этот план. Звали его Эмиль Горов. Тимошенко и Горов ждали на частной квартире начальника лагеря, пока Шелгрин доставят из камеры. Когда американец вошел в комнату и взглянул на Тимошенко, он сразу же понял, что ему предписано умереть. "Зеркало, – изумленно произнес Горов. – Зеркальное отражение".

Той ночью настоящего Томаса Шелгрин не стало.

На этой же неделе "новый" Томас Шелгрин "сбежал" из Хайсанского лагеря. Он сумел пробраться до дружественной территории, недалеко от которой располагалась его дивизия. Со временем он вернулся домой в Иллинойс, написал книгу и стал героем войны.

Мать Томаса Шелгрин не была состоятельной женщиной, но ей удалось скопить двадцать пять тысяч долларов в качестве пожизненной страховки, которая в случае ее смерти выдавалась бы ее сыну. Эти деньги и перешли к нему, когда он вернулся с войны. Он воспользовался ими и тем, что заработал от издания своей книги, чтобы купить салон по продаже "фольксвагенов" как раз перед тем, как начался покупательский бум. Он женился и стал отцом дочери. Дело процветало так, как он и не мечтал.

Что касается операции "Зеркало", то распоряжения для него были просты. От него ожидали, что он станет мелким бизнесменом и будет процветать, а если не сумеет, то КГБ осторожно, через третьи руки "подкормит" его деньгами. К сорока годам, когда общество узнает его как уважаемого семейного человека и, как минимум, скромно преуспевающего предпринимателя, он займется политикой.

Он и следовал этому плану, но с одним очень важным изменением. К тому времени, когда он был готов добиваться выборной должности, он стал очень состоятельным человеком. Он стал богатым сам, без помощи КГБ.

В Москве полагали, что он станет членом нижней палаты Конгресса и победит на перевыборах три или четыре раза. За эти восемь или десять лет он мог бы иметь доступ к невероятному количеству жизненно важной секретной информации.

Свои первые выборы он проиграл, в основном потому что после смерти первой жены не женился вновь. А в то время в американских политических кругах к холостякам относились предвзято. Два года спустя во время новой предвыборной кампании, чтобы

собрать достаточное количество голосов, он воспользовался обаянием своей дочери Лизы Джин. И он снискал значительные симпатии, играя на трагической утрате жены, когда его ребенок был еще так мал. Он победил. Он быстро перебрался из нижней палаты в верхнюю и теперь выдвигался своей партией кандидатом в президенты. Его успех в тысячи раз превзошел ожидания Москвы.

Но со временем его успех стал главной проблемой в его жизни. К сорока годам Томас Шелгрин, бывший когда-то Ильей Тимошенко, потерял веру в принципы коммунизма. Как конгрессмена Соединенных Штатов, а позже – сенатора его призывали предавать страну, которую он научился любить. Он не хотел передавать информацию, но не мог и думать о том, чтобы отказаться. Он был собственностью КГБ.

Он был в ловушке.

Глава 83

– Но почему от меня забрали мое прошлое? – спросила Джоанна. – Украл у меня. Я не понимаю. Зачем вы послали меня к Ротенхаузену?

– Так надо было.

– Зачем?

Сенатор наклонился вперед, мучимый особо сильным приступом боли. При дыхании в горле у него жутко клокотало. Через какое-то время он нашел в себе силы снова сесть прямо. Он сплюнул темную кровь на ковер и облизнул свои красные губы.

– Зачем этот убудок копался в моем мозгу? – требовала ответа Джоанна.

– Ямайка, – произнес Шелгрин-Тимошенко. – Мы с тобой собирались провести целую неделю в нашем загородном доме на Ямайке.

– Вы с Лизой, – сказала Джоанна.

– Да. Я собирался прилететь из Вашингтона в четверг вечером. Ты училась в Нью-Йорке. Ты сказала, что тебе надо закончить какую-то работу и ты не сможешь уехать раньше пятницы.

Он закрыл глаза и довольно долго сидел так тихо, что она уже могла бы подумать, что он умер, если бы не его затрудненное дыхание. Наконец он продолжил:

– Ничего не сказав мне, ты изменила свои планы. Ты прилетела на Ямайку в четверг утром, задолго до меня. Прибыв поздно ночью, я подумал, что дом пуст.

Его голос слабел. Усилием воли он заставлял себя оставаться живым, чтобы объяснить в надежде получить ее прощение.

– Я условился встретиться с кое-какими людьми... Русскими агентами... чтобы передать чемодан, полный донесений... очень важных бумаг... большинство из которых были с грифом "секретно". Ты проснулась... услышала нас внизу... направились вниз... услышала достаточно, чтобы понять, что я был предателем. Ты ворвалась в середине... этой встречи. Ты была потрясена... негодовала... чертовски разгневана. Ты пыталась уйти... но, конечно, тебе не позволили. КГБ поставил передо мной альтернативу: или ты будешь убита, или послана к Ротенхаузену... на "лечение".

– Но зачем надо было в корне изменять всю Лизину жизнь? – спросила Джоанна. – Почему Ротенхаузен не мог удалить только те ее воспоминания, что она подслушала, а все остальное оставить нетронутым?

Шелгрин снова сплюнул кровь.

– Это сравнительно легко... для Ротенхаузена смыть... огромные куски памяти. Гораздо более трудно... ему попасть в мозг и убрать на выбор всего лишь несколько эпизодов памяти. Он отказывался гарантировать свою работу... до тех пор, пока ему не разрешили... стереть всю Лизу... и сотворить... совершенно новую личность. Тебя поместили в Японию... потому что ты знала этот язык... потому что они считали, что маловероятно... что кто-нибудь случайно встретит тебя там... и поймет, что ты – Лиза.

– Господи, – произнесла Джоанна.

– У меня не было выбора.
– Вы могли порвать с ними. Вы могли перестать работать на них.
– Они убили бы тебя.
– А вы бы работали на них после того, как они убили бы меня? – спросила Джоанна.
– Нет.
– Тогда бы они не тронули меня, – сказала Джоанна. – Тогда бы они ничего не получали.
– Я не мог пойти против них, – слабо, печально произнес Шелгрин. – Единственный путь, которым я мог бы освободиться... был пойти в штаб ФБР и раскрыть себя. Тогда меня бросили бы в тюрьму. И обращались бы со мной как со шпионом. Я потерял бы все... мое дело... мои капиталы... все дома... все машины... коллекцию стойбенского стекла...
– Не все, – произнесла Джоанна.
– Что?
– Вы не потеряли бы свою дочь.
– Ты... даже... не... пытаешься... понять, – сказал он. Затем вздохнул. Это был долгий вздох, закончившийся хрипом.
– Я понимаю все слишком хорошо, – сказала Джоанна. – Вы от одной крайности пришли к другой. Вы были холодным, нестигаемым, непримиримым коммунистом. Вы стали холодным, нестигаемым, непримиримым капиталистом. Ни на одной из этих позиций нет места для человечности.
Он не отвечал. Джоанна поняла, что он не слышит.
Он был мертв. И на этот раз по-настоящему.
Мгновение она смотрела на него, думая о том, что могло бы быть.
В конце концов, Джоанна встала и вернулась в коридор первого этажа.
В конце коридора она увидела Алекса.
Он был жив!
Он звал ее.
Плача от счастья, она побежала к нему.

Глава 84

Толстяк настоял на бренди, чтобы согреть их души и тела. Он повел Алекса и Джоанну на третий этаж. Они сидели на диване в гостиной, держась за руки, пока Петерсон наливал из хрустального графина бренди.

Потом он сидел в огромном кресле, плотно облежавшем его, и держал бокал с бренди пухлыми руками, согревая напиток своим теплом.

Некоторое время спустя толстяк сказал:

– Тост. – Он поднял свой бокал в их сторону. – За оставшихся в живых.

Алекс и Джоанна не стали поднимать бокалы. Они просто отпили бренди – быстро.

Толстяк довольно улыбался.

– Кто вы? – спросила Джоанна.

– Как я уже рассказывал Алексу, меня зовут Ансон Петерсон. Я из Мериленда. У меня там земля.

– Если вы пытаетесь шутить...

– Это правда, – сказал толстяк. – Но, конечно, я больше этого.

– Да уж, конечно.

– Когда-то меня звали Антон Брокровский и тогда я был худым. Очень стройным. О, видели бы вы меня тогда, моя дорогая! Я стал толстеть с того дня, как приехал в Штаты из Кореи. С того дня, как стал представлять Ансона Петерсона перед его друзьями и родственниками. Поглощение пищи – это мой способ справляться с ужасным напряжением.

Джоанна отхлебнула еще немного бренди.

– Перед смертью сенатор рассказал мне все о группе "Зеркало". Вы – один из них?

– Нас было двенадцать, – сказал толстяк. – Из нас сделали зеркальные отражения американских военнопленных. Нас тоже переделали, но другим способом, не так, как переделали вас.

– Дерьмо! – гневно произнес Алекс. – Вам не пришлось выносить боль. А ей пришлось. Вы не были изнасилованы. А она была.

Она похлопала Алекса по руке.

– Ладно. Со мной все в порядке. Ты здесь, со мной и, значит, у меня все в порядке.

Петерсон вздохнул.

– Замысел был такой, что мы все двенадцать приедем в Соединенные Штаты. Каждый начнет свое независимое дело и разбогатеет – не без помощи КГБ. Кому-то из нас понадобилась эта помощь, кому-то – нет. Мы все выбрались наверх, кроме двоих, умерших совсем молодыми: один погиб в аварии, а другой – от рака. В Москве считали, что лучшим прикрытием для коммунистических агентов было богатство. Ну кто же будет подозревать, что миллионер участвует в заговоре против системы, сделавшей его таким, какой он есть?

– Но вы говорили нам, что вы из нашей команды, – сказала Джоанна.

– Да.

– Мы – не русские.

– Я перешел на другую сторону, – сказал Петерсон. – И сделал это четырнадцать лет назад. И не только я один. Этот вариант в плане "Зеркало" был проработан недостаточно тщательно. Если вы позволяете человеку выделиться в капиталистическом обществе, если вы позволяете ему достичь всего, к чему он стремится в этом обществе, тогда скорее всего через некоторое время он почувствует себя обязанным этой системе. Четверо переметнулись на другую сторону. Наш дорогой Том тоже переметнулся бы, если бы смог побороть страх потерять свои миллионы.

– Другая сторона, – задумчиво произнесла Джоанна. – Вы хотите сказать, что работаете на... Соединенные Штаты?

– Я работаю на ЦРУ, – сказал Петерсон. – Не надо бояться признаться в этом. ЦРУ. Я рассказал им о нашем дорогом Томе и о других. Они надеялись, что Том, как и я, по собственному желанию станет двойным агентом. Но он не захотел. И чем пытаться перетянуть его на свою сторону, они решили использовать его без его ведома. Четырнадцать лет они подсовывали нашему дорогому Тому слегка искаженную информацию, а он передавал ее в Москву. Слишком плохо, что это не могло продолжаться долго.

– Почему не могло? – спросил Алекс.

– Наш дорогой Том залез слишком далеко в политику. Очень далеко. У него были все шансы стать следующим президентом. А если бы он попал в Овальный кабинет, мы больше не смогли бы дурачить КГБ. Видите ли, если бы в Кремле каким-то образом обнаружили ошибку в информации, посылаемой сенатором Шелгрином, они бы отнесли ее за счет его недостаточной осведомленности, но не потеряли бы доверия к нему. Они бы продолжали верить ему. Однако, если бы они обнаружили какие-либо неточности в сведениях, посылаемых им президентом Шелгрином, то поняли бы, что что-то здесь не чисто. Они неизбежно пришли бы к выводу, что он намеренно включает некоторые фальшивые сведения. Они бы дотошно пересмотрели все, что он до этого им посылал, и постепенно пришли бы к выводу, что все это фальшивка, негрубая, но фальшивка. Они сбросили бы со счетов все, что получили от него – научные сведения, дипломатическую и военную информацию – и смогли бы устранить большую часть того ущерба, что мы нанесли им. Нас это не устраивало. Поэтому нашего дорогого Тома надо было убрать до того, как он стал бы кандидатом в президенты и попал под защиту разведывательной службы.

– Почему я должен был убрать его? – спросил Алекс.

Петерсон допил бренди и достал из кармана упаковку мятно-ромовых "Lifesavers". Он предложил леденцы Алексу и Джоанне. Те отказались, а он отправил один себе в рот.

– ЦРУ решило, что из смерти сенатора надо извлечь максимум пользы, что его статус русского разведчика должен быть раскрыт миру, но так, чтобы КГБ продолжал думать, что

сам план "Зеркало" не был разоблачен. Мы не хотим разрушать мою позицию или восьми других агентов. Если бы ЦРУ само сорвало маску с Тома Шелгрин, КГБ определенно подумал бы, что его заставили рассказать о плане "Зеркало". Но если какой-то гражданский случайно раскрыл двуличие Шелгрин во время поиска его давно пропавшей дочери и если Шелгрин был убит до того, как ЦРУ допросило его, то КГБ, возможно, поверит, что план "Зеркало" все еще в безопасности.

– Но сенатор мне все рассказал, – произнесла Джоанна.

– Просто притворитесь, что он этого не сделал, – сказал толстяк. – Через несколько минут я уеду. Подождите полчаса, дайте мне время скрыться, а затем позвоните в швейцарскую полицию.

– Нас арестуют за убийство, – сказал Алекс.

– Нет. Не тогда, если вся история выплывет наружу. Вы убили этих людей, обороняясь. – Толстяк улыбнулся Джоанне. – Вы расскажете прессе, что ваш отец был советским шпионом. Он рассказал вам свою историю, когда лежал умирающий. Но ни слова о "Зеркале". Или других двойниках, вроде него.

– А что если я так не сделаю? – спросила Джоанна.

Толстяк нахмурился.

– Сейчас это было бы очень неумно с вашей стороны. Вы расстроили бы одну из самых продуманных операций контрразведки, касающихся холодной войны. Есть люди, кто не смирился бы с этим.

– ЦРУ?

– Правильно.

– Вы хотите сказать, что меня убьют, если я расскажу все?

– Давайте просто скажем, что они не смирятся.

Алекс произнес:

– Не угрожайте ей.

– Я не угрожаю, – сказал толстяк. – Я только констатирую факт.

– Что случилось со мной в Рио? – спросил Алекс.

– Мы украли у вас неделю вашего отпуска. ЦРУ финансировало нескольких биохимиков и ученых, продолживших исследования Ротенхаузена в области поведенческой инженерии. Мы воспользовались некоторыми методами Франца, чтобы внедрить вам программу.

– Поэтому я поехал в отпуск в Японию, – сказал Алекс.

– Да. Вы были запрограммированы ехать.

– И вот почему я остановился в Киото?

– Да.

– И в "Прогулке в лунном свете"?

– Да. Мы внедрили это и многое другое, и вы отлично выполнили свою программу.

Джоанна подалась вперед. Новый страх заполнил ее.

– Насколько... подробно была эта программа?

– То есть? – спросил толстяк.

– Алекс?.. – Она закусила губу и, глубоко вздохнув, спросила:

– Алекс был запрограммирован влюбиться в меня?

Петерсон улыбнулся.

– Нет. Уверяю вас. Нет. Но, клянусь Богом, хотел бы я подумать об этом раньше! Это было бы гарантией, что он будет следовать точно программе.

Алекс подошел к бару и налил себе еще бренди.

– Москва заинтересуется, почему вы не убиты с остальными.

– Вы скажете полиции и прессе, что был толстяк, но он улизнул. Единственное описание происходящего, какое вы дадите, будет следующее. Вы скажете, что я стрелял в вас. Вы ответили мне тем же. У меня кончились патроны. Вы погнались за мной, но я убежал под покровом темноты.

– А как я объясню смерть Урсулы Зайцевой? – спросил Алекс. – Ведь у нее не было оружия? Понравится ли швейцарцам убийство безоружной женщины?

– Мы вложим в ее руку семимиллиметровый автоматический пистолет, – сказал толстяк. – Поверьте мне, Алекс, вас не отправят в тюрьму. У ЦРУ здесь есть друзья. Если понадобится, они будут задействованы. Но я думаю, это лишнее. Все эти убийства были самозащитой.

Следующие пятнадцать минут они сочиняли и заучивали историю, которая объясняла бы все, не упоминая толстяка и его роли в гибели Шелгрена.

Наконец Петерсон встал и потянулся.

– Пожалуй, мне пора. Не забудьте подождать полчаса, прежде чем позвоните в полицию.

Глава 85

Они стояли у открытой двери и смотрели, как толстяк поплелся в ночь и снег, вниз, к огням Сант-Морицы. Через минуту он исчез из виду.

Алекс закрыл дверь и посмотрел на Джоанну.

– Ну?

– Думаю, нам надо сделать так, как он сказал. Если мы расскажем о плане "Зеркало" и испортим игру ЦРУ, они убьют нас. Я не сомневаюсь в этом. И ты знаешь, что убьют.

– Они убьют нас в любом случае, – сказал Алекс. – Они убьют нас, даже если мы сделаем так, как они хотят.

Джоанна заморгала.

– Почему?

– Это случится примерно так, – сказал Алекс. – Мы позвоним в швейцарскую полицию и расскажем им нашу историю. Сначала они не поверят нам. Они задержат нас. Но через день, или два, или три они обнаружат, что твои отпечатки совпадают с Лизиними. И другие факты найдут свое объяснение. Тогда они поймут, что наш рассказ – правда. Они отпустят нас. Мы расскажем эту историю прессе именно так, как Петерсон хотел, чтобы мы рассказали ее. Все газеты мира поместят ее на первой полосе. Русские будут ужасно растеряны. Со временем все утихнет, и мы заживем нормальными жизнями. Тогда кто-нибудь в ЦРУ забеспокоится о нас, о паре гражданских, расхаживающих с этим большим секретом. Они пошлют кого-нибудь за нами. Я больше, чем уверен.

– Но что мы можем сделать?

Он думал об этом уже тогда, когда толстяк помогал им сотворить для полиции измененную версию правды.

– Это банально, но сработает. Вот что мы сделаем. Это единственное, что мы можем сделать. Мы не станем звонить в полицию. Мы просто уйдем отсюда. Со временем тела найдут. Сегодня вечером или завтра мы приедем в Цюрих и отсидимся там в отеле. Мы напишем полный отчет обо всем, включая план "Зеркало" и все, о чем рассказал нам Петерсон, мы сделаем сотню копий с этого отчета. Мы разместим их в сотне адвокатских контор и банков в десяти или двадцати странах. К каждой копии мы приложим инструкции, что в случае, если нас убьют или мы просто исчезнем, надо разослать копии в крупные газеты. Затем мы пошлем одну копию Петерсону в Мериленд, а еще одну – в ЦРУ, сопровождая их письмами, объясняющими, что мы сделали.

– Это сработает?

– Это лучше.

За двадцать минут они обошли весь дом, вытирая все, чего они могли бы касаться.

Они нашли фургон, в котором их привезли сюда из отеля. Их багаж все еще был в нем.

Ровно через полчаса после ухода Петерсона они уехали из дома Ротенхаузена и кровавой бойни в нем. Дворники работали, как метрономы, и снег затвердевал на них, превращаясь в лед.

– Мы сегодня не сможем выехать из этих гор, – сказала Джоанна. – Дороги будут непроходимы. Куда мы поедem?

– На железнодорожную станцию, – сказал Алекс. – Может быть, там будет последний поезд куда-нибудь.

Такой поезд был.

Они сидели в почти пустом вагоне, держась за руки. Поезд догромыхал до полуночи и затем перевалил за нее.